

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Б. А. Серебренников

ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОРФОЛОГИЯ
МОРДОВСКИХ
ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1967

9Fd 347

ФБ

Книга представляет собой первый опыт цельного и систематического изложения истории форм мордовских языков в сравнении с родственными финно-угорскими и самодийскими языками. В ней подробно изложена история происхождения падежных форм, форм склонения местоимений; история образования числительных, глагольных форм, причастий и послелогов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю работа представляет попытку целостного и систематического изложения истории форм литературных мордовских языков.

Было бы неправильно утверждать, что история этих форм вообще неизвестна или чрезвычайно слабо разработана. Сведения по истории отдельных форм мордовских языков даются во всех обобщающих работах по истории финно-угорских языков. Прежде всего мы имеем в виду такие работы, как «Сравнительная морфология угорских языков» («Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana») Й. Буденца, выдержавшие несколько изданий работы Й. Синнеи «Финно-угорское языкознание» («Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft») и «Сравнительная грамматика венгерского языка» («Magyar nyelvhasonlítás». Budapest, 1927), а также недавно вышедшую «Сравнительную грамматику уральских языков» («Comparative Grammar of the Uralic Languages») Б. Коллиндера.

Сведения по истории форм мордовских языков содержатся также в некоторых статьях, помещенных в широко известных финно-угроведческих журналах, например: «Nyelvtudományi Közlemények», «Finnisch-ugrische Forschungen», «Virittäjä» и др.

Необходимо, однако, заметить, что история форм мордовских языков привлекала внимание зарубежных исследователей в гораздо меньшей степени, чем, скажем, история форм пермских, прибалтийско-финских, венгерского и марийского языков. Поэтому специальная литература в этой области не отличается особым богатством и многообразием. Гораздо больше внимания уделялось проблемам исторической фонетики мордовских языков. По этой причине за рубежом до сих пор нет ни одной работы, посвященной изложению истории форм мордовских языков в целом.

Отсутствию должного интереса к исторической морфологии мордовских языков в немалой мере способствовала также очень слабая разработанность мордовской диалектологии, а также сложность истории самих мордовских форм. По сравнению со всеми остальными финно-угорскими языками история форм мордовских языков является,

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького
М Г У

43-21-68

nr 03

пожалуй, наиболее сложной. Самый большой вклад в изучение проблем исторической морфологии мордовских языков был сделан Д. В. Бубрихом. Им были затронуты почти все основные проблемы исторической морфологии мордовских языков, а также многие проблемы исторической фонетики этих языков. После смерти Д. В. Бубриха его учениками и последователями была издана принадлежащая ему «Историческая грамматика эрзянского языка» (Саранск, 1953).

Отдавая должную дань памяти выдающегося финно-угроведа, мы все же хотели бы отметить, что эту работу нельзя считать полностью завершенной по причине ее композиционной нестройности. Возможно, что это сознавал и сам Д. В. Бубрих. Многие проблемы исторической морфологии эрзянского языка трактуются по несколько раз в различных местах книги. Книга больше напоминает собрание отдельных этюдов по исторической морфологии эрзянского языка, написанных автором в разное время. Последовательность изложения материала в книге отсутствует. Такая композиционная нестройность, несомненно, создает большие затруднения при пользовании книгой.

Большим недостатком книги, как справедливо отмечают ее издатели, является отсутствие сравнения мордовских форм с формами родственных финно-угорских языков. В условиях господства так называемого нового учения о языке Д. В. Бубрих был лишен возможности производить эти сравнения. Некоторые области исторической морфологии мордовских языков в книге оказались недостаточно разработанными или совершенно неразработанными. Недостаточно освещена история происхождения мордовских местоимений, совершенно отсутствуют разделы, посвященные истории происхождения числительных, послелогов и наречий. Кроме того, с некоторыми гипотезами Д. В. Бубриха нельзя согласиться по причине их недостаточной обоснованности. Мы постарались извлечь из книги Д. В. Бубриха все наиболее полезное и необходимое для объяснения истории происхождения грамматических форм мордовских языков.

Кроме Д. В. Бубриха, отдельными проблемами исторической морфологии мордовских языков занимались также П. А. Аристэ, М. Н. Коляденков, К. Е. Майтинская, В. И. Палль, В. П. Халлап и М. Н. Пигин.

Таким образом, в настоящее время создалась необходимая база для целостного и систематического изложения сведений по истории форм мордовских языков, для приведения этих сведений в определенную систему. Было бы, конечно, наивно думать, что для того, чтобы написать книгу по исторической морфологии мордовских языков, вполне достаточно только систематизировать имеющиеся в специальной литературе сведения по истории мордовских форм. Многие частные вопросы и детали до сих пор остаются неразработанными и в специальной литературе не освещенными, что, естественно, вызывало необходимость их самостоятельного решения.

Автор этой книги, конечно, далек от мысли, что ему удалось решить все проблемы исторической морфологии мордовских языков. В этой области еще много работы. Возможно, что некоторые из пред-

лагаемых решений являются ошибочными. Исправление этих ошибок — задача дальнейших исследователей. Основной задачей автор считает целостное и систематическое изложение истории форм мордовских языков.

При создании работы подобного рода немаловажное значение имеет вопрос о транскрипции. Мы отказались от написания слов и форм в общепринятой орфографии, применение которой для написания мордовских слов и форм, в особенности слов и форм мокшанского языка, нельзя признать удачным. К сожалению, системы транскрипционных знаков, иногда употребляемые в специальных работах по мордовским языкам, не отличаются однообразием. Для иллюстрации этого факта можно привести системы транскрипционных знаков, применявшиеся Ф. Видеманом, А. А. Шахматовым и Х. Паасоненом.

Система Ф. Видемана:

a ä b d e g h i j k l m n o p r s š t u v
y z ž.

Аффрикаты Ф. Видеман обозначал диграфами, например *ts*=*č*, *tš*=*č*. Палатализация обозначалась знаком ', например *n'*, *š'* и т. д. Знаком *y* обозначался гласный, близкий к русскому *ы*. Эту систему Ф. Видеман применял для написания эрзянских слов.

Система А. А. Шахматова:

a ä b c č d e f g i j k l m n ŋ o p r s š
t u v x y z ž.

А. А. Шахматов отказался от обозначения аффрикат диграфами. Иначе обозначались в этой системе дифтонги, например *au*, *ou* и т. д. Палатализация согласных отмечалась Шахматовым всюду знаком ', тогда как Ф. Видеман перед гласными *e* и *i* предпочитал ее не обозначать. В отличие от Ф. Видемана А. А. Шахматов обозначал значком *ě* гласный типа русского *э*, например *mereksěl'* 'он хотел говорить'. Он также употреблял диакритический знак *^* для обозначения напряженных гласных. Эту систему А. А. Шахматов применял для транскрибирования слов эрзянских диалектов.

Система Х. Паасонена:

a ä ä b d d' e e e ě ê æ f g i i j k k' l l'
m m' n n' ŋ ŋ' p p' r r' s s' š t t' u v x z ž ž.

Подобно Ф. Видеману, Х. Паасонен обозначал аффрикаты диграфами (*ts*=*č*, *tš*=*č*). Эту систему Х. Паасонен применял для транскрибирования слов эрзянского и мокшанского языков. Отличительной ее особенностью является введение специальных знаков для обозначения мокшанских редуцированных гласных *ê* и *æ*, а также специального знака для обозначения редуцированного *a* (*ä*). Знаком *ě* обозначается открытое редуцированное *e*.

Второй компонент дифтонгов типа *ei*, *ai* и т. д. Паасонен обозначал через *j*. Палатализация обозначалась всюду. Паасонен применял также специальный знак для обозначения глухих мокшанских *r* и *l* (*r'*, *l'*).

Система Б. Коллиндера:

a ä b c é ě d d' e ë (f) g i j k l l' m n ð
p (p) o r r' s s' š t t' u v (x) z ž ž ž.

Коллиндер устранил диграфы для написания аффрикат *c é ě*, *ž*. Гласные типа русских *э* и *ы* обозначаются через *ě* и *ī*. Поскольку все согласные, за исключением *ž*, *ž* и *č*, подвергаются перед гласными переднего ряда смягчению, Б. Коллиндер, как и Ф. Видеман, считает целесообразным употреблять знак палатализации в этих случаях. Второй компонент дифтонгов типа *ai*, *ei*, *oi* и т. д. Коллиндер, подобно Паасонену, обозначал через *j*. Гласный типа русского *э* обозначается через *ě*.

При выборе системы транскрипционных знаков мы стремились сочетать принцип технической простоты и зрительной наглядности с преобладанием фонематического принципа над фонетическим и освободить по возможности эту систему от всех осложняющих ее элементов. Для этой цели нами отобрана следующая система транскрипционных знаков:

a ä b c é ě d d' e ë ə ê i j, jx k l l' lx l'x
m n ð p (p) o r r' s s' š t t' u v x y z
ž ž.

Особенности этой системы состоят в следующем:

1) диграфы применяются только для обозначения мокшанских глухих *j*, *l* и *g*; 2) палатализация согласных перед гласными переднего ряда как правило не обозначается, например *pidems* 'варить';

3) для передачи гласных типа русского *э* и *ы* отобраны знаки *ě* и *y* как технически более простые по сравнению со знаками *e* и *i*;

4) второй компонент дифтонгов типа *ai*, *ei*, *oi*, *ui* и т. д. обозначается через *j*; 5) аффрикаты обозначаются знаками *c = ç*, *č = č*, *č = č*; 6) знак *x*, если он не сочетается с *j*, *g*, *l*, соответствует русскому *x*; 7) редуцированные гласные в мокшанском обозначаются знаками *ə*, *ə*. Слаборедуцированные конечные *a* и *ä* особыми знаками не обозначаются; 8) гласный *a* переднего ряда вне зависимости от его оттенков обозначается знаком *ä*.

При цитировании мордовские слова нами часто приводятся в традиционной орфографии, если таковая применяется автором, или сохраняется транскрипционная система, представленная в оригинале.

Как уже указывалось выше, в данной книге рассматривается только история форм, представленных в современных литературных мордовских языках. Различные диалектные варианты привлекаются только в том случае, если они помогают выяснить происхождение формы литературного языка.

Автор приносит глубокую благодарность кандидатам филологических наук Д. В. Цыганкину и А. П. Феоктистову, а также сотруднице сектора мордовских языков Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР Р. В. Бабушкиной, просмотревшим книгу в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний в области транскрипирования слов мордовских языков.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имена существительные в мордовских языках изменяются по падежам, а в определенных условиях также и по числам. Существует три типа склонений:

- 1) так называемое основное, или неопределенное, склонение,
- 2) указательное склонение, т. е. склонение имен существительных, снабженных постпозитивным определенным артиклем,
- 3) притяжательное склонение, или склонение имен существительных с притяжательными суффиксами.

ОСНОВНОЕ, ИЛИ НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ, СКЛОНЕНИЕ

Склонение в мордовских языках отличается многопадежностью, напоминая в этом отношении склонение имен существительных в прибалтийско-финских, пермских и венгерском языках.

В описательных грамматиках эрзянского и мокшанского языков обычно выделяются следующие падежи:

Эрзянский язык

а) Вариант с гласными заднего ряда
(*kudo* 'дом')

	Суффиксы	Формы	
Им.	—	<i>kudo</i>	'дом'
Род.	-ñ (<i>eñ</i>)	<i>kudo-ñ</i>	'дома'
Дат.	-neñ	<i>kudo-neñ</i>	'дому'
Отл.	-do	<i>kudo-do</i>	'от дома'
Местн.	-so	<i>kudo-so</i>	'в доме'
Пех.	-sto	<i>kudo-sto</i>	'из дома'
Н.-вносит.	-s, -v	<i>kudo-s</i> <i>kudo-v</i>	'в дом' 'к дому, домой'

Перемест.	-va	kudo-va	'по дому'
Преврат.	-ks	kudo-ks	'в дом (пре- вратиться)'
Ср.	-ška	kudo-ška	'как дом'
Изъят.	-vtomo	kudo-vtomo	'без дома'

Примечание. Падежные суффиксы могут иметь фонетические варианты. Отл. пад.— суфф. -to и перемест. пад.— суфф. -ga.

б) Вариант с гласными переднего ряда
(vele 'деревня')

	Суффиксы	Формы	
Им.	—	vele	'деревня'
Род.	-ń(-eń)	vele-ń	'деревни'
Дат.	-neń	vele-neń	'деревне'
Отл.	-de	vele-de	'от деревни'
Местн.	-sě	vele-sě	'в деревне'
Исх.	-stě	vele-stě	'из деревни'
Н.-вносит.	-s, -v	vele-s	'в деревню'
Перемест.	-va	vele-va	'по деревне'
Преврат.	-ks	vele-ks	'в деревню превратиться'
Ср.	-ška	vele-ška	'как деревня'
Изъят.	-vteme	vele-vteme	'без деревни'

Примечание. Фонетические варианты падежных суффиксов: Отл. пад.— суфф. -dě, -te, -tě; перемест. пад.— суфф. -ga.

Мокшанский язык

а) Вариант с гласными заднего ряда
(oš 'город')

	Суффиксы	Формы	
Им.	—	oš	'город'
Род.	-ń(-əń)	oš-əń	'города'
Дат.	-ńdi	oš-ə-ńdi	'городу'
Отл.	-da, -ta	oš-ta	'от города'
Местн.	-sa	oš-sa	'в городе'
Исх.	-sta	oš-sta	'из города'
Н.-вносит.	-s, -u	oš-s, oš-u	'в город'
Перемест.	-ka, -va	oš-ka, oš-ə-va	'по городу'
Преврат.	-ks	oš-ə-ks	'превратить- ся в город'
Ср.	-ška	oš-ška	'как город'
Изъят.	-ftəma	oš-ftəma	'без города'
Прич.	-ŋksa	oš-ə-ŋksa	'из-за города' ¹

Примечание: Фонетические варианты падежных суффиксов: местн. пад.— суфф. -ca, исх. пад.— суфф. -cta, перемест. пад.— суфф. -ga, н.-вносит. пад. суфф. -v.

¹ ГМЯ, стр. 85.

б) Вариант с гласными переднего ряда
(vir 'лес')

	Суффиксы	Формы	
Им.	—	vir	'лес'
Род.	-ń(-əń)	vir-əń	'леса'
Дат.	-ńdi	vir-ə-ńdi	'лесу'
Отл.	-da	vir-da	'от леса'
Местн.	-sa	vir-sa	'в лесу'
Исх.	-sta	vir-sta	'из леса'
Н.-вносит.	-s, -i	vir-s, vir-i	'в лес'
Перемест.	-gä	vir-gä	'по лесу'
Преврат.	-ks	vir-ks	'лесом' (стать)
Ср.	-ška	vir-ška	'как лес'
Изъят.	-ftəma	vir-ftəma	'без леса'
Прич.			

Примечание: Фонетические варианты падежных суффиксов: отл. пад.— суфф. -ta, местн. пад.— суфф. -ca, исх. пад. -cta, н.-вносит. пад.— суфф. -c (< s).

Название направительно-вносительный падеж нельзя считать удачным, поскольку оно объединяет фактически два падежа различного происхождения — иллатив на-s и латив на-ŋ. Правда, в современных мордовских языках их значения начинают смешиваться.

Кроме того, в мордовских языках существуют некоторые падежеобразные формы с довольно ограниченными сферами употребления. Сюда прежде всего относится форма, характеризующаяся суфф. -j, -kaj, например: эрз. *ava* — *ava-j*, мокш. *täda* — *tädä-j* 'мать—матушка', эрз. *pokšta* — *pokšta-j* 'дедушка', мокш. *sazər* — *sazər-kaj*, 'сестра', *jalga* — *jalga-kaj* 'товарищ' и т. д. В некоторых грамматиках эти формы называются формами звательного падежа². Сфера употребления их довольно ограничена. Они употребляются только у имен, обозначающих ближайшее родство или у так называемых персонифицированных имен существительных, которым приписываются качества людей, например: эрз. *numolo* — *numol-kaj* 'заяц', *ovto* — *ovto-kaj* 'медведь'. Такое употребление часто встречается в сказках³.

Существует в мордовских языках также комитативная форма на -nek, например: эрз. *vele-nek* 'всем селом', *kudo-nek* 'со всем домом', *kandolaž-nek* 'вместе с гробом' и т. д. А. А. Шахматов называл эту форму совместительным падежом⁴, с чем вряд ли можно согласиться, поскольку употребление этой формы явно тяготеет к лексикализированным выражениям.

² ГМЯ, стр. 162.

³ Там же.

⁴ Шахматов, стр. 779.

Именительный падеж

Им. падеж в уральских языках не имеет специального суффикса. Благодаря интенсивно происходившим процессам разрушения конца слова во многих уральских языках древние формы им. падежа подверглись значительным изменениям.

Особенно характерными эти изменения являются для таких языков, как обско-угорские, венгерский, пермские и марийский. Конечные гласные древних основ в этих языках обычно отпадали. Нередко подвергались изменениям и предшествующие им согласные, ср., например: коми-зыр. *ki* 'рука', но финск. *käsi* 'рука' (<*käte*-), коми-зыр. *kos* 'поясница', 'талия', финск. *keski* 'средний'; мар. *uj* 'новый', финск. *uusi* (<*uute*-), которое восходит к архетипу *ōde. Процесс отпадения конечных гласных основ в мордовских языках происходил крайне неравномерно. В зависимости от разных случаев их изменения мордовские имена существительные можно разделить на три основных типа.

1-й тип

Конечный гласный древней основы сохраняется, хотя и в изменившемся виде. Примеры:

Эрзя-м. *pire*, мокша-м. *perä* 'огород', 'усадыба', финск. *piiri* 'круг', саамск. *birrā* 'около'.

Эрзя-м. *pizē*, мокша-м. *piza* 'гнездо', финск. *pesä*, саамск. *baesse* ~ *baese*—

Эрзя-м. *keñže*, мокша-м. *keñžä* 'ноготь', финск. *kynsi* ~ *kynte*-, саамск. *gāzžā*, луг-мар. *kūž*, удм. *gyžy*, коми-зыр. *gyž*.

Эрзя-м. *sel'me*, мокша-м. *sel'mä* 'глаз', финск. *silmä*, саамск. *čäl'b-me* ~ *čälme*-, мар. *šenža*, коми-зыр. *šin*.

Эрзя-м. *turva* 'губа', мокша-м. *tārva*, финск. *turpa* 'морда', мар. *tärwə*, *türwə* 'губа', 'морда', удм. *tyrpy* 'губа', коми-зыр. *tyrp*.

Эрзя-м. *tele* 'зима', мокша-м. *t'ala*, мар. *tel*, удм. *tol*, коми-зыр. *töl*, *tōv*, манс. *tääl*, сев.-хант. *täl*, южно-хант. *tata*, венг. *tél* ~ *tele*—

Эрзя-м. *šulo*, мокша-м. *šula* 'кишка', финск. *suoli*, саамск. *čoaalle* ~ *čoaale*-, коми-зыр. *šul*, хант. *sol*. *sut*.

2-й тип

Конечный гласный древней основы исчезает, но оставляет после себя след в виде заканчивающего слово палатализованного согласного. Примеры:

Эрзя-м. и мокша-м. *ved'* 'вода', финск. *vesi* ~ *vete*-, мар. *wüt*, *wät*, манс. *wit*, венг. *víz* ~ *vize*-, коми-зыр. *va*.

Эрзя-м. *ked'*, мокша-м. *käd'* 'рука' финск. *käsi* ~ *käte*-, саамск. *giettä* ~ *giedä*, мар. *kit*, коми-зыр. и удм. *ki*, манс. *käät*, венг. *kéz* ~ *keze*—

Эрзя-м. *kel'*, мокша-м. *käl'* 'язык', финск. *kieli* ~ *kiele*-, коми-зыр. *kuv* (*kyl*), удм. *kyl*.

3-й тип

Конечный гласный древней основы исчезает полностью. Примеры: Эрзя-м. *kuz* 'ель', мокша-м. *kuz*, мар. *kož*, коми-зыр. *koz*, финск. *kuusi*, саамск. *guossä* ~ *guosä*-, ненецк. *hādy*.

Эрзя-м. *nal* 'стрела', мокша-м. *nal* 'лук', 'стрела', финск. *nuoli*, саамск. *njuollä* ~ *njuolä*-, мар. *nölö*, удм. *ñil*, коми-зыр. *ñyl*, манс. *ñäl*, хант. *ñal*, венг. *nyil* ~ *nyila*—

Эрзя-м. *od* 'новый', мокша-м. *od*, финск. *uusi* ~ *uute*-, эст. *uus*, марийск. *uj*, саамск. *odda*, коми-зыр. и удм. *vyl'*, венг. *új*.

Родительный падеж

Относительно происхождения суффикса род. падежа *-ñ*, *-eñ* в мордовских языках среди финно-угроведов нет единства мнений.

Некоторые исследователи (Й. Синней⁵, Э. Н. Сетяля⁶, Ф. И. Видеман⁷, Э. Беке⁸, Б. Коллиндер⁹, П. Равила¹⁰) вообще связывают суффикс род. падежа *-ñ* в финно-угорских языках с суффиксом относительного прилагательного на том основании, что в мордовском и марийском языках относительные прилагательные и род. падеж имеют одинаковые суффиксы, ср. эрзя-морд. *keve-ñ* 'камня' и *keve-ñ* 'каменный', горно-мар. *pu-n* 'дерева' и *pu-n* 'деревянный'.

Другая группа исследователей (Д. В. Бубрих¹¹, Л. Кеттунен¹² и Б. Мункачи¹³), основываясь на близком родстве суффиксов род. и местн. падежей в финно-угорских языках, считает возможным генетически отождествить эти два падежа.

В отличие от других исследователей Д. В. Бубрих не просто генетически отождествлял суффикс род. падежа с местным, но пытался установить его более широкие связи. Касаясь происхождения падежных суффиксов, содержащих элемент *n*, *ñ*, Д. В. Бубрих выделяет целую группу так называемых *n*-овых образований. Это образования на *-n...*, *-n'*... на вопрос *где?*, образования на *-n'ə*, *-nə* на вопрос *в какое время?*, образование род. падежа на *-n'*, сопроводительные образования на *-n'*, образования на *n'* на вопрос *куда?*

⁵ Szinnyei — I, стр. 70.

⁶ Setälä, стр. 382.

⁷ Wiedemann, стр. 21.

⁸ Beke, стр. 108.

⁹ Collinder — III, стр. 41.

¹⁰ Ravila — I, стр. 75.

¹¹ Бубрих — I, стр. 12—13.

¹² Kettunen, стр. 25.

¹³ Munkácsi, стр. 292.

По мнению Бубриха, все эти суффиксы представляют явления словообразовательного порядка. Позднее в результате адаптации первоначально словообразовательные суффиксы приобрели значения особых падежей. Образования род. падежа на *н'* очень близки к образованиям падежного порядка с *н*-овыми показателями ¹⁴.

Первоначально была не идея принадлежности, а идея местонахождения ¹⁵. «Что идея связи по месту легко перерастает в идею принадлежности, — заключает Д. В. Бубрих, — об этом свидетельствует бесчисленное количество явлений самых различных языков. Вспомним хотя бы русские *у колодца* и *у отца* и т. п.... Родительный падеж в мордовских языках употребляется и на вопрос *у кого?* Например: *Нумолонтъ ульнесь паро кудынезэ* "У зайца был хороший домик" (Из сказки)» ¹⁶.

Относительные прилагательные с суфф. *-н'* также, по мнению Д. В. Бубриха, связаны генетически с суффиксом род. падежа *-н'*. «Наряду с генитивом, — замечает Д. В. Бубрих, — существовали и генитивоподобные имена. Последние употребляются при обозначении материала (*кевень кудо* "каменный дом" и т. п.), места (*ошонь кудо* "городской дом" и т. п.) и времени (*тундонь моро* "весенняя песня"). Нет сомнения, что когда-то существовало только генитивоподобное имя, но не генитив» ¹⁷.

«Но вот созрела идея принадлежности. Генитивоподобные имена получили новое использование. Они поступили на службу обозначения раньше не мыслившегося отношения между предметами, и на этой службе они выделили из себя новое явление — генитив» ¹⁸.

Генитивоподобные имена, согласно предположению Д. В. Бубриха, послужили источником для появления других образований. Так, например, из генитивоподобных имен с суфф. *-н* + гласный выделились наречия типа эрз. *те чине*, мокш. *тя шине* "в этот день" ¹⁹.

Из генитивоподобных имен возникли также наречия на *-н*, обозначающие совместность.

«Идея совместности вообще легко выплывает из идеи связи по месту. Так, например, в удмуртском языке при инессиве на *-ын* (напр., *гуртын* "в селе", *киын* "в руке") существует одного с ним происхождения комитатив на *-эн* или *-ын* (например, *гуртэн* "с селом", *киын* "с рукою"). Суть дела в том, что быть с кем-либо или чем-либо — это в сущности значит быть при ком-либо или чем-либо. Наречия на *-н*, обозначающие совместность, в мордовской речи представлены такими образованиями, как *кавтонь-кавтонь* "по двое", т. е. "вдвоем-вдвоем", собств., "двое друг с другом", а также такими образованиями, осложненными притяжательно-подобной суффиксацией, как эрз. *кавонек* (из *кавоннек*) "мы вдвоем", т. е. мы двое друг с дру-

гом, *кавонек* "вы вдвоем", т. е. "вы двое друг с другом", мокш. *кафоннек* "мы вдвоем", *кафоненть* "вы вдвоем".

К наречиям на *-н*, обозначающим совместность, примыкают наречия на *-нек* (комитативные образования). В сущности говоря, это то же самое; *к* получено, может быть, под воздействием таких случаев, как упомянутые выше образования типа эрз. *кавонек* (из *кавоннек*), *кавонек* (из *кавоненть*), мокш. *кафоннек*, *кафоненть* (из *кафоненть*). В качестве примеров наречий на *-нек* можно взять хотя бы веленек "всей деревней (сделать что-либо)", *ревенек-скалнек*, *учанек-тракснек* "с овцами — с коровами (вместе прийти, уйти и т. п.)" ²⁰.

С суффиксами древнего локатива Д. В. Бубрих связывал также и суффикс древнего латива на *-н*, сохранившегося в реликтовом виде в таких образованиях, как *тозоñ* "туда" и *тезёñ* "сюда" ²¹. Таким образом, основная сущность гипотезы Д. В. Бубриха о происхождении суффикса род. падежа в мордовских языках сводится к следующему: первоначально были имена с словообразовательным суфф. *-н*. Основным значением этого суффикса было выражение идеи местонахождения. Позднее это первичное значение стало расщепляться. С одной стороны, получилось значение принадлежности (образование род. падежа), с другой стороны, значение прилагательного, обозначающего материал, место и время (образование относительных прилагательных с суфф. *-н*). В отдельных случаях словообразовательный суфф. *-н* получил сопроводительное, разделительное и даже чисто лативное значение, выражающее движение по направлению к чему-нибудь.

В уральских языках есть некоторые конкретные данные, которые позволяют подойти к проблеме происхождения род. падежа в мордовских языках с иной точки зрения. Можно предполагать, что в протоуральском языке, по крайней мере на ранней стадии его развития, особого суффикса род. падежа не было. В типичных агглютинативных языках, каким, несомненно, был протоуральский, имя существительное могло быть определением другого имени существительного даже при наличии их связи, осуществляемой путем обычного примыкания. Классическим примером в этом отношении может служить мансийский и хантыйский языки, ср. манс. *jā wala* "берег реки", хант. *johan xonəu* (букв. "река берег"). Об этом же свидетельствует и фактическое отсутствие собственно род. падежа в современном венгерском языке. В венгерских изафетных конструкциях нет суффикса род. падежа, ср., например, венг. *Magyarország története* "история Венгрии".

Отсутствие род. падежа до сих пор обнаруживается в некоторых архаических конструкциях в марийском языке, ср. *Eger seraške woləšna* "Мы спустились на берег реки", *Pušęęe wujət onžęza* "Посмотрите на вершину дерева" (букв. "вершину"), *Jal mičko kajəš* "Ушел на

¹⁴ Бубрих — II, стр. 52—53.

¹⁵ Там же, стр. 204.

¹⁶ Там же, стр. 54.

¹⁷ Там же, стр. 204.

¹⁸ Там же, стр. 205.

¹⁹ Там же.

²⁰ Бубрих — II, стр. 206.

²¹ Там же, стр. 56.

конец деревни', где в сочетаниях *eger ser* 'берег реки', *pušege wuj* 'вершина дерева' и *jal miš* 'конец деревни' форма род. падежа отсутствует.

Интересно также отметить, что у некоторых форм личных местоимений в уральских языках, употребляемых в функции притяжательных местоимений, суффикс род. падежа может отсутствовать, ср., например, эрз.-м. *miñ* 'мы', но *minek* 'наш', где окончание *-nek* является притяжательным суффиксом. Нечто подобное также наблюдается в пермских языках, где личные местоимения 1-го и 2-го лица не имеют формы род. падежа, ср. коми-зыр. *menat*, удм. *tynat* 'мой', коми-зыр. *tenad*, удм. *tynad* 'твой'.

Таким образом, в протоуральском языке понятие принадлежности могло выражаться путем простого соединения двух имен существительных, выполняющих функции обладателя и обладаемого, или при помощи притяжательных суффиксов, которые, по всей видимости, возникли довольно рано, во всяком случае задолго до появления формы род. падежа.

В истории мордовских языков был также период, когда форма род. падежа вообще отсутствовала. Имя существительное-определение могло стоять во внепадежной форме. Реликтом этого древнего состояния являются такие образования, как *pando pša* 'вершина горы' (букв. 'гора вершина'), где нет суффикса род. падежа.

Первоначально род. падеж в мордовских языках, по всей видимости, имел значение индуктива или совместного падежа. Реликты его прежнего значения сохраняются до сих пор в таких случаях его употребления, как эрз. *Tet'añ sokavt moda* 'Отцом вспаханная земля', или: *Сон пурнынзе пэнчтнень, вакантнень, Дракинэнъ кандозъ ведьсэнть валнызе толбандя юронть бы озась сулей ёно кубо бокантень* (К. Абрамов) 'Он собрал посуду, вылил принесенную Дракиным воду на костер и сел к теневой стороне дома'.

Нетрудно заметить, что мордовские формы род. падежа в вышеприведенных примерах имеют значение русского тв. падежа, которое могло развиться в мордовских языках на базе первоначального значения совместн. падежа.

Любопытные параллели имеются также в финском и мансийском языках, ср. финск. *isän tekemä pöytä* 'сделанный отцом стол', *äidin otpelema paita* 'сшитая матерью рубашка'²². Это лишний раз свидетельствует о том, что род. падеж в финском языке также произошел от индуктива. В мансийском: *Ойка сали керыс* 'Старик запряг оленя', но *Ойкан сали кервес* 'Олень запряжен стариком'²³; хант.: *Л'ув пасты л'айм л'эл' сумыт юх сзэрыс* 'Острым топором он срубил низкую березу'²⁴.

Различие состоит лишь в том, что в обско-угорских языках индуктив не превратился в род. падеж.

Известный интерес для решения проблемы происхождения род.

²² ГФЯ, стр. 188.

²³ Баландин, стр. 64.

²⁴ Русская, стр. 179.

падежа в мордовских языках могут представлять такие наречные формы, как эрз. *kavtoñ-kavtoñ* 'по два', *vejkeñ-vejkeñ* 'по одному' и т. д.

В некоторых родственных уральских языках наречия с этим значением представляют застывшие формы индуктива или комитатива. Особенно показательными в этом отношении являются данные языка коми, ср., например, такие выражения, как *kuk-ön munöny* 'вдвоем идут' (первоначально: 'с двойкой идут' или 'двойкой идут'); *vit-ön munisny* 'они ушли впятером', *modöðčim kujim-ön* 'мы отправились втроем'.

Показательны в этом отношении также данные марийского языка, ср. луг.-мар. *kokt-ən* 'вдвоем', *kuət-ən* 'втроем, трое' *nälät-ən* 'вчетвером' и т. д.

Любопытно при этом отметить, что суфф. *-ən* этих собирательных числительных совпадает в марийском языке с суффиксом древнего индуктива, сохранившегося в некоторых наречиях, например: *jol-ən* 'пешком' от *jol* 'нога', *jük-ən* 'громко' от *jük* 'голос', *šad-ən* 'гневно' от *šad* 'гневный', *keč-ən* 'днем' от *keče* 'день'. Формально этот суффикс совпадает с суффиксом род. падежа, ср. *jal-ən* 'деревни' от *jal* 'деревня', *kid-ən* 'руки' от *kit* 'рука', *ječ-ən* 'человека' от *ječ* 'человек', *pört-ən* 'дома' от *pört* 'дом' и т. д.

К первоначальному индуктиву могут восходить также суффиксы собирательных числительных в некоторых других финно-угорских языках, ср. венг. *kett-en* 'вдвоем', *harm-an* 'втроем', *negy-en* 'вчетвером', финск. *kahd-en* 'вдвоем', *kolm-en* 'втроем', манс. *kit-an* 'вдвоем', *harm-an* 'втроем', *nil-an* 'вчетвером' и т. д., суффиксы венгерских наречий *-n*, *-an*, *-en*, например: *drágá-n* 'дорого', *biztos-an* 'уверенно', 'наверно', *könny-en* 'легко', а также первые составные элементы числительных типа *tizen-egy* 'одиннадцать', *tizen-kettő* 'двенадцать', *huszon-három* 'двадцать три' и т. д. (первоначально: 'с десятью один', 'с десятью два', 'с двадцатью три' и т. д.).

Можно также предполагать, что довольно многочисленные в мордовских языках относительные прилагательные с суфф. *-ñ* также когда-то были формами индуктива, например: эрз. *čuvtoñ stol*, мокш. *šuftäñ šra* 'деревянный стол' от *čuvto*, *šufta* 'дерево'; эрз. *kšniñ kojme*, мокш. *kšniñ kajmä* 'железная лопата' от *kšni* 'железо'; эрз. *tundoñ či*, мокш. *tundañ ši* 'весенний день' от *tundo*, *tunda* 'весна'; эрз. *sijañ surks*, мокш. *sijän surks* 'серебряное кольцо' от *sija*, *sijä* 'серебро'; эрз. *ošoñ lomañ*, мокш. *ošän lomañ* 'городской человек' от *oš* 'город'; эрз. *teleñ čokšne*, мокш. *t'alän iläd* 'зимний вечер' от *tele*, *t'alä* 'зима'; эрз. *veleñ tejteř*, мокш. *velän š'iř* 'деревенская девушка' от эрз. *vele* 'деревня', мокш. *velä* и т. д.

Первоначальное значение этих прилагательных — сосуществование какого-либо предмета с комплексом определенных качеств, так, например, какое-нибудь *kšniñ* могло означать 'с железом', т. е. 'с качествами, присущими железу', *čuvtoñ* могло означать 'с деревом', т. е. 'с качествами, присущими дереву' и т. д.

Мордовским относительным прилагательным на *-n* генетически родственны марийские относительные прилагательные на *-an*, *-n*, ср., например: *čodra-n* 'лесистый' от *čodra* 'лес', *wūd-an* 'водянистый' от *wūt* 'вода', *im-an* 'иглистый' от *ime* 'игла', *kur-an* 'болотистый' от *kur* 'болото', *majək-an* 'усатый' от *majək* 'усы', *pondaš-an* 'бородатый' от *pondaš* 'борода', *poč-an* 'имеющий хвост', 'с хвостом' от *poč* 'хвост', *pört-an* 'имеющий дом' от *pört* 'дом', *paš-an* 'пахучий' от *paš* 'запах' и т. д.

Различие состоит лишь в том, что марийские относительные прилагательные перед суффиксом индуктива имеют специальный форматив *-a*. Кроме того, относительные прилагательные в мордовских языках имеют в окончании палатализованное *n*, тогда как в суффиксе марийских относительных прилагательных выступает *n* твердое.

Есть также основания предполагать, что некогда *n* в суффиксе род. падежа в мордовских языках было твердым. Есть некоторые эрзянские говоры, где род. падеж имеет суфф. *-n*. «В говоре села Чукалы, — замечает М. М. Давыдов, — в отличие от эрзянского литературного языка и других говоров Б.-игнатовского района в именах существительных с основой на согласный с предшествующим гласным заднего ряда в родительном падеже основного склонения выступает как правило *-n*, а не *-n'*, как это имеет место в литературном языке, например: *lojūn loman'* (лит. *ловон'* ломан', орф. *ловонь ломань*) 'снежный человек', *sarazun gor'mo* (лит. *саразон'* гором, орф. *саразонь кором*) 'куриный корм', *sadun d'ikiš* (лит. *садон'* d'ikiš, орф. *садонь тикше*) 'садовое сено'»²⁵.

В абсолютном большинстве эрзянских диалектов и во всех мокшанских диалектах это древнее состояние утратилось. Первоначально твердое *n* приобрело палатализацию.

Могут быть две возможные причины палатализации. В мордовских языках иногда наблюдается образование прилагательных с суфф. *-ñ* от глагольных основ, например: эрз. *čapavtoñ lovso* 'квашеное молоко', *kundañ narmiñ* 'пойманная птица', *pekstañ orta* 'закрытые ворота', мокш. *andəñ tuvā* 'свинья, выделенная для откорма', *māncəñ pejəlnā* 'складной нож'»²⁶. По существу эти прилагательные являются реликтами некогда существовавшего в мордовских языках причастия на *-ñ*. Не исключена возможность, что под влиянием прилагательных подобного рода палатализация была перенесена на прилагательные, имевшие первоначально непалатализованное *n*. Таким образом, древние относительные прилагательные типа *kšnin* 'железный', *čuvton* 'деревянный', *tundon* 'весенний' и т. д. приобрели формы *kšniñ*, *čuvtoñ*, *tundoñ* и т. д. Можно предполагать наличие в истории мордовских языков такого периода, когда формы индуктива с первоначальным твердым *n* употреблялись одновременно и в функции род. падежа, и в функции относительных прилагательных. Палатализация в суффиксе относительных прилагательных могла

²⁵ Давыдов, стр. 158.

²⁶ ГМЯ, стр. 193.

вызвать палатализацию и в суффиксе род. падежа по причине формальной близости этих суффиксов. Т. Лехтисало также предполагает, что в суффиксе род. падежа в мордовских языках *-ñ* раньше был представлен твердым *n*²⁷.

Инструктив превратился в род. падеж не только в мордовских языках. Есть основание предполагать, что род. падеж в марийском языке также возник из индуктива. Остатки индуктива сохраняются в марийском языке в некоторых наречиях типа *jol-an* 'пешком' от *jol* 'нога', *jük-an* 'громко' от *jük* 'голос', *šad-an* 'гневно' от *šad* 'гневный', 'сердитый', *keč-an* 'днем' от *keče* 'день' и т. п. Характерным суффиксом этих наречий является суфф. *-an*. Поразительно совпадение этого суффикса с суффиксом марийского род. падежа *-n*, ср. мар. *jal-an* 'деревни' от *jal* 'деревня', *kid-an* 'руки' от *kit* 'рука', *jeŋ-an* 'человека' от *jeŋ* 'человек', *pört-an* 'дома' от *pört* 'дом'.

Вышеприведенные наречия, как уже говорилось (см. стр. 15), являются реликтами индуктива, который в древнемарийском имел значение совместного падежа, или комитатива. *Jol-an* могло означать 'ногами' или 'с ногами', *jolan kajaš* 'идти ногами', *jük-an* 'громко' некогда означало 'с голосом', *keč-an* 'днем' означало 'с солнцем' и т. д.

Не исключена возможность, что и в финском языке род. падеж произошел от индуктива, ср. финск. *jalan* 'пешком' (форма индуктива от слова *jalka* 'нога') и *jala-n* 'ноги' — форма род. падежа от того же слова.

Суффикс род. падежа в пермских языках составлен из суфф. *-l* и суфф. *-ñ/-en*, формально совпадающего с суффиксом тв. падежа. Тв. падеж в пермских языках может также иметь значение комитатива, или социатива, например: коми-зыр. *munō zorjōn* 'идет с дубиной', удм. *saxaren čaj* 'чай с сахаром', *keñyren šyd* 'суп с крупой' и т. д.

Интересно отметить, что в пермских языках есть также наречия, подобные марийским наречиям с суфф. *-n*, ср. коми-зыр. *pod-ñn* 'пешком' от древнего *pod* 'нога' и марийск. *jol-an* 'пешком' от *jol* 'нога'.

Подобная проблема может быть в этом же плане поставлена и по отношению к тюркским языкам, где суффикс род. падежа также формально совпадает с суффиксом древнего индуктива.

Инструктив в уральских языках возник на базе так называемого *n*-ового локатива. Первоначальное значение местонахождения могло послужить причиной возникновения производного значения совместного пребывания, ср. русские выражения *сидит около меня* и *сидит со мной*. В дальнейшем в отдельных языках значение совместного пребывания могло превратиться в значение обладания чем-либо или в значение принадлежности.

²⁷ Lehtisalo, стр. 126.

Д. В. Бубрих нигде не высказывался о том, что род. падеж в уральских языках развился из инструктива, но некоторые его предположения довольно близки к этой идее. В связи с этим можно привести некоторые высказывания из работ Д. В. Бубриха, где он указывает на возможность генетической связи так называемых сопроводительных образований с суфф. *-ñ*, с локативом на *-n* и с прилагательными на *-ñ* типа *ošon* 'городской' и *tundoñ* 'весенний'. «Связь между значениями разных падежеобразных форм на *n*' в конце концов коренится в значении «с чем соключенный». Отсюда и «во что включенный» и «что включающий». Если так, то сопроводительные образования возникли из того же источника, что и образования со значением «где» или «когда», но независимо от последних. Последние возникали в связи с рождением глагола на основе *n*-овых явлений словообразовательного порядка, поскольку те развивались и в другом направлении, от значения «с чем соключенный» к значению «что включающий»²⁸.

Дательный падеж

Дат. падеж в мордовских языках Д. В. Бубрих относил к вторичным образованиям падежного порядка. Он образовался, по предположению Бубриха, следующим образом: «В основном склонении некогда была форма родительного падежа на *n*' плюс послелог *т'эн'*. В связи с озвончением глухих согласных в начале слова при условии, если предшествующее без паузы слово оканчивается на звонкий согласный, вместо *-н' т'эн'* должно было оказаться *-н' д'эн'*. Сращение дало *н'дэн'*. В части диалектов *н'д'* тут сохраняется по сей день. В других диалектах, в том числе тех, которые в данном отношении отражаются в литературном языке, это *н'д'* упростилось в *н'*. Так и получилось *н'эн'*. Таким образом, дательный падеж возник на основе сращения форм родительного падежа с послелогом *тэн'*, значение которого «к». Данный послелог включает в себя *-н'* как показатель образований на вопрос «куда?»²⁹.

Первоначальное сочетание имени с послелогом типа *модань тень* 'земле' превратилось в конечном счете в *моданень*³⁰.

Мокшанская форма дат. падежа с суфф. *-ñdi*, по мнению Д. В. Бубриха, также возникла из послеложной конструкции: «У мокши когда-то было, например, *модань тей* „земле“. Озвончение начального согласного в послелого (как у эрзи) дало произношение *модань дей*. Слияние имени с послелогом дало *модандей*. Далее сказало, что мокша-язык за пределами первого слога обнаруживает вместо *ей* обычно *и*, и это создало *моданди*, которое налицо сейчас»³¹.

В некоторых диалектах эрзянского языка есть особый суффикс дат. падежа *-не*. М. М. Давыдов отмечает наличие этого суффикса в

больше-игнатовском диалекте эрзя-мордовского языка. Форму с этим суффиксом он называет усеченной формой³². Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие употребление этой формы:

О д а з н э з'ардойак а э'ави максомс симэкс кэл'мэ ловцо (орф. Од вазнэ зярдоак а э'ави максомс симекс кельме ловцо) 'Молодому теленку никогда не следует давать пить холодного молока'; *Анокстаз т у в о н'э кормос'т' авам апаж кват'а валыз'э* (орф. Анокстазь тувон'э кормость авам апак кватя валызе). 'Приготовленный свинье корм мама нечаянно пролила'; *Кон'с'т'итуц'ийас' макс'с' а в а т' н'э н'э ис'т'ат жо прават, кодат т'орат'н'эн'э* (орф. Конституциясь макссь аватнене истят жо прават, кодат цёратнене) 'Конституция дала женщинам такие же права, какие мужчинам'; *Авам с к а л н е кайас' кормо* (орф. Авам скальне каясь кормо) 'Мама корове дала корм'³³.

Вряд ли есть основания рассматривать эту диалектную форму как архаизм. Известное формальное сходство суффикса дат. падежа *-ней* и суффикса род. падежа *-ñ* могло послужить причиной нефонетического отпадения конечного *ñ* в суффиксе дат. падежа.

Что касается предположения Д. В. Бубриха о возможном участии в образовании суффиксов дат. падежа *-ней* и *-ñdi* послелогов *тей* и *теј*, то эта догадка очень близка к истине.

Более прозрачная структура форм дат. падежа некоторых разрядов местоимений, ср., например, эрз. *mons-teñ* 'мне самому', *sonś-teñ-ze* 'ему самому', мокш. *son-dej-nza* 'ему' и т. д., действительно свидетельствует об участии в образовании этих форм послелогов *тей* и *теј*.

В функции дат. падежа в уральских языках чаще всего использовались формы направительных падежей, или лативов. Насколько известно, лативов с суфф. *-тей*, *-теј* в протоуральском языке не было.

Отложительный падеж

Согласно широко распространенному и общепринятому в современном финно-угроведении мнению мордовский отл. падеж является прямым наследником общефинноугорского аблатива, характеризовавшегося суфф. *-ta/-tä* (по Синнеи *-t ~ d*)³⁴.

Суффикс уральского аблатива *-ta / (-tä)* имеет рефлексы почти во всех современных уральских языках, ср. финск. *luo-ta* 'от', *yl-tä* 'сверху'. Этот же суффикс содержится в сложном суффиксе финского элатива *-sta*, например, *talo-sta* 'из дома'.

Древний аблатив на *-ta* в финском языке приобрел значение паритива. В марийском языке уральскому суффиксу аблатива *-ta* соответствует *-č* (исторически из *ti*): *üm̄ba-č* 'с поверхности', *jə̄ta-č* 'снизу', *ǖd̄ar̄le-č* 'от девушки'. Реликты аблатива на *-ta* имеются в саамском языке. Суффикс этого падежа содержится в сложном суф-

²⁸ Бубрих — II, стр. 55.

²⁹ Там же, стр. 65.

³⁰ Там же, стр. 207.

³¹ Там же.

³² Давыдов, стр. 158.

³³ Примеры сообщены автору М. М. Давыдовым.

³⁴ Szinyei — I, стр. 65.

фиксе саамского элатива *-s-t*, например, норв.-саамск. *maesse-s-t* 'из лесу'. Он также обнаруживается в некоторых наречиях типа *vuol-de* 'от', *bajel-d* 'сверху'. Винительный множественного числа в саамском языке возник из партитива, который некогда был аблативом, ср. норв.-саамск. *dievai-d* 'холмы', кольско-саамск. *tur-t* 'деревья'. В обско-угорских языках и в венгерском аблативному уральскому суффиксу *-ta* соответствует *-l*, ср. манс. *nim-n* 'наверху', но *nim-al* 'сверху', венг. *felő-l* 'со стороны', *mellő-l* 'от чего-либо'³⁵. В ненецком языке уральскому суффиксу аблатива *-ta* соответствует *-d*, сохранившееся в чистом виде только в некоторых древних послелогах типа *ni-d* 'с поверхности', *na-d* 'от'. Этот же суффикс содержится в составе сложного суффикса ненецкого аблатива *-had*, где суффикс *-d* соединен с коаффиксом *-ha-/ka*, например *pəḍara-had* 'из леса', *mar-kad* 'из города'.

Д. В. Бубрих не высказывал каких-либо достаточно определенных суждений о происхождении суффикса отл. падежа *-do*, *-de*, *-to*, *-te*, *-da*, *-ta* в мордовских языках. Он утверждал, что эрзянский материал не открывает возможности осветить происхождение отл. падежа. Так как данный падеж совершенно однотипен с *n*-овыми образованиями, то можно думать, что он возник сходным путем, т. е. на почве явлений словообразовательного порядка.

С суффиксом мордовского отл. падежа Д. В. Бубрих объединял в генетическом плане наречные суффиксы *-t*, *-t'*, например: *mel'a-t* 'в прошлом году', *-či-t'* 'днем', *alov-ban-tt* 'под гору', *kavkš-t'* 'дважды' и т. д. Вообще Д. В. Бубрих считал, что так называемый *t*-овый аблатив в финно-угорских языках может называться аблативом лишь самым условным образом, поскольку он мог иметь значения местн. и направит. падежей³⁶.

В настоящее время установлено с достаточной определенностью, что локатив на *-t* и аблатив на *-ta* в протоуральском языке существовали раздельно и имели разные значения. Тожество суффикса мордовского отл. падежа *-do*, *-to* и т. д. и суффикса уральского аблатива *-ta* можно считать вполне доказанным.

Местный падеж

Существует мнение, что в мордовских языках суффиксы местн. падежа *-sa*, *-so*, *-sē* возникли из более древних форм *-sna*, *-sno*, *-snē*³⁷. Эти формы составлены из двух суффиксов — лативного суффикса *-s* и вариантов суффикса локатива *-na*, *-no*, *-ne* аналогично суффиксам инессива в финском языке *-ssa*, *-ssä* (исторически из *-sna*, *-snä*).

Д. В. Бубрих также утверждал, что показатель местн. падежа *-so*, *-sē* в эпоху, когда еще не происходило озвончение глухих согласных, имели вообще вид *-sn*³⁸. Утверждение о том, что суффиксы

местн. падежа *-so*, *-sē* восходят к более древним формам *-sno*, *-snē*, по-видимому, верно отражает истину.

В диалектах эти формы действительно встречаются. «В отличие от эрзянского литературного языка, — замечает М. М. Давыдов, — в больше-игнатовском диалекте в местном падеже наряду с суффиксами *-so*, *-sē* употребляется еще и суффикс *-snä* (*-nē*), последний в исследуемом диалекте выступает как правило после основ, оканчивающихся на шипящие»³⁹.

Исчезновение *n* обязано ассимиляции его предшествующему *s* (*sn > ss > s*). Возможность такого пути развития подтверждается данными прибалтийско-финских языков, ср. финск. *talossa* 'в доме' из *talo-s-na*.

Наглядным доказательством того, что формы местн. падежа *-so*, *-sa*, *-sē* некогда включали *n*, является сохранение согласного *s* в интервокальной позиции, ср. эрз. *kudoso* 'в доме', *velesē* 'в селе', *kotaso* 'в ботинках' и т. д.

Древний согласный *s* в интервокальном положении в мордовских языках превращался в *z*, ср. эрз. *kudozo* 'его дом' из *kudoso*; ср. также такие словарные параллели, как: эрз. *kuz*, мокш. *kuz* 'ель' из **kōs*, финск. *kuusi* 'ель', саамск. *guossā ~ guosā*, эрзя-морд. *vaz* теленок из *vasa*, финск. *vasa*; эрз.-морд. *pizē* 'гнездо', мокша-м. *piza*, финск. *pesä*; эрзя-м. *sazor* 'сестра', финск. *sisär* и т. д.

Можно предполагать, что в тот период, когда в мордовских языках древнее интервокальное *s* превращалось в *z*, формам типа *kudoso* 'в доме', *velesē* 'в селе' соответствовали формы *kudosso* (из *kudosno*), *velessē* (из *velesnē*). Когда произошло сокращение *ss*, закон превращения интервокального *s* в *z* уже не действовал.

Суффикс местн. падежа *-sna* составлен из двух суффиксов — суффикса латива *-s* и суффикса локатива *-na*. Можно предполагать, что в древности суффикс местн. падежа не имел коаффикса *-s*. Об этом свидетельствуют некоторые наречные образования, где суффикс древнего локатива *-na*, *-nē* сохранился до сих пор в реликтовом виде, ср. эрз. *kiz-na* 'летом', *tel'-nā* 'зимой' и т. п.

Входящий в состав суффикса *-sna* (совр. *-so*, *-sa*) суффикс уральского локатива *-na* (*-nā*) имеет многочисленные параллели в других уральских языках. В финском языке он содержится в составе некоторых наречных форм типа *luo-na* 'у', 'около', *koto-na* 'дома', *lās-nā* 'в присутствии', 'при'; суффиксы *-na*, *-nā* в скрытом виде присутствуют в составе сложных падежных суффиксов, например в суффиксе инессива типа *talossa* 'в доме' (из *talo-s-na*), в суффиксе суперэссива, например *pöydällä* 'на столе' (из *pöytä-l-nā*), в суффиксе инструктива на *-n*, например *illoi-n* 'по вечерам'; в саамском языке этот суффикс представлен в сложном суффиксе инессива, ср. южно-саамск. *giede-s-ne* 'в руке', в окончании эссива, например *rahčča-n* 'как мальчик', в окончании мн. числа инессива в норв.-саамск., например

³⁵ Это тождество некоторыми финно-угроведами оспаривается.

³⁶ Бубрих — II, стр. 56—58.

³⁷ Szinyei, — I, стр. 78.

³⁸ Бубрих — II, стр. 65.

³⁹ Давыдов, стр. 157.

dieva-in 'на холмах', в некоторых послелогох и наречиях, ср. норв.-саамск. *gaska-n* 'среди', кольско-саамск. *olkā-n* 'снаружи' и т. д.

В марийском языке суффикс древнего локатива *-na* сохраняется в некоторых наречиях например, *onžal-no* 'вперед', *ümbal-ne* 'наверху', *ül-nö* 'внизу', *liš-ne* 'поблизости'. В пермских языках суффикс локатива *-n* (< *na*) содержится в составе местн. падежа *-yn*, ср. коми-зыр. *vör-yn* 'в лесу', удм. *gurt-yn* 'в деревне', в суффиксе тв. падежа *-ön*, *-en*, ср. коми-зыр. *čer-ön* 'топором', удм. *tir-en*, а также в окончаниях некоторых наречий типа *se-n* 'там', *ta-n* 'здесь'.

В ненецком языке реликтом суффикса древнего локатива *-na* являются некоторые древние формы послелогов, например *pyl-na* 'под', *per-ña* 'перед', *ni-ña* 'на', *ñu-ña* 'внутри' и т. д.

Кроме того, этот же суффикс содержится в сложном окончании местн. падежа *-hana*, *-gana*, например: *rädağa-hana* 'в лесу', *wuŋ-ga-na* 'в тундре'.

В селькупском языке скудные остатки локатива на *-na* сохраняются только в некоторых наречиях: *enpe-n* 'наверху', *ille-n* 'внизу' и т. д. Лучшее всего древний локатив на *-na* сохранился в хантыйском языке, ср. казымск. *tot-n* 'в доме', обск. *xor-na* 'в лодке'. В ваховском диалекте хантыйского языка рефлексам уральского *n*-ового локатива являются местный падеж с суфф. *-nə*, *-nə*, и тв. -совместный падеж с суфф. *-na*, *-nä*. Скудные остатки *n*-ового локатива сохраняются в некоторых наречных формах в мансийском языке, например *el-n* 'впереди', *jü-n* 'дома'.

В венгерском языке древний локатив на *-na* приобрел суперэссивное значение. Он обозначает пребывание на поверхности чего-либо, например *fá-n* 'на дереве', *lov-o-n* 'на лошади', *viz-e-n* 'на воде'. Иногда этот падеж имеет временное значение: *tél-e-n* 'зимой'. Остатки древнего локативного значения сохранились в некоторых наречных формах, например, *kin-n* 'снаружи'. Этот же суффикс содержится в окончании современного венгерского локатива на *-ban*, *-ben*: *ház-ban* 'в доме', *kéz-ben* 'в руке'. Суфф. *-ban* и *-ben* исторически восходят к форме локатива от существительного *bél* 'внутренности'; общий ход развития *béln* > *bénn* > *ben*. Позднее появился вариант *-ban*.

Соединение суффикса древнего локатива с лативным суфф. *-s* привело к возникновению нового сложного суффикса локатива *-sna*, *-spo*, *sně*, преобразовавшегося позднее в мордовских языках в *-sa*, *-so*, *-sě*. Это соединение совершилось, по-видимому, еще в финно-вожскую эпоху, когда мордовский язык как самостоятельный еще не существовал.

Исходный падеж

Суффикс исх. падежа *-sta*, *-sto*, *-stě* составлен из двух падежных суффиксов — суффикса латива *-s* и суффикса аблатива *-ta*, *-tä*, ср. аналогичное образование в прибалтийско-финских языках, например финск. *talo-sta* 'из дома', эст. *linna-st* 'из города'. Это мнение является общепринятым.

При рассмотрении вопроса о происхождении суффикса местн. падежа *-sa*, *-so*, *-sě* и суффикса исх. падежа *-sta*, *-sto*, *-stě*, естественно, может возникнуть вопрос о качестве конечных гласных этих суффиксов в общемордовском языке.

А. А. Шахматов предполагает, что в общемордовском языке эти конечные гласные суффиксов были редуцированными гласными. Суффикс местн. падежа имел форму *-sa*, суффикс исх. падежа также имел на конце редуцированное *a*, т. е. имел форму *-sta*, суффикс отл. падежа *-dä*, *-dä* восходит, по мнению Шахматова, к *-da*, *-dē*, где *a* и *e* — редуцированные гласные⁴⁰.

Следует заметить, что это предположение близко к истине. Соответствие гласных в эрзянском суффиксе отл. падежа *-de* и в суффиксе того же падежа *-da* в мокшанском, а также в эрзянском суффиксе местн. падежа *-so* и мокшанском суффиксе того же падежа *-sa* очень напоминает соотношение конечных гласных эрзянских и мокшанских глагольных основ, ср. эрз. *lemde-ms* 'называть', мокш. *lemdä-ms*, эрз. *kandoms* 'носить', мокш. *kandä-ms*. Конечное *a* в мокшанском является слабо редуцированным.

Редуцированные гласные в общемордовском языке восходят к домордовским гласным полного образования.

Вносительный падеж на *-s*⁴¹

Суффикс мордовского вносит. падежа *-s* представляет суффикс так называемого *s*-ового латива. Параллели имеются в прибалтийско-финских, саамском и марийском языках.

Остатки латива на *-s* в финском языке представлены в некоторых наречиях типа *ulo-s* 'вон', *ala-s* 'внизу', *ylö-s* 'вверх', *minne-s* 'до', а также в сложных падежных окончаниях инессива *-ssa* (исторически из *-s-na*) и элатива *-sta*.

Локативный суфф. *-s* наличествовал также в составе древнефинского латива на *-sen*, *-zen*, ср. финск. *suo-hon* 'в болото' (из *suo-s-on* < *suosen*); *vete-en* 'в воду' (из *vete-h-en* < *vetesen*).

В саамском языке лативный суфф. *-s* содержится в некоторых наречиях, ср. норв.-саамск. *vuola-s* 'вниз', *vuosta-s* 'против', *olgu-s* 'из', *baja-s* 'вверх' и в сложном по своему происхождению окончании локатива *-st*, например *čaže-s-t* 'в воде', *go-s-t* 'где' и т. д.

Что касается марийского языка, то по степени сохранности *s*-ового латива он очень напоминает прибалтийско-финские и саамский языки. В чистом виде лативный суфф. *-s* (мар.-š) сохранился только в наречиях, послелогох и некоторых сложных суффиксах местных падежей; ср. мар. *ije-š* 'снова', *waštare-š* 'навстречу', *vele-š* 'к', например *kas vele-š* 'к вечеру'.

⁴⁰ Шахматов, стр. 778.

⁴¹ Как отмечалось выше, в грамматиках мордовского языка этот падеж называется направительно-вносительным.

Суффикс древнего *с*-ового латива содержится также в сложном суффиксе современного марийского латива *-ške*, например *šoġra-ske* 'в лес', *ola-ske* 'в город', *jala-ske* 'в деревню'.

Д. В. Бубрих пытался по-иному объяснить происхождение суффикса направительно-вносительного падежа в мордовских языках. Для объяснения происхождения *с*-овых падежей в мордовских языках, т. е. суффиксов местного, исходного и направительно-вносительного падежей, содержащих коаффикс *-s*, Д. В. Бубрих рекомендует обратиться к послелогам с основой *эс*. «Из этих послелогов интересны в первую очередь *эйсэ* — эквивалент показателя местного падежа, *эйстэ* — эквивалент показателя исходного падежа и *эйс* — эквивалент показателя вступительного падежа. Нельзя сомневаться, что эти послелогические с основой *эс*, а до озвончения глухих согласных *эс*-, исторически должны быть связаны с *с*-овыми падежами.

Сочетание *йс* в этих послелогох продолжает *эс*. *З* тут не является древним: оно обязано воздействию послелогов той же группы, как *эзга*. Что это именно так, свидетельствует мокшанский вид интересующих нас послелогов *-эса*, *-эста*, *-эс*. Если бы *з* (откуда *й*) не было введено в интересующие нас послелогические, они имели бы у эрзи вид *эсэ*, *эстэ*, *эс*.

...Для той эпохи, когда еще не было озвончения согласных, мы должны установить следующий вид интересующих нас послелогов: *эсн...* *эст...* *эс...* *н'* или *эс...* *н'*. Это по строению *эс-н...*, *эс-т...*, или *эс-н'*. *Эс* тут не что иное, как основа, и *с* в его составе никакого отношения к падежности не имеет.

Что касается *-н...*, *-т...* *-н'* или *н'*, то это показатели первичных образований падежного порядка»⁴².

«Таким образом, сначала было, например, *вал'ма эснэм* „в окне“, *вал'ма эст...* *вал'ма эс...* *н'* или *вал'ма эс...* *н'* и рядом *вал'ман'т' эсн* „в окне том“, *вал'ман'т' эст...*, *вал'ман'т' сэн...* *н'* или *вал'ман'т' эс...* *н'* и т. п., а позднее оказалось *вал'масн...*, *вал'маст...*, *вальмас...* *н'* или *вальмас...* *н'* и рядом по-прежнему *вал'ман'т' эсн...*, *вал'ман'т' эст...*, *вал'ман'т' эс...* *н'* или *вальман'т' эс...* *н'* и т. п., откуда в настоящее время *вал'масо*, *вал'масто*, *вальмас* и рядом *вал'ман'т' эйсэ* „в окне“, *вал'ман'т' эйстэ* «из окна», *вал'ман'т эйс* „к окну“»⁴³.

Сама возможность происхождения суффикса вносит. падежа *-s* от послелога в каком-то далеком прошлом вообще не исключена, но вряд ли можно согласиться с Д. В. Бубрихом, что суффикс *н*-вносит. падежа *-s* в эпоху формирования падежной системы мордовских языков возник из послелога *-es* (совр. *-ejs*). Суффф. *-s* был самостоятельным падежным суффиксом еще в финно-волжскую эпоху. Трудно также согласиться с Д. В. Бубрихом в том, что суффф. *-s* имел более древние формы *-s* ~ *ŋ* или *-s* ~ *ŋ*. Он мог быть вполне самостоятельным суффиксом.

⁴² Бубрих — II, стр. 67.

⁴³ Там же, стр. 68.

Направительный падеж на *-v*, *-j*

В настоящее время установлено, что суффикс направит. падежа *-v* в мордовских языках возник из *ŋ*. Такого же мнения придерживался и Д. В. Бубрих, который направительные образования на *-v* типа *kudo-v* 'домой' и *vele-v* 'в деревню' возводил к более древним формам *kudoŋ* и *veleŋ*⁴⁴.

В приалатырском диалекте эрзянского языка до сих пор встречаются такие формы *н*-вносит. падежа, как *bazaro-ŋ* 'на базар', *kudo-ŋ* 'домой'⁴⁵.

В большинстве диалектов *ŋ* перешло в *v* или *j*; *v* встречается обычно после гласных заднего ряда, а *j* после гласных переднего ряда. В формах *н*-вносит. падежа *v* почти полностью обобщено за счет *j*. Формы с *j* единичны — это случаи вроде *tej* 'сюда'. Обычно на месте *j* выступает *v*, например *vele-v* 'в село', вместо ожидаемого *vele-j*⁴⁶. В мокша-мордовском направит. падеж может иметь суффф. *-u* и *i*, например *oš-u* 'в город', *vel-i* 'в деревню'. Суффф. *-u* возник из более древнего *-ov*. Процесс происходил таким образом: *ošoŋ* > *ošov* > > *ošoŋ* > *ošu*. Конечное *ŋ* после гласных переднего ряда превращалось в *j*. Дифтонг *ej* затем стягивался в *i*, например *veleŋ* > *velej* > *veli*.

Не совсем ясно происхождение суффикса направит. падежа *-ŋ*, впоследствии превратившегося в *-v* и *-j*, и его отношение к лативному суффиксу *-ŋ*. Возможно, что в протоуральском существовал особый латив на *-ŋ*.

Переместительный падеж

Согласно принятому в настоящее время мнению суффикс мордовского перемест. падежа *-ka*, *-ga*, *-va* представляет переосмысление значения древнеуральского латива на *-ka*.

Уральский латив на *-ka* имеет рефлекс в многих уральских языках. В финском языке он сохранился в некоторых наречиях, имеющих так называемую аспирацию, например *ala* 'к', *luo* 'к', *sinne* 'туда', *tänne* 'сюда'. В некоторых диалектах финского языка встречаются наречия с конечным *k*, например *alak* 'вниз'. В саамском языке лативный суффф. *-ka* в видоизмененной форме встречается в некоторых наречиях типа *baeive-g* 'днем', *dalve-g* 'зимой', *ik-ko* 'ночью', *gaessa-g* 'летом'. В марийском языке этот суффикс сохранился в некоторых наречных формах, например *vel'-ke* 'в сторону', *onžə-ko* 'вперед', *ül'-kō* 'вниз'. Остатком латива на *-ka* в мансийском языке является, по-видимому, транслатив, например *jangəŋ* *jemtəs* 'стал большим'. Транслатив встречается также в восточных диалектах хантыйского языка, где он имеет суффф. *-ŋe* (сургутский диалект) и *-əŋ*, *-əŋ* или *-kə*, *-kə* (ваховский диалект).

⁴⁴ Там же, стр. 58.

⁴⁵ Марков, стр. 30.

⁴⁶ Бубрих — II, стр. 19.

В ненецком языке суффикс латива *-ka* отражается, по-видимому, в гортанном смычном, присутствующем в конце форм древних наречий с лативным значением, например *riña* 'назад' *haña* 'куда' и т. д.

Реликтом уральского суффикса латива *-ka* в селькупском языке может быть окончание транслатива *-qo*, например *qoruyt-qo* 'в медведя (превратиться)', а также окончание инфинитива *-qo*, например *totty-qo* 'стоять', *qaly-qo* 'остаться'.

Д. В. Бубрих не высказывал определенного суждения о происхождении этого падежа. По его мнению, эрзянский материал не дает возможности осветить его происхождение. Тут дело обстоит так же, как с отложительным падежом. Так как данный падеж совершенно однотипен с *n*-овыми образованиями, то можно думать, что он возник сходным путем, т. е. на почве явлений словообразовательного порядка ⁴⁷.

Если основа слова оканчивается на гласный, например *kudo* 'дом', *paksä* 'поле' и т. д., то суффикс перемест. падежа *-ka* (*-ga*) принимает форму *-va*, например *kudova* 'по дому', *paksäva* 'по полю'. Происхождение этой формы легко объяснить: в интервокальном положении *k* превратилось в *γ*, которое позднее превратилось в *v*. Процесс шел таким образом: *kudoka* > *kudoγa* > *kudova*. Остается выяснить, каким образом первоначальное лативное значение суфф. *-ka* превратилось в пролативное значение.

Материалы различных языков показывают возможность превращения первоначального лативного значения в пролативное. Так, например, общетюркский латив на *-ča*, *-če* в некоторых послелогах татарского языка имеет пролативное значение, например *jar biγyn-ča* 'по берегу'; *biγynča* некогда означало 'к длине' (*biγ* 'длина', 'рост'). В то же время в татарском языке имеются некоторые реликтовые образования типа *urmanγa-ča* 'по направлению к лесу', где суфф. *-ča* еще сохраняет прежнее лативное значение.

Показателен в этом отношении также отложительно-продольный падеж в ваховском диалекте хантыйского языка, характеризующийся суффиксами *-öγ*, *-oγ* или *-äγ*, *-aγ*, например: *kiriv vaγoγ mēnväl* 'пароход по Ваху идет' ⁴⁸.

Превратительный падеж

Й. Синнеи считал суффикс преврат. падежа, или транслатива, сложным суффиксом. По его мнению, он возник в результате слияния двух лативных суфф. *-k* и *-s* + гласный переднего ряда ⁴⁹.

Иного мнения придерживался Д. В. Бубрих. Для объяснения происхождения преврат. падежа Д. В. Бубрих рекомендовал обратить внимание на имена с суфф. *-ks*. Их значение — «то, чем нечто

служит, для чего нечто служит, для чего нечто предназначено». Примеры: *чевкс* 'полено, предназначенное для лучины' от *чэв* 'лучина', *суркс* 'кольцо' от *сур* 'палец', *кетькс* 'браслет' от *кедь* 'рука'. Значение и оформление преврат. падежа невозможно отделить от значения и оформления имен с суфф. *-ks*. Преврат. падеж исторически связан с именами на *-ks*. Учитывая относительно позднее происхождение преврат. падежа, его отхождение от имен на *-ks*, надо представлять себе приблизительно так же, как отхождение сравнительного и лишительного падежей от этих „пар“. Случаи вроде *Медесь ульнесь пурекс* имели значение 'Мед был то, что для медового кваса', а потом получили значение вроде 'Мед был для медового кваса (для чего?)'. Произошла синтаксическая передвижка, и возник преврат. падеж ⁵⁰.

О позднем происхождении преврат. падежа с суффиксом *-ks* свидетельствует также другое немаловажное обстоятельство. Отличительная особенность древнеуральского лативного суфф. *-ka*, *-k* состоит в том, что ни в одном уральском языке он не выступает в роли коаффикса, или показателя определенной падежной серии. Формула сочетаемости падежных суффиксов «лативный суфф. *-ka/-k* + какой-либо другой падежный суффикс» для уральских языков не типична. Й. Синнеи был неправ, когда утверждал, что суффикс транслатива составлен из двух лативных суфф. *-k* и *-s*.

Следует также учесть крайне ограниченную сферу распространения транслатива. Он встречается только в прибалтийско-финских и мордовских языках.

Сравнительный падеж

По мнению Д. В. Бубриха, сравнительный падеж на *-шка* со значением 'с кого, со что величиной' исторически неотделим от падежеобразных форм на *-шка* со значением 'с кого, со что, большой'. «Ввиду относительно позднего происхождения сравнительного падежа нельзя думать, что он отошел от сходной падежеобразной формы в связи с рождением глагола, как это приходится думать по отношению к падежам более ранней формации. Дело сложилось иначе. Случаи вроде *Кудось строясь пандошка* сначала имели значение вроде 'Дом был построен с гору большой (какой?)', а потом получило значение вроде 'Дом был построен с гору величиной (как?)'. Произошла синтаксическая передвижка, и возник сравнительный падеж» ⁵¹.

Мордовский суфф. *-ška* соответствует финскому суффиксу прилагательных *-hka*, *-hkä*, *-hko*, *-hkö*, например финск. диал. *sileä-hkä* 'довольно гладкий', *lyhye-hkö* 'коротковатый' ⁵².

«Суффикс *-шка* является сложным по происхождению.

⁴⁷ Бубрих — II, стр. 60.

⁴⁸ Терешкин, стр. 54.

⁴⁹ Szinyei, — I, стр. 77.

⁵⁰ Бубрих — II, стр. 62—63.

⁵¹ Там же, стр. 60.

⁵² Аристэ, стр. 302.

Существует ограничительный суффикс *-жа* или с осложнением *-ижа* (*-ыжа*): *беряжа* „дурноватый“, „плоховатый“, *сэпеви-жа* „горьковатый“ и т. п. . .

С другой стороны, существует уменьшительный суффикс *-ка*: *виш-ка* „маленький“ при устаревшем *веж* „малый“, *мазынька* „красивенький“ при *мазы*, *мазы* „красивый“.

Рассматриваемое *-ика* есть не что иное, как *-и-ка*, сочетание двух указанных суффиксов. Некоторые образования, формально сходствующие со сравнительными, еще не оторвались по значению от ограничительности-уменьшительности. Таковы, например, *аламошка* „немноговато“ или „немножечко“, *колмошка* собств. „троевато“, „вроде трёх“, „с три“. Но уже в этих образованиях намечается сравнительное значение. Из приведенных примеров обратим внимание на *колмошка*, которое значит в конце концов „с три“. Делается понятным, что, скажем, *пандошка* прошло такую смысловую историю: „гороватый“, „вроде горы“, „с гору“⁵³.

Лишительный падеж

Очень правдоподобное объяснение истории происхождения лишительного падежа дал Д. В. Бубрих.

„Лишительный падеж на *-этомо* и т. д. со значением „без кого, без чего“ исторически неотделим от падежеобразных форм на *-этомо* и т. д. со значением „кого, чего лишённый“.

Связь тут чрезвычайно близкая. Относится она к недавнему времени. Падеж перед нами отнюдь не древнего типа.

Отхождение лишительного падежа от сходной падежеобразной формы надо представлять себе так же, как отхождение сравнительного падежа от его „пары“. Случаи вроде *Сон ульнесь кудовтомо* сначала имели значение вроде „Он был бездомный (какой?)“, а потом получили значение вроде „Он был без дома (как?)“. Произошла синтаксическая передвижка, и возник лишительный падеж.

Суффикс *-этомо*, *-вт'эмэ* и т. д. является сложным по происхождению. Он разбивается на *-это*, *-вт'э* и т. п. и *-мо*, *-мэ*. Из этих составляющих частей ясна вторая *-мо*, *мэ*, встречается в словах, стоящих на линии имен прилагательных.

Другие примеры этого суффикса *истя-мо* „такой“ от *истя* „так“, *кода-мо* „какой“ от *кода* „как“⁵⁴.

Причинительный падеж

Как указывалось выше, причинительный падеж является специфическим явлением мокшанского языка и не встречается в эрзянском. Причинительный падеж характеризуется суфф. *-iḡksa*, например *kniga-ḡksa* „за книгой“ или „за книгами“. Причинительный падеж в мокшанском языке имеет два основных значения: значение цели дей-

ствия и причины действия, например, эрз. *inezi-ḡksa mol't'ama* „пойдем за малиной“, мокш. *bradḡ-ḡksa* „из-за братьев“ и т. д.

Суффикс причинительного падежа *-iḡksa* Д. В. Бубрих возводит к послелогу *iḡksa* „ради“⁵⁵.

О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

Многие авторы грамматик мордовских языков не включают вин. падеж в число падежей, желая этим подчеркнуть, что особой формы вин. падежа в мордовских языках нет. Это не совсем точно. В указательном склонении, речь о котором будет идти ниже, форма вин. падежа выделяется, но по внешнему виду она совпадает с формой род. падежа. Эта форма обычно употребляется в тех случаях, когда объект действия является определенным, ср. эрз. *Te lišmeūt' tet'am ramize* „Эту лошадь отец мой купил“, *Numolón't lel'am kundyze* „Зайца этого мой старший брат поймал“⁵⁶, мокш. *Tä trakšt' mon ramajä* „Эту корову я купил“ и т. д.⁵⁷

В тех случаях, когда объект действия выступает как неопределенный, вин. падеж совпадает по форме с именительным, например: эрз. *Od kudo teiñ* „Я построил новый дом“⁵⁸, мокш. *Traks ramañ* „Я купил корову“⁵⁹ и т. д.

Интересное объяснение этого явления дает Д. В. Бубрих:

„Имя существительное-определение в эрзянском языке может стоять во внепадежной форме. Примеры: *тумо лоп* „дубовый лист“, букв. „дуб лист“, *пандо пря* „вершина горы“, букв. „гора вершина“.

Данное явление имеет строгие границы. Оно возможно лишь при условии, если определяющий предмет мыслится как неопределенный. Если он мыслится как определенный, обязательна замена внепадежной формы через родительный падеж. Примеры: *тумонть лопазо* „дуба того лист его“, *пандонть прязо* „горы той вершина-ее“.

Примем в расчет, что глагол в эрзянском языке имеет именное происхождение.

Спускаясь в те времена, когда на месте глагольных форм были еще именны, мы имеем основание думать, что тогда говорили *кал кунды* „рыбы ловец“, букв. „рыба ловец“, если мыслили неопределенную рыбу, и *калонть кундызэ* „рыбы той ловец ее“, если мыслили определенную рыбу. Конечно, звучало это тогда как-то иначе, чем мы изобразили. Нам важно не звучание, а морфологическая постановка определения. Нетрудно видеть, что все, что касается винительного падежа, объясняется из данной картины самым простым образом.

Вначале не было категории прямого дополнения, а была категория определения при имени, обозначавшем действующего (поскольку

⁵⁵ Бубрих — II, стр. 68.

⁵⁶ Евсевьев, стр. 59.

⁵⁷ Там же, стр. 321.

⁵⁸ Там же, стр. 59.

⁵⁹ Там же, стр. 321.

⁵³ Бубрих — II, стр. 61.

⁵⁴ Там же.

в ход пошло именно такое имя). Определение оформлялось согласно обычным нормам: оно могло стоять во внепадежной форме, если обозначало неопределенный предмет, и должно было стоять в родительном падеже, если обозначало предмет определенный.

Но прошло время, сформировался глагол, и слово, которое некогда было определением при имени, обозначававшем действителя, не могло остаться определением — ведь оно относилось уже к глаголу. Оно стало прямым дополнением.

Новая синтаксическая постанова не могла не вызвать некоторых сдвигов.

Не будучи уже определением, слово перестало подчиняться закономерности, которая требует положения определения перед определяемым. Прямое дополнение перешло на свободное положение по отношению к глаголу.

В то же время: не будучи уже определением, слово преодолело те ограничения, какие тяготели над падежно неоформленным определением. Прямое дополнение вошло в сферу различения чисел. Это создало употребление именительного падежа прямого дополнения, в случае если речь идет о неопределенном предмете, и родительного падежа прямого дополнения, если речь идет о предмете определенном.

Различные осложнения поставили дело так, что именительный и родительный падежи прямого дополнения вышли на отдельную, хотя никаким особым показателем и не охарактеризованную, линию винительного падежа»⁶⁰.

Необходимо заметить, что эта гипотеза Д. В. Бубриха очень близка к истине. Когда в уральских языках был распространен так называемый именной строй, т. е. когда глагольное действие могло быть выражено отглагольным именем, а притяжательный суффикс указывал на соотношение этого действия с определенным лицом, например, не *'он рубит дерево'*, а *'его дереворубление'* имя существительное, выполняющее функцию объекта действия, было точно так же тесно связано с отглагольным именем, выражающим действие, как определение было спаяно с определяемым. Подобного рода словосочетания наминали в известной мере сложные слова. Само собой разумеется, что никакого специального аффикса вин. падежа здесь не было. Позднее языковой строй начал меняться. Возникла необходимость в расчленении этих двух тесно спаянных членов словосочетания. Одним из наиболее действенных средств расчленения словосочетания «имя-объект + отглагольное имя» явилось присоединение к имени-объекту постпозитивного артикля местоименного происхождения. Можно предполагать, что именно таким образом в уральских языках возник суффикс вин. падежа *-m*. Словосочетание приобрело новую структуру «объект + постпозитивный определенный артикль + отглагольное имя». Там, где объект был неопределенным, постпозитивный артикль не присоединялся. В этом кроется разгадка того яв-

ления, почему вин. падеж чаще всего выступает в двух формах — неопределенной и определенной и неопределенная форма обычно не имеет специального суффикса.

Постпозитивный артикль дал возможность расщепить тесно спаянное словосочетание «имя-объект + отглагольное имя». Между именем-объектом и отглагольным именем начали помещаться другие слова, что в конечном счете привело к распаду этого тесного словосочетания и способствовало превращению отглагольного имени в форму *verbum finitum*.

Особенность мордовского языка, отличающая его от многих других уральских языков, состоит в том, что расщепление словосочетания «имя-объект + отглагольное имя» происходило не путем образования постпозитивного артикля *-m*, а иначе, т. е. путем присоединения к первому члену словосочетания суффикса род. падежа. Никаких следов былого существования суффикса вин. падежа *-m* в мордовских языках не обнаруживается, а суфф. *-ñ* нельзя вывести из *-m*.

Не исключена также возможность влияния форм объектного спряжения. Пытаясь выявить источник происхождения форм объектного спряжения в мордовских языках, Д. В. Бубрих разъясняет, что если в основе форм безобъектного спряжения лежат построения вроде *нумулу кундай*, т. е. 'заяц ловец', то в основе глагольных форм объектного спряжения лежат построения вроде *нумулун'т кундайзы*, т. е. 'того зайца ловец его'⁶¹.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПАДЕЖЕОБРАЗНЫХ ФОРМ

Выше упоминалось, что некоторые авторы грамматик мордовского языка выделяют особую форму звательного падежа, употребляемую при обращении, например *ava* 'мать', *avañ* 'матушка', *sazor* 'сестра', *sazorkañ* 'сестрица', 'сестренка' и т. д. (см. стр. 9).

Можно думать, что эта форма возникла в мордовских языках под влиянием татарского языка, где суфф. *-j* и *-qaj* также встречаются: ср., например, *baba* 'дед', но *babaj* 'дедушка', *bala* 'ребенок', *balaqaj* 'дитяtko' и т. д.

Трудно объяснимым является суффикс комитативной формы *-nek*. Конечное *k* сопоставимо с марийским суфф. *-ye*, который также имеет комитативное значение, например *vož* 'корень', *vož-ye* 'с корнем'. Этот же элемент, по всей видимости, также содержится в суффиксе коми-зырянского совместного падежа *-kōd*, например *nyv-kōd* 'с девушкой'⁶². Предшествующий элемент *ne*, возможно, генетически связан с суффиксом древнемордовского локатива *-na*, *-ne*.

Любопытно отметить, что суфф. *-nek* с комитативным значением встречается и в марийском языке. По утверждению И. С. Галкина, этот суффикс имеет одинаковое значение с марийским комитативным суфф. *-ge*, например: *тичмашнек* 'целиком' от *тичмаш* 'целый',

⁶⁰ Бубрих — II, стр. 51, 52.

⁶¹ Бубрих — II, стр. 126.

⁶² Wichmann — I, стр. 152.

нылынек 'всех четырех' от нылыт 'четыре', ылынек 'живьем' от ылыше 'живой', шокиныек 'сгоряча' от шокишо 'горячий', когынек 'обоих' от кок 'два' и т. д.

По мнению И. С. Галкина, первый элемент суфф. -нек не является суффиксом инструктива⁶³.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ МОРДОВСКИХ ЯЗЫКОВ

Системы падежей в современных мордовских языках имеют свою историю. Этим системам в прошлом, несомненно, предшествовали какие-то другие падежные системы, восстановление которых является одной из наиболее важных задач сравнительно-исторического изучения этих языков.

Где прежде всего следует искать реликты некогда существовавших, но ныне уже исчезнувших падежных форм? Применительно к языкам агглютинативного типа целесообразно использовать три основных приема: 1) поиски реликтов падежных форм в сфере наречий и послелогов, 2) поиски старых падежных форм в диалектах и 3) использование метода разложения падежных суффиксальных комплексов в целях выявления их отдельных слагаемых компонентов, которые некогда были самостоятельными падежными суффиксами.

а) Область наречий

Многие наречия, употребляющиеся в современных мордовских языках, содержат суффиксы современных падежей, ср., например, эрз. *teslē*, мокш. *tästa* 'отсюда', эрз. *odov*, мокш. *odu* 'снова' и т. д.

Однако встречаются и такие наречия, которые содержат суффиксы ныне уже исчезнувших в мордовских языках падежей. К таким падежам некоторые исследователи относят следующие:

1) темпоралис на -не в эрзянском и на -ня в мокшанском: эрз. *те шкане*, мокш. *тя пингоня* 'в это время', эрз. *те вене*, мокш. *тя веня* 'в эту ночь';

2) темпоралис на -на (-ня) в эрзянском, -да в мокшанском: эрз. *тельня*, мокш. *тялонда* 'зимой', эрз. *сёкся*, мокш. *сёксенда* 'осенью', эрз. *кизна*, мокш. *кизонда* 'летом', эрз. *васня*, мокш. *васенда* 'сперва, сначала';

3) темпоралис на -ак, -як: эрзя-мокш. *исяк* 'вчера', эрз. *умок* 'давно', чияк 'недавно', мокш. *сияк* 'тут же';

4) темпоралис на -т, -ть: мокш. *иять* 'вечером', *кувать* 'долго', 'подолгу', мокш. *шить* 'днем', эрз. *улкотъ* 'несколько дней тому назад', 'недавно', эрз. *мелят* 'в прошлый год', *мануть* 'в позапрошлый год';

5) комитатив на -сек, -цек: эрз. *ялгацек* 'попарно', мокш. *мельцек* 'рядом', эрз. *мельсек* 'друг за другом', мокш. *серьцек*;

⁶³ Галкин, стр. 35—36.

6) адессив на -ло, -ле в эрз., мокш. -ла, -ле: эрз. *удало*, мокш. *фтала* 'позади', эрз. *васоло* 'далеко', эрз. *икеле*, мокш. *инголе* 'впереди'⁶⁴.

Все перечисленные формы исчезнувших падежей в современных мордовских языках являются наречиями.

Необходимо заметить, что вышеперечисленные падежные формы уже были предметом рассмотрения в специальной лингвистической литературе.

Так называемый темпоралис на -не, -ня в действительности является остатком уральского локатива. Й. Синнеи к нему относил такие наречные образования, как *tel'ña* 'зимой'. Таким же остатком локатива на -n он считал и образования типа *vene* 'ночью'⁶⁵.

Темпоралис на -t' в таких образованиях, как мокш. *šit'* 'днем', некоторыми современными исследователями рассматривается как реликт уральского локатива на -t⁶⁶. Д. В. Бубрих объединял суфф. -t с суффиксом отложительного падежа -do, -de, -to, -të⁶⁷.

Адессив на -lo, -le не составлял в древнемордовском языке особую падежа, поскольку суфф. -lo и -le восходят к -lno и -lne⁶⁸, где -no и -ne являются остатками уральского n-ового локатива. В суфф. -lno, -lne n могло ассимилироваться предшествующему l (*lno* > *llo* > *lo*; *lne* > *lle* > *le*).

В наречном суфф. -nda типа мокшанского *t'alž-nda* 'зимой', *kizž-nda* 'летом' Д. В. Бубрих выделял два составных элемента n и da. Первый элемент он отождествлял с различными наречными образованиями типа *te škane*. В это время второй элемент da также встречается в родственных качественных наречиях вроде *ko-da* 'как', *iš-tá* 'так'⁶⁹.

Можно предполагать, что в мокшанских наречных образованиях типа *kizžnda* 'летом' скрыта форма древнемордовского инструктива на -n, ср. типологически сходные наречные образования в тюркских языках вроде тур. *kiš-in* 'зимой', тат. *jazyn* 'весной', представляющие застывшие формы инструктива.

В комитативе на -sek, -cek интерес представляет конечный элемент k. Этот же элемент k встречается и в комитативных образованиях на -nek, ср., например, *vele-nek* 'всей деревней'. И. С. Галкин генетически объединяет элемент k с марийским комитативным суфф. -үе, например *вожге* 'с корнем', *уло ешге* 'всей семьей', и считает этот суффикс воляжско-марийским суффиксом⁷⁰.

Необходимо иметь в виду, что ареал распространения комитативного суффикса k значительно шире, чем предполагает И. С. Галкин.

⁶⁴ ГМЯ, стр. 81.

⁶⁵ Szinnyi — I, стр. 63.

⁶⁶ Collinder — I, стр. 297.

⁶⁷ Бубрих — II, стр. 56.

⁶⁸ Там же, стр. 28.

⁶⁹ Там же, стр. 75.

⁷⁰ Галкин, стр. 30—31.

Ю. Вихман в свое время сопоставлял марийский комитативный суфф. -*ye* с суффиксом комитатива -*kōd* в коми-зырянском языке ⁷¹.

В мордовских языках обнаруживаются также следы суфф. комитатива -*go*, -*ga*, представленного в таких наречиях, как эрз. *jal-go*, мокш. *jal-ga* 'пешком' от некогда существовавшего в мордовских языках слова *jal* (*k*) 'нога', ср. финск. *jalka* 'нога'. Слово *jol* 'нога' существует в марийском языке, ср. мар. *jol-an* 'пешком'. Наличие этого суфф. подтверждается также некоторыми формами числительных, ср. эрз. *kemgolmovo* 'тринадцать' из *kem kolmo-vo*, т. е. 'десять с тремя', *keveteje* 'пятнадцать' из *kem vete-ge* 'десять с пятью' и т. д.

Первый составной элемент *s* (*c*), по-видимому, генетически связан с пермским детерминативом -*s*, находящимся в составе суфф. мн. числа -*jas* в коми-зырянском и -*os*, -*jos* в удмуртском. Ср. также содержащий элемент *s* суфф. собирательной множественности -*sto*, -*stō* в финском языке, например *koivi-sto* 'березняк', *saari-sto* 'архипелаг', т. е. 'совокупность островов'.

В некоторых наречных формах типа *tozoñ* 'туда', *tezēñ* 'сюда' и *kozoñ* 'куда' содержится суфф. древнего направительного падежа на -*ñ*, имеющего параллели в родственных языках, ср. коми-зыр. *vōr-la-ñ* 'по направлению к лесу', *kymy-ñ* 'ничком', мар. *joltaš-la-n* 'товарищу', др.-финск. *poja-le-n* 'мальчику' и т. д. В этих формах суфф. латива -*n* соединен с другими лативными суфф. (-*la*, -*le*, -*y*).

Очень трудно объяснить происхождение наречного суфф. -*ak*, -*jak*, например эрз. -мокш. *iš-ak* 'вчера', эрз. *im-ok* 'давно', *či-jak* 'недавно', мокш. *si-jak* 'тут же'.

Сопоставление его с древним лативным суфф. -*ka*, -*k* вряд ли будет оправдано. Вероятнее всего, этот суфф. представляет какую-то усилительную частицу.

В мокшанском языке встречаются наречия с характерным суфф. -*za*, например, *ko-za* 'куда', *to-za* 'туда'. Местоименные основы *ko* и *to* в данном случае сравнительно легко выделяются. Остается суфф. -*za* с явно лативным значением. Суфф. -*za* также можно разложить на два составных элемента — лативный суфф. -*s* и лативный суфф. -*a*.

В эрзянском языке этим наречиям соответствуют *ko-zo* 'куда' и *to-zo* 'туда'. Конечное древнее *a* в эрзянском могло превратиться в *o* через промежуточную ступень *ž*.

В общемордовском языке можно предполагать наличие специального направительного падежа с суфф. -*sž* (< -*sa*).

б) Область послелогов

По количеству послелогов мордовские языки не имеют себе равных среди уральских языков. Однако интенсивное возникновение послелогов в этих языках, по всей видимости, относится к сравнительно

⁷¹ Wichmann — I, стр. 152.

позднему времени, поскольку абсолютное большинство послелогов содержит суффиксы современных падежей. Архаичных послелогов в мордовских языках очень мало. К этим архаичным послелогам можно отнести следующие:

1) Послелог с суфф. -*lo*, -*la*, -*le*, например: эрз. *a-lo*, мокш. *a-la* 'под' из *al-lna*; эрз. *uda-lo*, мокш. *fta-la* 'позади' из **uda-lna*; эрз. *ike-le*, мокш. *iggē-lä* 'перед' из **igkə-lnə*; эрз. *mej-le*, мокш. *me-lä* 'после' из *mej-lnə*. Послелог этого типа содержали суффикс древнего локатива -*na*, -*ne*.

2) Послелог типа *pač-k* 'через' и *peřk* или *peř-ka* 'вокруг'. Они содержат суффиксальный элемент -*k*, трудно поддающийся объяснению. Возможно он восходит к суффиксу древнего латива -*ka*, получившего в мордовских языках значение переместительного падежа или пролатива.

3) Довольно загадочно происхождение послелога эрз. *mar-to*, мокш. *mar-ŋta* 'с'. Возможно, что элемент -*to*, -*ta* представляет какой-то суфф., выражающий идею совместности. Этимологически он может быть связан с марийской комитативной частицей *at*, например горномарийск. *luatiktə* (*t*) 'одиннадцать' (букв. 'десять и один').

4) Послелог *pert'* 'в течение' содержит суфф. древнего локатива -*t*.

Насколько можно видеть, послелог в мордовских языках дают очень мало для реконструкции древней падежной системы.

в) Диалекты

Падежные системы эрзянских и мокшанских диалектов не содержат никаких сколько-нибудь значительных различий по сравнению с падежными системами эрзянского и мокшанского литературных языков.

В шугуровском диалекте эрзя-мордовского языка отмечено наличие так называемого совместного падежа, например, *тол* 'огонь', *толнэк* 'с огнем' ⁷². Однако в литературном эрзя-мордовском языке форма с комитативным суфф. -*nek* также встречается, например *velenek* 'всей деревней'.

г) Расчленение падежных суффиксов

Пользуясь методом расчленения падежных суффиксов, оказывается возможным разложить на составные части следующие суффиксы современных падежей.

Суфф. местного падежа -*so*, -*sē*, -*sa* при учете его архаической диалектной формы -*sno*, -*snē* позволяет выделить два самостоятельных падежных суфф. — лативный суфф. -*s* и локативный суфф. -*na* (-*ne*). Подобным же образом суфф. исходного падежа -*sto*, -*sta*, -*stē* разлагается также на два составных элемента — лативный суфф. -*s* и суфф. аблатива -*ta*, -*tē*.

⁷² Цыганкин, стр. 347.

Учитывая все эти данные, можно приблизительно определить, какие падежи существовали в мордовском языке в эпохи, предшествовавшие формированию эрзянского и мокшанского языков. Ниже приводится перечень этих падежей.

Падеж	Суффикс
Именительный	—
Направительный	$\left\{ \begin{array}{l} sa (-s\hat{a} > -sa, -so) \\ -\hat{n} \\ -ka \\ -s \\ -\eta \end{array} \right.$
Местный	$\left\{ \begin{array}{l} -na (-n\hat{a} > -n\check{a}, -no); -n\check{a} (-n\check{a} > -ne, -n\check{a}) \\ -t, -t' \end{array} \right.$
Инструктив	-n
Комитатив	-ko, -ke (-γ o, -γ e), -k
Отложительный	-ta, -t\check{a} > -t\hat{a}, -t\hat{a} > -ta, -to, -t\check{e}

Суффикс направит. падежа -sa был сложным по составу. Он содержал суффикс направит. падежа -s и архаичный суффикс направит. падежа -a. Возможно, что и суффикс направит. падежа -ka также был сложным по своему составу.

За исключением отложительного на -ta и направительного на -s, все эти падежные суффиксы в современных мордовских языках являются уже мертвыми.

Древний направит. падеж на -sa исчез очень давно, оставив лишь очень скудные реликты в наречиях типа мокш. *koza*, эрз. *kozo* 'куда' и мокш. *toza*, эрз. *tozo* 'туда'.

Та же участь постигла и суффикс древнего латива на - $\hat{n}$, сохраняющегося в виде скудных остатков типа эрзянского *kozoiŋ* 'куда' и *tozoiŋ* 'туда'. Этот суффикс вошел также в состав суффикса дат. падежа -*neiŋ* в современном эрзянском языке.

Направительный на -ka был в обоих мордовских языках пересмыслен как пролатив, обозначающий движение по чему-либо. Местный на -t, (-t') также исчез в мордовских языках очень давно. Скудные его остатки сохраняются в некоторых наречных образованиях типа мокш. *šit'* 'днем'.

Инструктив на -n превратился, по всей видимости, еще в эпоху финно-волжской языковой общности в род. падеж. Скудные его остатки сохраняются в некоторых наречиях типа эрз. *kavtoŋ-kavtoŋ* 'по два' и т. д. Комитатив исчез, оставив после себя очень скудные остатки в суффиксах так называемых комитативных образований, некоторых наречий и форм числительных.

Местный падеж с суфф. -na, -ne фактически исчез, сохранившись лишь в некоторых наречных образованиях. Соединение его с лативным суфф. -s дало новый суффикс местного падежа -sna. В результате

ассимиляции n предшествующему s возникли современные суфф. -sa, -so, -s\check{e} и т. д.

В результате соединения суффикса отложительного падежа -ta, -t\check{e} с лативным суфф. -s возник суффикс исходного падежа -sta, -sto, -st\check{e}. Образование новых сложных падежных суффиксов произошло уже в эпоху финно-волжской языковой общности. Основной причиной их появления было стремление более четко разграничить так называемые внешнеместные и внутреннеместные падежи, так как уральский суффикс локатива -na, -n\check{a} и суффикс аблатива -ta, -t\check{a} обладали слишком общими значениями. Однако по сравнению с прибалтийско-финскими языками процесс образования этих двух падежных серий в мордовских языках пошел по совершенно другому пути. Для создания серии внешнеместных падежей в прибалтийско-финских языках был широко использован суфф. -l, ср. финск. *pöydällä* 'на столе' (из *pöytä-l-nä*), *pöydälle* 'на стол' (из *pöytä-l-en*), *pöydältä* 'со стола' и т. д. В мордовских языках суфф. -l не распространился дальше отдельных наречий и послелогов, ср. эрз. *uda-lo*, мокш. *fta-la* 'позади', эрз. *ike-le*, мокш. *iyg\hat{a}-l\check{a}* 'впереди' и т. д.

Мордовские языки, как можно предполагать, пошли по пути специализации в этом плане суффиксов уже существующих падежей. Таким образом возникли две падежные серии.

Внешнеместные падежи

Падеж	Суффикс	Значение
Местный	-na, -ne	Местонахождение на поверхности
Направительный	-ŋ (-v, -j)	Движение по направлению к чему-нибудь
Отложительный	-da, -de -to, -te и т. д.	Движение от поверхности чего-либо

Внутреннеместные падежи

Падеж	Суффикс	Значение
Местный	-sna (-sne)	Местонахождение внутри чего-либо
Вносительный	-s	Движение во внутрь чего-либо
Исходный	-sto, -st\check{e} (-sta)	Движение изнутри чего-либо

Сохранение в мордовских языках древнего аблатива на *-la*, исчезнувшего почти во всех уральских языках, объясняется тем, что он был использован в специальных целях как внешнеместный падеж, соответствующий аблативу на *-lta*, *-ltä* в прибалтийско-финских языках.

Однако позднее четкое распределение функций между внешнеместными и внутреннеместными падежами нарушилось. Их функции переменились.

Так, например, вносит. падеж на *-s* в мордовских языках может иметь значения финского аллатива и иллатива одновременно, ср., например, эрз. *Пецька лангсто скокадсь эземе* 'С пещки прыгнул на лавку'⁷³. Направит. падеж имеет аллативное значение, т. е. выражает движение на поверхность чего-либо без проникновения во внутреннюю сферу предмета. В то же время в таком примере, как *Паневлитъ, урякай, кавто ламбамсто сюкорот, коське ва канс путовлитъ* 'Испекла бы, тетушка, две простые лепешки, положила бы их в сухую миску'⁷⁴, он имеет иллативное значение, т. е. обозначает движение, направленное во внутрь предмета.

Направительно-вносительный падеж на *-s* в современных мордовских языках стал по существу нейтральным падежом. Некогда противостоящий ему как внешнеместный падеж направительный на *-p* или *-v* (*-u*, *-i*) может выражать и иллативное и инессивное значения, например: мокш. *Тишка сувась куду* 'Тишка вошел в дом' (движение направлено во внутрь предмета), но *Тюжа цецкатнестэ ашо кудратне сюкоясть чивалгомав* 'Белые кудри желтых цветов склонились на запад'⁷⁵ (движение совершается по направлению к чему-либо).

По причине отсутствия четко выраженных разграничительных функций направительно-вносительного падежа на *-s* и направительного на *-p*, *-v*, *-u*, *-i* сфера употребления последнего заметно сокращается.

Местный падеж на *-sa*, *-so*, *-së* в современных мордовских языках также по существу является нейтральным падежом. Он может обозначать местонахождение чего-либо во внутренней сфере какого-нибудь предмета, например: *Ве зепсэнтъ тонь сият, омбоцесэнтъ тонь сырнетъ* 'В одном твоём кармане серебро, в другом у тебя золото'⁷⁶.

В то же время местный падеж может выражать местонахождение на поверхности какого-нибудь предмета, например; эрз. *Мештъ сэт галстукне палыть зоринекс* 'На их груди галстуки горят, как зори' или мокш. *Лу гаса кассть акиа панчфт.* 'На лугу росли белые цветы'⁷⁷.

Исходный падеж в мордовских языках может соответствовать по

значению финскому элативу и аблативу, ср., например: эрз. *Кельме ведьстэ таргимим* 'Из холодной воды вытащил меня'⁷⁸ (движение направлено из внутренней сферы), но в другом примере: *Ломань алаша с то курок рудазов валгат* 'С чужой лошади скоро слезешь в грязь'⁷⁹ (движение направлено с поверхности предмета — *алашасто* 'с лошади').

На эту особенность мордовских местных падежей обратил внимание еще Д. В. Бубрих. Он отмечал, что местный, исходный и вступительный падежи — внутренние-пространственные по происхождению. Между тем они в значительной мере вышли за рамки первоначального своего употребления. Д. В. Бубрих также говорил о своеобразной «агрессии» исходного падежа по отношению к отложительному⁸⁰.

Некогда противостоящий исходному падежу отложительный падеж как внешнеместный падеж еще сохранил свои прежние функции, поскольку он не может обозначать движение, идущее из внутренней сферы предмета.

По причине исчезновения серии внешнеместных и внутреннеместных падежей в развитии морфологической структуры мордовских языков наметились довольно заметные аналитические тенденции. Эти тенденции проявляются в следующем:

1) В очень сильном увеличении количества послелогов. Можно без преувеличения сказать, что по количеству послелогов мордовские языки не имеют себе равных среди уральских языков. Послелогии дают возможность выражения иногда очень тонких нюансов различных пространственных отношений и в полной мере компенсируют в этом смысле утраченные в мордовских языках серии внешнеместных и внутреннеместных падежей, ср., например, эрзя-м. *ki langso* 'на дороге', финск. *tiellä*, мокш-м. *šra langsta* 'со стола' = финск. *pojädältä* и т. д.

2) В стремлении заменить падежные формы послеложными конструкциями. Особенно заметно проявляется эта тенденция в склонении имен существительных с притяжательными суффиксами, где синтетические формы местных падежей сосуществуют с послеложными конструкциями, ср. эрз. *kudodon* и *kudon ezdë* 'от моих домов', *kudoson* и *kudon ejšë* 'в моих домах', *kudoston* и *kudon ejštë* 'из моих домов', *kudozon* и *kudon ejš* 'в мои дома', *kudodot* и *kudot ezdë* 'от твоего дома', *kudosot* и *kudot ejšë* 'в твоём доме', *kudostot* и *kudot ejštë* 'из твоего дома' и т. д.⁸¹

Характеризуя состояние падежной системы в мордовских языках, Д. В. Бубрих отмечает процесс редукции состава падежей: «Можно сказать, что вполне прочные позиции занимают только два падежа: номинатив и генитив. Достаточно прочное для достаточно длительного существования позиции занимает также датив, а у эрзи

⁷³ ГМЯ, стр. 138.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, стр. 146.

⁷⁶ Там же, стр. 123.

⁷⁷ Там же, стр. 126.

⁷⁸ Там же, стр. 131.

⁷⁹ Там же, стр. 132.

⁸⁰ Бубрих — II, стр. 71.

⁸¹ Евсеев, стр. 114.

и аблатив. У мокши процесс редукции состава падежей идет более быстрыми темпами, чем у эрзи»⁸².

Есть ряд косвенных падежей, которые в определенном и притяжательном склонениях могут заменяться через сочетания: генитив + + послелог. Это датив, аблатив, инессив, элатив, иллатив, пролатив, компаратив и транслатив, а в позиции прямого дополнения и генитив⁸³.

Таким образом, в мордовских языках в настоящее время наблюдается процесс складывания своеобразного аналитического строя.

Множественное число

Показателем множественного числа существительных в мордовских языках является *-t* и его вариант *-t'*. Показатель мн. числа *-t* в эрзянском языке обычно присоединяется к основе слова, если в исходе наличествует гласный заднего ряда, твердый парный согласный или непарный согласный с предшествующим гласным заднего ряда, например, *val'ma* 'окно', *val'mat* 'окна'; *šolmo* 'крыло', *šolmot* 'крылья'; *kudo* 'дом', *kudot* 'дома'; *kal* 'рыба', *kal-t* 'рыбы'; *laz* 'доска', *laz-t* 'доски'; *l'om* 'черемуха', *l'om-t* 'черемухи'; *ulav* 'воз', *ulav-t* 'возы'; *seja* 'коза', *seja-t* 'козы'; *pŕa* 'голова', *pŕa-t* 'головы'.

Показатель мн. числа *-t* в мокшанском языке употребляется, если в исходе слова наличествует любой гласный, исключая *y*, *i*, любой парный твердый согласный или непарный согласный с любым предшествующим согласным, например *kud* 'дом', *kut-t* 'дома'; *alaša* 'лошадь', *alaša-t* 'лошади'; *velä* 'село', *velä-t* 'села'; *val'mä* 'окно', *val'ma-t* 'окна'.

Показатель мн. числа *-t'* в эрзянском употребляется, если в исходе слова наличествует гласный переднего ряда, мягкий парный согласный, *j* или непарный согласный с предшествующим гласным переднего ряда, например: *vele* 'село', *vele-t'* 'села'; *umař* 'яблоко', *umař-t'* 'яблоки'; *kal* 'ветла', *kal'-t'* 'ветлы'; *sedej* 'сердце', *sedej-t'* 'сердца'; *viř* 'лес', *viř-t'* 'леса'; *kel* 'язык', *kel'-t'* 'языки'; *pař* 'кадушка', *pař-t'* 'кадушки'; *tev* 'дело', *tev-t'* 'дела'; *kem* 'сапог', *kem-t'* 'сапоги'.

Показатель мн. числа *-t'* в мокшанском языке употребляется, если основа слова оканчивается на мягкий парный согласный, *j* или *i* (*y*), например: *viř* 'лес', *viř-x-t'* 'леса'; *ked'* 'кожа', *ket'-t'* 'кожи'; *pař* 'кадушка', *pař-x-t'* 'кадушки'; *sedij* 'сердце', *sedijx-t'* 'сердца'; *mař* 'яблоко', *mařx-t'* 'яблоки'; *šaryj* 'колесо', *šaryjx-t'* 'колеса'; *kal* 'ветла', *kal'-x-t'* 'ветлы'; *pej* 'зуб', *pejx-t'* 'зубы'; *lomañ* 'человек', *lomat'-t'* 'люди'; *käd* 'рука', *kät'-t'* 'руки'⁸⁴.

Формант *-t* употребляется для выражения множественности не

только в мордовских языках. Для этих же целей он употребляется и в прибалтийско-финских языках, ср. финск. *talo* 'дом', *talo-t* 'дома'; эст. *maa* 'страна', *maa-d* 'страны' (из *maat*); ливск. *laps* 'ребенок', 'дитя', *laps-t* 'дети'; кар. *kala* 'рыба', *kal-t* 'рыбы'. Тот же формант употребляется для выражения множественности и в обско-угорских языках, ср. манс. *hul* 'рыба', *hul-t* 'рыбы'; хант. *xor* 'лодка', *xor-a-t* 'лодки'.

Аффикс мн. числа *-t* существовал некогда также в марийском языке. Об этом свидетельствует личное окончание 3-го лица мн. числа глаголов, например *nalä-t* 'они берут', *onža-t* 'они смотрят'. Окончание *-t* присоединялось во множественном числе к причастным формам. У имен существительных суфф. *-t* был со временем вытеснен новыми суффиксами множественного числа.

Есть также основание предполагать существование суффикса мн. числа *-t* также в пермских языках. Элемент *t* (*d*) в реликтовом виде сохраняется в некоторых формах вин. падежа, ср. коми-зыр. диал. *ošjez-d-ō* 'медведей', удм. *ešjos-t-y* 'товарищей'.

В глубокой древности множественное число существительных, по-видимому, оканчивалось на *t* твердое. Палатализованный вариант его суффикса мн. числа *-t'* возник позднее в особых фонетических условиях, главным образом благодаря влиянию предшествующего палатализованного конечного согласного или гласного переднего ряда основы слова.

Одной из наиболее характерных особенностей мордовских языков, резко отличающей их от остальных уральских языков, является отсутствие во мн. числе форм косвенных падежей. Если взять ряд слов из эрзянского и мокшанского языков, например эрз. *tumo* 'дуб', *kudo* 'дом', мокш. *pakša* 'поле', *oš* 'город', то формы именительного падежа от этих слов образовать нетрудно: *tumot* 'дубы', *kudot* 'дома', *pakšat* 'поля' и *ošt* 'города'. Однако совершенно невозможно образовать, скажем, формы отложительного падежа мн. числа типа *tumotto* 'от дубов', *kudotto* 'от домов', *pakšatta* 'от полей', *ošto* 'от городов', или формы направительно-внесительного падежа *kudots* 'в дома', *pakšats* 'в поля', *ošts* 'в города'. В мордовских языках в этих случаях употребляются обычные формы единственного числа. Значение множественности определяется по контексту или общему смыслу высказывания. Примеры:

Вокзалось истя жо ульмесь пешксе во е н н о й д е (К. А б р а м о в) 'Вокзал также был переполнен военными'; *Кись ламонь таркат сезнезель б о м б а с о* (К. Абрамов) 'Дорога во многих местах была повреждена бомбами'; *Весе менелесь вельтязь потмура п е л ь с э* (К. Абрамов) 'Все небо покрылось хмурыми облаками'.

Насколько можно видеть, формы *военнойде*, *бомбасо*, *пельсэ* не имеют признака мн. числа *-t*, хотя фактически они обозначают множество предметов. Чем объяснить это интересное явление?

Объясняется это, очевидно, тем, что в древности формант *-t* носителями мордовского языка не воспринимался как показатель грамматической категории множественности, так как он выражал соби-

⁸² Бубрих — II, стр. 199.

⁸³ Там же, стр. 198.

⁸⁴ ГМЯ, стр. 77—78.

рательную множественность. Существительные, обозначающие собирательную множественность, воспринимались скорее как лексические дериваты тех слов, от которых они произведены, ср. русск. *матрос* и *матросня*, *хулиган* и *хулиганье* и т. п.

Наиболее ярким подтверждением того, что суффикс мн. числа *-t* имел когда-то в мордовских языках собирательное значение, являются парные слова типа *ovt-vergišt'* 'зверье' (букв. 'медведи-волки'), *suks-t-unža-t* 'гады' (букв. 'черви-жуки'), *sure-t-salmuks-t* 'принадлежности для шитья' (букв. 'нитки-иголки'), *viř-t'-ukštor-t* 'лес' (букв. 'леса-клёны'), *ponks-t-panar-t* 'белье' (букв.: 'штаны-рубашки') и т. д.

Необходимо заметить, что абсолютно то же самое происходило и в истории прибалтийско-финских языков. В финском языке в косвенных падежах мн. числа фигурирует в роли показателя множественности не формант *-t*, а совершенно другой показатель множественности — формант *-i*, в чем легко убедиться при рассмотрении приводимой ниже парадигмы:

Ном.	<i>talo-t</i>	'дома'
Ген.	<i>talo-j-en</i>	'домов'
Эссив.	<i>talo-i-na</i>	'домами' и т. д.
Партитив.	<i>talo-j-a</i>	
Трансл.	<i>talo-i-ksi</i>	
Инесс.	<i>talo-i-ssa</i>	
Элат.	<i>talo-i-sta</i>	
Иллат.	<i>talo-i-hin</i>	
Адесс.	<i>talo-i-lla</i>	
Абл.	<i>talo-i-lta</i>	
Аллат.	<i>talo-i-lle</i>	
Абесс.	<i>talo-i-tta</i>	

Формант *-t* в финском языке также некогда воспринимался как показатель собирательной множественности.

Первоначальное отсутствие показателя множественности в косвенных падежах мн. числа несомненно было коммуникативным недостатком древней прибалтийско-финской и мордовской речи. Поэтому становится понятной тенденция освободиться от этого недостатка. Финский язык пошел по пути выбора другого показателя множественности. В эстонском языке произошло внедрение показателя множественности *-t* в косвенные падежи:

Ном.	<i>maja-d</i> (из <i>maja-t</i>)	'дома'
Иллат.	<i>maja-de-sse</i>	'в дома'
Инесс.	<i>maja-de-s</i>	'в домах'
Элат.	<i>maja-de-st</i>	'из домов'
Аллат.	<i>maia-de-le</i>	'домам'
Абл.	<i>maja-de-lt</i>	'от домов' и т. д.

По тому же пути стали развиваться и пермские языки, где показатель множественности *-jas* (коми-зыр.) и *-jos, -os* (удм.) также проник в косвенные падежи, ср. коми-зыр. *pu-jas* 'деревья', *pu-jas-õž* 'до деревьев', удм. *eš-jos* 'товарищи', *eš-jos-lu* 'товарищам'. То же самое явление наблюдается и в обско-угорских языках, ср. манс. *hap-ə-t* 'лодки', *hap-ə-t-n* 'в лодки', *hap-ə-t-t* 'в лодках', хант. *hop-ə-t* 'лодки', *hop-ə-t-ə-n* 'в лодках' и т. д.

Мордовский язык частично устранил этот коммуникативный недостаток тем, что он создал особое указательное склонение, где грамматическая категория множественности получила вполне четкое и регулярное морфологическое выражение.

Формальное неразличение единичности и множественности предметов в формах косвенных падежей неопределенного склонения в мордовских языках является пережитком глубокой древности. По всей видимости, такое неразличение было типично и для протоуральского языка.

Можно также предполагать, что суффикс собирательной множественности *-t* превратился в суффикс более абстрактной множественности в ту эпоху, когда в прибалтийско-финских и мордовских языках уже оформились серии внешнеместных и внутреннеместных падежей. Проникновение его в косвенные падежи могло бы вызвать труднопроизносимые сочетания согласных, ср. предполагаемое финск. *talots-to* 'из домов', морд. *viřt'stē* 'из лесов' и т. п. По этой причине суффикс мн. числа *-t* на косвенные падежи не распространился.

УКАЗАТЕЛЬНОЕ СКЛОНЕНИЕ

Указательным склонением в мордовских языках называют склонение имен существительных с определенным артиклем. В уральских языках только один венгерский язык имеет вполне развитый определенный артикль, ср., например, венг. *ember* 'человек' (неопределенный), но *az ember* 'человек определенный', т. е. уже известный говорящему, 'человек, о котором уже раньше шла речь' и т. п.

Определенный артикль, подобно артиклю в румынском и скандинавских языках, является постпозитивным артиклем. Он ставится после определяемого им имени существительного и сливается с ним в одно целое.

Эрзянский язык

	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>kudo-š</i> 'дом' (определенный)	<i>kudo-t'-ne</i> 'дома'
Род.	<i>kudo-ń-t'</i>	<i>kudo-t'-ne-ń</i>
Дат.	<i>kudo-ń-t'-eń</i>	<i>kudo-t'-ne-neń</i>
Отл.	<i>kudo-do-ń-t'</i>	<i>kudo-t'-ne-de</i>
Местн.	<i>kudo-so-ń-t'</i>	<i>kudo-t'-ne-sē</i>

Исх.	<i>kudo-sto-ń-t'</i>	<i>kudo-t'-ne-stě</i>
Н.-вносит.	<i>kudo-ń-t-eñ</i>	<i>kudo-t'-ne-neñ</i>
Перемест.	<i>kudo-va-ń-t'</i>	<i>kudo-t'-ne-va</i>
Преврат.	—	—
Ср.	<i>kudo-ška-ń-t'</i>	<i>kudo-t'-ne-ška</i>
Изъят.	<i>kudo-vtomo-ń-t'</i>	<i>kudo-t'-ne-vteme</i> ⁸⁵

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФОРМ УКАЗАТЕЛЬНОГО СКЛОНЕНИЯ

Как уже говорилось выше, формы указательного склонения — это формы с постпозитивным определенным артиклем.

Необходимо заметить, что постпозитивный артикль не является для уральских языков каким-то абсолютно чуждым явлением. В целом ряде уральских языков отмечены случаи использования в роли определенного артикля притяжательного суффикса 3-го лица ед. числа. Особенно ярко это явление выступает в языке коми: *Võr-ležyšjaslõn pošolok paškõdčõma užyd nõrys bokyn, kõni kõrko, tydalõ, sulavlõma paškyd jag... N õ r y s y s vižis pošoloksõ vojvuvšañ dvtyš još tõvjasuš* 'Поселок лесорубов раскинулся на краю большого холма, где когда-то, как видно, стоял густой лес. Теперь холм защищал поселок от сильных (букв. 'острых') ветров, дующих с севера'. Слово *nõrys* 'холм' в первом примере, будучи употреблено впервые, не имеет притяжательного суффикса. При последующем употреблении этого слова, когда предмет становится уже известным, употребляется притяжательный суфф. *-ys*⁸⁶.

Не чуждо это явление и марийскому языку, хотя встречается в нем сравнительно редко, например: — *Книжка-влакым библиотекеши вашталташ нагаем. Ярсыме кокла гыч лудаш кӱлеш. — Вара к н и г а ш т ы ж е отгайым возат мо? Кузе эре лудмет шуэш?* (Шабдар Осип). — Книжки в библиотеку менять пришел. Урывками читать приходится. — А в книжках (о которых ты говоришь) пишут что-нибудь интересное? Как тебе все время читать хочется?

Притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа *-же* в *книгаштыже* указывает не на принадлежность, а на определенность предмета.

Д. В. Бубрих обнаружил случаи использования притяжательного суффикса 3-го лица в роли постпозитивного определенного артикля также в эрзянском языке, например: *Исяк ч и з э пароль* 'Вчера день (букв. 'день тот') был хорош'; *К о в о з о верев стаясь обедс* 'Месяц наверх поднялся к обеду'; *В е н з э кувалт вирев якинъ* 'В течение ночи в лес ходил'⁸⁷.

Однако этот способ выражения определенности в мордовских языках не привился. Можно говорить лишь о редких и нерегулярных случаях его применения. Мордовские языки пошли по другому пути.

⁸⁵ ГМЯ, стр. 87.

⁸⁶ Серебренников, стр. 124.

⁸⁷ Бубрих — II, стр. 80.

В роли артикля в этих языках было использовано указательное местоимение *se* 'тот', имеющее параллели в других уральских языках, ср. финск. *se* 'этот', 'тот', мар. *se-de* 'вот этот', сев.-хант. *si, sit*, южн.-хант. *ti* 'этот', 'тот', нганас. *se-te* 'он'⁸⁸.

Указательное местоимение *se* обладало способностью анафорически указывать на предмет, упоминавшийся в речи ранее. Поэтому оно легче всего могло быть использовано для выполнения роли определенного артикля.

По мнению Д. В. Бубриха, начало указательных форм уходит в глубокую древность, когда еще были невозможны падежные формы. Для доказательства этого положения он выдвигает следующие аргументы:

«Указательные местоимения, являясь определениями, следуя общей закономерности, строго предшествуют определяемому. Так, говорится *те кись* «эта дорога», *тона пелев* «в ту (далее чего-то) сторону», *се шкане* «в то (о котором шла речь) время».

Ожидалось бы как будто, что указательные местоимения, превращаясь из отдельных слов в служебные морфемы, должны были стать префиксами. Но нет: они стали суффиксами. Они стали суффиксами, вопреки уже давно господствующему порядку слов.

Вполне ясно, что указательные формы впервые сложились еще тогда, когда этого порядка слов еще не было и тех отношений подчинения одного слова другим, которые определились вместе с этим порядком слов, когда господствовало еще архаическое соположение слов... Архаическое соположение слов сводилось к тому, что слова выстраивались в одну линию без какого-либо твердого порядка»⁸⁹.

Однако для того, чтобы объяснить необычное расположение указательного местоимения *se*, можно не прибегать к теории архаического порядка слов.

Материалы современных уральских языков достаточно наглядно показывают, что эмфатически выделяемые местоимения могут занимать постпозитивное положение и даже выноситься, вопреки господствующему в некоторых уральских языках твердому порядку слов, на самый конец предложения, ср., например, в удмуртском:

Демьян Иванычен вераськом, тодом, ма луиз с о о с ы н (П. Блинов) 'Поговорим с Демьяном Ивановичем. Узнаем, что стало с ними'; *Озы бусы пала кошкызы с о о с* (М. Блинов) 'Так на поле пошли они'.

Можно предполагать, что первоначально указательное местоимение выполняло роль эмфатической частицы *-то*, типичной для северных русских говоров, например: *Х о м у т - т о у б е р и н а м е с т о ! ; О т е ц - т о з н а е т о б э т о м ?* и т. д. Позднее употребление этой частицы стало более регулярным и она превратилась в определенный постпозитивный артикль. Употребление его в речи подчинено довольно твердым правилам.

Формы косвенных падежей указательного склонения должны были бы состоять из трех основных компонентов — основы слова, постпо-

⁸⁸ Collinder — II, стр. 56.

⁸⁹ Бубрих — II, стр. 80, 81.

зительного артикля и падежного суффикса, например: *kudo-se* 'дом определенный', *kudo-se-ñ* 'дома определенного', *kudo-se-neñ* 'дому определенному', *kudo-se-de* 'из дома определенного' и т. д. Однако такой порядок расположения составных частей осуществился только в формах множественного числа, ср. *kudo-t-ne* 'дома определенные', *kudo-t-ne-ñ* 'домов определенных', *kudo-t-ne-stē* 'из домов определенных' и т. д.

Что касается форм косвенных падежей единственного числа, то здесь установился другой порядок расположения составных частей — «основа слова + падежный суффикс + постпозитивный артикль». Причину этого явления объяснить довольно трудно. Возможно, что постпозитивный артикль *-se*, принявший форму *-š*, при ином порядке слов мог допускать неудобопроизносимые сочетания согласных типа *kudošs* 'в дом определенный', *kudošška* 'как дом определенный' и т. п. Вероятнее всего этот иной порядок расположения составных частей установился по образцу форм косвенных падежей притяжательного склонения, ср., например: *jalga-do-m* 'от моего товарища', *jalga-do-t* 'от твоего товарища', *jalga-do-st* 'от их товарищей' и т. п.

В некоторых формах косвенных падежей указательного склонения этот порядок расположения составных частей не выдерживается, например, в дат. и совпавшем с ним по форме н.-внosit. падежах, ср. *kudo-ñt-eñ* 'дому определенному' и 'в дом определенный'.

В формах единственного числа указательного склонения мордовские языки по существу имеют два постпозитивных артикля. Один из них употребляется только в сфере им. падежа ед. числа. Это артикль *-š*. В мокшанском языке после некоторых основ употребляется его разновидность *-с*. Другой артикль (эрзянская форма *-ñt'*, *-t'*, мокшанская форма *-t'*) употребляется только в косвенных падежах.

Каким путем мог возникнуть этот новый постпозитивный артикль? Интересное объяснение эрзянского постпозитивного артикля *-ñt'* дает Д. В. Бубрих:

«В указательной форме родительного падежа единственного числа *-ñm'* очевидным образом составилось из *-ñ* и *-m'*; *-ñ* — это показатель родительного падежа, так как он выступает в основном склонении. Что касается *-m'*, то это по происхождению одно из *m*-овых указательных местоимений — либо *m'э* 'этот', либо *то*, продолжающееся в осложненном *тона* 'тот'. Твердое *m* после мягкого *n* должно было смягчиться»⁹⁰.

Таким образом, источником нового постпозитивного артикля *-ñt'* явилась форма род. падежа, в которой произошло переразложение основ и окончание род. падежа *-ñ* отошло к новому артиклю *-t'*, составив вместе с ним новую форму артикля *-ñt'*, которая затем была перенесена в формы всех остальных падежей единственного числа.

Вместе с тем все же остается непонятным, почему для форм косвенных падежей понадобился постпозитивный артикль иного происхож-

дения. Почему постпозитивный артикль, утвердившийся в сфере им. падежа, не мог проникнуть в формы косвенных падежей, почему в сфере множественного числа не наблюдается этого разнoбoя и всюду в роли постпозитивного артикля выступает *-ne*. Если бы в самих мордовских языках существовали конкурирующие друг с другом формы типа *kudoš* и *kudot'* 'дом определенный', то все легко можно было бы понять.

В современных мордовских языках таких конкурирующих форм действительно нет, однако есть некоторые косвенные данные, позволяющие предполагать, что в древних языках волжской группы был какой-то формант *t*, функции которого в известной степени напоминали функции определенного артикля.

Уже давно была высказана мысль, что в образовании формы мокшанского притяжательного суффикса 3-го лица ед. числа принял участие местоименный элемент *t*, например, *kudo-c* 'его дом' могло образоваться из *kudo + t + s*, где сочетание согласных *ts* со временем превратилось в *c*⁹¹.

Обращает на себя внимание также суфф. *-at*, служащий в марийском языке для образования так называемых полных форм числительных, например *kum* 'три', но *kum-at* 'три' (полная форма), *nəl* 'четыре', но *nəl-at* 'четыре' (полная форма) и т. д. В полной форме числительные в марийском языке употребляются обычно в тех случаях, когда они выступают в функции имен существительных, что обычно сопровождается их особым выделением. Возможно, что подобного рода выделительный местоименный элемент в мордовских языках и послужил основой образования второго постпозитивного артикля.

Некоторые падежные формы ед. числа указательного склонения в эрзянском языке являются ущербленными. Так, например, в форме дат. падежа *kudoñteñ* в окончании дат. падежа недостает начального *ñ*, ср. соответствующую форму основного склонения *kudo-neñ* 'дому'. Начальное *ñ* здесь исчезло в результате диссимиляции (*kudoñt'-neñ* > *kudoñteñ*). Форма н.-внosit. падежа уподобилась форме дат. падежа, ср. *kudoñteñ* 'дому' и *kudoñteñ* 'в дом'.

Если в формах ед. числа указательного склонения в роли постпозитивного определенного артикля было использовано указательное местоимение *se*, *sä*, то в формах множественного числа использована супплетивная форма мн. числа этого местоимения *ne*, *nə*, образованная от совершенно другой основы, например, эрз. *kudot-ne* 'дома определенные'.

Подобное образование мн. числа имеет параллели и в других уральских языках, ср. коми-зыр. *si-jō* 'он', 'этот', но *na-jō* 'они', финск. *tä-mä* 'этот', но *nä-mä* 'эти', луг.-мар. *ti-de* 'этот', но *ni-ne* 'эти' и т. д.

Местоимение *se*, *sä* имеет в современных мордовских языках форму *set'*, *sät'*, но встречается и форма *net'*, *nät'*, образованная от той же супплетивной основы.

⁹⁰ Бубрих — II, стр. 79—80.

⁹¹ Paasonen — II, стр. 122.

Структура форм мн. числа указательного склонения довольно прозрачна. Как упоминалось выше, в этих формах строго выдерживается порядок расположения составных частей — «основа множественного числа + постпозитивный артикль + падежный суффикс», например *kudot'-ne-së* 'в домах определенных', *ku-dot'-ne-stë* 'из домов определенных' и т. д.

Указательное склонение в мокшанском языке развито слабо. Формы указательного склонения в мокшанском языке распространяются только на три падежа — именительный, родительный и дательный

	<i>velä</i> 'село'		<i>lov</i> 'месяц'		<i>lomañ</i> 'человек'	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Им.	<i>velä-s</i>	<i>velä-t'-nä</i>	<i>kov-s</i>	<i>koj-nä</i>	<i>lomañ-č</i>	<i>lomat'-t'-nä</i>
Род.	<i>velä-t'</i>	<i>velä-t'-nəñ</i>	<i>kov-t'</i>	<i>koj-nə-ñ</i>	<i>lomañ-t</i>	<i>lomat'-t'-nəñ</i>
Дат.	<i>velä-ti</i>	<i>velä-t'-nə-ñdi</i>	<i>kov-ti</i>	<i>koj-nə-ñdi</i>	<i>lomañti</i>	<i>lomat'-t'-nə-ñdi</i> ⁹²

Формы указательного склонения в мокшанском языке обладают некоторыми специфическими особенностями. У некоторых основ постпозитивный артикль в ед. числе имеет форму *-č* вместо *-s*, например *lomañ* 'человек', *lomañ-č* 'человек-то', *sumañ* 'зипун', *sumañ-č* 'зипун-то'⁹³. Это обычно имеет место у основ, оканчивающихся на *-n* и *-ñ*. По мнению Д. В. Бубриха, аффрикатизация *s* представляет вторичное явление. Она возникла под влиянием предшествующего носового согласного (*-nš > -nč* или *-ñš > -ñč*)⁹⁴.

Мокшанский язык, так же как и эрзянский, пережил период замены старого постпозитивного артикля *-s* в косвенных падежах новым постпозитивным артиклем *-t'*. Вторичный постпозитивный артикль в мокшанском в отличие от эрзянского не сочетается с *ñ* и присоединяется непосредственно к основе слова, ср., например, *velä-t'* 'деревни той', *velä-t-i* 'деревне той', *kov-t'* 'месяца того'. В форме род. падежа постпозитивный артикль *-t'* одновременно выполняет функцию суффикса род. падежа.

Возникает вполне законный вопрос, являются ли эти особенности мокшанского постпозитивного артикля *-t'* первичными или вторичными. Некоторые факты позволяют предполагать, что эти особенности являются вторичными.

В некоторых эрзянских диалектах встречаются такие параллельные формы род. падежа указательного склонения типа *modañt'* и *modat'* 'земли той', а также параллельные формы дат. падежа ед. числа указательного склонения типа *modañtiñ* и *modati* 'земли той'⁹⁵.

⁹² ГМЯ, стр. 88.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Бубрих — II, стр. 98.

⁹⁵ Цыганкин, стр. 348.

Это свидетельствует о том, что в форме постпозитивного артикля *ñ* могло утратиться. Если род. падеж ед. числа указательного склонения имеет окончание *-t'*, например *velä-t'* 'деревни', *kov-t'* 'месяца', то это явление явно вторичное, поскольку постпозитивный артикль *-t'* не мог изначально иметь значение род. падежа. Эти формы некогда имели *ñ*, т. е. *velä-ñt'*, *kov-ñt'*.

Трудно сказать, имел ли мокшанский язык формы указательного склонения в других падежах, кроме именительного, родительного и дательного. В мокшанских диалектах наблюдается то же самое состояние, что и в мокшанском литературном языке.

С. З. Деваев предполагает, что отсутствие последовательности в образовании падежных форм указательного склонения в средне-вадском диалекте мокша-мордовского языка свидетельствует о более позднем его происхождении и постепенном образовании его форм. Образование падежных форм указательного склонения нельзя считать законченным⁹⁶.

В некоторых диалектах эрзянского языка наблюдаются случаи переноса по аналогии постпозитивного артикля *-s* в формы косвенных падежей, в результате чего возникает плеонастическое сочетание двух постпозитивных артиклей.

Ниже приводится парадигма склонения имени с постпозитивным артиклем в больше-игнатовском диалекте эрзя-мордовского языка.

	Б.-Игнатовский диалект	Литературный язык
Им.	<i>скалос'</i>	<i>скалос'</i>
Род.	<i>скалос't'</i>	<i>скалон't'</i>
Дат.	<i>скалос't'э(н')</i>	<i>скалон't'эн'</i>
Отл.	<i>скалдос't'</i>	<i>скалдон't'</i>
Местн.	<i>скалос't'</i>	<i>скалсон't'</i>
Исх.	<i>скалстос't'</i>	<i>скалстон't'</i>
Н.-внос.	<i>скалос't'э</i>	<i>скалон't'эн'</i>
Перемест.	<i>скалгас't'</i>	<i>скалган't'</i>
Изъят.	<i>скалтомос't'</i>	<i>скалтомон't'</i>
Ср.	<i>скалшас't'</i>	<i>скалшкан't'</i> ⁹⁷

Аналогичное явление отмечено также в приалатырском диалекте эрзя-мордовского языка, ср., например, *кил'енс'* 'береза та', *кил'енс't'* 'березы той', *кил'енс't'ен* 'березе той' и т. д.⁹⁸

Развитие форм указательного склонения в мордовских языках стимулировалось в известной мере необходимостью иметь специальные формы мн. числа. Как указывалось выше, в косвенных падежах основного склонения формы мн. числа не различаются, например, эрз. *tumoi* означает 'дуба' и 'дубов', *kudoso* — 'в доме' и 'в домах'.

⁹⁶ Деваев, стр. 341.

⁹⁷ Давыдов, стр. 159, 160.

⁹⁸ Марков, стр. 43.

Формы указательного склонения, различавшие формально ед. и мн. число, в известной мере устраняли этот недостаток.

Некоторые авторы грамматик мордовских языков выделяют в этих языках так называемое вторичное склонение. Вряд ли есть особая необходимость в выделении этого типа склонения, так как вторичное склонение по существу является частной разновидностью указательного склонения. Сущность его состоит в том, что к формам косвенных падежей основного склонения может быть прибавлен постпозитивный артикль *-š*. Падежная форма в известной мере теряет свое падежное значение и приобретает значение, близкое к словообразовательному, ср., например, эрз. *kudoso* 'в доме', но *kudoso-š* 'находящийся в доме' или 'тот, кто находится в доме'. Вновь получившееся слово может в свою очередь изменяться по падежам по схеме указательного склонения, например *kudosoñt* 'находящегося в доме', *kudosoñteñ* 'находящемся в доме' и т. д.⁹⁹

В других уральских языках, где нет постпозитивного определенного артикля, это явление не наблюдается.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЕ СКЛОНЕНИЕ

Притяжательное склонение — это склонение имен существительных, снабженных притяжательными суффиксами. Система притяжательных суффиксов, несомненно, уже существовала в уральском языке-основе. Древняя система притяжательных суффиксов может быть реконструирована в следующем виде:

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>*-mγ¹⁰⁰</i>	<i>*-mγk</i>
2 л. <i>*-tγ</i>	<i>*-tγk</i>
3 л. <i>*-sγ</i>	<i>*-sγk</i>

Формы ед. и мн. числа образовывались от одной основы. Формы мн. числа отличались от форм ед. числа только показателем множественности *-k*. Показатель мн. числа *-k* указывал на число обладателей предмета: например, в венгерском языке *házun-k* (из *házun-k*) 'наш дом' *-k* показывает, что дом имеет нескольких владельцев. Для обозначения нескольких предметов владения в уральских языках употреблялся особый показатель множественности *-n*. На этом основании можно предполагать, что первоначально существовало две парадигмы имен с притяжательными суффиксами. Одна из них служила для обозначения одного предмета обладания, другая — для обозначения множества предметов обладания.

⁹⁹ ГМЯ, стр. 165.

¹⁰⁰ Знак γ мог представлять гласный заднего или переднего ряда в зависимости от гармонии гласных.

1. Предмет обладания в единственном числе

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>*mγ</i>	<i>*-mγk</i>
2 л. <i>*tγ</i>	<i>*-tγk</i>
3 л. <i>*sγ</i>	<i>*-sγk</i>

2. Предмет обладания во множественном числе

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>-n-mγ</i>	<i>*-n-mγk</i>
2 л. <i>-n-tγ</i>	<i>*-n-tγk</i>
3 л. <i>-n-sγ</i>	<i>*-n-sγk</i>

Конечный гласный в формах ед. числа во многих уральских языках исчезал. Его исчезновение было вызвано, по-видимому, стремлением к более четкому различению форм притяжательных суффиксов ед. и мн. числа, поскольку *k*-овый показатель множественности также исчез во многих уральских языках. Наиболее ясные его реликты сохранились в саамском языке, ср. норв. -саамск. *oabba-mek* 'наша сестра', *oabba-dek* 'ваша сестра', *oabba-sek* 'их сестра'. Есть следы этого суффикса в венгерском и мордовском языках, например в старых письменных памятниках венгерского языка: *ura-mk* 'наш господин', где *-mk* из *-mok* (в современном венгерском языке *-nk*, например *lov-unk* 'наша лошадь'), в эрзя-мордовском *kudo-nok* 'наш дом' (из *kudo-n-mok*). Реликтом *k* в ненецком языке является гортанный смычный, например: *ramna* 'наши лодки' и т. д. Конечный гласный в формах притяжательных суффиксов ед. числа в наиболее чистом виде сохранился в финском языке, ср. финск. *poika-ni* 'сын мой' (из *poikanme*), *poika-si* 'сын твой' (из *poika-se*). В остальных уральских языках в формах 1-го и 2-го лица ед. числа конечный гласный исчез.

В современных уральских языках это древнее состояние в значительной степени нарушилось, так как формы одной парадигмы или перемешивались с формами другой парадигмы, или одна парадигма, чаще парадигма без показателя *-n*, вытесняла другую парадигму.

Смешение двух парадигм обнаруживается, например, в современном финском языке. Форма *poikansa* может означать 'сын его' и 'сыновья его'. Эта форма первоначально принадлежала к парадигме с *n*-овым показателем множественности предметов обладания. Форма *poikanne* 'сын ваш' и 'сыновья ваши' исторически возникла из *poika-n-tek*, где показатель *-n* свидетельствует о былой принадлежности этой формы к парадигмам с *n*-овым показателем множественности. В системе притяжательных суффиксов в марийском языке также наблюдаются элементы смешения, ср. мар. *korn-e-m* 'мой путь', *korn-e-t* 'твой путь' *kornə-žo* 'его путь', *kornə-na* 'наш путь', *kornə-da* 'ваш путь', *kornə-št* 'их путь'. Форма притяжательного суффикса 1-го лица мн. числа *-na* содержит элемент *n*, что явно ука-

зывает на ее происхождение от архетипной формы **-n-myk*¹⁰¹.

При исследовании истории притяжательных суффиксов в мордовских языках эти исторические факты необходимо учитывать в первую очередь.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ

Подобно другим уральским языкам мордовские языки имеют систему притяжательных суффиксов для выражения отношений принадлежности. Эта система может быть представлена в следующем виде:

	Ряд	Языки	
		эрзянский	мокшанский
Ед. число	1 л.	-m, -n	-zā, -nā
	2 л.	-t, -t'	-cā, -tñā
	3 л.	-zo, -nzo	c-, -nza
Мн. число	1 л.	-nok, -nek	-ñkā
	2 л.	-nk	-ñtā
	3 л.	-st	-sna, -cna

Формы выражения принадлежности могут меняться в зависимости от числа обладателя и числа обладаемых предметов.

1. Один обладатель и одно обладаемое

	эрз.	мокш.	
1 л.	<i>kudo-m</i>	<i>ku l̥ž-zā</i>	‘мой дом’
2 л.	<i>kudo-t</i>	<i>ku l̥ž-cā</i>	‘твой дом’
3 л.	<i>kudo-zo</i>	<i>ku l̥ž-c</i>	‘его дом’

2. Один обладатель и много обладаемых

	эрз.	мокш.	
1 л.	<i>kudo-n</i>	<i>kud-nā</i>	‘мои дома’
2 л.	<i>kudo-t</i>	<i>kut-t'ñā</i>	‘твои дома’
3 л.	<i>kudo-nzo</i>	<i>kudž-nza</i>	‘его дома’

3. Много обладателей и одно или много обладаемых

	эрз.	мокш.	
1 л.	<i>kudo-nok</i>	<i>ku l̥ž-ñkā</i>	‘наш дом или наши дома’
2 л.	<i>kudo-nk</i>	<i>kudž-ñtā</i>	‘ваш дом’, ‘ваши дома’
3 л.	<i>kudo-st</i>	<i>kud-sna</i>	‘их дом’, ‘их дома’

¹⁰¹ Галкин, стр. 81.

В общемордовском языке, по всей видимости, была другая система притяжательных суффиксов. Реликты этой системы до сих пор сохраняются в некоторых диалектах. Особенно показательной в этом отношении является система притяжательных суффиксов, употребляемых в больше-игнатовском диалекте эрзя-мордовского языка. Приводим эту систему полностью.

1. Один обладатель и одно обладаемое (мой, твой, его)

Суффикс

1 л.	-m
2 л.	-t (-t')
3 л.	-zo (-zē)

2. Один обладатель и много обладаемых (мой, твой, его)

Суффикс

1 л.	-n (-ñ)
2 л.	-nt (-ñt')
3 л.	-ndzo (-ndzē)

3. Много обладателей и одно обладаемое (наш, ваш, их)

Суффикс

1 л.	-mok, -mek
2 л.	-nk
3 л.	-sk, -st

4. Много обладателей и много обладаемых (наш, ваш, их)

Суффикс

1 л.	-nok, -nek
2 л.	-nk
3 л.	-sk, -st ¹⁰²

Эти материалы дают возможность реконструировать древнемордовскую систему притяжательных суффиксов. Отличительной ее особенностью было — четкое формальное выражение множественности обладаемых.

1. Один обладатель и одно обладаемое (мой, твой, его)

Суффикс

1 л.	-m
2 л.	-t
3 л.	-zā (-zə)

¹⁰² Давыдов, стр. 151.

2. Много обладателей и одно обладаемое (наш, ваш, их)

Суффикс

1 л.	-mâk, -māk
2 л.	-tâk, -tāk
3 л.	-sk, -sâk, -sāk

3. Один обладатель и много обладаемых (мой, твой, его)

Суффикс

1 л.	-nm
2 л.	-nt
3 л.	-nzo, nza

4. Много обладателей и много обладаемых (наш, ваш, их)

Суффикс

1 л.	-nmâk, -nmāk
2 л.	-ntâk, -ntāk
3 л.	-nsâk, -nsāk

Современная система притяжательных суффиксов в мордовских языках возникла в результате смешения этих двух, первоначально четко оформленных, систем. Так, например, во 2-м лице в ряде «один обладатель и много обладаемых» множество обладаемых выражается простым суфф. -t, например эрз. *kudo-t* 'твой дома', хотя раньше оно выражалось суфф. -nt. В формах притяжательных суффиксов 1-го и 2-го лица мн. числа в современных мордовских языках присутствует элемент n, ср. эрз.-мокш. (-nok), -nek и мокш. -ñkâ, -ñtâ. Однако эти суффиксы могут также выражать одно обладаемое, например *kudo-nok* 'наш дом', *kudo-nk* 'ваш дом' и т. д.

Рассмотрим теперь, как соотносится система притяжательных суффиксов в современных уральских языках с системой притяжательных суффиксов уральского языка-основы.

Один обладатель и одно обладаемое

1-е лицо

Эрз.-т, например *kudo-t* 'мой дом'.

Эрзянская форма -т восходит к древней архетипной форме *-mγ, рефлексy которой имеются в других уральских языках, ср. мар. *pört-em* 'мой дом', *ola-m* 'мой город', коми-зыр. диал. *sočka-ym* 'моя сестра', удм. *gurla-m* 'в моей деревне', манс. *har-um* 'моя лодка', хант. *eve-m* 'моя дочь', сев.-саамск. *oabba-m* 'моя сестра', ненецк. *tubka-mi* 'мой топор'.

Мокшанская форма -zâ (например, *-kudâ-zâ* 'мой дом') явно аномальна и является более поздним новообразованием, поскольку здесь даже нет никаких следов обычного для уральских языков эле-

мента -т. Интересно объяснение этой формы, предложенное Д. В. Бубрихом. Он предполагает, что мокшанское *модазе* (диал. -нае) 'моя земля' сложилось из *модам* (или *модан*) 'моя земля' + *ся* 'тот'¹⁰³.

2-е лицо

Эрз. -t, например *kudo-t* 'твой дом'. Суфф. -t отражает архетипное *-tγ, имеющее рефлексy в родственных языках, ср. мар. *kni-ga-t* 'твоя книга', коми-зыр. *purt-yd*, диал. *purt-yt* 'твой нож', финск. *poika-si* (из *poika-ti*) 'твой сын', сев.-саамск. *oabba-d* 'твоя сестра', ненецк. *janu-d* 'твоя лодка'.

Мокшанская форма суфф. -câ (например, *kud-câ*) представляет явное новообразование. Суфф. -câ, по мнению Д. В. Бубриха, представляет результат слияния суфф. -t и указательного местоимения *zâ*. Мокшанское *модаце* 'твоя земля' сложилось из *модан* 'твоя земля' и *ся* 'тот'¹⁰⁴.

3-е лицо

Эрз. -zo, -zê, например *kudo-zo* 'его дом', *vele-zê* 'его деревня' отражает архетипное *-sγ. Соноризация s возникла в интервокальном положении (*kudoso* > *kudozo*). Конечный гласный суффикса, по-видимому, был редуцированным, нечто вроде ê. В эрзянском этот гласный через промежуточную ступень и перешел в o. Его передний вариант имел â. В мокшанском редуцированный отражен в виде a (â), ср., мокшанский суффикс 3-го лица мн. числа -nza (из -nzâ). Параллели в родственных языках: мар. *pört-šö* 'его дом', коми-зыр. *kerka-ys* 'его дом', удм. *purt-yz* 'его нож', финск. *poika-(n)sa* 'его сын', манс. *ota-te* 'его мать', саамск. *oabba-s* 'его сестра', ненецк. *janu-da* 'его лодка'.

Мокш. -с, например *kudâ-c* 'его дом'. Мокшанский суфф. -с возник в результате слияния местоименного элемента t с притяжательным суффиксом 3-го лица ед. числа -sa или -s¹⁰⁵. Гласные в вариантах суфф. âс и -эс могут быть вторичными.

Один обладатель и много обладаемых

1-е лицо

Эрз. -n, например *kudo-n* 'мой дома'. Эрзянское n восходит к архетипному *-nmγ. Общий ход развития можно представить таким образом: *-nmγ* > *nm* > *nr* > *n*. Современное -n явилось результатом упрощения геминаты *nn*.

Мокш.-nâ, например *kud-nâ* 'мой дома', *moda-nâ* 'мой земли'. По мнению Д. В. Бубриха, мокшанское *модане* 'мой земли' сложилось из *модан* (или *модам*) 'моя земля' + *ня* 'те'¹⁰⁶.

¹⁰³ Бубрих — II, стр. 202.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Raasonen — II, стр. 122.

¹⁰⁶ Бубрих — II, стр. 282.

2-е лицо

Эрз. *-t*, например, *kudo-t* 'твой дома'. Здесь произошла полная нивелировка форм *kudo-t* 'твой дом' и *kudo-nt* 'твой дома', так как в форме *kudo-t* 'твой дома' нет показателя множественности предметов обладания *-n*.

Мокш. *-tnä*, например *kut-tnä* 'твой дома', *moda-tnä* 'твой земли'. По мнению Д. В. Бубриха, мокшанское *модатне* 'твой земли' сложилось из *модат* 'твой земли' + *ня* 'те' ¹⁰⁷.

3-е лицо

Эрз. *-nzo*, например *kudo-nzo* 'его (ее) дома', мокш. *-nza*, например *kudä-nza* 'его дома'. Суфф. *-nzo* и *-nza* восходят к архетипному суфф. **-nsy*. Озвончение *s* в мордовских языках объясняется влиянием предшествующего *n*. В финском языке *s* после *n* не озвончается, ср., например, *poika-nsa* 'его сыновья'. Элемент *-n* в суфф. *-nzo*, *-nza* является показателем множественности предметов обладания. Конечный гласный суффикса был редуцированным. Вариант этого суффа. *zë* восходит к *zä*.

Много обладателей и одно или много обладаемых

1-е лицо

Эрз. *-nok*, *-nek*, например *kudo-nok* 'наш дом' и 'наши дома', *vele-nek* 'наше село' и 'наши села'. Эрзянский суфф. *-nok*, *-nek* восходит к архетипному суфф. **-ntyk* (*-ntÿk*), где *n* является показателем множественности предметов обладания. Общий путь развития *ntyk* > *nnäk* > *nik* > *nok* или *ntÿk* > *nnäk* > *nik* > *nek*. Можно предполагать, что в древнем эрзянском языке были две формы притяжательного суффикса мн. числа *-mok* (*-mek*) и *-nok* (*-nek*). Первая форма суффикса употреблялась для выражения одного предмета обладания, например *kudo-mok* 'наш дом'. Вторая форма служила для выражения множественности предметов обладания, например *kudo-nok* 'наши дома'. Позднее произошло обобщение формы *-nok* (*-nek*) для выражения обоих случаев, в результате чего форма *-mok* (*-mek*) исчезла.

Мокшанский суфф. *-ñkä*, например *kudä-ñkä* 'наш дом' и 'наши дома', представляет более позднее образование. В основе его, по-видимому, лежит суфф. *-nak*, к которому примкнуло *ä* под влиянием формы *kudäzä* 'мой дом'.

2-е лицо

Эрз. *-nk*, например *kudo-nk* 'ваш дом', 'ваши дома', *vele-nk* 'наше село', 'наши села'. Эрзянский суфф. *-nk* восходит к архетипной фор-

¹⁰⁷ Бубрих — II, стр. 282.

ме *-ntyk* (*-ntÿk*), где *n* является показателем множественности. Можно предполагать, что первоначальное *-ntyk* (*-ntÿk*) могло в эрзянском языке преобразоваться в *-nnäk* или *-nnäk* и затем в *-nok* или *-nek*, возможно, через промежуточные ступени *-nik*, *-nik*, что давало полное совпадение с формами суффиксов 1-го лица мн. числа *-nok* и *-nek*. В целях создания различных этих форм произошло нефонетическое выпадение срединного гласного *o* или *e*, откуда современная форма *-nk*.

Мокшанский суфф. *-ntä*, например *kudä-ntä* 'ваш дом', 'ваши дома', в лучшей степени отражает архетипную форму *-ntyk* (*-ntÿk*). Конечное *k* могло отпасть.

3-е лицо

Эрз. *-st*, например, *kudo-st* 'их дом', 'их дома'. Форма суффикса представляет какое-то более позднее новообразование, так как она непосредственно не развивается из архетипных форм **-nsyk* (**-nsÿk*) или **-syk* (**-sÿk*). Элемент *t* является в данном случае обычным суффиксом множественного числа имен существительных *-t*, например *kudo* 'дом', *kudo-t* 'дома'. Следует заметить, что форма притяжательного суффикса 3-го лица *-st* в эрзя-мордовском языке очень напоминает форму соответствующего притяжательного суффикса в марийском языке, ср. мар. *pört-ašt* 'их дома', *ter-ašt* 'их сани'.

Описывая больше-игнатовский говор эрзянского языка, М. М. Давыдов отмечает, что при выражении множества обладателей и одного обладаемого или множества обладателей и множества обладаемых в 3-м лице мн. числа среди старшего поколения жителей сел Андреевки и Чукал более употребительна форма типа *кудоск* с суфф. *-ск*, но встречаются и формы с суфф. *-ст*, причем значение этих двух параллельных форм идентично ¹⁰⁸. Дialectная форма суффа. *-sk*, по-видимому, отражает архетипный суфф. *-syk* (*-sÿk*), ср. норв.-саамск. *oabba-sek* 'их сестры'.

В суфф. *-st* труднообъяснимым является выпадение гласного. Если в 3-м лице ед. числа притяжательный суффикс имеет гласный (ср. эрз. *-zo*), то в форме *-st* гласный суффикса утратился. Не является ли форма без гласного более древней формой притяжательного суффикса 3-го лица ед. числа, тем более, что есть уральские языки, где этот суффикс не имеет гласного, ср. коми-зыр. *kerka-ys*, удм. *korka-uz* 'его дом', саамск. *oabba-s* 'его сестра'.

Мокш. *-sna*, например, *kud-sna* 'их дом', 'их дома'. Мокшанский суфф. *-sna* также представляет новообразование. Конечное *-na* труднообъяснимо. Когда-то здесь было *-st*, ср., например, *venčftämä-st* 'без их лодок'.

¹⁰⁸ Давыдов, стр. 153.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЕ СКЛОНЕНИЕ
В СОВРЕМЕННЫХ МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

Эрзянский язык
(*jalga* 'товарищ')

Ряд *тои* ('мой')

	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>jalga-m</i>	<i>jalga-n</i>
Род.	<i>jalga-m</i>	<i>jalga-n</i>
	<i>jalga-ñ</i>	
Дат.	<i>jalga-teñ</i>	
Отл.	<i>jalga-do-m</i>	<i>jalga-do-n</i>
Местн.	<i>jalga-so-m</i>	<i>jalga-so-n</i>
Исх.	<i>jalga-sto-m</i>	<i>jalga-sto-n</i>
Н.-вносит.	<i>jalga-zo-m</i>	<i>jalga-zo-n</i>
Перемест.	<i>jalga-va-m</i>	<i>jalga-va-n</i>
Преврат.	<i>jalga-kso-m</i>	<i>jalga-kso-n</i>
Ср.	<i>jalga-ška-m</i>	<i>jalga-ška-n</i>
Изъят.	<i>jalga-vto-mo-m</i>	<i>jalga-vtomo-n</i>

Большинство авторов грамматик мордовского языка считает, что в эрзянском языке произошло совпадение форм косвенных падежей ряда *тои* и притяжательный суф. *-m* принял форму *-n*, например *kudo-do-n* 'от моего дома' и 'от моих домов', *kudo-so-n* 'в моем доме' и 'в моих домах'. Однако авторы новой «Грамматики мордовских языков» придерживаются иного взгляда¹⁰⁹.

Ряд *тои* ('твой')

	Ед. число	Мн. число		Ед. число	Мн. число
Им.	<i>jalga-t</i>	—	Исх.	<i>jalga-sto-t</i>	
Род.	<i>(jalga-t)</i>		Н.-вносит.	<i>jalga-zo-t</i>	
	<i>jalga-t'</i>		Перемест.	<i>jalga-va-t</i>	
Дат.	<i>jalga-teñ</i>		Преврат.	<i>jalga-kso-t</i>	
Отл.	<i>jalga-do-t</i>		Ср.	<i>jalga-ška-t</i>	
Местн.	<i>jalga-so-t</i>		Изъят.	<i>jalga-vtomo-t</i>	

¹⁰⁹ ГМЯ, стр. 194.

Ряд *сонзэ* ('его')

	Ед. число	Мн. число		Ед. число	Мн. число
Им.	<i>jalga-zo</i>	<i>jalga-nzo</i>	Н.-вносит.	<i>jalga-zo-nzo</i>	
Род.	<i>jalga-nzo</i>		Перемест.	<i>jalga-va-nzo</i>	
Дат.	<i>jalga-nstë-nzë</i>		Преврат.	<i>jalga-kso-nzo</i>	
Отл.	<i>jalga-do-nzo</i>		Ср.	<i>jalga-ška-nzo</i>	
Местн.	<i>jalga-so-nzo</i>		Изъят.	<i>jalga-vtomo-nzo</i>	
Исх.	<i>jalga-sto-nzo</i>				

Ряд *minek* ('наш'). Ряд *тынк* ('ваш')

	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>jalga-nok</i>		<i>jalga-nk</i>	
Род.	<i>jalga-nok</i>		<i>jalga-nk</i>	
Дат.	<i>jalga-t'ne-neñ</i> <i>jalga-ñteñ</i>		<i>jalga-t'ne-neñ</i> <i>jalga-ñteñ</i>	
Отл.	<i>jalga-do-nok</i>		<i>jalga-do-nk</i>	
Местн.	<i>jalga-so-nok</i>		<i>jalga-so-nk</i>	
Исх.	<i>jalga-sto-nok</i>		<i>jalga-sto-nk</i>	
Н.-вносит.	<i>jalga-zo-nok</i>		<i>jalga-zo-nk</i>	
Перемест.	<i>jalga-va-nok</i>		<i>jalga-va-nk</i>	
Преврат.	<i>jalga-kso-nok</i>		<i>jalga-kso-nk</i>	
Ср.	<i>jalga-ška-nok</i>		<i>jalga-ška-nk</i>	
Изъят.	<i>jalga-vtomo-nok</i>		<i>jalga-vtomo-nk</i>	

Ряд *synst* ('их')

	Ед. число	Мн. число		Ед. число	Мн. число
Им.	<i>jalga-st</i>		Н.-вносит.	<i>jalga-zo-st</i>	
Род.	<i>jalga-st</i>		Перемест.	<i>jalga-va-st</i>	
Дат.	<i>jalga-ñteñ</i> <i>jalga-t'ne-neñ</i>		Преврат.	<i>jalga-kso-st</i>	
Отл.	<i>jalga-do-st</i>		Ср.	<i>jalga-ška-st</i>	
Местн.	<i>jalga-so-st</i>		Изъят.	<i>jalga-vtomo-st</i>	
Исх.	<i>jalga-sto-st</i>				

Структура эрзянских форм притяжательного склонения представляет довольно выдержанную схему. Составные части форм притяжательного склонения расположены в определенном порядке: «имя существительное + падежный суффикс + притяжательный суффикс». В этом отношении мордовские языки напоминают финский язык, где составные части форм притяжательного склонения расположены в таком же порядке, ср. финск. *maa-ssa-mme* 'в нашей стране', *maa-ha-ni* 'в мою страну' и т. д.

Вместе с тем в эрзянской парадигме существительных с притяжательными суффиксами имеется целый ряд явлений, которые на первый взгляд могут показаться аномальными. Так, например, в ряде *toń* в формах мн. числа притяжательный суффикс 1-го лица ед. числа *-m* меняется на *-n*, ср. *jalga-m* 'мой товарищ', но *jalga-n* 'мои товарищи'. В форме мн. числа *jalga-n* исторически когда-то было *m*, перед которым находился показатель множественности объектов обладания *-n jalga-nm*. Можно предполагать, что в дальнейшем конечное *m* уподобилось предшествующему *n* и долгое *nn* затем упростилось в *n* (*jalganm* > *jalgann* > *jalgan*).

Если в ряде *toń* еще сохраняется четкое различие форм единственного и множественного числа, то во всех остальных рядах этого различия уже не наблюдается и все формы оказываются полисемантическими, т. е. они могут в одинаковой мере выражать как единичный объект обладания, так и множество объектов обладания.

Можно предполагать, что в глубокой древности четкое различие между формами, выражающими единичный объект обладания, и формами, выражающими множественность объектов обладания, достаточно четко проводилось и в остальных рядах, поскольку мордовский язык располагал удобным средством для выражения множества объектов обладания. Мы имеем в виду формант *-n*.

В ряде *toń* когда-то было различие между формами *jalga-t* 'твой товарищ' и *jalga-n-t* 'твои товарищи', но поскольку *nt* напоминало постпозитивный артикль *-ńt* в косвенных падежах, форма *jalgant* в языке не удержалась. По этой причине различие между формами, выражающими одно обладаемое, и формами, выражающими множество обладаемых, в ряде *toń* исчезло.

В ряде *sonzě* в им. падеже различие между формами ед. и мн. числа выражено достаточно четко, ср. *jalga-zo* 'его товарищ', но *jalga-n-zo* 'его товарищи'. В косвенных падежах произошло обобщение формы мн. числа, которая получила одновременно значение формы ед. числа, ср. *jalga-do-nzo* 'о его товарище' и 'о его товарищах'. Это обобщение совершилось, по-видимому, не без влияния форм рядов *minek* и *tynk*.

В ряде *minek* некогда наличествовало различие форм *jalga-mok* 'наш товарищ' и *jalga-n-mok* 'наши товарищи'. Произошло обобщение формы мн. числа *jalga-n-mok* (> *jalga-nok*). При этом форма мн. числа стала двузначной.

Тот же самый процесс имел место и в ряде *tynk*. Здесь когда-то различались формы ряда *jalga-tok* 'ваш товарищ' и *jalga-n-tok*

'ваши товарищи'. Была обобщена форма мн. числа *jalga-n-tok* (*jalgantok* > *jalgannok* > *jalganok* > *jalgank*). Упрощение суфф. *-nok* в *-nk* вызвано стремлением избежать омонимии суффиксов, поскольку суффикс 1-го лица мн. числа также получил форму *-nok* (*jalga-nok* 'наш товарищ' или 'наши товарищи').

В ряде *synst* также произошло обобщение форм. Здесь, по-видимому, различались формы типа *jalga-st* 'их товарищ' и *jalga-n-st* 'их товарищи'. Обобщение осуществилось не без влияния рядов *minek* и *tynk*.

При сравнении падежных форм основного склонения с соответствующими падежными формами притяжательного склонения, употребляемыми в современном эрзянском языке, нетрудно заметить, что некоторые формы являются в известной мере аномальными, поскольку в них отсутствуют падежные показатели. К числу таких форм относятся, например, формы род. падежа:

kudo-m 'моего дома'

kudo-n 'моих домов'

kudo-t 'твоего дома' или 'твоих домов'

kudo-nzo 'его дома' и 'их домов'

Суффикс род. падежа *-ń* в вышеприведенных формах фактически отсутствует. Это аномальное явление может иметь различные причины:

1) Формы типа *kudo-m* 'моего дома' и *kudo-t* 'твоего дома' сохраняются с тех времен, когда суффикса род. падежа в мордовских языках еще не было. Два имени существительных, из которых одно было определением, а другое определяемым, сочетались по способу простого примыкания. 'Крыша моего дома' могло быть выражено как *kudo-m pra*, соответственно 'крыша твоего дома' — как *kudo-t pra*.

2) Суффикс род. падежа *-ń*, или его более древняя форма *-n*, мог в вышеприведенных формах присутствовать, но со временем он мог утратиться вследствие различных упрощений сочетаний согласных, например *kudo-n-m* 'моего дома', *kudo-n-n-m* 'моих домов' и т. д.

Что касается формы *kudo-nzo* 'его дома', то присутствие *n* в суфф. *-nzo* как будто бы свидетельствует о том, что *n* относится к суффиксу род. падежа.

Д. В. Бубрих предполагает, что древние падежные суффиксы перерабатываясь, могли входить в состав притяжательных суффиксов, например *кудонь* 'дома' и *кудонзо* 'дома его'; где нет *n* — показатель род. падежа, а есть *n* в составе притяжательного суффикса¹¹⁰.

Форма род. падежа в эрзянском может быть образована и другим способом. В ряде 1-го лица к основе прибавляется суфф. *-ń*, в ряде 2-го лица суфф. *-t'*, например *tetá-ń* 'моего отца', *ava-ń* 'моей матери', *jalga-ń* 'моего товарища', *sazoro-t'* 'твоей младшей сестры' и т. д.

¹¹⁰ Бубрих — II, стр. 66.

Как указывает М. Е. Евсевьев, этот способ распространяется на имена существительные, обозначающие родственников и близких говорящему лицу людей¹¹¹. Что касается других имен существительных, то указанные суффиксы уже начинают утрачивать значение принадлежности. Принадлежность в этом падеже обозначается уже при помощи отдельных притяжательных местоимений: *панстось монь лишмень* 'узда моей лошади', *алсь монь саразонь* 'яйцо моей курицы', *ловцось тонь скалсть* 'молоко твоей коровы', *вазось сонзэ скалсть* 'теленка его коровы'¹¹².

Возникновение способа типа *avañ* 'моей матери', *avat* 'твоей матери' и т. д. представляет известный интерес с исторической точки зрения. Форма *avañ* 'моей матери' образовалась под влиянием конечного палатализованного *n* притяжательного местоимения *тоñ* 'мой' (*тоñ avam* > *тоñ avañ*). По аналогии формы *avañ* 'моей матери' возникла форма *avat* 'твоей матери' (из *toñ avat*).

Дат. падеж притяжательного склонения в эрзянском языке не имеет своих форм. В значении дат. падежа во всех рядах притяжательного склонения употребляются формы дат. падежа указательного склонения. Исключение составляют формы рядов *тоñ* 'мой', 'мои', *тоñ* 'твой', 'твои', *sonzë* 'его' для имен родства. Имена родства в этих рядах в дат. падеже притяжательного склонения имеют формы: ряд *тоñ* 'мой', 'мои' — *-neñ* (*ava* 'мать', *ava-neñ* 'моей матери'), ряд *тоñ* 'твой', 'твои' — *-ten* (*ava-ten* 'твоей матери'), ряд *sonzë* 'его' — *-nsteñ* (*ava-nsteñ* 'его матери')¹¹³.

Основным стимулом возникновения этих форм, по всей видимости, явилась форма род. падежа *avañ* 'моей матери', под влиянием которой простая форма дат. падежа типа *avaneñ* 'матери' также приобрела значение принадлежности. По этому шаблону от формы *avat* 'твоей матери' была произведена форма дат. падеж *ava-ten* 'твоей матери'. Показатель дат. падежа *-ten* был перенесен по аналогии также в форму ряда *ego* (*ava-ns-ten* 'его матери').

История форм притяжательного склонения в мокшанском языке по сравнению с соответствующими эрзянскими формами является более сложной. В ряде *тоñ*, *тоñ* и *соñ* возникли новые формы род. и дат. падежей в обоих числах. В ряде *тоñ* суффиксы род. и дат. падежей ед. числа присоединяются непосредственно к новому притяжательному суффиксу 1-го лица ед. числа *-zä*, например, *orä-zä-ñ* 'моей шубы', *-orä-z-ti* 'моей шубе'. Что же касается соответствующих падежных форм мн. числа, то они по внешнему облику ничем не отличаются от соответствующих форм указательного склонения, например *or-nä* 'мои шубы', *or-näñ* 'моих шуб', *or-näñdi* 'моим шубам'. Здесь даже нет никаких следов самого притяжательного суффикса. Можно предполагать, что первоначально существовало различие между формами ед. и мн. числа: *orä-m* означало

¹¹¹ Евсевьев, стр. 111.

¹¹² Там же.

¹¹³ ГМЯ, стр. 92, 93.

Мокшанский язык

(or 'шуба')

Ряд *тоñ* ('мой')

	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>orä-zä</i>	<i>or-nä</i>
Род.	<i>or-ä-zeñ</i>	<i>or-näñ</i>
Дат.	<i>or-ä-z-ti</i>	<i>or-näñdi</i>
Отл.	<i>or-dä-n</i>	
Местн.	<i>or-sä-n</i>	
Исх.	<i>or-stä-n</i>	
Н.-вносит.	<i>or-ä-zä-n</i>	
Перемест.	<i>or-ga-n</i>	
Ср.	<i>or-ška-n</i>	
Изъят.	<i>or-ftämä-n</i>	

Ряд *тоñ* ('твой')

	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>or-cä</i>	<i>orx-nä</i>
Род.	<i>or-c-äñ</i>	<i>orx-näñ</i>
Дат.	<i>or-c-ti</i>	<i>orx-näñ-di</i>
Отл.	<i>or-dä-t</i>	
Мест.	<i>or-sä-t</i>	
Исх.	<i>or-stä-t</i>	
Н.-вносит.	<i>or-ä-zä-t</i>	
Перемест.	<i>or-ga-t</i>	
Ср.	<i>or-ška-t</i>	
Изъят.	<i>or-ftämä-t</i>	

'моя шуба', а *orä-m* — 'мои шубы'. Дальнейшие изменения могли происходить в следующем порядке:

- 1) *or-ä-m*   *or-ä-m*
- 2) — —   *or-ä-nn*
- 3) *or-ä-zä*   *or-nä*¹¹⁴

¹¹⁴ Возможно, что эти изменения и привели к сближению этих форм с формами указательного склонения.

Ряд *soñ* ('его')

	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>or-ə-c</i>	<i>or-ə-nza</i>
Род.	<i>or-ə-nc</i>	<i>or-ə-nzən</i>
Дат.	<i>or-ə-nc-ty</i>	<i>or-ə-nzəndy</i>
Отл.	<i>or-də-nza</i>	
Местн.	<i>or-sə-nza</i>	
Исх.	<i>or-stə-nza</i>	
Н.-вносит.	<i>or-ə-zə-nza</i>	
Перемест.	<i>or-ga-nza</i>	
Ср.	<i>or-ška-nza</i>	
Изъят.	<i>or-ftəmə-nza</i>	

Ряд *miñ* ('наш')

	Ед. число	Мн. число		Ед. число	Мн. число
Им.	<i>or-ə-ñ-kā</i>		Исх.	<i>or-stə-nk</i>	
Род.	<i>or-ə-ñ-kəñ</i>		Н.-вносит.	<i>or-ə-zə-nk</i>	
Дат.	<i>or-ə-ñ-kəñdi</i>		Перемест.	<i>or-ga-nk</i>	
Отл.	<i>or-də-nk</i>		Ср.	<i>or-ška-nk</i>	
Местн.	<i>or-sə-nk</i>		Изъят.	<i>or-ftəmə-nk</i>	

Ряд *tiñ* ('ваш')

	Ед. число	Мн. число		Ед. число	Мн. число
Им.	<i>or-ə-ñtā</i>		Исх.	<i>or-stə-nt</i>	
Род.	<i>or-ə-ñtəñ</i>		Н.-вносит.	<i>or-ə-zə-nt</i>	
Дат.	<i>or-ə-ñtə-ñdi</i>		Перемест.	<i>or-ga-nt</i>	
Отл.	<i>or-də-nt</i>		Ср.	<i>or-ška-nt</i>	
Местн.	<i>or-sə-nt</i>		Изъят.	<i>or-ftəmə-nt</i>	

Ряд *siñ* ('их')

	Ед. число	Мн. число		Ед. число	Мн. число
Им.	<i>or-s-na</i>		Исх.	<i>or-stə-st</i>	
Род.	<i>or-s-nəñ</i>		Н.-вносит.	<i>or-ə-zə-st</i>	
Дат.	<i>or-s-nəñ-dy</i>		Перемест.	<i>or-ga-st</i>	
Отл.	<i>or-də-st</i>		Ср.	<i>or-ška-st</i>	
Местн.	<i>or-sə-st</i>		Изъят.	<i>or-ftəmə-st</i>	

Этим, между прочим, можно объяснить отсутствие *t* в формах *or-nā*, *or-nəñ* и *or-nəñdi*.

В мокшанском языке в остальных косвенных падежах также наблюдается смена притяжательного суффикса 1-го лица *-m* на *-n*.

В ряде *toiñ* наблюдаются те же инновации. Произошло образование новых форм, род. и дат. падежей в ед. числе, ср. *or-cā* 'твоя шуба', *or-cə-ñ* 'твоей шубы', *or-é-ti* 'твоей шубе'. Соответствующие падежные формы мн. числа также совпадают с формами указательного склонения (*orx-nā* 'мои шубы', *orx-nəñ* 'моих шуб', *orx-nəñdi* 'моим шубам'). Формы остальных косвенных падежей, как и в эрзянском, по числам не различаются.

В ряде *soñ* образование новых форм род. и дат. падежей имеет некоторые особенности. Форма дат. падежа ед. числа *orə-nc-ty* 'моим шубам' явно образована на основе формы род. падежа *orə-nc*. В форме род. падежа показатель род. падежа предшествует притяжательному суффиксу *-c*. Формы им., род. и дат. падежей мн. числа не совпадают с соответствующими формами указательного склонения, как это имеет место в рядах *toiñ* и *toiñ*. Большой интерес представляет форма род. падежа мн. числа *orənzə-n*, содержащая, по-видимому, более архаичный суффикс род. падежа *-n*, ср. современный суффикс *-ñ*. Форма дат. падежа мн. числа аналогично форме дат. падежа ед. числа образована на основе формы род. падежа, ср. *orəñzəñ* 'его шуб' и *orənzəñ-dy* 'его шубам'. В остальных косвенных падежах, так же как и в эрзянском, произошла нивелировка форм ед. и мн. числа за счет обобщения форм мн. числа, ср. *orftəmə-nza* 'без его шубы' и 'без его шуб'.

В ряде *miñ* образование новых форм им., род. и дат. падежей осуществилось довольно своеобразно. В основе этих форм, по-видимому, лежат древние формы с суффиксом *-nməñk*, который со временем превратился через промежуточную ступень *-nəñk* в *-nk*. В им. падеже к этому новому суффиксу *-nk* под влиянием формы им. падежа с суффиксом *-zə*, например *orə-zə* 'моя шуба', было прибавлено *ä*, в результате чего *orə-nk* 'наши шубы' превратилось в *orə-ñkā*. Изменение гласного *ä* в формах род. падежа *or-ə-nkəñ* 'наших шуб' и дат. падежа *or-ə-nkəñdi* 'нашим шубам' произошло, очевидно, под влиянием

соединительного гласного *ä*. Косвенные падежи сохраняют более старую форму суффикса *-nk* без конечного *ä*.

Структура ряда *tiñ* очень напоминает структуру ряда *miñ*. Здесь также образовались новые формы им., род. и дат. падежей. Притяжательный суффикс 2-го лица мн. числа *-nt* получает наращение *ä*, что может быть результатом выравнивания по аналогии, ср. соответствующую форму им. падежа ряда *miñ* — *oräñkä*.

Формы косвенных падежей, начиная с отложительного, не имеют числовых различий. Характерной чертой этого ряда, как и ряда *miñ*, является образование формы дат. падежа на основе формы род., например *oräñtän* 'моих шуб' и *oräñtän-di* 'моим шубам'.

В ряде *siñ* в косвенных падежах, как и в эрзянском языке, выступает притяжательный суффикс *-st*. Новые формы им., род. и дат. падежей очень своеобразны, ср. *orsna* 'их шубы', *orsnän* 'их шуб', *orsnändy* 'их шубам'. Сложный процесс их образования можно было бы гипотетически представить таким образом: первоначально формы им., род. и дат. падежей ряда *siñ* совпали с формами указательного склонения, образованными от основы *ors*, т. е. *ors-nä*, *ors-nän* и *ors-nändi* аналогично соответствующим формам ряда *moñ* *ornä*, *or-nän* и *or-nändi*. Затем формы *orsnä*, *orsnän* и *orsnändi* испытали какое-то влияние форм ряда *soñ* *oränza*, *oränzän* и *oränzändy*, в результате чего образовались современные формы *orsna*, *orsnän* и *orsnändy*. Иным путем объяснить происхождение этих форм не представляется возможным. В ряде *siñ* также имеет место нивелировка форм ед. и мн. числа за счет обобщения форм ед. числа.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Мордовские языки не отличаются богатством словообразовательных средств. Немногочисленные суффиксы, служащие для образования имен существительных, можно разделить на две категории: 1) суффиксы, служащие для образования имен существительных от основ существительных или прилагательных и 2) суффиксы, служащие для образования существительных от глагольных основ.

Суффиксы, служащие для образования имен существительных от основ других существительных или прилагательных

-č*i* (эрз.), -š*i* (мокш.)

Этот суффикс употребляется для образования абстрактных имен существительных от имен прилагательных, ср. эрз. *mazyj-č*i** 'красота' от *mazyj* 'красивый', *paro-č*i** 'доброта' от *paro* 'добрый'; *šum-bra-č*i** 'здоровье' от *šumbra* 'здоровый'; мокш. *orža-š*i** 'острота' от *orža* 'острый', *vidä-š*i** 'справедливость' от *vidä* 'прямой', *tesna-š*i** 'теснота' от *tesna* 'тесный' и т. д.

Суффикс не имеет параллелей в родственных языках, так как появился в мордовских языках относительно поздно. Он образовался из самостоятельного слова, обозначающего день, ср. эрз. *č*i**, мокш. *š*i** 'день'.

Известной типологической параллелью могут служить абстрактные имена существительные на *-lun* в коми-зырянском языке, например *mič-lun* 'красота', *pemyd-lun* 'темнота', *bur-lun* 'доброта' и т. д. Суффикс *-lun* также восходит к самостоятельному слову *lun* 'день'. *Pemydlun* 'темнота', возникло из словосочетания *pemyd lun* 'темный день'. Затем это было воспринято как абстрактное существительное 'темнота'. Позднее суффикс *-lun* был обобщен и перенесен на другие случаи типа *žonvižalun* 'здоровье'.

-de

Суффикс *-de* совместно с притяжательными суффиксами *-ñ*, *-t'*, *-nzë*, *-nek*, *-nk* и *-st* имеет собирательное значение, указывает на присутствие при названном лице других лиц. Он употребляется только с именами родства, причем названное лицо по возрасту старше лица, указываемого притяжательным суффиксом, например: эрз. *pat'a* 'старшая сестра', *pati-de-ñ* 'моя старшая сестра с другими лицами', *pati-de-t'* 'твоя старшая сестра с другими лицами', *pati-de-nzë* 'его старшая сестра с другими лицами', *pati-de-nek* 'наша старшая сестра с другими лицами' и т. д. Этот суффикс в эрзянском языке малопродуктивен. В мокшанском языке не употребляется¹¹⁵.

Д. В. Бубрих считал суффикс *-de* генетически родственным суффиксу множественного числа существительных *-t*, *-t'*, который также некогда был словообразовательным суффиксом с собирательным значением¹¹⁶.

-i n a

Чаще всего обозначает место, в котором находятся какие-либо предметы, например *čokov* 'соловей', *čokov-ina* 'место, богатое соловьями', *topol-ina* 'страна тополей'. Исключение составляет *umar-ina* 'яблоня'. Первоначально, по-видимому, это слово обозначало место, где 'растут яблони' или 'яблоневый сад'. В современном эрзянском языке это очень редкий и непродуктивный суффикс. В мокшанском языке полностью отсутствует¹¹⁷.

Возможна генетическая связь этого суффикса с пермским суффиксом *-in*, ср. коми-зыр. *piv-in* 'место, где растет брусника' или 'брусничник', *olan-in* 'место жилья', *rožōta-in* 'место, где растут сосны', удм. *aran-ni* 'место жатвы' (*aranu* 'жать'). Пермский суффикс *-in* (*-ni*) возник из самостоятельного слова *in* 'место'.

¹¹⁵ ГМЯ, стр. 41.

¹¹⁶ Бубрих — II, стр. 78.

¹¹⁷ ГМЯ, стр. 41.

Значение суфф. -ka — указание на принадлежность предмета или лица к определенной группе предметов или лиц по их общему признаку, например эрз. *ava* 'женщина', *ava-ka* 'самка', *at'a* 'муж', *at'a-ka* 'самец', *raužo* 'черный', *rauš-ka* 'чернявый', *jakstere* 'красный', *jakstef-ka* 'свекла', *Potapiñ-ka* 'Из рода Потаповых', *Мокейñ-ka* 'из рода Мокеевых', *Ivanuñ-ka* 'из рода Ивановых'¹¹⁸.

По мнению Т. Лехтисало, этот суффикс восходит к суфф. -kka, генетически связанному с прауральским суффиксом отыменных существительных -kk¹¹⁹.

Суфф. -ka в значении 'относящийся к какой-либо группе предметов' может быть сопоставлен также с финским суфф. -kkø, например. *vena-kko* 'русская женщина (относящаяся, принадлежащая к русскому народу)'¹²⁰.

-ke (эрз.), -k ä (мокш).

Суффикс употребляется для образования уменьшительных имен существительных, ср. эрз. и мокш. *piks* 'веревка', эрз. *piks-ke*, мокш. *piks-kä* 'веревочка'; мокш. *traks* 'корова', *traks-kä* 'коровушка', эрз. *oš* 'город', *oš-ke* 'городок', мокш. *surks* 'кольцо', *surks-kä* 'колечко' и т. д.

Т. Лехтисало возводит этот суффикс к прауральскому суффиксу уменьшительных прилагательных -kk¹²¹. Имеются многочисленные параллели в родственных языках, ср. финск. *vasi-kka* 'теленка' при *vasa* 'теленка' (значение уменьшительности в словах с этим суффиксом в большинстве случаев затемнено). Сюда же Т. Лехтисало относит суффикс собирательных имен существительных -kko, например *koivi-kko* 'березняк' от *koivu* 'береза', коми-зыр. *pi-uk* 'сын' от *pi* 'сын'; *nyl-uk* 'доченька' от *nyl* 'дочь', 'девушка', манс. *tür-ke* 'озерко' от *tür* 'озеро', венг. *ene-k* 'песня', ср. финск. *ääni* 'голос', ненецк. *рада-kko* 'прутик' от *рада* 'прут'¹²².

-k s (-k š).

Значение суфф. -ks, -kš — указание на подобие или предназначение, например, эрз. и мокш. *ned'* 'черенок', *net'-ks* 'ботва' (подобие черенка, как черенок); *sur* 'палец', *sur-ks* 'кольцо' (предмет для пальца); *at'a* 'старик', 'муж', 'мужчина', *at'a-kš* 'петух' (подобие мужчины, мужского рода) и т. п.

¹¹⁸ ГМЯ, стр. 40.

¹¹⁹ Lehtisalo, стр. 364, 359.

¹²⁰ Бубрих — I, стр. 100.

¹²¹ Lehtisalo, стр. 359.

¹²² Там же, стр. 360—367.

При помощи суфф. -ks, -kš образуются существительные от имен, например: эрз. и мокш. *kar* 'лапоть', *kar-ks* 'обора', позднее всякая тонкая веревка; мокш. *jam* 'каша', *jam-ks* 'крупа'; *pile* 'ухо', эрз. *pile-ks*, мокш. *pil'-ks* 'серьга'; эрз. *čev*, мокш. *šäv* 'лучина', эрз. *čev-ks*, мокш. *šäv-ks* 'полено для лучины'; эрз. и мокш. *ava* 'женщина', *ava-kš* 'цыпленок самка'.

Этот суффикс может также образовывать существительные и прилагательные от глагольных основ, которые будут показаны в соответствующих разделах.

Суффикс имеет параллели в родственных языках. В марийском языке ему соответствует суфф. -aš (-š), например: *wočk-aš* 'материал для кадушки' от *wočko* 'кадка, кадушка', *jol-aš* 'штаны' от *jol* 'нога', *parñ-aš* 'наперсток' от *parña* 'палец' *šür-aš* 'крупа' от *šür* 'щи' и т. д. Значение этого суффикса очень напоминает значение суфф. -ks в мордовских языках. Так, например, *jol-aš* 'штаны' — это нечто, предназначенное для ног (*jol* 'нога'), *šür-aš* 'крупа', т. е. нечто, предназначенное для супа (*šür* 'суп') и т. д.

В коми-языке мордовскому суфф. -ks соответствует суфф. -ōs, например *purt-ōs* 'ножны', т. е. то, что предназначено для ножа (*purt*), в удмуртском -es, например *purt-es* 'ножны', ср. также финск. *sormus* (*sormukse-*) 'кольцо' (*sormi* 'палец').

Суфф. -ks восходит к прауральскому суффиксу отыменных существительных -ks.

-ne, -nā

Суфф. -ne, -nā употребляется в мордовских языках как уменьшительный суффикс, ср. эрз. *vele*, мокш. *velä* 'село', эрз. *veli-ne*, мокш. *velä-nā* 'сельцо', эрз. и мокш. *val* 'слово', эрз. *val-ne*, мокш. *val-nā* 'словечко', эрз. *skal* 'корова', *skal-ne* 'коровушка', эрз. *kev* 'камень', *kev-ne* 'камешек', эрз. *pejel* 'нож', *pejel-ne* 'ножичек', эрз. *kal* 'рыба', *kal-nē* 'рыбка'. Генетически этот суффикс тождествен уменьшительному суффиксу прилагательных -ne, -na (см. стр. 76).

Суффиксы, служащие для образования имен существительных от глагольных основ

-k s

Суфф. -ks может образовывать имена существительные от глаголов, эрз. *promts*, мокш. *purätäts* 'собраться', эрз. *prom-ks*, мокш. *purät-ks* 'собрание', 'сход'; эрз. *riznems*, мокш. *riznams* 'печалиться'. эрз. *ris-ks*, мокш. *riz-ks* 'печаль'; эрз. *sē-redems* 'болеть', *sēret'-ks* 'болезнь', эрз. *viždems* и мокш. *viždäms* 'стыдиться', эрз. *viš-ks*, мокш. *viž-ks*, 'стыд', эрз. *lazoms*, мокш. *lazäms* 'расколоть', *las-ks* (эрз.) 'щель', 'трещина', *laz-ks* (мокш.) 'гроб' и т. д.

Употребляется для образования имен существительных от глаголов, ср. эрз. *vačkodema* 'удар' *vačkodem* 'ударить', *ižña-mo* 'победа' от *ižñams* 'победить', *koda-mo* 'плетение' от *kodams* 'плести', *kole-ma* 'порча' от *kolems* 'испортиться', *kočka-mo* 'выборы' от *kočkams* 'выбирать', *lise-ma* 'выход' от *lisems* 'выходить', *mije-ma* 'продажа' от *mijems* 'продавать', *pra-mo* 'падение' от *prams* 'упасть'. мокш. *eġa-ma* 'жизнь' от *eġams* 'жить', *južna-ma* 'хрип' от *južnams* 'хрипеть', *lažadoma* 'скука' от *lažadams* 'скучать', *maksâ-ma* 'вручение' от *maksâms* 'дать', *säzâ-ma* 'разрыв' от *säzâms* 'разрывать' и т. д.

Суффикс восходит к прауральскому суффиксу отглагольных имен существительных -m. Параллели имеются во всех уральских языках, ср. сев. -саамск. *borrá-m* 'пища' от *borrá* 'есть', *aelle-m* 'жизнь' от *aelle* 'жить', финск. *elä-mä* 'жизнь' от *elä* 'жить', *kuole-ma* 'смерть' от *kuole* 'умирать', *vaati-m-us* 'требование' от *vaati* 'требовать', мар. *jüle-m* 'гарь' от *jülaš* 'гореть', *ile-m* 'жизнь' от *iläš* 'жить', коми-зыр. *mun-öm* 'ходьба' от *munny* 'идти', *ol-öm* 'жизнь' от *olny* 'жить', манс. *joxt-um* 'пришедший', *min-am* 'ушедший', ханг. *oms-äm* 'сидевший', *man-äm* 'ушедший', венг. *ál-om* 'сон' (ср. *ál* в *álsz* 'спать'), *ör-öm* 'радость', (ср. *ör* в *örül* 'радоваться'), ненецк. *pirdyr-ma* 'состязание' от *pirdyr* 'состязаться', *honarkur-ma* 'извещение' от *honarkur* 'извещать', 'сигнализовать' и т. д.

Полусуффиксы

В мордовских языках есть некоторые суффиксальные образования, возникшие на базе словосложения.

Второй элемент этих слов в результате присоединения к разным словам до некоторой степени уже утратил первоначальное значение того слова, от которого он происходит, и превратился в своеобразный полусуффикс. Таких полусуффиксов в мордовских языках немного.

- p e l', - p ä l'

Полусуффикс -*pel'*, -*päl'* происходит от самостоятельного слова *pel'* - *päl'* 'часть'. Он присоединяется к отглагольным существительным на -*mo*, -*ma*, образуя новые слова, обозначающие объект или предмет какого-либо действия, ср. эрз. *jarsamo-pel'*, мокш. *jarxam-läl'* 'еда', 'кушанье', эрз. *simema-pel'*, мокш. *simom-bäl'* 'питье', эрз. *uštoma-pel'*, мокш. *uštâm-bäl'* 'топливо' от *uštâma* 'топка' (действие)¹²³.

Эти образования напоминают образования со словом *tor* в коми-языке, ср. коми-зыр. *šojan-tor* 'еда', *juan-tor* 'питье' и т. д. *Tor* буквально означает 'кусочек'.

¹²³ ГМЯ, стр. 54.

Полусуффикс -*pulo*, -*pula* обычно обозначает место, где что-либо произрастает или водится, ср. эрз. *kuz-bulo* 'ельник' (*kuz* 'ель'), *iñzej-bulo* 'малинник' (*iñzej* 'малина'), эрз. *piče-pulo*, мокш. *piče-pula* 'сосняк' (*piče* 'сосна'), эрз. *kilej-bulo*, мокш. *kelu-bula* 'березняк' (*kilej*, *kelu* 'береза'), эрз. *joznë-pulo* 'место, где водятся змеи' (*joznë* 'змея'). Происходит этот полусуффикс от самостоятельного слова *pulo*, *pulä* 'роща'.

В эрзянском языке обнаруживаются также другие полусуффиксы, имеющие крайне ограниченное распространение, ср., например, -*mař* в словах *la-mař* 'черемуха', *moda-mař* 'картошка' и -*mař* 'яблоко'. Происходит от самостоятельного слова *mař* 'ягода', ср. мар. *mör*, финск. *marja*. Слово *mař*, по-видимому, в современном эрзянском языке уже не употребляется. Обращает на себя внимание также полусуффикс неизвестного происхождения -*kaz*, обнаруживаемый в таких словах, как *met'-kaz* 'ящерица', *veř-gaz* 'барсук' и т. д.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имена прилагательные в мордовских языках, как и в других уральских языках, можно разделить на две категории: имена прилагательные, не имеющие специальных суффиксов, например эрз. *od* 'новый', эрз. *rokš* 'большой', *beñañ* 'плохой', эрз. *paro*, мокш. *para* 'хороший' и т. д., и имена прилагательные, имеющие специальные словообразовательные суффиксы, ср. эрз. *rudaz-ov* 'грязный' от *rudaz* 'грязь', *kšni-ñ* 'железный' от *kšni* 'железо', *ašo-la* 'беловатый' от *ašo* 'белый', мокш. *pavaz-u* 'счастливый' от *pavaz* 'счастье', мокш. *ser-i* 'высокий' от *serä* 'рост', *vaj-i* 'маслянистый' от *vaj* 'масло' и т. д.

Во многих уральских языках прилагательные при соединении с именами существительными не подвергаются никаким изменениям, т. е. не согласуются с ними в падеже, ср. коми-зыр. *žyžyd kerka* 'высокий дом', *žyžyd kerkalōn* 'высокого дома', *žyžyd kerkaly* 'высокому дому', *žyžyd kerkayš* 'из высокого дома' и т. д. или мар. *u pört* 'новый дом', *u pörtan* 'нового дома', *u pörtlan* 'новому дому' и т. д. Мордовские языки также унаследовали эту особенность уральского языка-основы, ср. эрз. *od kudo* 'новый дом', *od kudoñ* 'нового дома', *od kudoneñ* 'новому дому' и т. д. Прилагательные в мордовских языках могут согласоваться в числе с именами существительными, если они находятся в позиции сказуемого, напр. эрз. *kudot parot* 'дома хорошие'.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Сравнительная степень

В отличие от таких финно-угорских языков, как прибалтийско-финские, лапландский, марийский и венгерский, мордовские языки не имеют особого морфологического показателя сравнительной степени. Сравнение одного предмета с другим осуществляется синтаксическим путем. При этом предмет, с качеством которого сравнивают качества другого предмета, ставится в форме отложитель-

ного падежа, за ним следует прилагательное в неизменяемой форме¹, ср., например, эрз.: *Šamazo lovdo ašo* 'Лицо его белее снега'; *Pet'a V a ñ a d o o d* 'Петя моложе Вани'; *Kizë telede paro* 'Лето лучше зимы'. Подобный прием выражения сравнения наблюдается и в других уральских языках, ср., например, в коми: *Puys kerka y š žyžyd* 'Дерево выше дома'; *Zina tom N a d'ay š* 'Зина моложе Нади'; ненецк.: *Сехэры с а р и я х а д лама* 'Дорога шире тропы'; Хой *т ю н д к о х о д пирыя* 'Гора выше бугорка'; *Нохо п и я х а д нгарка* 'Песец больше горностая'².

В марийском языке, в котором в настоящее время нет специальной формы отложительного падежа, в этих целях используется конструкция с послелогом *deč* 'от', например: *Лум кагаз деç ошо* 'Снег белее бумаги'; *Юл энэр Какиан энэр деç келге* 'Река Волга глубже реки Кокшаги'³.

В языках прибалтийско-финских, саамском и венгерском существуют рефлексы специального суффикса сравнительной степени *-mp*, например финск. *korkea* 'высокий' — *korkea-mpi* 'выше', *ahkera*, 'прилежный' — *ahkera-mpi* 'прилежнее', венг. *magas* 'высокий' — *magas-abb* 'выше', *kis* 'маленький' — *kis-ebb* 'меньше', норв.-саамск. *nuorra* 'молодой' — *nuora-b* 'моложе', *baha* 'плохой' — *baha-b* 'хуже', *buorre* 'хороший' — *buore-b* 'лучше'.

Есть некоторое основание предполагать, что суфф. *-mp/-mb* в мордовских языках также существовал, поскольку от него сохранились некоторые, правда, очень слабые следы. Этот суффикс выступает в таких словах, как эрзя-морд. *ombo*, мокш. *omba* 'другой', 'иной' (*ombo*, *omba* образованы от местоименной основы *o-*), мокш. *sembä* 'все' (образовано от местоименной основы *se* 'этот', 'тот'), эрз. *tombale*, мокш. *tom-bal* 'на другой стороне' (образовано от местоименной основы *to-*).

Трудно сказать, что представлял некогда существовавший в мордовских языках суфф. *-mb*. Можно предполагать, что в своем развитии он не доходил до степени показателя сравнительной степени. Образования с этим суффиксом, по всей видимости, обозначали только бо́льшую степень обладания качеством по сравнению со своими производными. Ю. Вихман, рассматривая прилагательные с суфф. *-ōb* в коми-зырянском языке типа *rez-ōb* 'бойкий', *volsk-ōb* 'гладкий', 'скользкий' и т. д. и предполагая, что суфф. *-ōb* отражает древний суфф. *-mp*, называл подобные образования *nomina augmentativa* или *intensiva*⁴.

Можно предполагать, что синтаксический способ выражения сравнительной степени является в уральских языках наиболее древним. В отдельных уральских языках некоторые суффиксы типа *-mp*, выражавшие более высокую степень обладания каким-либо

¹ СКЯ, стр. 168.

² Терещенко — II, стр. 272.

³ СМЯ, стр. 103.

⁴ Wichmann — II, стр. 192—193.

качеством, могли превращаться в средства выражения сравнительной степени, но это явление не было повсеместным.

Для усиления степени сравнения к форме отложительного падежа существительного могут прибавляться частицы *-jak* (эрз.) и *-ja* (мокш.)⁵, ср. эрз. *čide-jak valdo* 'светлее солнца', *varmado-jak bojka* 'быстрее ветра', *son moñda-gak kozä* 'он богаче меня', мокш. *kovnäda-ja valdänälät* 'ты был светлее луны'.

В мордовских языках предметы могут сравниваться не только по линии большей степени обладания каким-либо качеством, но также и по линии обладания меньшей степенью качества. Обладание меньшей степенью качества выражается путем нанизывания уменьшительных суфф. *-ke* и *-ne* (в эрз.), и *-kä* и *-nä* (в мокш.), ср. эрз. *viška* 'малый', *viški-ne* 'маленький', *viški-ñ-ki-ne* 'малюсенький' или 'самый маленький', *alka* 'низкий', *alki-ne* 'низенький', *alki-ñ-ki-ne* 'самый низкий', мокш. *šuva-nä* 'тоненький', *šuva-nä-nä* 'самый тонкий', *jomla* 'маленький', *jomla-nä* 'малюсенький', *jomlä-nä-nä* 'самый маленький'⁶.

Если один предмет сравнивается с другим и предмет, с которым он сравнивается, при этом не указывается, то добавляется вместо опущенного предмета форма указательного местоимения эрз. *sede* мокш. *šada*, которая и является выразителем сравнительной степени. Примеры: эрз. *Teči sede lembe*, мокш. *Täči šada lämbe* 'Сегодня теплее' (букв. 'сегодня того тепла'); эрз. *Son sede vijeve*, мокш. *Son šada viji* 'Он сильнее, он более сильный'⁷.

По своему происхождению формы *sede* и *sädä* являются формами отложительного падежа от местоимения *se, sä* 'этот'.

Превосходная степень

Превосходная степень образуется при помощи частиц: эрз. *sex, sexte* 'самый', *ine, eñ* 'наи', мокш. *sembäda* 'наи' 'самый', *iñ* 'наи', ср. эрз. *sehte vadŋa* 'замечательный', 'превосходный', *sehte šoždyne* 'самый легкий', мокш. *sembäda staka* 'тяжелее всех'. Частица *iñ* обозначает абсолютное превосходство, ср. мокш. *iñ akša panar* 'самая белая', 'наибелеешая рубашка', эрз. *eñ paro* 'самый хороший'.

Используется также заимствованное из русского языка местоимение *samaj* 'самый', например эрз. *samaj paro* 'самый лучший', мокш. *samaj oñi* 'самый большой' и т. д.

Превосходная степень в мордовских языках может быть также выражена сочетанием одного и того же прилагательного в форме отложительного падежа и последующей за ней формой им. падежа, например эрз. *pokštojak pokš* 'больше всех', 'самый большой'.

К превосходной степени по значению приближается усилитель-

ная форма, образуемая повторением прилагательного, например мокш. *akša-akša* 'белый-пребелый'.

Для образования превосходной степени используются также в эрзянском языке частицы *tuñ* и *dum*, например эрз. *dum raužo* 'совершенно черный', а также наречия *vel't* (эрз.) и *vel'f* (мокш.), означающие 'слишком'⁸.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Мордовские языки не отличаются особым богатством словообразовательных суффиксов имен прилагательных. Продуктивных суффиксов в этих языках очень мало. Абсолютно преобладающее число словообразовательных суффиксов представляет в настоящее время уже мертвые и непродуктивные образования.

Суффиксы, служащие для образования прилагательных в мордовских языках, можно разделить на две категории: 1) суффиксы, служащие для образования прилагательных от основ других прилагательных и 2) суффиксы, служащие для образования прилагательных от основ существительных.

Суффиксы, служащие для образования прилагательных от основ других прилагательных

-la

При помощи этого суффикса образуются так называемые ограничительные прилагательные, обозначающие неполноту качества, напр. эрз. *ašo-la* 'беловатый' от *ašo* 'белый', *ožo-la* 'желтоватый' от *ožo* 'желтый', *sēne-la* 'синеватый' от *sēñ* 'синий', *pižo-la* 'зеленоватый' от *piže* 'зеленый', *t'uža-la* 'желтоватый' от *t'užä* 'желтый', *tašto-la*, 'староватый' от *tašto* 'ветхий'.

Суфф. *-la*, по-видимому, генетически связан с финским суфф. *-la*, -*lä*, ср. финск. *vete-lä* 'водянистый' от *vesi*, *vete-* 'вода', *kama-la* 'страшный' от *kammo* 'ужас', 'страх'. Параллели имеются также и в других уральских языках, ср. коми-зыр. *jumō-l*, *jumō-v* 'сладковатый', *gōrd-ōl*, *gōrd-ōv* 'красноватый', мар. *oša-l-ye* 'беловатый'; *šama-l-ye* 'черноватый', тавг.-сам. *gamta-la* 'рогатый' и т. д.⁹

Суфф. *-la*, по всей видимости, связан также с глагольным суффиксом многократного действия *-l*, поскольку многократность действия фактически представляет дробление действия на отдельные, повторяющиеся акты.

-na

Образует прилагательные, выражающие неполноту качества, ср. мокш. *akša* 'белый', *akša-na* 'беловатый', *koškä* 'сухой', *koška-na*

⁵ ГМЯ, стр. 185.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ ГМЯ, стр. 186—187.

⁹ Lehtisalo, стр. 154.

‘суховатый’, *šobda* ‘темный’, *šobda-na* ‘темноватый’, *t’užā* ‘желтый’, *tuža-na* ‘желтоватый’ и т. д.

Происхождение этого суффикса трудно поддается объяснению. В родственных уральских языках могут быть прилагательные с суфф. *-n*, но они не имеют значения неполноты качества, ср. финск. *iha-na* ‘приятный’, ‘хороший’ от *iha* ‘веселый’, ‘бодрый’, коми-зыр. *bōr(y)n* ‘задний’ от *bōr* ‘зад’¹⁰. По всей видимости, мордовский суфф. *-na* находится в каком-то родстве с суффиксом уменьшительных прилагательных *-ne*, *-nā*.

-ne (эрз.), *-nā* (мокш.)

Образует уменьшительные прилагательные, ср. эрз. *ašo* ‘белый’, *aši-ne* ‘беленький’, мокш. *ravža* ‘черный’, *ravže-nā* ‘черненький’, *rādaz* ‘грязь’, *rādazu-nā* ‘грязенький’ и т. д.

Можно предполагать, что мордовские языки использовали суффикс уменьшительных имен существительных *-ne*, *-nā* для образования уменьшительных прилагательных.

-ra, *-řa*, *-r*

Обнаруживается в прилагательных типа эрз. *potmu-ra* ‘хмурый’, *sumbo-ra* ‘пасмурный’, *vađ-řa* ‘хороший’, *vando-ra* ‘отлогий’, *kana-řa* ‘недвижимый’, *kičke-re* ‘кривой’, *nuva-ra* ‘обвисший’, ‘печальный’, мокш. *kičko-r* ‘кривой’¹¹; ср. также эрз. *jakste-re*, мокш. *jakstā-ř* ‘красный’.

Суффикс восходит к протоуральскому суффиксу отыменных прилагательных *-ř*, имеющему параллели в других уральских языках, ср. финск. *hämä-rä* ‘темный’, *hāmy* ‘сумерки’, *kupe-ra* ‘выпуклый’ от *kupe* ‘свод’, мар. *joška-r-ye* ‘красный’, *kākā-r-ye* ‘голубоватый’, удм. *kore-r* ‘вкусный’, ср. коми-зыр. *kōr* ‘вкус’, *šone-r* ‘прямой’, ср. коми-зыр. *šaň* ‘хороший’, ‘славный’ и т. д.¹²

-za

Употребляется для выражения неполноты качества, ср. мокш. *akša* ‘белый’, *akša-za* ‘беловатый’, *ravža* ‘черный’, *ravža-za* ‘черноватый’, *jakstärä* ‘красный’, *jakšteřa-za* ‘красноватый’ и т. д.

Происхождение этого суффикса трудно поддается объяснению. Он может восходить к какому-то суффиксу отыменных прилагательных *-s*. Имена прилагательные с этим суффиксом в родственных языках действительно имеются, ср. финск. *kaksivuoti-as* ‘двухлетний’ от *vuosi*, *vuote-* ‘год’, мар. *ij-aš* ‘годовой’ от *i*, *ij* ‘год’¹³. Однако эти

¹⁰ Lehtisalo, стр. 123.

¹¹ ГМЯ, стр. 189.

¹² Lehtisalo, стр. 184—185.

¹³ Там же, стр. 193.

прилагательные не имеют значения неполноты качества. Интересно отметить, что в марийском языке есть имена существительные с суфф. *-aš*, например *jer-aš* ‘озерко’ от *jer* ‘озеро’, *šol’-aš* ‘братец’, ‘браток’ от *šol’o* ‘младший брат’, *erγ-aš* ‘сыночек’ от *erγe* ‘сын’¹⁴. Вероятнее всего этот суффикс генетически родствен мордовскому суфф. *-zā* (из *-s(a)*), поскольку он также имеет значение уменьшительности.

-ž a, *-i ž a*

Выражает неполноту качества, ср. эрз. *beřaň* ‘плохой’, *beřa-ža* ‘плоховатый’. Чаще выступает с осложнением *i*, например *pokš* ‘большой’, *pokš-i-ža* ‘довольно большой’, *piže* ‘зеленый’, *piži-i-ža* ‘зеленоватый’, *sěrev* ‘горький’, *sěrev-i-ža* ‘горьковатый’, *čaramo* ‘кислый’, *čaram-i-ža* ‘кисловатый’, *kelej* ‘широкий’, *kelej-ža* ‘широковатый’ и т. д.

Т. Лехтисало предположительно считает этот суффикс продолжением прауральского суффикса отыменных прилагательных *-š*¹⁵.

Суффиксы, служащие для образования имен прилагательных от основ имен существительных

-do (эрз.), *-da* (мокш.)

Этот суффикс образует некоторые прилагательные, ср. эрз. *vačo-do*, мокш. *vača-da* ‘голодный’, эрз. *kalgo-do*, мокш. *kalgā-da* ‘жесткий’, ‘твердый’, эрз. *naksa-do*, мокш. *naksa-da* ‘гнилой’, эрз. *val-do* ‘светлый’ (ср. финск. *vaalea* ‘светлый’, *valo* ‘свет’).

Т. Лехтисало возводит этот суффикс к финно-угорскому суффиксу отыменных прилагательных *-t*. Рефлексы в родственных языках: коми-зыр. *kur-yd* ‘горький’, диал. *kur-yt*, мар. *wolγž-də* ‘белый’, возможно финск. *valkea* ‘белый’ из *valkeda*, ненецк. *labta* ‘плоский’, ср. мар. *lap* ‘плоский’ и т. д.¹⁶

-m o, *-m a*

Употребляется для образования прилагательных от имен существительных, ср. эрз. *čara-mo*, мокш. *šara-ma*, ‘кислый’ (финск. *happo* ‘кислота’), эрз. *jakša-mo*, мокш. *jakša-ma* ‘холодный’ (эст. *jahe* ‘охлажденный’, ‘холодный’). В настоящее время непродуктивный и очень редкий суффикс. Имеются параллели в родственных языках, ср. сев.-саамск. *-m-as*, например *suolle-m-âs* ‘тайный’, *suole* ‘тайный’, ‘скрытый’, финск. *hapan*, род. пад. *happa-m-en* ‘кислый’ (*happo* ‘кислота’), *avoin* род. пад. *avoi-m-en* ‘открытый’ (*avo* ‘открытый’), *ensi-mmäinen* ‘первый’, ср. *ensi* ‘первый’.

¹⁴ СМЯ, стр. 77.

¹⁵ Lehtisalo, стр. 226.

¹⁶ Там же, стр. 270—273.

мар. (-*m-šā*), ср. *nāl-mšā* 'четвертый', удм. *baž-ym* 'большой', хант. *xādz-ām*, *xotš-ām* 'теплый', ср. коми-зыр. *gož* 'жар', тавги-сам. *manti-mi* 'правый', ср. *māna* 'правый' и т. д.¹⁷

-ñ

Употребляется для образования относительных имен прилагательных, ср., например, эрз. *vele*, мокш. *velä* 'деревня', но эрз. *vele-ñ* *ëriča*, мокш. *velä-ñ* *eräj* 'сельский житель', эрз. *čuvto*, мокш. *šufta* 'деревцо', но эрз. *čuvto-ñ* *kudo*, мокш. *šuftan kud* 'деревянный дом', эрз. и мокш. *kšni* 'железо', эрз. *kšni-ñ* *kojme*, мокш. *kšni-ñ* *kajmā* 'железная лопата' и т. д.¹⁸

Т. Лехтисало возводит этот суффикс к протоуральскому суффиксу отыменных прилагательных -*n*. Параллели в родственных языках: финск. -*inen*- например *rauta-inen* 'железный' (*rauta* 'железо'), *kala-inen* 'рыбный' (*kala* 'рыба'), мар. *laßra-n* 'грязный' (*laßra* 'грязь'), венг. *kemé-nu* 'твердый', ср. морд. *keme* 'твердый', *veko-nu* 'тонкий', ср. удм. *vek-či* 'тонкий' и т. д.¹⁹

По нашему предположению, этот суффикс представляет переосмысленную форму некогда существовавшего в мордовских языках инстрuktива (см. стр. 15).

š - *k a*

В древнемордовском языке этот суффикс, по-видимому, имел уменьшительное или ограничительное значение с оттенком сравнения качества одного предмета с качеством другого предмета, например *pando-ška* 'нечто вроде горы', 'почти как гора' и т. п. В современных мордовских языках суфф. -*ška* превратился в суффикс специального падежа.

Бубрих предполагает, что суфф. -*ška* образовался в результате слияния двух суффиксов — суфф. -*ža*, который при словосложении может принимать форму -*š*, ср. *beša-ža* 'плоховатый' и *beša-š-ka-doms* 'сделаться плоховатым', несколько ухудшиться²⁰.

Генетически родственным мордовскому суфф. -*ška*, по всей видимости, является финский суффикс прилагательных -*hka*, -*hkö*, например *iso-hko* 'великоватый' от *iso* 'большой', *pyöreähhö* 'кругловатый' от *pyöreä* 'круглый' и т. д.²¹

эрз. -*v*, -*j*, мокш. -*u*, -*i*, -*y*, -*v*

Эти суффиксы образуют в мордовских языках отыменные прилагательные, обозначающие качество того имени — предмета, от

которого они формально произведены, ср. эрз. и мокш. *sal* 'соль', эрз. *salo-v*, мокш. *sal-u* 'соленый', эрз. *rudaz*, мокш. *rādz* 'грязь', эрз. *rudaz-ov*, мокш. *rādz-u* 'грязный', эрз. *oj*, мокш. *vaj* 'масло', эрз. *oje-v*, мокш. *vaj-i* 'масляной', эрз. *vef*, мокш. *ver* 'кровь', эрз. *vere-v*, мокш. *very* (<*vere-j*) 'кровяной', эрз. *kele* 'ширина', *kele-j* 'широкий' и т. д.

Т. Лехтисало возводит суффикс прилагательных (-*v*) к уральскому суффиксу отыменных прилагательных -*p*, имеющему параллели в родственных уральских языках, ср. финск. *liha-va* 'мясистый' от *liha* 'мясо', *terä-vä* 'острый' от *terä* 'острие', коми-зыр. *gen-a* 'волосатый' от *gen* 'волосы', 'шерсть', манс. *kāt-pä* 'имеющий руки' венг. *láb-u* 'имеющий ноги' и т. д.²²

С этим мнением нельзя согласиться, так как все вышеперечисленные суффиксы восходят к древнемордовскому суффиксу относительных прилагательных -*ŋ*. В приалтырском диалекте эрза-мордовского языка суффиксам относительных прилагательных -*j*, -*v* литературного эрза-мордовского языка всюду соответствует суфф. -*ŋ*, ср. такие соответствия, как лит. эрз. *sēre-j* 'высокий', приал. *sēre-ŋ*, лит. эрз. *keže-j* 'злой', приал. *keže-ŋ*, лит. эрз. *vere-v* 'кровавый', приал. *vere-ŋ*, лит. эрз. *salo-v* 'соленый', приал. *salo-ŋ*, лит. эрз. *rudaz-ov* 'грязный', приал. *rudazo-ŋ*, лит. эрз. *sukso-v* 'червивый', приал. *suk-so-ŋ*²³. Любопытно то, что Т. Лехтисало, очевидно не зная этих диалектных звуковых соответствий, возводит диалектный суфф. -*ŋ* к прауральскому суффиксу отыменных прилагательных -*ŋā*, -*ŋə*. Рефлексы этого суффикса имеются также в некоторых уральских языках, ср. манс. *toßl-ŋ* 'крылатый' от *toßl* 'крыло', хант. *uōdā-ŋ* 'ветряной' от *uot* 'ветер'²⁴.

В мордовских языках есть случаи, когда прилагательные образуются от глаголов. Свойством образовывать прилагательные от глаголов обладает, например, суфф. -*ks*, ср. эрз. *maš-tovoms*, мокш. *kondāštāms* 'пригодиться', эрз. *maštovi-ks*, мокш. *kondāšti-ks* 'пригодный', эрз. *ēřavoms*, мокш. *ēřavāms* 'потребоваться', *ēřavi-ks* 'требуемый', 'нужный', эрз. *lovnoms*, мокш. *moraftāms* 'читать', эрз. *lovnovi-ks*, мокш. *moraftovi-ks* 'удобочитаемый', эрз. *sodavoms*, мокш. *sodavāms* 'быть опознанным', *sodavi-ks* 'известный', 'знакомый', эрз. *korta-voms* 'быть уговоренным', *kortavi-ks* 'сговорчивый', *moravoms* 'спеться' *moravi-ks* 'удобный', 'легкий для пения', 'певучий' (только о песне)²⁵.

По происхождению это, по всей видимости, причастия на -*ks*, превратившиеся со временем в прилагательные (см. стр. 213).

²² Lehtisalo, стр. 245—248.

²³ Марков, стр. 29.

²⁴ Lehtisalo, стр. 141.

²⁵ ГМЯ, стр. 40.

¹⁷ Lehtisalo, стр. 89.

¹⁸ ГМЯ, стр. 189.

¹⁹ Lehtisalo, стр. 138—139.

²⁰ Бубрих — II, стр. 61.

²¹ Lehtisalo, стр. 227.

МЕСТОИМЕНИЕ

По своим функционально-синтаксическим свойствам местоимения разделяются на следующие разряды: личные, притяжательные, указательные, определительные, вопросительные, отрицательные и неопределенные местоимения.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

В мордовских языках различаются следующие личные местоимения:

Эрзянские				Мокшанские			
1 л.	ед. ч.	<i>mon</i>	‘я’	<i>mon</i>	‘я’		
	мн. ч.	<i>miñ</i>	‘мы’	<i>miñ</i>	‘мы’		
2 л.	ед. ч.	<i>ton</i>	‘ты’	<i>ton</i>	‘ты’		
	мн. ч.	<i>tyñ</i>	‘вы’	<i>tiñ</i>	‘вы’		
3 л.	ед. ч.	<i>son</i>	‘он’, ‘она’, ‘оно’	<i>son</i>	‘он’, ‘она’, ‘оно’		
	мн. ч.	<i>syñ</i>	‘они’	<i>siñ</i>	‘они’		

СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Эрзянский язык

	Единственное число		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.	<i>mon</i>	<i>ton</i>	<i>son</i>
Род.	<i>moñ</i>	<i>toñ</i>	<i>sonzë</i>
Дат.	<i>monen</i>	<i>tonet'</i>	<i>sonenzë</i>
Отл.	<i>moñden</i>	<i>toñdet</i>	<i>soñdenzë</i>
Местн.	<i>moñsën</i>	<i>toñsët</i>	<i>soñsënzë</i>
Исх.	<i>moñstëñ</i>	<i>toñstët</i>	<i>soñstënzë</i>
Н.-вносит.	<i>moñzëñ</i>	<i>toñzët</i>	<i>soñsënzë</i>
Перемест.	<i>moñgan</i>	<i>toñgat</i>	<i>soñganzo</i>
Преврат.	<i>moñksën</i>	<i>toñksët</i>	<i>soñksënzë</i>
Ср.	<i>moñškan</i>	<i>toñškat</i>	<i>soñškanzo</i>
Изъят.	<i>moñtemen</i>	<i>toñtemet'</i>	<i>soñtemenzë</i>

Множественное число

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.	<i>miñ</i>	<i>tyñ</i>	<i>syñ</i>
Род.	<i>minek</i>	<i>tynk</i>	<i>synst</i>
Дат.	<i>minenek</i>	<i>tynenk, teñ</i>	<i>synenst</i>
Отл.	<i>miñdenek</i>	<i>tyñdenk</i>	<i>syñdest</i>
Местн.	<i>miñsënek</i>	<i>tyñsenk</i>	<i>syñsest</i>
Исх.	<i>miñštenek</i>	<i>tyñštenk</i>	<i>syñštest</i>
Н.-вносит.	<i>miñzënek</i>	<i>tyñzënk</i>	<i>syñzëst</i>
Перемест.	<i>miñganok</i>	<i>tyñgank</i>	<i>syñgast</i>
Преврат.	<i>miñksënek</i>	<i>tyñksënk</i>	<i>syñksëst</i>
Ср.	<i>miñškanok</i>	<i>tyñškank</i>	<i>syñškast</i>
Изъят.	<i>miñtemenek</i>	<i>tyñtemenk</i>	<i>syñštemest</i>

Мокшанский язык

Единственное число

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.	<i>mon</i>	<i>ton</i>	<i>son</i>
Род.	<i>moñ</i>	<i>toñ</i>	<i>soñ</i>
Дат.	<i>mondejnä</i>	<i>tondejt'</i>	<i>sondejnza</i>
	<i>tejnä</i>	<i>tejt'</i>	<i>tejnzä</i>
Отл.	<i>moñdädän</i>	<i>toñdedät</i>	<i>soñdädänza</i>
Местн.	<i>moñcän</i>	<i>toñcät</i>	<i>soñconza</i>
Исх.	<i>moñctän</i>	<i>toñctät</i>	<i>soñctonza</i>
Ср.	<i>moñškan</i>	<i>toñškat</i>	<i>soñškanza</i>
Изъят.	<i>moñftämän</i>	<i>toñftämät</i>	<i>soñftämänza</i>

Множественное число

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.	<i>miñ</i>	<i>tiñ</i>	<i>siñ</i>
Род.	<i>miñ</i>	<i>tiñ</i>	<i>siñ</i>
Дат.	<i>mindejnək</i>	<i>tiñdejnt</i>	<i>siñdejst</i>
	<i>tejnək</i>	<i>tejnt</i>	<i>tejst</i>
Отл.	<i>miñdädänk</i>	<i>tiñdädänt</i>	<i>sindädänt</i>
Местн.	<i>miñcänk</i>	<i>tiñcänt</i>	<i>sincänt</i>
Исх.	<i>miñctänk</i>	<i>tiñctänt</i>	<i>siñctänt</i>
Ср.	<i>miñškank</i>	<i>tiñškant</i>	<i>siñškast</i>
Изъят.	<i>miñftämänk</i>	<i>tiñftämänt</i>	<i>siñftämänt</i>

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФОРМ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Единственное число

И м е н и т е л ь н ы й п а д е ж

Эрз. и мокш. *mon* 'я', *ton* 'ты', *son* 'он'.

М о н 'я'. Мордовское личное местоимение *mon* 'я' имеет параллели в родственных уральских языках, ср. удм. *mon*, коми-зыр. *me*, мар. *maj*, *miñ*, финск. *minä*, *mie*, *mä*, эст. *mina*, *-ma*, вепск. *mina*, *minä*, *mä*, водск. *miä*, саамск. *tanne*, *tân*, *tin*, хант. *tan*, *mä*, *ta*, манс. *en*, *ot*, *at*, венг. *én*¹.

В мордовском личном местоимении *mon* можно выделить два составных элемента — основа *-mo-/me-* и суффиксальный элемент *-n* (*a*).

Основа *mo-/me-* в различных финно-угорских языках имеет разную огласовку. В таких языках, как коми-зырянский, прибалтийско-финские, марийский и венгерский она содержит гласный переднего ряда, тогда как в мордовском и удмуртском она представлена гласным заднего ряда. Возможно, что эти варианты были уже представлены в фино-угорском праязыке. Одни финно-угорские могли усвоить вариант с передним гласным, а другие вариант с задним гласным. Суффиксальный элемент *-n* (*a*) возник позднее. Наиболее веским доказательством в пользу того, что в протоуральском его не было, являются формы 1-го лица ед. числа личного окончания глаголов, которые ни в одном из уральских языков не содержат суффиксального элемента *-n*, ср. мар. *nala-m* 'я беру', древн. коми-зыр *õska-m* 'верю', ненецк. *tanza-ra-dm* 'я работаю' и т. д. Архетипной формой этого личного окончания было *-m̥*, но не *-m̥n*.

П. Равила в свое время высказал предположение о том, что в финно-угорском языке-основе формы личных местоимений с *n* и без *n*, возможно, имели различное значение². Более подробно эта точка зрения была позднее развита и конкретизирована К. Е. Майтинской. По ее мнению в финно-угорском языке-основе намечалась тенденция к оформлению специальной категории «личности» путем присоединения *-n* к личным местоимениям, а также к вопросительным со значением 'кто'. Эта тенденция не достигла полного развития, поскольку не достигла полной грамматической обобщенности³.

Основа личного местоимения 1-го лица *mo-/me-*, по всей видимости, связана с каким-то древним указательным местоимением ближайшего плана, указывавшим на предмет, ближе всего расположенный к собеседнику. Учитывая этот факт, можно предполагать наличие генетической связи между личным местоимением 1-го лица

¹ SKES I, стр. 48.

² Ravila — I, стр. 318.

³ Майтинская — I, стр. 79.

ед. числа и суффиксом вин. падежа *-m*, распространенным в некоторых уральских языках, ср. мар. *õdra-m* 'лес' (вин. п.) от *õdra* 'лес', финск. *metsä-n* 'лес' (вин. п.) от *metsä* 'лес' (исторически из *metsä-m*), а также вопросительными местоимениями, содержащими в своей основе элемент *-m*, ср. эрз. *me-ze*, мокша-м. *me-zä* 'что', финск. *mi-tä*, коми-зыр. *mu-j*, мар. *mo* 'что' и т. д.

Т о н 'ты'. Это местоимение также имеет параллели в родственных языках, ср. венг. *tē*, *tēn*, коми-зыр. *te*, удм. *ton*, мар. *tañ*, *tiñ*, саамск. *ton*, *don*, финск. *sinä* (исторически из *tinä*), обско-угорские соответствия — хант. *nañ*, *noñ* и манс. *neñ*, *nñ* сомнительны⁴.

Структура мордовского личного местоимения *ton* совершенно тождественна структуре личного местоимения *mon*. В нем также может быть выделена местоименная основа *to-/te-* и суффиксальный элемент *n*, выражающий категорию личности.

Генетически местоименная основа *to-/te-* связывается, по всей видимости, с основой *ty-* указательных местоимений более удаленного локального плана, ср. эрз. *te*, мокш. *tä* 'этот', мар. *ti-de* 'этот', *tu* 'тот', финск. *tuo* 'тот', удм. *ta* 'этот', коми-зыр. *ta-jō* 'этот' и т. д.

С о н 'он'. Параллели в родственных языках: саамск. *son*, удм. *so* 'тот', 'он', коми-зыр. *sy-* (*sy-jō*, *si-ja* 'он'), венг. *ő* 'он', *ön*, 'сам', 'свой', манс. *tū*, *täβ*, *teβ* 'он', хант. *täu*, *lox*, *lōx*, финск. *hän* 'он', эст. *en* (*end*, *enda*, *enese*)⁵.

Форма *son* 'он' также содержит два составных элемента — основу указательного местоимения *so-/se-* и суффиксальный элемент, служащий показателем категории личности.

Указательное местоимение *so/se* по сравнению с указательным местоимением *to/te* указывало, по-видимому, на предмет, наиболее удаленный от говорящего.

Р о д и т е л ь н ы й п а д е ж

Эрз. и мокш. *moñ* 'меня', *toñ* 'тебя' нельзя рассматривать как формы род. падежа от *mon* и *ton* (*mon-ñ*, *ton-ñ*).

Если бы к *mon* и *ton* присоединялся суффикс род. падежа, то мы вправе были бы ожидать нечто вроде *monēñ* и *tonēñ*. Возможно, что когда-то такие формы действительно существовали, но по причине совпадения с формами дат. падежа они исчезли. Эрз. *son-zē* 'его' образовано по модели: «личное местоимение + притяжательный суффикс». Это явление отражает ту стадию развития уральских языков, когда суффикса род. падежа еще не было.

Что же касается современных форм род. падежа *moñ* и *toñ*, то вероятнее всего конечное *n* местоимений *mon* и *ton* уподобилось окончанию род. падежа, получив смягчение. Мокшанское *soñ* возникло по аналогии *moñ* и *toñ*.

⁴ Szinnyei — II, стр. 115.

⁵ SKES I, стр. 97—98.

Д а т е л ь н ы й п а д е ж

Эрз. *monēñ* 'мне', *tonet'* 'тебе', *sonenzē* 'ему'; мокш. *tejnā* 'мне', *tejt'* 'тебе', *tondejt'* 'тебе', *tejnza* 'ему', *sondejnzā* 'ему'.

Эрз. *monēñ* 'мне' исторически развилось из *mon-neñ*. После упрощения *nñ* возникло современное *monēñ*. Наличие в эрзянском языке таких форм, как *tel'añ* 'моего отца', *avañ* 'моей матери' одновременно способствовало приданию конечному *n* дополнительной функции притяжательного суффикса 1-го лица ед. числа. *Tonet'* 'тебе' возможно восходит к *ton-neñ-t*. Палатализация конечного *t* может быть объяснена влиянием конечного палатализованного *n* в форме *monēñ* 'мне'. Эрзянское *sonenzē* 'ему' восходит к *son-neñ-zē*. Местоимение *son* 'он' осложнено суффиксом дат. падежа *-neñ*, к которому присоединен притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа *-zē*.

Мокшанские формы *tejnā* 'мне', *tejt'* 'тебе' и *tejnza* 'ему' образованы не от соответствующих местоимений *mon*, *ton*, *son*. Притяжательные суффиксы здесь фактически присоединяются к послелогу *tej*. Как предполагает Паасонен, основа этого послелога *te-* этимологически соотносится с финским *tyvi*, венгерским *tő*, а также с коми-зырянским *din* и удмуртским *din* 'основа' (в диалектах *dip*)⁶. Послелог *tej* первоначально имел форму *teŋ*. Возможность превращения конечного *ŋ* в *j* подтверждается такими диалектными соответствиями, как лит. эрз. *pej* 'зуб' и приалатырск. *pej*⁷.

К послелогу *tej* в мокшанской форме *tejnā* 'мне' был прибавлен какой-то формант неизвестного происхождения *-nā*, функционально соответствующий притяжательному суффиксу 1-го лица ед. числа. Источник его нужно искать в конечном *n*, выступающим в таких формах, как *moñcān* 'во мне'. Под влиянием конечного *ā* в таких мокшанских притяжательных суффиксах, как *-zā* и *-cā*, к этому *n* дополнительно было добавлено *ā*.

В дальнейшем мы будем рассматривать формант *-nā* как вариант притяжательного суффикса 1-го лица ед. числа. В формах *tejt'* 'тебе' и *tejnza* 'ему' представлены вполне нормальные притяжательные суфф. *-t* и *-nza*.

В формах *tondejt'* 'тебе' и *sondejnzā* 'ему' к соответствующим личным местоимениям прибавлены формы *tejt'* 'тебе' и *tejnza* 'ему'.

О т л о ж и т е л ь н ы й п а д е ж

Эрз. *moñdeñ* 'от меня', *toñdet'* 'от тебя', *soñdenzē* 'от него'; мокш. *moñdādān* 'от меня', *toñdādāt'* 'от тебя', *soñdādānza* 'от него'. Структура эрзянских форм довольно прозрачна: она образуется из соответствующих основ личных местоимений, падежного суффикса отложительного падежа *-de* и притяжательных суффиксов.

⁶ Paasonen — I, стр. 140.

⁷ Марков, стр. 30.

В мокшанских формах суффикс отложительного падежа с разной огласовкой повторяется дважды. Причину повторения следует искать в переразложении основ. *Mondā-*, *tondā-* и *sonde-* были восприняты как новые основы. Переразложению основ могли способствовать такие формы, как *mondejnā* 'мне' и *tondejt'* 'тебе', где основа послелога *tej* уже не ощущалась в достаточной степени.

М е с т н ы й п а д е ж

Эрз. *moñsēñ* 'во мне', *toñsēt'* 'в тебе', *soñsēnzē* 'в нем'. Мокш. *moñcān* 'во мне', *toñcāt'* 'в тебе', *soñcānza* 'в нем'. Структура: «основа местоимения + суффикс местного падежа + притяжательный суффикс».

И с х о д н ы й п а д е ж

Эрз. *moñstēñ* 'от меня', *toñstēt'* 'от тебя', *soñstēnzē* 'от него'; мокш. *moñctān* 'от меня', *toñctāt'* 'от тебя', *soñctānza* 'от него'.

Структура: «основа местоимения + суффикс исходного падежа + притяжательный суффикс».

Н а п р а в и т е л ь н о - в н о с и т е л ь н ы й п а д е ж

Эрз. *moñzēñ* 'в меня', *toñzēt'* 'в тебя', *soñsēnzē* 'в него'.

В мокшанском языке синтетическая форма направительно-вносительного падежа отсутствует. Соответствующее значение выражается при помощи послеложных конструкций или послелогов с притяжательными суффиксами, например *moñ ezān* 'в меня' или *ezān* 'в меня' и т. д.⁸

П е р е м е с т и т е л ь н ы й п а д е ж

Эрз. *moñgan* 'по мне', *toñgat'* 'по тебе', *soñganzo* 'по нему'. Структура: «основа местоимения + суффикс переместительного падежа + притяжательный суффикс».

В мокшанском языке синтетическая форма переместительного падежа отсутствует. Соответствующее значение выражается при помощи послеложной конструкции или послелога с притяжательным суффиксом, например *moñ ezgan* 'по мне' или *ezgan* 'по мне'⁹.

П р е в р а т и т е л ь н ы й п а д е ж

Эрз. *moñksēñ* 'подобно мне', *toñksēt'* 'подобно тебе', *soñksēnzē* 'подобно ему'.

Структура: «основа местоимения + суффикс превратительного падежа + буферный гласный *ē* + притяжательный суффикс».

⁸ ГМЯ, стр. 227.

⁹ Там же.

В мокшанском языке превратительный падеж отсутствует. Соответствующее значение передается послеложными конструкциями типа *moń lacəp* 'подобно мне' и т. д. или послелогами с притяжательными конструкциями, например *lacəp* 'подобно мне' и т. д.¹⁰

С р а в н и т е л ь н ы й п а д е ж

Эрз. *mońškan* 'с меня', *tońškat* 'с тебя', *sońškanzo* 'с него'.

Соответствующие мокшанские формы: *mońškan*, *tońškat*, *sońškanza*. Структура: «основа местоимения + суффикс сравнительного падежа + притяжательный суффикс».

И з ы а т е л ь н ы й п а д е ж

Эрз. *montemeń* 'без меня', *tontemet* 'без тебя', *sontemenzə* 'без него'. Мокш. *mońftətməp* 'без меня', *tońftətmət* 'без тебя', *sońftətmənpa* 'без него'. Структура форм обычная.

Множественное число

И м е н и т е л ь н ы й п а д е ж

Формы личных местоимений всех трех лиц *miń* 'мы', *tyń* 'вы' и *syń* 'они' построены по одной схеме: «корень, содержащий гласные *i* или *y*, + суффиксальный элемент *-n*, подвергшийся палатализации». Палатализация возникла, по-видимому, у местоимения 1-го лица под воздействием предшествующего *i* (*min* > *miń*). Затем она была перенесена по аналогии также и на формы других местоимений.

Некоторые ученые склонны были рассматривать элемент *i* в личных местоимениях мн. числа мордовских языков, равно как в 1-м и 2-м лице мн. числа пермских (*mi*, *ti*) и венгерского (*mi*, *ti*) языков, как общефинноугорский признак мн. числа, тождественный признаку *i* в притяжательном склонении мн. числа в венгерском (ср. *enyém* 'мой', *tiéd* 'твой'), а также признаку мн. числа *i* в финском. Однако эта точка зрения разделяется не всеми¹¹.

Р о д и т е л ь н ы й п а д е ж

Эрз. *minek* 'нас', *tynk* 'вас', *synst* 'их'; мокш. *miń* 'нас', *tiń* 'вас', *siń* 'их'.

Структура эрзянских форм: «форма им. падежа мн. числа личного местоимения + соответствующий притяжательный суффикс». Следовательно, *minek* 'нас' возникло из *mińnek*, *tynk* — из *tyńnk*, *synst* из *syńst*. Форма им. падежа мн. числа обычно выступает как

¹⁰ ГМЯ, стр. 227.

¹¹ Майтинская — II, стр. 49.

основа косвенных падежей в преобладающем большинстве случаев. Мокшанские формы *miń*, *tiń*, *siń* явно возникли по аналогии соответствующих форм ед. числа *moń*, *toń*, *soń*.

Д а т е л ь н ы й п а д е ж

Эрз. *minenek* 'нам', *tynenk* или *teń* 'вам', *synenst* 'им'; мокш. *tejnək* 'нам', *tejńt* 'вам', *tejst* 'им', *mindejnək* 'нам', *tindejənt* 'вам', *sindejst* 'им'.

Структура эрзянских форм. *Minenek* 'нам' могло включать: «основу мн. числа *miń* + окончание дат. падежа *-neń* + притяжательный суффикс 1-го лица мн. числа *-nek*». *Mińneńnek* позднее могло упроститься в *minenek*.

Подобным образом может быть истолкована форма *tynenk*. Она могла возникнуть из *tyńneńnk*.

Teń — типичная сокращенная аллегроформа, возникшая в быстрой речи. Источник ее найти довольно трудно. Предположительно можно допустить, что в эрзянском языке некогда существовала форма *teńnk*. Аллегроформа *teń* могла возникнуть в результате видоизменения *teńnk* (*teńnk* > *teńk* > *teńń* > *teń*). Непосредственно из *tyńneńnk* ее вывести невозможно.

В образовании соответствующих мокшанских форм принимал участие послелог *tej*, осложненный притяжательными суффиксами. Формы *mindejnək* 'нам', *tindejńt* 'вам' и *sindejst* 'им' представляют результат контаминации основ мн. числа соответствующих местоимений и форм *tejnək*, *tejńt*, *tejst*.

О т л о ж и т е л ь н ы й п а д е ж

Эрз. *mińdenek* 'от нас', *tyńdenk* 'от вас', *syńdest* 'от них'; мокш. *mińdədənk* 'от нас', *tińdədənt* 'от вас', *sińdədəst* 'от них'.

Структура: «основа + суффикс отложительного падежа + притяжательный суффикс». В мокшанских формах произошло под влиянием соответствующих форм ед. числа *mondədəp*, *tondədət* и *sońdədənpa* переразложение основ, чем и объясняется лишнее *də*.

М е с т н ы й п а д е ж

Эрз. *mińsenek* 'в нас', *tyńsenk* 'в вас', *syńsest* 'в них'; мокш. *mińcənk* 'в нас', *tińcənt* 'в вас', *sińcəst* 'в них'.

Структура: «основа местоимения + суффикс местного падежа + соответствующий притяжательный суффикс».

И с х о д н ы й п а д е ж

Эрз. *miństenek* 'от нас', *tyństenk* 'от вас', *syństest* 'от них'; мокш. *mińctənk* 'от нас', *tińctənt* 'от вас', *sińctəst* 'от них'.

Структура: «основа местоимения + суффикс исходного падежа + соответствующий притяжательный суффикс».

Направительно-вносительный падеж

Эрз.: *miñžēnek* 'в нас', *tyñžēnk* 'в вас', *syñžest* 'в них'.

В мокшанском языке формы направительно-вносительного падежа личных местоимений отсутствуют. Значение этого падежа может быть выражено послеложными конструкциями, например *miñ ezžnžk* 'в нас' или просто *ezžnžk* 'в нас'¹².

Эрзянские формы *miñžēnek*, *tyñžēnk* и *syñžest*, по всей видимости, восходят к более древним формам *miñsnek*, *tyñsnek* и *syñsst*, где *s* — суффикс направительного падежа. В целях облегчения произношения между суффиксом направительного падежа и притяжательными суффиксами возник буферный согласный *ž*. Образовавшиеся новые формы *miñsēnek*, *tyñsēnk* и *syñsēst* почти полностью совпали с соответствующими формами местного падежа — *miñsenek* 'в нас', *tyñsenk* 'в вас', *syñsest* 'в них'. Необходимость различия этих форм могла вызвать озвончение *s* в формах направительно-вносительного падежа.

Переместительный падеж

Эрз. *miñganok* 'по нам', *tyñgank* 'по вам', *syñgast* 'по ним'. В мокшанском языке формы переместительного падежа отсутствуют. Их значение может передаваться послеложными конструкциями типа *miñ ezganžk* 'по нам' или *ezganžk* в том же значении¹³. Структура эрзянских форм: «основа местоимения + суффикс переместительного падежа + соответствующий притяжательный суффикс».

Превратительный падеж

Эрз. *miñksēnek* 'подобно нам', *tyñksēnk* 'подобно вам', *syñksēst* 'подобно им'. В мокшанском языке значение этого падежа выражается притяжательными конструкциями типа *miñ lacžnžk* 'подобно нам', *tiñ lacžnt* 'подобно вам'.

Сравнительный падеж

Эрз. *miñškanok* 'как мы', *tyñškank* 'как вы', *syñškast* 'как они'; мокш. *miñškank* 'как мы', *tiñškant* 'как вы', *siñškast* 'как они'.

Структура: «основа местоимения + суффикс сравнительного падежа + соответствующий притяжательный суффикс».

Изъятный падеж

Эрз. *miñtemenek* 'без нас', *tyñtemenk* 'без вас', *syñstemest* 'без них'; мокш. *miñftžmžnk* 'без нас', *tiñftžmžnt* 'без вас', *siñftžmžst* 'без них'.

¹² ГМЯ, стр. 227.

¹³ Там же.

Структура: «основа местоимения + суффикс изъятного падежа + соответствующий притяжательный суффикс».

Анализ вышеприведенных форм наглядно показывает, что в образовании форм косвенных падежей личных местоимений большое участие принимали притяжательные суффиксы, ср., например, такие формы, как эрзя-м. *tone-t* 'тебе', *sonen-zž* 'ему', *toñsē-n* 'во мне', *toñsē-t* 'в тебе', *soñsē-nzž* 'в нем', *moñstē-n* 'от меня', *toñstē-t* 'от тебя', *soñstē-nzž* 'от него' и т. д. Это явление, естественно, требует объяснения. В мордовских языках могут быть образования типа эрз. *vaksso-n* 'рядом со мной', *vaksso-t* 'рядом с тобой', *vaksso-nzo* 'рядом с ним', *vaks-so-nok* 'рядом с вами', *vaksso-st* 'рядом с ними'. Послелог здесь фактически соединяется с притяжательными суффиксами, которые имеют значение личных местоимений. Подобные образования имеют место и в некоторых других уральских языках, ср. венг. *vel-em* 'со мной', *vel-ed* 'с тобой', *vel-e* 'с ним', *vel-ünk* 'с нами', *hozza-m* 'ко мне', *hozza-d* 'к тебе', *hozza(ja)* 'к нему', *hozza-nk* 'к нам', *hozza-tok* 'к вам', *hozza-juk* 'к ним', коми-зыр. *vyla-m* 'на мне', *vy-la-d* 'на тебе', *vyla-s* 'на нем' и т. д.

По всей видимости, этот способ очень древний. Образование его относится к тем временам, когда форм местных падежей личных местоимений в уральских языках вообще не было. Представление о местонахождении чего-либо во мне, в тебе, в нем и т. д. могло быть выражено только как 'в моей внутренности', 'в твоей внутренности', 'в его внутренности' и т. д.

Необходимо заметить, что во многих современных уральских языках этот способ уже нарушился и даже полностью исчез, например в саамском и прибалтийско-финских языках. В таких языках, как ненецкий и марийский, послелоги с притяжательными суффиксами могут сочетаться с личными местоимениями, ср. ненецк. *tañ ñadan (i)* 'от меня', *pydar ñadand* 'от тебя', *pyda ñanda* 'ему' и т. д., мар. *maj denem* 'со мной', *taj denet* 'с тобой'.

В мордовских языках этот древний способ также начинает заменяться новым способом. В «Грамматике мордовских языков» указывается, что направительно-вносительный, переместительный, превратительный и причинный падежи личных местоимений выражаются формой родительного падежа с соответствующим послелогом или только послелогом с притяжательным суффиксом, например: *монь эзон* 'в меня', *эзон* 'в меня', *монь лацон* 'как я', 'подобно мне' и *лацон* (в том же значении), *монь эзган* 'по мне' и *эзган* (в том же значении), *монь инксон* 'за меня', *инксон* (в том же значении).

Вместо отложительного, местного, исходного и сравнительного падежей часто употребляется форма родительного падежа с соответствующим послелогом или только послелогом с притяжательным суффиксом. Например: эрз. *сонзэ мельга* и мокш. *сонь мельганза* и эрз. *мельганзо*, мокш. *мельганза* 'за ним'¹⁴.

¹⁴ ГМЯ, стр. 227.

Формы местных падежей личных местоимений в современных мордовских языках возникли в результате смешения двух различных моделей. С одной стороны, они образовались по аналогии соответствующих падежных форм имен существительных. К основе личного местоимения присоединялось окончание местного падежа, ср. эрзя-м. *mońsě-n* 'во мне', *tońsě-t* 'в тебе', *mońga-n* 'по мне', *tońga-t* 'по тебе' и т. д. С другой стороны, наличие другого типа образований, например *vaksso-n* 'рядом со мной', *vaksso-t* 'рядом с тобой', *mel'ga-nzo* 'за ним' и т. д. способствовало присоединению к формам типа *mońsě-*, *tońsě-* и т. д. притяжательных суффиксов.

УСИЛИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Личные местоимения в мордовских языках могут образовать особую форму, которую обычно называют усиленной, или определенной. Усиленная форма образуется путем присоединения к основе личного местоимения определенного постпозитивного артикля -*ś* (эрз. форма) или -*ć* (мокш. форма), например эрз. *mońś*, мокш. *mońć* 'я сам', эрз. *tońś*, мокш. *tońć* 'он сам', эрз. *sonś*, мокш. *sonć* 'он сам' и т. д.

СКЛОНЕНИЕ УСИЛИТЕЛЬНЫХ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ

Эрзянский язык

Единственное число

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.	<i>mońś</i>	<i>tońś</i>	<i>sonś</i>
Род.	<i>mońseñ</i>	<i>tońset'</i>	<i>sońsenzě</i>
Дат.	<i>mońšteñ</i>	<i>tońštet'</i>	<i>sońštenzě</i>
Отл.	<i>mońštedeñ</i>	<i>tońštedet'</i>	<i>sońštedenzě</i>
Ср.	<i>mońseškan</i>	<i>tońseškat'</i>	<i>sońseškanzo</i>
Изъят.	<i>mońštemeñ</i>	<i>tońštemet'</i>	<i>sońštemenzě</i>

Множественное число

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.	<i>mińś</i>	<i>tyńś</i>	<i>syńś</i>
Род.	<i>mińsenek</i>	<i>tyńsenk</i>	<i>syńsest</i>
Дат.	<i>mińštenek</i>	<i>tyńštenk</i>	<i>syńštest</i>
Отл.	<i>mińštedenek</i>	<i>tyńštedenk</i>	<i>syńštedest</i>
Ср.	<i>mińseškanok</i>	<i>tyńseškanok</i>	<i>syńseškast</i>
Изъят.	<i>mińštemenek</i>	<i>tyńštemenk</i>	<i>syńštemest</i>

Мокшанский язык

Единственное число

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.	<i>mońć</i>	<i>tońć</i>	<i>sonć</i>
Род.	<i>moncəñ</i>	<i>toncəñ</i>	<i>soncəñ</i>
Дат.	<i>mondinā</i>	<i>tejt'</i>	<i>sondejnzā</i>
	<i>tejnā</i>		<i>tejnza</i>

Множественное число

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.	<i>mińć</i>	<i>tińć</i>	<i>sińć</i>
Род.	<i>mincəñ</i>	<i>tincañ</i>	<i>sincəñ</i>

Склонение усиленных личных местоимений имеет некоторое отличие от склонения определенных имен существительных. Эти отличия сводятся к следующему:

1) В косвенных падежах указательного склонения имен существительных в ед. числе постпозитивный артикль *ś* не присутствует. Он фактически заменяется новым артиклем -*ñl'*, ср. эрз. *kudo-ñl-eñ* 'дому тому', *kudo do-ñl'* 'от дома того' и т. д. При склонении усиленных личных местоимений постпозитивный артикль -*ś* присутствует также в формах косвенных падежей, ср., например, *mońšteñ* 'мне самому', *mońštedeñ* 'от меня самого', *tońštet'* 'тебе самому', *tońštedet'* 'от тебя самого' и т. д.

2) В отличие от форм указательного местоимения имен существительных в образовании форм косвенных падежей усиленных местоимений участвуют притяжательные суффиксы, например *mońseška-n* 'с меня', *sońseška-t* 'с тебя', *sonseška-nzo* 'с него самого' и т. д. В некоторых падежах вместо *n* и *t* выступают *ñ* и *t'*, например *mońštedeñ* 'от меня', *tońštedet'* 'от тебя'. Палатализация возникла под влиянием форм род. падежа *monseñ* 'меня' и *tonset'* 'тебя'.

К разряду усиленных местоимений относится также местоимение, образуемое от основы *škamo-* и притяжательных суффиксов, ср. эрз. *škamo-n* 'я один', *škamo-t* 'ты один', *škamo-nzo* 'он один', *škamo-nok* 'мы одни', *škamo-nk* 'вы одни', *škamo-st* 'они одни'. Соответственно в мокшанском: *škamān*, *škamāt*, *škamānzā*, *škamānk*, *škamānt*, *škamāst*. Косвенных падежей эти образования не имеют. Эти местоимения образованы от основы *ška-*, этимологически, по-видимому, родственной марийскому местоимению *əške*, *ške* 'сам'. Конечное *mo* восходит к уральскому местоименному суф. -*m*.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Разряд притяжательных местоимений представлен в мордовских языках местоимениями различного происхождения. Иногда принято говорить, что этот разряд включает в себя так называемые генитивные образования от личных местоимений¹⁵. Однако само

¹⁵ ГМЯ, стр. 231.

понятие «гениитивные образования от личных местоимений», если его рассматривать с исторической точки зрения, является ошибочным, поскольку такие формы местоимений, как *moñ* 'мой', *toñ* 'твой', *sonzë* 'его', *minek* 'наш', *tynk* 'ваш', *synst* 'их', *moñseñ* 'мой собственный', *toñset'* 'твой собственный', *soñsenzë* 'его собственный' и т. д., не являются по происхождению формами родительного падежа.

СКЛОНЕНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ ЕЅ 'СВОЙ'

1-е лицо

	Ед. число		Мн. число	
	Эрз.	Мокш.	Эрз.	Мокш.
Им.	<i>eś</i>	<i>eś</i>	<i>eś</i>	<i>eś</i>
Род.	<i>eseñ</i>	<i>eś</i>	<i>esenek</i>	—
Дат.	<i>ešteñ</i>	<i>estejnä</i>	<i>eštenek</i>	<i>eštejnək</i>
Отл.	<i>eštedeñ</i>	<i>estädän</i>	<i>eštedenek</i>	<i>eštädänk</i>
Местн.	—	<i>ešsän</i>	—	<i>ešsänk</i>
Исх.	—	<i>eštän</i>	—	<i>eštänk</i>
Ср.	<i>eseškan</i>	<i>ešškan</i>	<i>ešškanok</i>	<i>ešškanək</i>
Изъят.	<i>eštemeñ</i>	<i>ešftämän</i>	<i>eštemenek</i>	<i>ešftämänk</i>

2-е лицо

	Ед. число		Мн. число	
	Эрз.	Мокш.	Эрз.	Мокш.
Им.	<i>eś</i>	<i>eś</i>	<i>eś</i>	<i>eś</i>
Род.	<i>eset'</i>	—	<i>esenk</i>	—
Дат.	<i>eštet'</i>	<i>eštejt'</i>	<i>eštenk</i>	<i>eštejnt</i>
Отл.	<i>eštedet'</i>	<i>estädät</i>	<i>eštedenk</i>	<i>eštädänt</i>
Местн.	—	<i>ešsät</i>	—	<i>ešsännt</i>
Исх.	—	<i>eštät</i>	—	<i>eštännt</i>
Ср.	<i>eseškat</i>	<i>ešškat</i>	<i>eseškanək</i>	<i>ešškannt</i>
Изъят.	<i>eš'emet'</i>	<i>ešftämät</i>	<i>eštemenk</i>	<i>ešftämänt</i>

3-е лицо

	Ед. число		Мн. число	
	Эрз.	Мокш.	Эрз.	Мокш.
Им.	<i>eś</i>	<i>eś</i>	<i>eś</i>	<i>eś</i>
Род.	<i>essenzë</i>	—	<i>esest</i>	—
Дат.	<i>eštenzë</i>	<i>eštejnza</i>	<i>ešlest</i>	<i>eštejst</i>
Отл.	<i>eštedenzë</i>	<i>eštädänza</i>	<i>eštedest</i>	<i>eštädäst</i>
Местн.	—	<i>ešsänza</i>	—	<i>ešsäst</i>
Исх.	—	<i>eštänza</i>	—	<i>eštäst</i>
Ср.	<i>eseškanzo</i>	<i>ešškanza</i>	<i>eseškast</i>	<i>ešškast</i>
Изъят.	<i>eštemenzë</i>	<i>ešftämänza</i>	<i>eštemest</i>	<i>ešftämäst</i> ¹⁶

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФОРМ ОТДЕЛЬНЫХ ПАДЕЖЕЙ

1-е лицо

И м е н и т е л ь н ы й п а д е ж

Притяжательное местоимение *eś* 'свой' восходит к самостоятельному слову протоуральского языка, первоначальным значением которого было 'душа', 'тень'. Рефлексы прослеживаются во многих уральских языках, ср. финск. *itse* 'сам', саамск. *ieš*, мн. ч. *iežä*, мар. *iške*, *ške* (-*ke* не принадлежит к основе), удм. *ačim* 'я сам', *ačid* 'ты сам', коми-зыр. *ačym* 'я сам', *ačyd* 'ты сам', и т. д., манс. *jis*, *jis* 'бродящая душа', 'привидение', например *kwäl is* 'тень дома' (*kwäl* 'дом'), южно-хант. *is* 'душа', 'дух'¹⁷.

Любопытно отметить, что в мордовских языках основа *eś*- не принимает суффикса мн. числа -*t*.

Р о д и т е л ь н ы й п а д е ж

1 л. ед. ч. Эрз. *eseñ*. Структура формы обычная: «основа местоимения + суффикс род. падежа». Гласный *e* возможно является эвфоническим.

1 л. мн. ч. Эрз. *esenek*. Та же основа со вставочным *e*, к которой прибавлен обычный притяжательный суффикс 1-го лица мн. числа -*nek*. В мокшанском языке формы род. падежа отсутствуют.

¹⁶ ГМЯ, стр. 233, 234.

¹⁷ Collinder — II, стр. 16.

Д а т е л ь н ы й п а д е ж

1 л. ед. ч. Эрзянская форма *ešteń* первоначально была, по-видимому, составлена из трех составных частей: «основа *eš-* + послелог *teń* + видоизмененный притяжательный суффикс 1-го лица ед. числа -*n*». Конечное *ń* в послелого *teń* позднее могло утратиться. Притяжательный суфф. -*n*, очевидно, был представлен палатализованным *ń*, возникшим в результате влияния конечного палатализованного *ń* в послелого *teń*. Упрощение *ńń* могло явиться основной причиной утраты *ń* в послелого *teń*.

Мокшанская форма дат. падежа 1-го лица ед. числа *eštejnä* состоит из основы *eš-*, послелого *tej* и варианта притяжательного суффикса 1-го лица ед. числа -*nä*.

1 л. мн. ч. Эрзянская форма *eštenek* может восходить к более древней форме *ešteñnek*, где *eš-* — основа, *teń* — послелог и -*nek* — притяжательный суффикс 1-го лица мн. числа. В результате упрощения *ńń* могла возникнуть современная форма *ěštenek*.

По той же схеме образована и мокшанская форма *eštejnak*. Послелог *teń* в эрзянском, как известно, соответствует в мокшанском послелог *tej*.

О т л о ж и т е л ь н ы й п а д е ж

1 л. ед. ч. Эрзянская форма *eštedeń* составлена из трех частей — основы *eš-* с наращением *te*, суффикса отложительного падежа *de* и преобразованного притяжательного суффикса 1-го лица ед. числа *ń*. Основа с наращением *te* (*ešte-*) явно отвлечена от формы дат. падежа *ešteń*. Притяжательный суффикс 1-го лица ед. числа в косвенных падежах мог иметь форму -*n*, ср. *eseškan* 'по сравнению со мной'. Под влиянием конечного палатализованного *ń* в формах род. и дат. падежей ед. числа *eseń* и *ešteń n* получило смягчение. Соответствующая мокшанская форма *eštədəp* также содержит новую основу *eštə-*, отвлеченную, по всей видимости, от формы дат. падежа 1-го лица ед. числа *eštejnä*. К этой основе присоединен суффикс отложительного падежа -*də* и вариант притяжательного суффикса 1-го лица ед. числа -*n*.

1 л. мн. ч. Эрз. *eštedenek* составлено из трех частей: «основа с наращением *te* + суффикс отложительного падежа -*de* + притяжательный суффикс 1-го лица мн. числа -*nek*». Мокшанская форма *eštədənk* также составлена из трех составных частей: «основы с наращением *te* + суффикс отложительного падежа -*də* + притяжательного суффикса 1-го лица мн. числа -*nk*».

М е с т н ы й п а д е ж

1 л. ед. ч. Мокш. *eššəp*. Форма по составу вполне нормальна. К основе *eš-* прибавлен суффикс местного падежа -*sə* и видоизмененный притяжательный суффикс 1-го лица ед. числа -*n*.

1 л. мн. ч. Мокш. *eššənk*. Структура формы обычная: «основа местоимения + суффикс местного падежа + соответствующий притяжательный суффикс». В эрзянском языке формы местного падежа отсутствуют.

И с х о д н ы й п а д е ж

1 л. ед. ч. Мокш. *esstəp*. Составные части: «основа *eš-* + суффикс исходного падежа -*stə* + видоизмененный притяжательный суфф. -*n*».

1 л. мн. ч. Мокш. *ešstənk*. Составные части: «основа *eš-* + суффикс исходного падежа -*stə* + соответствующий притяжательный суффикс». В эрзянском языке формы исходного падежа отсутствуют.

С р а в н и т е л ь н ы й п а д е ж

1 л. ед. ч. Эрз. *eseškan*. Форма составлена из основы *eš-*, эвфонического *e*, суффикса сравнительного падежа -*ška* и видоизмененного притяжательного суффикса 1-го л. ед. числа -*n*. Соответствующая мокшанская форма *ešškan* не содержит эвфонического *e*, так как после основы *eš-* непосредственно следует суффикс сравнительного падежа -*ška* (*ešška-n*).

1 л. мн. ч. Эрз. форма *eseškanok* содержит эвфоническое *e* (*ese-*). Соответствующая мокшанская форма *ešškanok* не содержит эвфонического *ə*.

И з ы а т е л ь н ы й п а д е ж

1 л. ед. ч. Эрз. *eštemeń*. Состав формы: «основа *eš-* + суффикс изыательного падежа -*teme* (возможно, из -*vteme*) + видоизмененная форма суффикса 1 л. ед. ч. -*ń*». Мокшанская форма *ešftəmp* не обнаруживает никаких аномалий.

1 л. мн. ч. Эрз. *eštemenek* (возможно из *ešvtemenek*). Мокшанская форма *ešftəmpnk*. Состав форм: «основа *eš-* + суффикс изыательного падежа + соответствующий притяжательный суффикс».

2-е лицо

Р о д и т е л ь н ы й п а д е ж

2 л. ед. ч. Эрз. *eset'*. Форма содержит основу *eš-*, эвфоническое *e* и притяжательный суффикс 2 л. ед. ч. -*t*. Палатализация конечного *t'* возникла под влиянием формы род. падежа 1-го лица ед. числа *eseń*. Суффикс род. падежа фактически отсутствует.

2 л. мн. ч. Эрз. *esenk*. Состав: «основа *eš-* + эвфоническое *e* + притяжательный суффикс 2-го лица мн. числа -*nk*». В мокшанском языке формы родительного падежа отсутствуют.

2 л. е д. ч. Эрзянская форма *ešetel'*. Она составлена из основы *eš-*, послелога *teñ* с усеченным конечным *ñ* и притяжательного суффикса 2-го лица ед. числа *-t*. Палатализация *t* возникла под влиянием формы дат. падежа 1-го лица ед. числа *esteñ*. Мокшанская форма *eštejt* содержит послелог *tej*.

2 л. м н. ч. Эрзянская форма *eštenk* и мокшанская форма *eštajnt* образованы по одной схеме: «основа местоимения *es-* + послелог (в эрзянском *teñ* с усечением конечного *ñ*, в мокшанском *tej*) + соответствующий притяжательный суффикс».

О т л о ж и т е л ь н ы й п а д е ж

2 л. е д. ч. Эрзянская форма *eštedet'* составлена из новой основы *ešte-*, отвлеченной от формы дат. падежа. Выше уже указывалось, что элемент *te* в форме дат. падежа восходит к послелогу *teñ*. В форме отложительного падежа в этом послелог не имеет необходимости. К новой основе *ešte-* прибавлен суффикс отложительного падежа *-de* и притяжательный суффикс 2-го лица ед. числа *-t*. Палатализация *t* возникла по аналогии. Мокшанская форма *eštedžt'* также образована от новой основы *ešta-*. Тот же принцип в формах 2 л. мн. ч.

М е с т н ы й п а д е ж

2 л. е д. ч. Мокшанская форма *ešžt* образована по схеме: «основа *eš-* + суффикс местного падежа *-sž* + притяжательный суффикс 2-го лица ед. числа *-t*».

2 л. м н. ч. Мокш. *ešžnt*. Состав формы: «основа *eš-* + суффикс местного падежа *-sž* + притяжательный суффикс *-nt*». В эрзянском языке формы местного падежа отсутствуют.

И с х о д н ы й п а д е ж

2 л. е д. ч. Мокш. *ešžt*, 2 л. м н. ч. *ešžnt*. Обе формы образованы по схеме: «основа *eš-* + суффикс исходного падежа + соответствующий притяжательный суффикс». В эрзянском языке формы исходного падежа отсутствуют.

С р а в н и т е л ь н ы й п а д е ж

2 л. е д. ч. Эрз. *eseškat*. Основа *eš-* имеет эвфоническое *e*. Мокшанская форма *ešškat* лишена эвфонического *e*. Состав формы: «основа *eš-* + суффикс сравнительного падежа + притяжательный суффикс 2-го лица ед. числа».

2 л. м н. ч. Эрз. *ešškank* и мокш. *ešškant* образованы по обычной схеме: — «основа + суффикс сравнительно падежа + соответствующий притяжательный суффикс 2-го лица мн. числа».

2 л. е д. ч. Эрз. *eštemet'*. Состав формы обычный. Палатализация притяжательного суффикса 2-го лица ед. числа *-t* вызвана действием аналогии. В мокшанской форме *ešftomžt* палатализация отсутствует.

2 л. м н. ч. Эрз. *eštemenk* и мокш. *ešftinžnt* образованы по обычной схеме: «основа *eš-* + суффикс изыательного падежа + соответствующий суффикс 2-го лица мн. числа».

3-е лицо

Р о д и т е л ь н ы й п а д е ж

3 л. е д. ч. Эрз. *esenzž*. Состав формы: «основа *eš-* + эвфоническое *e* + притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа *-nzž*». Согласный *n* в составе суффикса является лишним, поскольку относится обычно к существительным, выражающим множество обла- даемых.

3 л. м н. ч. Эрз. *esest*. Состав: «основа *eš-* + эвфоническое *e* + притяжательный суффикс 3-го лица мн. числа *-st*». В мокшанском языке форма род. падежа отсутствует.

Д а т е л ь н ы й п а д е ж

3 л. е д. ч. Эрз. *ešenzž*, мокш. *eštejnza*. Состав форм: «основа *eš-*, послелог *tej* 'к' + притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа *-nzž*, *-nza*».

3 л. м н. ч. Эрз. *eštest* и мокш. *eštejst* образованы по той же схеме: «основа *eš-* + послелог *tej* + соответствующий притяжательный суффикс 3-го лица мн. числа».

О т л о ж и т е л ь н ы й п а д е ж

3 л. е д. ч. Эрз. *eštedenzž*, мокш. *eštedžnza*. Состав форм: «новая основа *ešte-*, отвлеченная от форм дательного падежа *eštanzž* или *eštajnza* + суффикс отложительного падежа *-de*, *-do* + притяжательный суффикс 3-го л. ед. числа *-nzž*, *-nza*».

3 л. м н. ч. Эрз. *eštedest*, мокш. *eštedžst*. Обе формы образованы по той же схеме. Только вместо притяжательных суффиксов 3-го лица ед. числа употреблены притяжательные суффиксы 3-го лица мн. числа.

М е с т н ы й п а д е ж

3 л. е д. ч. Мокш. *ešžnza*. Состав формы обычный: «основа *eš-* + суффикс местного падежа *-sž* + притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа».

3 л. м н. ч. *ešžst*. Состав формы также прозрачен. В эрзянском языке форма местного падежа отсутствует.

3 л. ед. ч. Мокш. *ešstānza*, 3 л. мн. ч. Мокш. *ešstāst*. Обе формы образованы по обычной схеме: «основа *eš-* + падежный суффикс + притяжательный суффикс». В эрзянском языке форма исходного падежа отсутствует.

Сравнительный падеж

3 л. ед. ч. Эрз. *eseškanzo*. Состав формы: «основа *eš* + эвфоническое *e* + суффикс сравнительного падежа *-ška* + притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа *-nzo*». Мокш. *eškanza*. Отличие этой формы от соответствующей эрзянской формы заключается в отсутствии эвфонического *e*.

3 л. мн. ч. Эрз. *eseškast*, мокш. *ešškast*. Эрзянская форма отличается наличием эвфонического *e* (*ese-*).

Изъятный падеж

3 л. ед. ч. Эрз. *eštemenzē*, мокш. *ešftāmānza*.

3 л. мн. ч. Эрз. *eštemest*, мокш. *ešftāmāst*. Состав форм обычный.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Указательные местоимения в мордовских языках являются наиболее многочисленным разрядом местоимений. Отличительная особенность указательных местоимений, если их рассматривать с исторической точки зрения, заключается в их многослойности. Многие мордовские указательные местоимения представляют конгломерат, составленный из местоименных основ разного происхождения, иногда с добавлением эмфатических частиц. Такая многослойность объясняется тем, что к указательному местоимению, состоявшему первоначально из одной местоименной основы, в определенных планах речи в целях его эмфатического усиления прибавлялись другие местоименные основы или усилительные частицы. Ослабление усилительного значения присоединенного нового компонента служило стимулом для присоединения новых местоимений и усилительных частиц.

Таким путем образовались, по всей видимости, почти все указательные местоимения в мордовских языках.

ОСНОВНЫЕ УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ,
УПОТРЕБЛЯЮЩИЕСЯ В СОВРЕМЕННЫХ МОРДОВСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Ед. число	Мн. число
эрз. <i>se</i> , мокш. <i>sä</i> 'тот'	эрз. <i>ne</i> , <i>nel'</i> , мокш. <i>nä</i> , <i>näl'</i>
эрз. <i>seke</i> , мокш. <i>säka</i> 'тот же'	эрз. <i>set'</i> , <i>set'ne</i> , мокш. <i>sät'</i> 'те'
эрз. <i>te</i> , мокш. <i>tä</i> 'этот'	эрз. <i>seket'</i> , <i>seket'ne</i> , мокш. <i>säkät'</i> , <i>näka</i> 'те же'
эрз. <i>teke</i> , мокш. <i>t'aka</i> 'этот же'	эрз. <i>ne</i> , <i>nel'</i> , <i>nel'ne</i> , мокш. <i>nä</i> , <i>nät</i> эти
эрз. <i>tevatē</i> 'вот этот', 'только этот'	эрз. <i>neket'</i> , <i>neket'ne</i> , мокш. <i>näka</i> , <i>näkät'nä</i> 'эти же'
эрз. <i>tona</i> , мокш. <i>tona</i> 'тот'	эрз. <i>nevatet'</i> , <i>nevatet'ne</i> 'вот эти', 'только эти'
	эрз. <i>nona</i> , <i>nonat'ne</i> , мокш. <i>nona</i> , <i>nonat</i> , <i>nonat'nä</i> 'те'

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ
УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ

Эрз. *se*, мокш. *sä* 'тот'

Местоимения *se* и *sä* происходят от местоименной основы *sŷ-*. Основа *sŷ-* имеет рефлексy во многих уральских языках, ср. финск. *se* ~ *si-* 'этот', 'тот', мар. *sebe* 'этот', сев.-хант. *šŷ*, *šŷt* 'этот', южно-хант. *tŷ* 'этот', тавги-сам. *sete* 'он', *seteŷ* 'они', камас. *šōō* 'здесь' и т. д.¹⁸

Эрз. *seke*, мокш. *säka* 'тот же'

Местоимение составлено из двух компонентов — указательного местоимения *se*, *sä* 'тот' и суфф. *-ke*, *-ka*.

Второй составной элемент этих местоимений *-ke*, *-kä* представляет усилительный суффикс, который в мордовских языках может быть представлен в различных вариантах: *-k* ~ *-ko* ~ *-ke* ~ *kâ*, *-ka*, *-ga* ~ *-ge* ~ *-ŷga* ~ *-jâ* ~ *-va* *-gak* ~ *-jak* ~ *-jok*, *-vâk*, *-kige*, *kije*¹⁹.

Эрз. *te*, мокш. *tä* 'этот'

Эти местоимения происходят от основы *tŷ-*. От этой основы образуются указательные местоимения также в других уральских языках, ср. финск. *tämä* ~ *tä* 'этот', эст. *tema*, *temä* 'он', саамск. *dat* ~ *da* — этот, *deikē* (<*deikki) 'сюда', удм. и коми-зыр. *ta* 'этот' (?),

¹⁸ Collinder — II, 56.

¹⁹ Майтинская — II, стр. 16.

мар. *ti, ta*, манс. *te, ti, ta* 'этот', *tet, tit, tət* 'здесь', хант. *temi, ta* 'этот', ненецк. *tam, čam*, мн. ч. *tew'*, сельк. *tam, tau* 'этот', *teda*, 'теперь', *tii, teja, teka* 'сюда', камас. *teeji* 'сюда' и т. д.²⁰

Эрз. *teke*, мокш. *täka* 'этот же'

Оба местоимения образованы от той же основы *tj-*. Второй составной элемент этих местоимений представляет усилительный суффикс, ср. эрз. *seke* и мокш. *säka* 'тот же'.

В диалектах мордовских языков существуют такие указательные местоимения, как эрз. *ese* 'тот', 'этот', представляющее соединение местоименной основы *e-* с местоимением *se*, эрз. *ete* 'этот' — соединение местоименной основы *e-* с местоимением *-te-*, эрз. *sete*, мокш. *säsä* — соединение двух местоимений *se, sä* и *te, tä*, эрз. *tete*, мокш. *titä* — соединение двух одинаковых местоимений *te, te* и *tä, tä* и т. д.

Эрз. *te vate* 'вот этот'

Местоимение составлено из трех составных частей *te, va* и *te*. Первый элемент происходит от местоименной основы *tj-*. Второй элемент *va* К. Е. Майтинская пытается возвести к варианту уральского местоименного суффа. *-k*, выступавшего в форме *-g*²¹. Т. Лехтисало связывает с этим суффиксом также финский суффа. *-ka* в местоимении *jo-ka* 'который' и мордовский суффа. *-ke*, перешедший в *-je* ~ *~je*, в местоимении *ki-je* (эрз.) и *ki-je* (мокш.), означающему 'кто?'²². Последний элемент *-te* — вариант местоименного суффа. *-to*, используемого в указательной функции.

Эрз. *tona* 'тот', 'другой', мокш. *tona* 'тот',
эрз. *tonata* 'тот самый'

Местоимение *tona* содержит основу *tj-(to- ~ tu-)*, которая является также и в других уральских языках, ср. венг. *to-, ta* (*tova* 'туда', 'далее', *tavaly* 'в прошлом году', *túl* 'по ту сторону'), хант. *to-* (*tomi, tomi* 'тот', *tox* 'туда'), манс. *to-, to-* (*ton* 'тот'), коми *tj-* (*tjn, tijen* 'там'), удм. *tu* 'тот', мар. *tu* 'тот', финск. *tuo* 'тот', саамск. *tõ-* (*tõt* 'тот'), *duo, duoat* 'тот'²³.

Второй составной элемент *-na* восходит к уральскому местоименному суффа. *-n*, имеющему параллели во многих уральских языках, ср. мар. *tu-na-m* 'тогда', коми и удм. *ki-n* 'кто', венг. *eze-n* 'этот' и т. д.

Конечный элемент *-ta* в *tonata* 'тот самый' представляет вариант указательного местоимения *to*, используемого в роли усилительного суффикса.

²⁰ Collinder — II, 62.

²¹ Майтинская — II, стр. 9.

²² Там же.

²³ Szinyei — II, стр. 24, 25; Майтинская — II, стр. 7.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОБРАЗОВАНИЯ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Образование форм мн. числа указательных местоимений отличается разнообразием способов. Эти способы можно свести к следующим четырем основным типам:

1. Употребление специальных форм мн. числа, образованных от других местоименных основ, ср. эрз. *se* 'тот', *ne* 'те'.

2. Употребление специальных форм мн. числа, образованных от других местоименных основ в сочетании с суффиксом мн. числа *-t*, например эрз. *te*, мокш. *tä* 'этот', эрз. *net'*, мокш. *nät'* 'эти'.

3. Употребление специальных форм мн. числа, образованных от других местоименных основ с прибавлением определенного артикля, типичного для определенных имен существительных, ср. эрз. *teke*, мокш. *täka* 'этот же', эрз. *'neketne'*, мокш. *näkatnä* 'эти же'.

4. Употребление суффикса мн. числа *-t*, например эрз. *seke* 'тот же', *seket* 'те же'.

СКЛОНЕНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Эрз. *se*, мокш. *sä* 'этот'

Единственное число

	Эрз.	Мокш.
Им.	<i>se</i>	<i>sä</i>
Род.	<i>se-ñ</i>	<i>sä-ñ</i>
Дат.	<i>se-neñ</i>	<i>sä-ñdi</i>
Отл.	<i>se-de</i>	<i>sä-da</i>

Множественное число

	Эрз.	Мокш.
Им.	<i>set'</i>	<i>sät</i>
Род.	<i>set'ne-ñ</i>	<i>sät'nä-ñ</i>
Дат.	<i>set'ne-neñ</i>	<i>sät'nä-ñdi</i>
Отл.	<i>set'ne-de</i>	—
Местн.	<i>set'ne-së</i>	—
Исх.	<i>set'ne-stë</i>	—
Н.-вносит.	<i>set'ne-s</i>	—
Перемест.	<i>set'ne-va</i>	—
Преврат.	<i>set'ne-ks</i>	—
Ср.	<i>set'ne-ška</i>	—
Изъят.	<i>set'ne-vteme</i>	<i>sä-ftätmä</i>
Прич.	—	<i>sä-ñksä</i>
Н.-вносит.	<i>setne-s</i>	—
Перемест.	<i>setne-va</i>	—

Эрз. *te*, мокш. *tä* 'этот'

Единственное число

	Эрз.	Мокш.
Им.	<i>te</i>	<i>tä</i>
Род.	<i>te-n</i>	<i>tä-n</i>
Дат.	<i>te-neñ</i>	<i>tä-ñdi</i>
Отл.	<i>te-ke-de</i>	<i>t'a-da</i>

Множественное число

	Эрз.	Мокш.
Им.	<i>ne-t', net'ne</i>	<i>nät</i>
Род.	<i>net'ne-n</i>	<i>nä-n, nätnä-n</i>
Дат.	<i>net'ne-neñ</i>	<i>nä-ñdi, nätnä-ñdi</i>
Отл.	<i>net'ne-de</i>	<i>ña-da</i>
Местн.	<i>net'ne-së</i>	—
Исх.	<i>net'ne-stë</i>	—
Н.-вносит.	<i>net'ne-s</i>	—
Перемест.	<i>net'ne-va</i>	—
Преврат.	<i>net'ne-ks</i>	—
Ср.	<i>net'ne-ška</i>	<i>nä-ška</i>
Изъят.	<i>netne-vteme</i>	<i>nä-ftämä</i>
Прич.	—	<i>nä-nksä</i>

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

К определительным местоимениям относятся в мордовских языках следующие местоимения:

эрз. *eřva*, мокш. *äř* 'каждый';
эрз. *ištamo*, мокш. *stama* 'такой';
эрз. и мокш. *lija* 'другой';
эрз. *vese*, мокш. *sembä* 'весь, все'.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ

Эрз. *eřva*, мокш. *äř* 'каждый'

Х. Паасонен предполагал, что в основе этих местоимений лежит татарское местоимение *er, är* 'каждый'²⁴. Такое предположение очень близко к истине, так как в языке казанских татар действительно существует местоимение *här* 'каждый'.

²⁴ Paasonen — II, стр. 6, 66.

Эрз. *ištamo*, мокш. *stama* 'такой'

Местоимение *ištamo* содержит целых три местоименных основы *iš-*, *t'a-* и *mo-*. Основа *iš-* восходит в конечном счете к местоименной основе *ĭ-*, которая в виде *e* и *i* находит отражение в разных финно-угорских языках, ср. финск. *e-ttä* 'что', эст. *e-t* 'что', *i-ga* 'каждый', ливск. *je-ga* 'каждый', коми-зыр. *e-*, *e-siję* 'тот', хант. *i-n* 'тот', *i-t* 'этот', венг. *e-z* 'этот', *i-tt* 'здесь' и т. д.²⁵

Второй составной элемент *tä* восходит к уральскому местоименному суффу. *-tĭ*, имеющему параллели в других уральских языках, ср. саамск. *gu-tte* 'который', мар. *ku-de* 'кто?', 'какой?', *tu-do* 'он', коми-зыр. *ko-d*, *ko-di* 'кто?' и т. д.²⁶ Х. Оянсуу предполагает, что первичной формой этого суффикса было *-ta*, *-da*²⁷.

Третий составной элемент *mo* восходит к уральскому местоименному суффу. *-m*, имеющему рефлекс в разных уральских языках, ср. финск. *tä-mä* 'этот', коми-зыр. *tatšö-m* 'такой', *kutšö-m* 'какой', ненецк. *xi-be* 'кто' и т. д. Мокш. *stamä* возникло из *išt'amä*.

Эрз. и мокш. *lija* 'другой'

Х. Паасонен сопоставляет это местоимение с финским *liika* 'лишний'²⁸.

Мокш. *t'aftama* 'такой'

Местоимение *t'aftama* содержит четыре составных элемента *ta*, *va*, *ta* и *ma*.

Первая основа *t'a-* восходит к местоименной основе *tĭ-* (эрз. *te-ti-*, мокш. *tä- ~ te- ~ ti-*). К этой же основе восходят указательные местоимения эрз. *te* и мокш. *tä* 'этот'. Местоименный суффу. *-va ~ -vo* в мокшанском превратился в *-f*, восходит к уральскому суффу. *-k*, продолжением которого Т. Лехтисало считает финский суффу. *-ka*, например в слове *joka* 'каждый'²⁹. К. Е. Майтинская предполагает, что мордовский суффу. *-va* развился из *-ka*, где *k* мог превратиться в *v* через промежуточную ступень *g*³⁰. Элементы *ta* и *ma* соответственно восходят к уральским местоименным основам *-t-* и *m-*.

Эрз. *vese*, мокш. *sembä* 'весь'

Эрзянское местоимение *vese* 'весь' представляет явное заимствование из русского языка. Мокшанское *sembä* восходит к местоимению *se* 'тот', 'этот', осложненному суффу. *-mb*. Первоначально *sembä*, по-видимому, означало 'более, чем тот или этот'.

²⁵ SKES I, стр. 33—34.

²⁶ Lehtisalo, стр. 390—391.

²⁷ Ojansuu, стр. 11.

²⁸ Paasonen — I, стр. 89.

²⁹ Lehtisalo, стр. 393.

³⁰ Майтинская — II, стр. 9.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

К вопросительным местоимениям относят в мордовских языках следующие местоимения:

- эрз. *ki*, *kije*, мокш. *kijä* 'кто';
 эрз. *kiñ*, мокш. *kiñ* 'чей';
 эрз. *kodamo*, мокш. *kodama* 'какой';
 эрз. *kona*, *konata*, мокш. *kona* 'который';
 эрз. *meze*, мокш. *mezä* 'что';
 эрз. *žaro*, мокш. *mžara* 'сколько';
 эрз. *žaroce*, *žňaroce*, мокш. *mžaräcä* 'который'.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ

Местоимение *ki*, *kije* восходит к основе вопросительного местоимения *kÿ-*, имеющего рефлекс в многих уральских языках, ср. финск. *ken ~ kene ~ ke* 'кто', саамск. *gi ~ gae* 'кто', 'который', мар. *ke*, *kö*, *kü* 'кто', удм. *kin* 'кто', коми-зыр., диал. *kin*, венг. *ki* 'кто', ненецк. *hibi*, *hibe* 'кто', камас. *gi'i* 'который'³¹.

В форме *kije* конечный элемент *je* является вариантом усиленного суфф. *-ke*, родственного финскому *-ka*, например *jo-ka* 'который'.

K i ñ

Местоимение *kiñ* 'чей' является формой род. падежа от *ki* 'который'.

Эрз. *k o d a m o*, м о к ш. *k o d a m ä* 'какой'

Местоимение *kodamo*, *kodama* содержит местоименную основу *ko-*. Нетрудно заметить сходство моделей построения местоимений *kodamo*, *kodama* и *išt'amo*, *stama*. Суфф. *-da* восходит к уральской местоименной основе *ty-*, а суфф. *-mo*, *-ma* к основе *m*. Озвончение *t* в интервокальном положении в мордовских языках является обычным.

K o n a, *k o n a t a* 'который'

Местоимение *kona* содержит основу вопросительного местоимения *kÿ-* (*ko- ~ ku ~ kš- ~ ki-*), которая также довольно хорошо представлена в вопросительных местоимениях различных уральских языков, ср. финск. *kuka ~ ku-* 'кто', *kussa* 'где', саамск. *gutti* 'кто', *gost* 'где', мар. *kudō*, *kuze* 'как', *kuštö* 'где', удм. *kudiz* 'который', *ku* 'когда', коми-зыр. *kod* 'кто', манс. *hoo*, *kon* 'кто', *hoot* 'где', хант. *koji*, южно-хант. *höjə* 'кто', *hötä* 'что', венг. *hol* 'где', *hogy* 'как', ненецк. *hu* 'кто', *hiña* 'где', тавги-сам. *kua* 'который' и т. д.³²

Второй составной элемент местоимения *kona* — *na* представляет

местоименный суффикс, используемый в роли усилителя. Этот суффикс восходит к уральскому местоимению *n*, ср. финск. *ken ~ kene* 'кто', мар. *tu-na-m* 'тогда', коми-зыр. *ki-n* 'кто', манс. *mä-n*, *ma-n* 'который', венг. *eze-n* 'этот'. Эта же основа встречается в личных местоимениях 1-го и 2-го лица, ср. финск. *mi-nä*, морд. *mo-n*, удм. *mo-n* 'я', финск. *si-nä*, морд. *to-n*, удм. *to-n* 'ты' и т. д.³³

Конечный элемент *ta* представляет также местоименный суффикс, восходящий к уральскому местоименному суфф. *-ty*.

Эрз. *m e z e*, мокш. *m e z ä* 'что'

Вопросительное местоимение *meze* составлено из двух элементов. Первый элемент *me* восходит к основе *mÿ-*, имеющей рефлекс в многих уральских языках, ср. финск. *mikä ~ mi-* 'что', 'какой'; саамск. *mi ~ mä-* 'что', 'какой', мар. *ma*, *mo* 'какой', удм. *ma*, коми-зыр. *myj*, манс. *män* 'что', венг. *mi* 'что', тавги-сам. *ma* 'что', камас. *miu*, *mo* 'почему'³⁴.

Второй элемент представляет указательное местоимение *se* 'этот'. Превращение *se* в *ze* в интервокальной позиции является в мордовских языках вполне обычным явлением. *Meze* некогда буквально означало 'что это?'

Эрз. *ž a r o*, мокш. *m ə ž a r a* 'сколько'

В образовании этих местоимений принимала участие одна из разновидностей местоименной основы *mÿ-* основа *miž-*, поскольку в мордовских диалектах встречаются образования типа мокш. *mžaro* 'сколько', *mžarda* 'когда' и т. д. Если сравнить мокш. *mžarda* 'когда' с эрз. *žardo*, *žňardo* 'когда', то можно сделать вывод, что эрз. *žardo* получилось из *mžardo*, *mižardo* путем опущения начального *m*. Форма *žňardo* могла получиться из *mžardo* путем превращения *m* в *n*, в результате чего возникла форма *ňžardo*. Позднее, по видимому, в группе *ňž* произошла метатеза, т. е. *ňžardo > žňardo >*

В образованиях типа эрз. *žaro >*, *ňaro >*, *žňaro*, мокш. *mžara* 'сколько', кроме местоименной основы *mež-*, содержится существительное *mar* 'куча'. Во многих случаях первый слог был утрачен, в результате чего формы типа эрз. *žaro*, *ňaro* и мокш. *mžara* 'сколько' чередуются. К. Е. Майтинская предполагает, что в таких случаях, как эрз. *знярошка/зярошка* 'какого размера', 'такого размера', эрз. *знярошкас/зярошкас* 'до какого предела, до такого предела', эрз. *зняронь/зняронь*, *зяронь-зяронь* 'постольку поскольку' и т. д., начальный согласный *ž* является не остатком местоименной основы *mež*, а восходит к указательному местоимению *se*, т. е. представляет озвонченный вариант *š* в положении перед сонорным³⁵.

³¹ Collinder — II, стр. 24.

³² Там же, стр. 26.

³³ Lehtisalo, стр. 388.

³⁴ Collinder — II, стр. 34, 35.

³⁵ Майтинская — II, стр. 43—44.

Эрз. *žarose, žňarose*, мокш. *mžarâsä* 'который'

Насколько можно видеть, к местоимениям *žaro, žňaro* и *mžaro* присоединен здесь суффикс *-se*, т. е. тот же самый суффикс, который фигурирует в мордовских числительных типа эрз. *vaseñce* 'первый', *otboce* 'второй' и т. д.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

В мордовских языках нет специальных форм отрицательных местоимений. Отрицание местоимений выявляется только в контексте при употреблении глаголов с отрицанием. Чаще всего вместо отрицательных местоимений употребляются вопросительные местоимения с прибавлением к ним частицы *-gak* в эрзянском с ее вариантами *jak, ak* и т. д. и частицы *-ok, -ge* в мокшанском.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Неопределенные местоимения в мордовских языках образуются двумя способами: 1) повторением основ, например *meze-meze* 'что-нибудь', *kije-kije* 'кто-нибудь' и 2) путем присоединения частиц — эрз. *buti, gak* (*-kak, -ak, -jak*), мокш. *bdi, kati, vok, -ga, -ke*, например эрз. *kije-butí* 'кто-то', мокш. *mezä-vâk* 'что-нибудь' и т. д.³⁶ Частицы *-ge, -ke, -gak, -ak* и т. д.³⁷ имеют параллели в родственных языках, ср. мар. *-kõ*, например *ala-kõ* 'кто-то', коми-зыр. *myj-kõ* 'что-то', *kod-kõ* 'кто-то' и т. д.

³⁶ ГМЯ, стр. 238.

³⁷ Там же.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Система числительных в протоуральском языке, по всей видимости, была развита довольно слабо. Во всех финно-угорских языках имеют параллели только числительные от одного до шести. Числительные «семь», «сто» и «тысяча», согласно общему мнению, являются заимствованиями из индоевропейских языков.

Система числительных в самодийских языках довольно резко отличается от системы числительных в финно-угорских языках.

Другой характерной особенностью системы числительных финно-угорских языков является чередование меченых и немеченых пар числительных. Первая пара числительных — «один — два» имеет дейктическую частицу *-tү* местоименного происхождения, ср. финск. *yksi, kaksi* из *ykti, kakti* (основы *yh-te, -kak-te-*), мар. *ik, kok* (полные формы *ik-t-ät, kok-t-ät*), коми-зыр. *õtik, kyk* удм. *odig-, kyk* из *og-t-ik, kyk-t* норв.-саамск. *ok-ta guok-te*, хант. *it, kat* из *iү-t, kak-t*, эрзя-м. *vejke, kavto* (<*kayto*) и т. д.

Следующая пара числительных — «три — четыре» не имеет дейктической частицы, ср. финск. *kolme, nelja*, саамск. *golbma, njaelja*, коми-зыр. *kyk, kujim*, удм. *kyk, kuiñ*, манс. *hurum, ñila*, хант. *hätäm, ñat, hätäm, ñat*, мар. *kum, näl*.

В паре «пять — шесть» дейктическая частица *-tү* вновь обнаруживается, ср. финск. *viisi, kuusi* из *viiti, kuuti* (основа *viite-, kuute-*), коми-зыр. *vi-t, kvaj-t*, мар. *vič* (из *viti*), *ku-d*, манс. *a-t, ho-t*, хант. *ve-t, hә-t* и т. д. Далее уже никаких дейктических частиц не обнаруживается.

Третья характерная черта системы числительных в финно-угорских языках состоит в том, что числительные «восемь» и «девять» не имеют собственных названий, а образуются описательно по схеме «два до десяти», «один до десяти», ср. финск. *kahdeksän, yhdeksän*, норв.-саамск. *gav-ce, ov-ce*, горно-мар. *kän-dakš(ə), ən-dekš(ə)*, мар. *kan-daš(ə), in-deš(ə)*, коми-зыр. *kōkja-mys, ōk-mys*, эрзя-м. *kavk-so, vejks-šə* и т. д.

Обско-угорские языки и венгерский также не имеют собственных названий для числительных «восемь» и «девять», но схема их образования отлична от вышеописанной. В названии «восемь» (ср. венг. *nyolc*, манс. *ñololu* и хант. *ñiväl*) нет никаких следов числительного «два». Элементы *nyol-*, *ñolo-*, *ñiv-* скорее связаны этимологически с названием четверки. Образование числительного «девять» в этих языках не обнаруживает единства схемы.

Этой же особенностью обладают и самодийские языки, которые также не имеют собственных названий для числительных «восемь» и «девять». В ненецком числительное «восемь» образуется по схеме «дважды четыре» — *сидитет*, ср. также *хасую* 'девять', где *ю* означает 'десять'.

Все вышеуказанные три основные особенности числительных в финно-угорских языках нашли также отражение в системе числительных мордовских языков.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

от одного до десяти

	Эрз.	Мокш.
один	<i>vejke</i>	<i>fkä</i>
два	<i>kavto</i>	<i>kafta</i>
три	<i>kolmo</i>	<i>kolma</i>
четыре	<i>nile</i>	<i>nilä</i>
пять	<i>vete</i>	<i>vetä</i>
шесть	<i>koto</i>	<i>kota</i>
семь	<i>sisem</i>	<i>sisäm</i>
восемь	<i>kavkso</i>	<i>kařksa</i>
девять	<i>vejksä</i>	<i>vejřksa</i>
десять	<i>kemeñ</i>	<i>kemäñ</i>

История отдельных числительных

один

эрз. *vejke*, мокш. *fkä*

Мордовские числительные *vejke* и *fkä* имеют параллели в родственных финно-угорских языках, ср. финск. *yksi* (основа *yhte-*), мар. *ik* или *ik-te*, манс. *akwa*, хант. *it*, сев.-саамск. *ok-ta*, венг. *egy*, коми-зыр. *õtï* или *õtïk*, удм. *odig*.

Финно-угорское числительное «один» входило в состав первой меченой пары, характеризующейся наличием у ее членов дейктической частицы *-tŷ*. Предполагая, что в составе архетипа был гласный переднего ряда, можно приблизительно реконструировать

древнемордовский архетип в виде **ük-te*. О присутствии у этого числительного дейктической частицы *-tŷ* свидетельствует следующее за ним числительное *kavto*, *kafta*, которое входит вместе с числительным «один» в состав первой меченой пары. Элемент *to* и *ta* представляют видоизмененную древнюю дейктическую частицу *-tŷ*.

В дальнейшем развитие архетипа *ük-te* могло происходить следующим образом. Перед лабиализованным начальным *ŷ* развился протетический гласный *v*, в результате чего появилась форма *vükte*. В дальнейшем по причине делабиализации *ŷ* и *ö ŷ* превратилось в *e*, что привело к образованию формы *vekte*. Группа *kt* в положении между гласными переднего ряда превращалась в *jt*, а конечное *te* могло отпасть. В мордовских языках был период, когда числительное «один» звучало как *vej*.

Следы этого периода сохраняются в некоторых наречных формах, представляющих окаменевшие надежные формы от некогда существовавшей основы *vej*, ср. эрз. *vej-s* 'вместе' (букв. 'воедино'), например *purnavodo vejs* 'объединяйтесь', т. е. 'соединяйтесь воедино', *vej-sä* 'вместе' например *eřata-no vejsä* 'живем вместе', *rabotatano vejsä* 'работаем вместе', *vejte-vejte* 'по одному' ¹.

На той стадии, когда числительное «один» в эрзянском языке имело форму *vej*, от него было образовано уменьшительное существительное *vej-ke*, примерно соответствующее русскому слову «единичка». Это слово позднее стало употребляться в значении числительного «один». Потенциальная возможность присоединения к числительному «один» уменьшительных суффиксов подтверждается также данными пермских языков, ср. коми-зыр. *õt-ik*, удм. *od-ig* 'один'.

Можно предположить, что на определенном историческом этапе в эрзя-мордовском языке существовали два слова — числительное *vej* 'один' и существительное *vejke* 'единичка'. Позднее существительное *vejke* вытеснило числительное *vej* и стало употребляться в значении последнего.

Более загадочна история происхождения мокшанской формы числительного «один» *fkä*.

И. Синнеи предполагает, что после присоединения уменьшительного суфф. *-kä* эта форма имела вид *iztkä*, дальнейший путь развития которой он изображает следующим образом: *iztkä* > *ixtkä* > *iftkä* и, наконец, *ifkä* ².

Х. Паасонен также предполагал, что *fkä* развилась из *iftkä* ³. Однако более древнюю форму *iftkä* он возводил к общемордовскому архетипу *vext*, поскольку в эрзянском диалекте д. Маресьево (бывшей Ардатовского уезда Симбирской губ.) имеется глагол *vexindams* 'равнять' из *vextindams* ⁴. Предположение Паасонена несомненно

¹ ЭРС, стр. 48.

² Szinyei — I, стр. 53.

³ Paasonen — II, стр. 37.

⁴ Там же.

проливает некоторый свет на несколько загадочную историю происхождения мокшанского *fkä*. Числительное «девять» в мокшанском языке звучит как *vejaksä*. Эта форма исторически возникла из *vejake* «один» и *sa (se)* «десять». Следовательно, в истории мокшанского языка был период, когда современной форме *fkä* «один» соответствовала форма, более близкая к современной эрзянской форме *vejke*, т. е. *vejake*. Поэтому, вопреки И. Синнеи и Х. Паасонену, мы склонны предполагать, что мокшанское *fkä* развилось не из *iftkä*, а из *vejke* по причине преобразования дифтонга *ejx*. Общий путь развития можно представить таким образом: *vejke* > *vejake* > *vike* > *vkä* > *fkä*. Возможность перехода группы *vk* в *fk* может быть доказана такими соответствиями, как эрз. *levks*, мокш. *lefks* «детеныш» и т. д.

д в а

эрзя-м. *kavto*, мокша-м. *kafta*

Параллели в родственных языках: финск. *kaksi* (основа *kahte-*), мар. *kok* или *kokt-at*, манс. *kit*, хант. *katn*, норв.-саамск. *guokte*, венг. *kettö*, коми-зыр. *kyk*, удм. *kyk*.

Числительное «два» как член первой меченой пары должно было иметь дейктическую частицу *-ty*. Поэтому для *kavto* и *kafta* можно реконструировать архетип *kük-te*. Группа *kt* через промежуточную ступень *γt* могла в мордовских языках превратиться в *vt*, откуда в мокшанском *ft*.

Что касается качества первоначального коренного гласного, то следует заметить, что уральские языки обнаруживают в данном случае древнее чередование *a ~ ä*. В западных финно-угорских языках представлен гласный заднего ряда, а в угорских и самодийских гласный переднего ряда⁵.

Под действием закона гармонии гласных конечное *e* в общемордовском превратилось в редуцированный гласный *ê*, который в эрзянском перешел через промежуточную ступень *и* в *о*. В мокшанском он представлен редуцированным *ä*.

т р и

эрз. *kolmo*, мокш. *kolma*

Параллели в родственных языках: финск. *kolme*, мар. *kum*, манс. *hurum*, хант. *hutäm*, *xutäm*, норв.-саамск. *golbma*, коми-зыр. *kujim*, удм. *kuiñ*, венг. *három*.

Конечный гласный в большинстве языков утратился, однако финский язык дает основания предполагать, что этот гласный был гласным переднего ряда.

⁵ Collinder — I, стр. 168.

Финскому *о* первого слога в мордовских языках часто соответствует *и*, ср. финск. *kota* «хижина», эрз.-м. *kudo* «дом», финск. *sormi* «палец», эрзя-м. *sur*, финск. *solmi* «узел»⁶, эрзя-м. *šulmo* «узел», финск. *ontto* «полюй», «пустой», эрзя-м. *undo* «дупло» и т. д. Сохранение *о* в мордовских числительных *kolmo*, *kolmä* представляется в известной степени аномальным. Б. Коллиндер предполагает, что *о* в *kolmo*, *kolma* восходит к первоначальному *ō*⁷. Следовательно, архетип мог иметь форму **kōlme*. По-иному решает этот вопрос В. Штейниц. Он предполагает, что в архетипе было открытое *о* (э)⁸.

Конечный гласный *e* под влиянием закона гармонии гласных перешел в гласный заднего ряда.

ч е т ы р е

эрз. *nile*, мокш. *nilä*

Параллели в родственных языках: финск. *nelja*, мар. *nəl* или *nəlät*, манс. *nile*, хант. *ñat*, *ñat*, норв.-саамск. *ñjaella*, венг. *négy*, коми-зыр. *ñol*, удм. *ñyl*.

Конечный гласный в архетипе был гласным переднего ряда. Об этом свидетельствует манс. *nile*, а также палатализация *l* в пермских языках, ср. коми-зыр. *ñol*, удм. *ñyl*.

Относительно первоначального качества корневого гласного среди финно-угроведов нет единства мнений. Так, например, Б. Коллиндер считает первичным *e*⁹. Наоборот, В. Штейниц склонен предполагать наличие *e* редуцированного, которое в мордовских языках могло развиваться в *i*¹⁰.

п я т ь

эрз. *vete*, мокш. *vetä*.

Параллели в родственных языках: финск. *viisi* (основа *viite-*), мар. *vič* или *vizät*, манс. *at*, хант. *wet*, норв.-саамск. *vitta*, венг. *öt*, коми-зыр. *vit*, удм. *vit*.

Архетип этого числительного примерно звучал как **vite*. Конечный гласный довольно хорошо сохранился.

⁶ Там же, стр. 156.

⁷ Там же, стр. 160.

⁸ Steinitz, стр. 44.

⁹ Collinder — I, стр. 174.

¹⁰ Steinitz, стр. 30.

эрз. *koto*, мокш. *kota*

Параллели в родственных языках: финск. *kuusi* (основа *kuute-*), мар. *kut* или *kudət*, манс. *hot*, хант. *xut*, норв.-саамск. *gutta*, венг. *hat*, коми-зыр. *kvajt*, удм. *kvat'*. В финно-угорском праязыке числительное «шесть» имело дейктическую частицу *-tʃ*, которая отразилась в виде *to* и *tä*. В начальном слоге было, по-видимому, *u*, превратившееся в мордовских языках в *o*, ср. финск. *kutoa* 'ткать', эрзя-м. *kodams* 'плести', 'ткать', финск. *kumara* 'согнувшийся', эрзя-м. *komado* 'наклонный' и т. д. На этом основании мордовские числительные *koto* и *kotä* можно возвести к архетипу *kute*. В. Штейниц предполагает наличие в корне первоначального открытого *o* (ɔ) ¹¹.

Конечное *e* в мордовских языках, по-видимому, перешло в редуцированный гласный заднего ряда, из которого в дальнейшем в эрзянском развились *o*, а в мокшанском *a* (ä).

с е м ь

эрз. *sisem*, мокш. *sisəm*

Параллели в родственных языках: коми-зыр. *šizim*, удм. *šizym*, мар. *šəm*, финск. *seitsemän*, венг. *hét*, манс. *sät*, хант. *labət*, норв.-саамск. *čiežä*.

Согласно общепринятому мнению, финно-угорское числительное «семь» является заимствованием из какого-то индоевропейского языка. По всей видимости, таких языков-источников было по меньшей мере два. Й. Синней связывает манс. *sat*, хант. *labəth* и венг. *hét* с древнеиндийским *sapta* 'семь' и рекомендует отдельно рассматривать другой ряд: финск. *seitsemän*, кольско-саамск. *čihčem*, морд. *sisem*, а также коми-зыр. *šizim* и удм. *šizym*, поскольку здесь появляется *m*, отсутствующий в словах первого ряда ¹².

Мордовское числительное *sisem* тяготеет к определенному языковому ареалу, куда входят прибалтийско-финские, пермские и марийский языки. Интервокальное древнее *s* в мордовских языках обыч., но превращалось в *z*, ср. эрзя-м. *kudo* 'дом', но *kudozo* 'его дом' (из *kudoso*). Сохранение *s* в числительном *sisem* в интервокальном положении свидетельствует о том, что в архетипе оно было палатализованным, ср. коми-зыр. *šizim* 'семь'.

Не совсем ясно, какой гласный был первоначально в корне этого слова. В финском *seitsemän* представлен дифтонг. Б. Коллиндер предполагает, что в удмуртском *šizym* 'семь' первое *i* возникло из дифтонга *ei* ¹³. Однако дифтонг мог быть так же чисто зональным явлением.

¹¹ Steinitz, стр. 44.¹² Szinnyi — I, стр. 109.¹³ Collinder — I, стр. 175.Эрз. *kavkso*, мокш. *kafksa*

Числительное «восемь» создано в мордовских языках по общей финно-угорской модели «два до десяти» или «два десять». Поэтому в формах *kavkso* и *kafksa* несомненно участвовали числительные *kavto* и *kafta*. Исходя из этих соображений, в них можно выделить два составных элемента *kavk-*, *kafk-* и *-so*, *-sa*. Согласный *k* в *kavk-*, *kafk-* представляет явно какое-то инородное тело. Если исходить из форм числительных *kavto* и *kafta*, то его не должно было бы быть. Это *k* возникло под влиянием формы числительного «девять» — *vejksē* и *vejksa*, где оно вполне закономерно, ср. эрз. *vejke* 'один'.

Числительное *vejksē* 'девять' дает основание предполагать, что числительное «восемь» образовалось от усеченных форм числительных *kavto*, *kafta* + элемент *se*.

Следовательно, современные формы *kavkso*, *kafksa* должны были некогда звучать как *kavtso*, *kaftsa*. Под влиянием *vejksē* 'девять' *t* в эрзянском и мокшанском заменилось на *k*, откуда современные *kavkso*, *kafksa*.

Если исходить из общеприимной финно-угорской схемы, то элемент *se* должен был означать 'десять'. В финно-угорских языках параллелью древнемордовского *se* является саамское. *se*, ср. норв.-саамск. *gav-se* 'восемь', *ov-se* 'девять'.

Можно предполагать, что древнее название десятка *se* в мордовских языках было заменено новым названием *kemeñ*.

Д е в я т ь

эрз. *vejksē*, мокш. *vejksa*

Структура этих форм довольно проста. Они состоят из числительного «один» (эрз. *vejke*, мокш. архаическое *vejka*) и древнего названия числительного «десять» *se*.

Обращает на себя внимание мокшанская реликтовая форма *vejksa*, совершенно не похожая на обычную мокшанскую форму числительного «один» *fkä*. Сохранность более архаической формы *vejksa* в числительном *vejksa* 'девять' объясняется ее изолированным положением.

Д е с я т ь

эрз. *kemeñ*, мокш. *kemäñ*

Отличительная особенность финно-угорских языков состоит в том, что числительное «десять» почти в каждом из этих языков образуется по-разному, ср. финск. *kymmenen*, хант. *jan*, манс. *lou*, норв.-саамск. *loge*, мар. *lu* и т. д.

Любопытно отметить, что этимологически эти названия совершенно не связаны с понятием десяти единиц. Так, например, мар. *lu*, манс. *lou*, норв.-саамск. *loge* этимологически связаны с финск. *luksi* 'число' и глаголом *lukea* 'читать', а также 'считать'. Финское *kymmenen* некоторыми исследователями связывается с финским словом *kämmen* 'ладонь'. Есть финно-угорские языки, где числительное «десять» заимствовано из индоевропейских языков, ср. венг. *tíz* и коми-зыр. *das* 'девять'.

Мордовские формы числительных *kemeñ* и *kemñi* этимологически несомненно связаны с финским *kymmenen* 'десять'. Первоначальное *ñ* могло в мордовских языках дать *e*, ср. финск. *yksi* 'один', но эрзя-м. *v-e-jke*.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ОТ ОДИННАДЦАТИ ДО ДЕВЯТНАДЦАТИ

	Эрз.	Мокш.
одиннадцать	<i>kevejkeje</i>	<i>kefkijä</i>
двенадцать	<i>kemgavtovo</i>	<i>kemgaftäva</i>
тринадцать	<i>kemgolmovo</i>	<i>kemgolmäva</i>
четырнадцать	<i>kemnileje</i>	<i>kemnilijä</i>
пятнадцать	<i>keweteje</i>	<i>kevetijä</i>
шестнадцать	<i>kemgotovo</i>	<i>kemgotäva</i>
семнадцать	<i>kemzisemge</i>	<i>kemzisämgä</i>
восемнадцать	<i>kemgavksovo</i>	<i>kemgaŋksäva</i>
девятнадцать	<i>kevejksäje</i>	<i>kevejkskäjä</i>

История образования отдельных числительных

О д и н н а д ц а т ь

эрз. *kevejkeje*, мокш. *kefkijä*

В этой форме можно выделить три основных элемента. Элемент *ke* возник в результате сокращения числительного *kemeñ* 'десять'. Второй составной элемент представлен числительным *vejke* 'один' в эрзянском и *fki* (< *fkä*) 'один' в мокшанском. Третий составной элемент *je* исторически восходит к *ge*.

В интервокальном положении *g* (возможно *γ*) между гласными переднего ряда могло перейти в *j*.

Д. В. Бубрих связывает суфф. *-ge* с так называемой *k*-овой присоединяющей частицей. Наиболее короткий ее вид — *-k*. Более длинный ее вид представлен в сложных счетных словах *кэм-зис'эм-гэ* (орф. *kemzisemge*) 'семнадцать', собственно 'десять-семь', *кэм-гавто-*

во (орф. *kemgavtovo*) 'двенадцать', *кэ-вэйкэ-йэ* (орф. *kevëjkeë*) 'одиннадцать' и т. д.¹⁴

Вероятнее всего суфф. *-ge* является суффиксом древнего мордовского совместного падежа, или комитатива. Числительное *kevejkeje*, *kefkijä* 'одиннадцать' образовано по схеме «десять с одним».

В мокшанском перед *j* закономерно появляется *i*, откуда форма *kefkijä*.

Д в е н а д ц а т ь

эрз. *kemgavtovo*, мокш. *kemgaftäva*

Числительное «двенадцать» образовано по схеме «десять с двумя». *Kem* — сокращенное *kemeñ* 'десять', *gavto* возникло из *kavto* 'два', где *k* озвончилось под влиянием предшествующего *m*. Суффикс комитатива имел здесь форму *-γo*, возникшую под влиянием числительного *kavto* 'два', содержащего гласные заднего ряда.

Согласный *γ* в мордовских языках в интервокальном положении превращался в *v*.

Т р и н а д ц а т ь

эрз. *kemgolmovo*, мокш. *kemgolmäva*

Схема образования — «десять с тремя». Суффикс древнего комитатива — *-γo* здесь также превратился в *-vo*. В мокшанском языке перед *v* выступает *ä*.

Ч е т ы р н а д ц а т ь

Эрз. *kemnileje*, мокш. *kemnilijä*

Схема образования — «десять с четырьмя». Суффикс комитатива *-ge* в окружении гласных переднего ряда закономерно превратился в *-je*, *jä*.

П я т н а д ц а т ь

Эрз. *keveeteje*, мокш. *kevetijä*

Схема образования — «десять с пятью». Превращение суффикса комитатива *-ge* в *-je* также вполне закономерно. В мокшанском языке перед *j* выступает *i* (*kevetijä*).

Ш е с т н а д ц а т ь

эрз. *kemgotovo*, мокш. *kemgotäva*

Схема образования — «десять с шестью». *Kem* — сокращенная форма числительного *kemeñ* 'десять', *koto* 'шесть'. Озвончение начального *k* совершилось под влиянием предшествующего *m*. Суффикс комитатива после числительного *koto* содержащего гласные заднего ряда, естественно выступает в варианте *-γo*, позднее превратившегося в *-vo*.

¹⁴ Бубрих — II, стр. 54.

Семна́дцать

эрз. *kemziseṃge*, мокш. *kemzisəṃgä*

Схема образования — «десять с семью». Озвончение *s* в *sisem* 'семь' обязано влиянию предшествующего *m*. Суффикс комитатива выступает в форме *-ge*, *-gä*.

Восемна́дцать

Эрз. *kemgavksovo*, мокш. *kemgafksäva*

Схема образования — «десять с восемью». Суффикс комитатива -*vo* естественно принимает форму *-vo* или *-va*.

Эрзянское *gavkso* в *kem-gavkso-vo* возникло из *kavtso*. Мокшанское *gafksä* в *kem-gafksä-va* также возникло из *kaftsä*.

Де́вятна́дцать

эрз. *kevejksëje*, мокш. *kevejksyjä*

Схема образования — «десять с девятью». Сокращенная форма числительного 'десять' здесь приняла вид *ke*. Суффикс комитатива *-ge* выступает в форме *je*, *jä*. Причина появления гласного *y* в мокшанской форме *kevejksyjä* не поддается объяснению.

Образование числительных от одиннадцати до девятнадцати включительно в мордовских языках типологически в известной степени напоминает образование этих числительных в марийском языке. Соединение числительного, обозначающего «десять», с числительными, обозначающими названия единиц, в марийском языке также осуществляется при помощи суффикса. Однако в отличие от мордовских языков этот суффикс присоединяется к первому члену сложения, т. е. к числительному, обозначающему «десять», ср. луг. -мар. *la-t-ik(te)* 'одиннадцать', *la-t-kok(tət)* 'двенадцать', *la-t-kum(ət)* 'тринадцать' и т. д.¹⁵ Марийское *la* восходит к числительному *lu* 'десять', а *t* представляет союзную частицу *-at*.

В горномарийском языке морфологический состав этих числительных является более прозрачным, ср. горно-м. *lu-at-iktə(t)* 'одиннадцать', *lu-at-koktə(t)* 'двенадцать' и т. д.

Любопытно отметить, что в марийском языке наряду с числительным *latvizat* 'пятнадцать' имеется числительное *lučko* с тем же значением. По мнению Н. С. Галкина, оно образовано путем сложения числительного *lu* 'десять' и *vič* 'пять' в форме совместного падежа с суфф. *-ke*: *lu + vič + ke > luväčko > lučko > lučko*¹⁶.

Первоначальное *luvičke* обозначало «десять с пятью». Нетрудно заметить, что оно образовано по той же самой схеме, по какой образованы мордовские числительные от одиннадцати до девятнадцати включительно.

¹⁵ Галкин, стр. 105.

¹⁶ Там же.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ДРУГИЕ ДЕСЯТКИ

	Эрз.	Мокш.
двадцать	<i>komś</i>	<i>komś</i>
тридцать	<i>koloŋgemeñ</i>	<i>kolmogemäñ</i>
сорок	<i>nileŋgemeñ</i>	<i>nil'gemäñ</i>
пятьдесят	<i>ved'gemeñ</i>	<i>ved'gemäñ</i>
шестьдесят	<i>kodgemeñ</i>	<i>kodgemäñ</i>
семьдесят	<i>sižgemeñ</i>	<i>sižgemäñ</i>
восемьдесят	<i>kavksoŋgemeñ</i>	<i>kafksägemäñ</i>
девяносто	<i>vejksëŋgemeñ</i>	<i>vejksogemäñ</i>

История отдельных числительных

Два́дцать

эрз. *komś*, мокш. *komś*

Числительное *komś* можно разделить на два составных элемента *-ko* и *mś*. Первый элемент *ko* представляет сильно сокращенную и видоизмененную основу числительного *kavto* или *kafta*. Второй элемент, по всей видимости, родствен элементу *mys*, употребляемому в пермских языках в некоторых названиях числительных, ср. коми-зыр. *kōkja-mys* 'восемь', *ōk-mys*, удмуртск. *uk-mys* 'девять'. В пермских языках числительное «десять» некогда имело форму *mys*. В мордовских языках ему могло соответствовать *mus*. Сочетание *komus* могло в конечном счете дать современное мордовское *komś*.

Параллелями к мордовскому *komś* могут быть венг. *húsz*, манс. *hus*, хант. *xus*, коми-зыр. и удм. *kyž*.

Ф. Ковач разлагает мордовское числительное *komś* на два составных элемента *kom* и *ś*. Первый элемент он связывает с венгерским словом *him* 'самец', которое этимологически родственно манс. *xim* и селькупск. *qum* 'человек'. Что же касается второго элемента *ś*, то он, по мнению, Ковача, может быть или определительным артиклем, или словообразовательным суффиксом, ср. мокш. *kizaś* 'годовалый ягненок' от *kiza* 'год', эрз. *kaftaś ~ ket* 'близнецы' и т. д.¹⁷

Сопоставление мордовского *komś* с коми-зыр. и удм. *kyž* и венг. *húsz* действительно связано с некоторыми трудностями фонетического порядка, но гипотеза Ф. Ковача также очень проблематична.

Три́дцать

эрз. *koloŋgemeñ*, мокш. *kolmogemäñ*

Можно предполагать, что числительные, обозначающие названия десятков, следующих после двадцати, образовались в мордовских языках по довольно простой схеме: к числительному,

¹⁷ Kovács, стр. 214.

обозначающему число десятков, присоединялось числительное *kemeñ* 'десять'. Следы этого состояния отражаются в названиях таких числительных, как мокшанское *kolmogemân* 'тридцать', а также эрз. и мокш. *ved'gemeñ*, *ved'gemân* 'пятьдесят', *kodgemeñ*, *kodgemân* 'шестьдесят', *sižgemeñ*, *sižgemân* 'семьдесят'.

Первый составной элемент в эрзянском *koloŋgemeñ koloñ* напоминает видоизмененную форму род. падежа от числительного *kolmo* 'три', т. е. *koloŋgemeñ* означает 'трех десять'. Вероятнее всего здесь мы имеем форму инструктива. В эрзянском языке могло иметь место словосочетание типа *kolmoñ kemeñ* 'втроем десять'. Это сочетание со временем и вытеснило более раннюю форму числительного «тридцать» *kolmo kemeñ*. В мокшанском языке первоначальная форма сохранилась.

С о р о к

эрз. *nileŋgemeñ*, мокш. *nil'gemân*

Первоначальная форма, как указывалось выше, была *nile kemeñ*. Она была вытеснена в эрзянском языке словосочетанием *nileŋ kemeñ* 'вчетвером десять'. В мокшанском языке первоначальная форма сохранилась лучше.

П я т ь д е с я т

эрз. *ved'gemeñ*, мокш. *ved'gemân*

Первоначальная форма *vete kemeñ*. Известный интерес представляет звонкий палатализованный согласный *d* в первом составном элементе *ved'*. Если первоначальной формой было *vete kemeñ*, то после утраты конечного *e* в *vete* могло получиться *vet'*, которое никак не могло озвончиться, если далее следовало *kemeñ*. Остается допустить, что озвончение *k* в *kemeñ* произошло раньше озвончения *t'* в *vet'*. Здесь сказалось влияние формы *nil'gemeñ* 'сорок', где озвончение *k* было вполне закономерным явлением. Иным путем озвончение *t* в *vet'* объяснить невозможно.

Ш е с т ь д е с я т

эрз. *kodgemeñ*, мокш. *kodgemân*

Первый составной элемент *kod* представляет сокращенную форму числительного *koto*, *kotä* 'шесть'. Озвончение конечного *t* в сокращенной форме *kol* также было бы невозможно, поскольку первоначальной формой здесь было *koto kemeñ*. Приходится допустить, что второй составной элемент *gemeñ*, *gemân* со звонким *g* был обобщен во всех случаях.

С е м ь д е с я т

Эрз. *sižgemeñ*, мокш. *sižgemân*.

Первоначальной формой здесь было *sisem kemeñ*. Из *sisem* 'семь' возникла сокращенная форма *sis*. Конечное *s* подверглось озвончению перед обобщенной формой *gemeñ*, *gemân*.

В о с е м ь д е с я т

эрз. *kavksoŋgemeñ*, мокш. *kafksâgemân*

Первоначально здесь было *kavkso kemeñ*. В эрзянском языке первоначальная форма была заменена словосочетанием *kavksoŋ kemeñ* 'восьмером десять'. Древнее состояние в мокшанском языке сохраняется лучше.

Д е в я н о с т о

эрз. *vejksëŋgemeñ*, мокш. *vejxsâgemân*

Первоначальная форма *vejkse kemeñ*. В эрзянском языке произошла замена этой формы словосочетанием *vejksëŋ kemeñ* 'девятером десять'. В мокшанском наблюдается сохранение древнего состояния.

С т о

Эрз. *šado*, мокш. *šada*

Название числительного «сто» в мордовских языках, по общему признанию, является заимствованием из индоевропейских языков. В родственных финно-угорских языках имеются многочисленные параллели, ср. финск. *sata*, мар. *šüðö*, коми-зыр. *šo*, удм. *šu*, хант. *sol*, манс. *sat* и т. д.

Т ы с я ч а

эрз. *tyšša* (тыща), мокш. *t'ožan*

Эрзянское *tyšša* представляет явное заимствование из русского языка. Мокшанское *t'ožan* этимологически родственно марийскому *tüžem* и финскому *tuhat*. Заимствовано из какого-то индоевропейского языка.

П О Р Я Д К О В Ы Е Ч И С Л И Т Е Л Ь Н Ы Е

Порядковые числительные образуются в мордовских языках путем присоединения к количественным числительным суфф. *-ce*, например эрз. *kolmo* 'три', *kolmo-ce* 'третий', *nile* 'четыре', *nile-ce*

‘четвертый’, мокш. *kolma* ‘три’, *kolmâ-câ* ‘третий’, *nilä* ‘четыре’, *nilä-câ* ‘четвертый’ и т. д.

По мнению Д. В. Бубриxa, суфф. *-ce* восходит к *-nce*: *n* перед *c* фонетически выпадает, а если сохраняется, то под воздействием параллельных образований на *-ñ*. Оставшееся *-ce* Д. В. Бубрих возводит к указательному местоимению *se* ‘тот’¹⁸. Такое предложение весьма вероятно, поскольку определенный артикль в других языках может принимать участие в образовании порядковых числительных, ср. нем. *der zweite* ‘второй’ от *zwei* ‘два’, арабск. *al-hamisu* ‘пятый’ от *hamsatu* ‘пять’.

Вероятнее всего суффикс порядковых числительных *-ce* связан со словообразовательным суфф. *-ce*, ср. эрзя-м. *ver* ‘наверху’, но *vef-ce* ‘верхний’, *alo* ‘внизу’ (из *all-no*), но *al-ce* ‘нижний’ и т. д.

Порядковые числительные «первый» и «второй» образуются в мордовских языках, как и в большинстве других финно-угорских языков, от сушлетьивных основ, ср. эрзя-м. *vaseñce* ‘первый’, *omboce* ‘второй’, мокша-м. *vasëñcä*, *omëcä*. Порядковое числительное *vaseñce* ‘первый’ этимологически, по-видимому, связано с элементом *vas*, содержащегося в таких наречных образованиях, как *vasña* ‘сначала’, *vaso-lo* ‘далеко’. Первоначально *vaseñce* могло означать ‘начальный’, ‘отдаленный’ и т. д. Очень близко к мордовскому *vaseñce* стоит норв.-саамск. *vuostas* ‘первый’.

Omboce ‘второй’ может быть разделено на три составных элемента — основа *o-*, суфф. *-mb* (*o*) и суфф. *-ce*. Основа *o-* представляет местоименную основу, ср. венг. *a-z* ‘тот’, удм. *o-t-yn* ‘там’. Суфф. *-mb* этимологически родствен суффиксу сравнительной степени *-mr* в финском языке, ср. финск. *korkea* ‘высокий’, *korkea-mpi* ‘выше’. Рефлексами этого суффикса являются также венгерские суфф. *-bb*, *-abb*, *-ebb*, например *tiszt-abb* ‘чище’, *magas* ‘высокий’, *magas-abb* ‘более высокий’, *kis* ‘маленький’, *kis-ebb* ‘меньше’, а также суфф. *-b* в саамском, например, норв.-саамск. — *buorre* ‘хороший’, *buorre-b* ‘лучше’. Суфф. *-ce* — обычный суффикс порядковых числительных.

Образование порядковых числительных «первый» и «второй» от других основ встречается и в других финно-угорских языках, ср. финск. *yksi* ‘один’, *kaksi* ‘два’, но *ensimmäinen* ‘первый’, *toinen* ‘второй’, венг. *egy*, ‘один’, *kettő* ‘два’, но *első* ‘первый’, *második* ‘второй’, норв.-саамск. *okta* ‘один’, *guokte* ‘второй’, но *vuostas* ‘первый’, *pubbe* ‘второй’ и т. д.

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Для образования собирательных числительных в эрзянском языке употребляется суфф. *-ñst*, а в мокшанском суфф. *-čkă*, *ksnă*, ср. эрз. *Kavonest od lomañt* ‘Оба молодые люди’, *Ul'nešt kolmonest bratinik*

¹⁸ Бубрих — I, стр. 94.

‘Было их трое братьев’; мокш.: *Kolmâčkă noldašt' pñasnân* ‘Все трое опустили головы’, *Paspârttnă kafčkă jofsi fkă lacât* ‘Паспорта оба совсем одинаковые’¹⁹.

Формы собирательных числительных с суффиксами мокш. *-ñc* и эрз. *-ñst* образованы на базе формы древнего инструктива, к которому присоединены притяжательные суффиксы 3-го лица, например эрз. *kavonst* = *kavon* + *-st* ‘вдвоем они’, *kolmonest* = *kolmon* + *st* ‘втроем они’, мокш. *kolmâñc* = *kolmân* + *-c* ‘втроем они’.

Мокшанские формы на *-čkă*, например *kolmâčkă* ‘все трое’, *kafčkă* ‘оба’, образованы на базе числительных постпозитивным определенным артиклем *-č*, к которым присоединен суффикс древнего комитатива *-ge*. Реликты этого суффикса сохраняются в таких образованиях, как эрз. *kemñileje* ‘четырнадцать’ из *kemñilege*.

Числительные с притяжательными суффиксами могут также иметь значение собирательных. Притяжательные суффиксы и в этих случаях присоединяются к форме инструктива, ср. мокш. *kafñnest* ‘они вдвоем’ (*kafñ* + *-st*), *kafñnanza* ‘он вдвоем’ (*kafñ* + *-nza*), *kafñnak* ‘мы вдвоем’ (из *kafñ* + *nak*). Только морфологическая прозрачность формы инструктива в известной степени затемнена по причине развития буферного гласного *ə*, например *kafñ* + *ə* + *-nza* ‘он вдвоем’, *kafñ* + *ə* + *-st* ‘они вдвоем’ и т. д.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Особых форм для выражения разделительных числительных в мордовских языках нет. Они образуются путем повторения их в форме род. падежа основного склонения, например: эрз. *Ramašt' komseñ-komseñ tetrad'* ‘Купили по двадцати тетрадей’, *Kavtoñ-kavtoñ lomañ arado* ‘Становитесь по два человека’²⁰.

В действительности эти кажущиеся формы род. падежа представляют окаменевшие формы древнего инструктива. *Kavtoñ* некогда означало ‘вдвоем’. Иногда в целях более наглядного выражения идеи разделения подобного рода инструктивные формы повторялись, например *kavtoñ-kavtoñ*. Эти парные формы инструктива со значением разделительных числительных сохранились до наших дней.

¹⁹ ГМЯ, стр. 209.

²⁰ Там же, стр. 210.

ГЛАГОЛ

Глагол является довольно развитой частью речи в мордовских языках и система глагола в этих языках по сравнению с глагольными системами других уральских языков отличается большей сложностью.

В системе времен мордовского глагола нет времен типа перфекта и плюсквамперфекта, как это имеет место в таких языках, как прибалтийско-финские, пермские, марийский и саамский языки, но зато в мордовских языках более развита система наклонений. Кроме того, в мордовских языках наличествует так называемое объектное спряжение, отличающееся особой сложностью форм, распределяющихся по трем рядам в отличие от объектного спряжения в обско-угорских, венгерском и сомодийских языках, где формы объектного спряжения соотносятся только с объектом 3-го лица, тогда как в мордовских языках они соотносятся с объектом 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. числа. Общее представление о количестве времен и наклонений в мордовских языках могут дать приводимые ниже парадигмы спряжения. В целях удобства изложения в начале приводятся только формы безобъектного ряда.

БЕЗОБЪЕКТНОЕ СПРЯЖЕНИЕ

В мордовских языках безобъектное спряжение имеет единую схему. Незначительные различия фонетического характера обуславливаются только характером конечного гласного древней основы, обнаруживающегося обычно в форме инфинитива. Это дает основание говорить о наличии в мордовских языках двух вариантов спряжения глагола: варианта с гласным заднего ряда и варианта с гласным переднего ряда.

Вариант с гласным заднего ряда

(Эрз. *kunda-ms*, мокш. *kunda-ms* 'ловить')

Изъявительное наклонение

Настоящее время

Эрз.	Ед. число	Мокш.
1 л.	<i>kundan</i> 'я ловлю (поймаю)' и т. д.	<i>kundan</i>
2 л.	<i>kundat</i>	<i>kundat</i>
3 л.	<i>kundy</i>	<i>kundaj</i>

Мн. число

1 л.	<i>kundatano</i>	<i>kundatama</i>
2 л.	<i>kundatado</i>	<i>kundatada</i>
3 л.	<i>kundyt'</i>	<i>kundajxt'</i>

1-е прошедшее время

Ед. число

1 л.	<i>kundyń</i> 'я ловил, поймал' и т. д.	<i>kundań</i>
2 л.	<i>kundyt'</i>	<i>kundat'</i>
3 л.	<i>kundaś</i>	<i>kundaś</i>

Мн. число

1 л.	<i>kundyneĭ</i>	<i>kundamā</i>
2 л.	<i>kundyde</i>	<i>kundadā</i>
3 л.	<i>kundašt'</i>	<i>kundašt'</i>

2-е прошедшее время

Ед. число

1 л.	<i>kundyliń</i> 'я ловил' и т. д.	<i>kundaləń</i>
2 л.	<i>kundylit'</i>	<i>kundalət'</i>
3 л.	<i>kundyl'</i>	<i>kundal'</i>

Мн. число

1 л.	<i>kundylinek</i>	<i>kundaləmə</i>
2 л.	<i>kundylide</i>	<i>kundalədä</i>
3 л.	<i>kundyl't'</i>	<i>kundal'xt'</i>

Примечание. Следует заметить, что в современном мокшанском языке 2-е прошедшее время почти полностью исчезло. Оно встречается только в редких случаях.

Будущее время

Ед. число

1 л.	<i>karman</i>	} 'я буду ловить' и т. д.	<i>kundamo</i>	<i>karman</i>	} <i>kundama</i>
2 л.	<i>karmat</i>		<i>karmat</i>		
3 л.	<i>karmi</i>		<i>karmaj</i>		

Мн. число

1 л.	<i>karmatano</i>	} <i>kundamo</i>	<i>karmatama</i>	} <i>kundama</i>
2 л.	<i>karmatado</i>		<i>karmatada</i>	
3 л.	<i>karmit'</i>		<i>karmajxt'</i>	

Сослагательное наклонение

Эрз.

Ед. число

1 л.	<i>kundavliń</i>	'я ловил бы' и т. д.	<i>kundaləń</i>
2 л.	<i>kundavlit'</i>		<i>kundalət'</i>
3 л.	<i>kundavol'</i>		<i>kundal'</i>

Мокш.

Мн. число

1 л.	<i>kundavlinek</i>	<i>kundalēmā</i>
2 л.	<i>kundavlide</i>	<i>kundalēdā</i>
3 л.	<i>kundavol't'</i>	<i>kundal'xt'</i>

Желательное наклонение

Ед. число

1 л.	<i>kundyksēlin</i>		<i>kundalēksēlən</i>
2 л.	<i>kundyksēlit'</i>	‘я хотел бы	<i>kundalēksēlēt'</i>
3 л.	<i>kundyksēl'</i>	ловить’ и т. д.	<i>kundalēksēl'</i>

Мн. число

1 л.	<i>kundyksēlinek</i>	<i>kundalēksēlēmā</i>
2 л.	<i>kundyksēlide</i>	<i>kundalēksēlēdā</i>
3 л.	<i>kundyksēl't'</i>	<i>kundalēksēl'xt'</i>

Побудительное наклонение

Ед. число

1 л.	<i>kundazan</i>		<i>kundazan</i>
2 л.	<i>kundazat</i>	‘половию-ка я’	<i>kundazat</i>
3 л.	<i>kundazo</i>	и т. д.	<i>kundaza</i>

Мн. число

1 л.	<i>kundazdano</i>	<i>kundastama</i>
2 л.	<i>kundazdado</i>	<i>kundastada</i>
3 л.	<i>kundast</i>	<i>kundast</i>

Повелительное наклонение

Ед. число

2 л.	<i>kundak</i>	‘лови’	<i>kundak</i>

Мн. число

2 л.	<i>kundado</i>	‘ловите’	<i>kundada</i>

Условное наклонение

Ед. число

1 л.	<i>kundyndeřan</i>		<i>kundandāřan</i>
2 л.	<i>kundyndeřat</i>	‘если я пой-	<i>kundandāřat</i>
3 л.	<i>kundyndeřaj</i>	маю’ и т. д.	<i>kundañdāřaj</i>

Мн. число

1 л.	<i>kundyndeřatano</i>	<i>kundañdāřatama</i>
2 л.	<i>kundyndeřatado</i>	<i>kundañdāřatada</i>
3 л.	<i>kundyndeřajt'</i>	<i>kundañdāřajt'</i>

Условно-сослагательное наклонение

Ед. число

1 л.	<i>kundyndeřavlin</i>		<i>kundañdāřalən</i>
2 л.	<i>kundyndeřavlit'</i>	‘если бы я пой-	<i>kundañdāřalēt'</i>
3 л.	<i>kundyndeřavol'</i>	мал’ и т. д.	<i>kundañdāřal'</i>

Мн. число

1 л.	<i>kundyndeřavlinek</i>	<i>kundañdāřalēmā</i>
2 л.	<i>kundyndeřavlide</i>	<i>kundañdāřalēdā</i>
3 л.	<i>kundyndeřavol't'</i>	<i>kundañdāřal'xt'</i>

Вариант с гласным переднего ряда

(эрг. *vide-ms*, мокш. *vidə-ms*)

Изъявительное наклонение

Настоящее время

Эрг. Мокш.

Ед. число

1 л.	<i>vid'an</i>		<i>vid'an</i>
2 л.	<i>vid'at</i>	‘я сею (посею)’	<i>vid'at</i>
3 л.	<i>vidi</i>	и т. д.	<i>vidi</i>

Мн. число

1 л.	<i>vid't'ano</i>	<i>vidət'ama</i>
2 л.	<i>vid't'ado</i>	<i>vidət'ada</i>
3 л.	<i>vidit'</i>	<i>vidijət'</i>

Прошедшее время

Ед. число

1 л.	<i>vidin</i>		<i>vidən</i>
2 л.	<i>vidit</i>	‘я сеял, посеял’	<i>vidət'</i>
3 л.	<i>vid's</i>	и т. д.	<i>vidəs</i>

Мн. число

1 л.	<i>vidinek</i>	<i>vidəmā</i>
2 л.	<i>vidide</i>	<i>vidədā</i>
3 л.	<i>vid'st'</i>	<i>vidəšt'</i>

2-е прошедшее время

Ед. число

1 л.	<i>vidilin</i>		<i>vidələn</i>
2 л.	<i>vidilit'</i>	‘я сеял’	<i>vidəlēt'</i>
3 л.	<i>vidil'</i>	и т. д.	<i>vidəl'</i>

Мн. число

1 л.	<i>vidilinek</i>	<i>vidələmä</i>
2 л.	<i>vidilide</i>	<i>vidələdä</i>
3 л.	<i>vidil't'</i>	<i>vidəl'xt'</i>

Будущее время

Ед. число

1 л.	<i>karman</i>	} 'я буду сеять' и т. д.	<i>videme</i>	<i>karman</i>	} <i>vidəma</i>
2 л.	<i>karmat</i>			<i>karmat</i>	
3 л.	<i>karmi</i>			<i>karmaj</i>	

Мн. число

1 л.	<i>karmatano</i>	} <i>videme</i>	<i>karmatama</i>	} <i>vidəma</i>
2 л.	<i>karmatado</i>		<i>karmatada</i>	
3 л.	<i>karmit'</i>		<i>karmajxt'</i>	

Сослагательное наклонение

Ед. число

1 л.	<i>videvlin'</i>	} 'я сеял бы' и т. д.	<i>vidələñ</i>
2 л.	<i>videvli't'</i>		<i>vidələt'</i>
3 л.	<i>videvel'</i>		<i>vidəl'</i>

Мн. число

1 л.	<i>videvlinek</i>	<i>vidələmä</i>
2 л.	<i>videvlide</i>	<i>vidələdä</i>
3 л.	<i>videvel't'</i>	<i>vidəl'xt'</i>

Желательное наклонение

Ед. число

1 л.	<i>videksəlin'</i>	} 'я хотел бы сеять'	<i>vidələksələn</i>
2 л.	<i>videksəli't'</i>		<i>vidələksəlät'</i>
3 л.	<i>videksəl'</i>		<i>vidələksəl'</i>

Мн. число

1 л.	<i>videksəlinek</i>	<i>vidələksələmä</i>
2 л.	<i>videksəlide</i>	<i>vidələksələdä</i>
3 л.	<i>videksəl't'</i>	<i>vidələksəl'xt'</i>

Побудительное наклонение

Ед. число

1 л.	<i>videzan</i>	} 'посею-ка я' и т. д.	<i>vidəzan</i>
2 л.	<i>videzat</i>		<i>vidəzat</i>
3 л.	<i>videzē</i>		<i>vidəza</i>

Мн. число

1 л.	<i>videzdano</i>
2 л.	<i>videzdado</i>
3 л.	<i>videst</i> <i>vidəst</i>

Повелительное наклонение

Ед. число

2 л.	<i>vid't'</i> 'сей'	<i>vidək</i>

Мн. число

2 л.	<i>videde</i> 'сейте'	<i>vidəda</i>

Условное наклонение

Ед. число

1 л.	<i>videñdeřan</i>	} 'если я посею' и т. д.	<i>videñdäřan</i>
2 л.	<i>videñdeřat</i>		<i>videñdäřat</i>
3 л.	<i>videñderi</i>		<i>videñdäřaj</i>

Мн. число

1 л.	<i>videñdeřatano</i>	<i>videñdäřatama</i>
2 л.	<i>videñdeřatado</i>	<i>videñdäřatada</i>
2 л.	<i>videñderit'</i>	<i>videñdäřajxt'</i>

Условно-сослагательное наклонение

Ед. число

1 л.	<i>videñdeřavlin'</i>	} 'если бы я посеял' и т. д.	<i>videñdäřalən</i>
2 л.	<i>videñdeřavli't'</i>		<i>videñdäřalät'</i>
3 л.	<i>videñdeřavol'</i>		<i>videñdäřäl'</i>

Мн. число

1 л.	<i>videñdeřavlinek</i>	<i>videñdäřaləmə</i>
2 л.	<i>videñdeřavlide</i>	<i>videñdäřalədä</i>
3 л.	<i>videñdeřavol't'</i>	<i>videñdäřal'xt'</i>

ГИПОТЕЗЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
БЕЗОБЪЕКТНОГО СПРЯЖЕНИЯ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

Необходимо заметить, что зарубежные финно-угроведы проблемой происхождения спряжения в мордовских языках не занимались. Они иногда затрагивали этот вопрос попутно, в связи с более широкой проблемой происхождения глагольных времен в финно-угорских языках вообще. Типичным в этом отношении является рассуждение Й. Синнеи, касающееся происхождения типов прошедших времен в финно-угорских языках.

И. Синней отмечал наличие в общефинно-угорскую эпоху двух основ прошедшего времени. Одна основа с производным суффикс. *-j-* или *-i-*, идентичным по форме с суффиксом отглагольного имени, находит отражение и в мордовском языке, ср. морд. *pel'e-* 'бояться', *kulo-* 'умирать': *pel'-i-n* 'я боялся', *pel'-i-t'* 'ты боялся', *kul-i-nék* 'мы умерли', *kul-i-d'e* 'вы умерли'¹. Другая основа, по предположению И. Синней, восходящая также к общефинно-угорской эпохе, имела суффикс. *-š* ~ *-ž*. За исключением венгерского, эта основа встречается во всех финно-угорских языках. Из мордовского языка И. Синней приводил такие примеры, как *kulo-* 'умирать', *pele-* 'бояться': *kulo-s* 'он умер', *kulo-š-t'* 'они умерли', *pel'e-s* 'он боялся', *pel'e-š-t'*, *pel'-š-t'* 'они боялись' (*kuloš*, *peleš* < *kulož*, *pelež*) возникли под влиянием формы 3-го лица мн. числа, в которой *-št* развилось закономерно из *-žt'*².

И. Синней достаточно ясно высказал также предположение о том, что эти формы первоначально были отглагольными именами. Особенно показательно в этом отношении его рассуждение о первоначальном значении прошедшего времени на *-j-*. Может показаться, писал И. Синней, что здесь в качестве основы прошедшего времени употреблялось отглагольное имя, которое в современных языках обозначает незавершенное действие. Однако уже было отмечено, что различные значения отглагольных имен не были связаны с определенными словообразовательными суффиксами, а в финно-угорскую эпоху они были еще менее связаны. Также и вышеупомянутый суффикс употреблялся в различных значениях; ср., например: кольско-лапл. *tənnöj* 'идуший' и 'умедший', морд. *kuli* 'умирающий' и 'мертвый', олонекс.-кар. *iuoŋ* 'пьющий' и *kuoliŋ* 'убийца', *nevvoi* 'посоветовавший' (*der geraten hat*), финск. *opettaja* 'учитель' и *luoja* 'создатель' (= тот, который создал). Мы видим, таким образом, что могло быть не только незавершенное, но также и завершенное действие, исполнителей которого обозначали отглагольные имена, имевшие эти суффиксы³.

Уже в этих кратких замечаниях И. Синней фактически была высказана гипотеза о существовании в финно-угорском праязыке так называемого именного строя. Согласно этой гипотезе первоначально существовали не формы *verbum finitum*, а отглагольные имена существительные с довольно неопределенным временным значением, которые позднее дифференцировались как глагольные времена с их системой форм *verbum finitum*.

В нашей стране эта гипотеза была более подробно развита Д. В. Бубрихом. Он писал:

«В период господства именного строя наиболее типичным явлением мордовской речи были так называемые имена предмета и имена действия. Они резко различались в словообразовательном отноше-

нии»⁴. «Имен действия в финно-угорской древности было много, с разнообразной суффиксацией или без всякой суффиксации»⁵. «Имена действия имели значение и имен содержания действия, и имен субъекта действия, и имен времени действия и т. д., т. е. семантически охватывали действительную ситуацию со всем ее действительным и предметным содержанием. Тот или иной оттенок они получали в зависимости от контекста в позиции определения в зависимости от характера определяемого»⁶.

«Имена действия представляли много возможностей формирования глагольных форм. Возможно было формирование глагольных форм на базе построений вроде «старик — медведе-лово-старик» > «старик — медведе-ловец (-старик) или «медведе-ловец-я». Возможно было и формирование глагольных форм на базе построений типа «медведь — старико-лово-медведь» > «медведь — старико-улов (-медведь)» или «медведь-улов (-медведь)-мой»... Во времена до распада древнего контакта была лишь использована вторая из указанных возможностей, связанная с выдвиганием на первый план, в позицию подлежащего, названия пассивного предмета. Что касается первой из указанных возможностей, то она не была использована: соответствующие построения продолжали сохраняться в именном лоне, не культивируясь и не давая роста в глагольные построения, ожидая своей очереди, которая пришла только после разрыва древних контактных отношений»⁷.

«С глубокой древности стали определяться две группы случаев названий действия. Одна группа случаев — случаи, где название действия выступает в связи с названием человека. Это «некто»-случаи типа «парне-лов» или «лово-парень» → «ловящий парень», «парне-тон» или «топо-парень» → «тонущий парень». Другая группа случаев — случаи, где название действия выступает в связи с названием не-человека (животного, вещи). Это «нечто»-случаи типа «зайце-лов» или «лово-заяц» → «пойманный заяц», «зайце-тон» или «топо-заяц» → «утонувший заяц»⁸.

«...В «некто»-случаях название действия связано с названием производителя действия (действителя), а в «нечто»-случаях название действия — если это действие предполагает объект — связано с названием объекта действия.

...В *кунды цёра* * ('ловящий парень'. — Б. С.) *цёра* обозначает не только человека, но и действителя, в связи с чем *кунды* имеет активную установку ('ловящий'), а в *кундазь нумоло* * ('пойманный заяц'. — Б. С.) *нумоло* обозначает не только человека, но и объект действия, в связи с чем *кундазь* имеет пассивную установку 'пойманный'. Данное вторичное различие между «некто» и «нечто»-

¹ Szinyei — I, стр. 142.

² Там же, стр. 143.

³ Там же, стр. 142.

⁴ Бубрих — III, стр. 58.

⁵ Там же, стр. 59.

⁶ Там же, стр. 58.

⁷ Там же, стр. 59—60.

⁸ Бубрих — II, стр. 245.

случаями вполне понятно. Человек понимаем как по преимуществу активное существо, а не-человек как по преимуществу пассивное существо или пассивная вещь...

Второе из вторичных различий состоит в том, что в «некто»-случаях действие мыслится как незаконченное, а в «нечто»-случаях как законченное... Человек представлялся как действующий вне особых ограничений во времени... наоборот, не человек представлялся как имеющий кратковременное отношение к действию: заяц ведь ловится только один раз и окончательно⁹.

«В глубокую древность существовали предложения со значениями вроде *«зайце-(у)лов»*, *«зайце-(у)лов-мой»*, *«зайце-(у)ловы-мои»* или *«приход»*, *«приход-мой»*, *«приходы-мои»*. Предложения эти имели назывной характер, что само по себе свидетельствует о глубокой древности. В этих предложениях получили употребление имена действия на -й вроде *кундай* «(у)лов» или *сай* «приход».

Имена действия на -й в указанных предложениях могли иметь тройное оформление. Они могли выступать в беспритяжательной форме — *кундай* или *сай* и т. п. Далее, они могли выступать с притяжательными суффиксами по линии единичности. Действие трактовалось как единичное, если было само по себе единично или имело единичный объект. Наконец, они, имена действия на -й, могли выступать с притяжательными суффиксами по линии множественности *кундайн'(м)*, *кундай(н')т'*, *кундайн'(м)ик*, *кундайн'т'к'* или *сайн(м)* и т. д...

С течением времени (уже в процессе отрыва й-овых форм от именных норм употребления и превращения их в глагольные формы) беспритяжательные й-овые формы усвоили функцию форм единичного действия и тем самым вытеснили первоначальные формы единичного действия¹⁰.

«Поскольку формы прошедшего времени, судя по формам множественного действия, имели отношение к притяжательной суффиксации, у них в свое время должно было существовать тройное к ней отношение: были формы без всякой притяжательной суффиксации, формы с притяжательной суффиксацией по линии единственного числа и формы с притяжательной суффиксацией по линии множественного числа.

Выжили не все три разряда форм прошедшего времени, а только два, первый и третий, причем форма первого разряда, форма без всякой притяжательной суффиксации, приняла на себя функции и форм второго разряда, форм с притяжательной суффиксацией по линии единственного числа¹¹.

Каким образом на этой первоначальной основе могли развиваться настояще-будущее и 1-е прошедшее времена в современных мордовских языках?

⁹ Бубрих — II, стр. 246.

¹⁰ Там же, стр. 138.

¹¹ Там же, стр. 128—129.

Прошедшее время

Д. В. Бубрих считает прошедшее время хронологически более ранним образованием по сравнению с не-прошедшим временем. Характерным признаком прошедшего времени является показатель *и(й)*. Этот показатель также является показателем древних имен на й, которые раньше были не названиями действующего, а названиями действия¹².

«Самые древние по происхождению формы спряжения, — писал Д. В. Бубрих, — это, как мы знаем, формы, ныне выступающие как й-овые формы прошедшего времени. Они составились когда-то как имена действия без притяжательного оформления или с таковыми, входя в предложение со значениями вроде *«зайце-(у)лов»*, *«зайце-улов-мой»* или *«зайце-(у)ловы-мои»* или *«приход»*, *«приход-мой»*, *«приходы-мои»*.

Имена действия, которые оказались использованными при составлении рассматриваемых форм, заслуживают внимательного рассмотрения. В них, конечно, не было ничего от прошедшего времени (прошедшее время как таковое могло возникнуть только по противоположности не-прошедшему). Но в них должно было быть нечто, что с течением времени направило их на линию прошедшего времени.

Имена действия, как они были поставлены в древности, отнюдь не были отвлеченными названиями действий. Они были конкретными названиями действительных ситуаций вместе с их предметным наполнением. Следы такой постановки имен действия наблюдаются во всех языках. Везде перед нами случаи вроде *«находка»* (действие и найденное нечто), *«потеря»* (действие и потерянное нечто), *«постройка»* (действие и построенное нечто)... и случаи вроде *«еда»* (действие и нечто для него — пища)... *«проход»* (действие и нечто для него — свободное для него место)...

В части случаев в роли предметного наполнения действительной ситуации выступает объект или эффект действия (при непереходящем характере действия, конечно, только эффект). В другой части случаев в этой роли выступает то, что является субъектом для действия. Можно сделать наблюдение, что в первого рода случаях действие всегда выступает как законченное. Й-овые имена действия, давшие начало древнейшим глагольным формам, в своем значении выдвигали объект или эффект действия: ведь их приходится иметь в виду в предложениях вроде *«зайце-(у)лов»*, *«зайце-(у)лов-мой»*, *«зайце-(у)ловы-мои»*, *«приход»*, *«приход-мой»*, *«приходы-мои»*. В таких случаях действие... выступало как законченное.

То, что с течением времени направило й-овые имена действия на линию прошедшего времени, теперь ясно. Действие имелось в виду законченное. А от идеи законченности действия до идеи прошедшего времени — не слишком большое расстояние¹³.

¹² Там же, стр. 129.

¹³ Там же, стр. 149—150.

Имена действия на *-j-*, легшие в основу современных форм прошедшего времени, разделялись, по предположению Д. В. Бубриха, на две категории — формы единичного действия и формы множественного действия.

«Действие понималось как единичное, если само было единичным и имело единичный объект, и как множественное, если само было множественным или имело множественный объект»¹⁴.

Первоначально, по предположению Д. В. Бубриха, были оформлены только формы множественного действия, в том смысле, что они имели специальный показатель множественности действия и притяжательные суффиксы.

Первичная схема

<i>Кундай(и)н'м(и)</i>	>	...	<i>(и)н'(и)</i>	'уловы-мои'
<i>кундай(и)н'т'</i>	>	...	<i>(и)т'</i>	'уловы-твои'
<i>кундай(и)н'мик</i>	>	...	<i>(и)н'ик</i>	'уловы-наши'

кундай(и) н'д' (и) к 'уловы-ваши'¹⁵.

Нейтральная форма — *кундаз'* 'улов', 'уловы'.

Основная форма *кундай* 'улов', 'уловы' оставалась неоформленной.

В дальнейшем произошли некоторые сдвиги, выразившиеся в том, что основная форма была приспособлена к роли форм единичного действия. По линии 2-го лица ед. числа форма *кундай* получила *-к*, заимствованное из повелительного наклонения, где оно было понято как признак 2-го лица ед. числа (каковым по происхождению не было). В пределах множественного числа получила распространение форма *кундаз'* (и), первоначально форма 3-го лица. Таким образом оказалось:

Формы единичного действия

<i>кундай</i>	'поймал я одного'
<i>кундаик</i>	'поймал ты одного'
<i>кундаз'(и)</i>	'поймали мы одного'
<i>кундаз'(и)</i>	'поймали вы одного'
<i>кундаз'(и)</i>	'поймал, поймали'.

Формы множественного действия

<i>кундай(и)н'(и)</i>	'поймал я многих'
<i>кундай(и)т'</i>	'поймал ты многих'
<i>кундай(и)н'ик</i>	'поймали мы многих'
<i>кундай(и)н'д'(и)к</i>	'поймали вы многих'
<i>кундазь</i>	'поймал', 'поймали' ¹⁶ .

¹⁴ Бубрих — II, стр. 119.

¹⁵ Бубрих — III, стр. 71.

¹⁶ Там же, стр. 72.

В прошедшем времени ощущалась необходимость построения безобъектных форм. По мнению Д. В. Бубриха, в роли безобъектных форм стали выступать формы «их», лучше других охарактеризованные со стороны лица-числа субъекта.

Безобъектный ряд оказался построен следующим образом:

<i>кундай(и)н'(и)</i>	>	<i>кундайн'</i>
<i>кундайт'</i>		
<i>кундай(и)н'ик</i>	>	<i>кундайн'ик</i>
<i>кундайд'и</i>		
<i>кундаз'(и)</i>	¹⁷	

Формант *с'* или *з'*, как он выступает в безобъектном спряжении, неотделим от форманта *-з'* или *з'и*, как он выступает в объектном спряжении¹⁸.

Первоначальный вид форманта — *-з'и*. Сохранение звонкости *-з'* в формах множественного числа объектного спряжения доказывает недавнее исчезновение гласного после этого *-з'*. В 3-м лице мн. числа прошедшего времени безобъектного спряжения выпадение *и* стоит в полном согласии с нормами эрзянской речи: случаи вроде *пил'ги* (ныне *пил'гэ*) 'нога' — *пил'кт'* 'ноги' делают понятным и возникшие в свое время случаи вроде *кундаз'* и 'он ловил' или 'он поймал' — *кундас'т'* 'они поймали'...

То *-из'(и)*, которое мы находим не только в 3-м, но и в 1-м и 2-м лице мн. числа, несомненно, распространилось из 3-го лица мн. числа. Это *-из'(и)* создало в формах множественного числа числовую характеристику. Раньше в формах 1-го и 2-го лица мн. числа было, очевидно, просто *й* (как в 1-м лице ед. числа *и*, до появления *-к*, во 2-м лице ед. числа)¹⁹.

Весьма древни по происхождению также формы, ныне выступающие *з'*-овые формы прошедшего времени. Они когда-то входили в предложение, вроде «*заяц-пойманный*» («*зайцы-пойманные*»), «*заяц-утонувший*» («*зайцы-утонувшие*»).

Тут первоначально тоже не было ничего от прошедшего времени. Но должно быть нечто, что с течением времени выдвинуло эту категорию.

Нетрудно видеть, что сейчас рассматриваемые *з'*-овые формы, хотя отражают иной этап развития эрзянской речи, чем когда-то отражали *й*-овые имена действия, однако были поставлены в некоторых отношениях сходно. Они были ориентированы на показ объекта или эффекта действия, и действие выступало как законченное. Так и до сих пор поставлены *з'*-овые имена со значением вроде «пойманный», «утонувший», сохраняющиеся наряду с глагольными формами. То, что с течением времени направило *з'*-овые имена, поскольку они превратились в глагольные формы, на линию прошедшего времени,

¹⁷ Бубрих — II, стр. 74.

¹⁸ Там же, стр. 112.

¹⁹ Там же, стр. 113.

теперь опять-таки ясно. Действие имелось в виду законченное. А от идеи законченности действия до идеи прошедшего времени — недалеко²⁰.

Настоящее время

По мнению Д. В. Бубриха, настоящее, или, по его терминологии, не-прошедшее время, возникло позже прошедшего времени.

К гораздо более позднему времени относятся формы, ныне выступающие как формы не-прошедшего времени. Они когда-то входили в предложения вроде «(я)зайца *ловец-я*», «я (тебя)*ловец твой*» (поскольку дело касается случаев, давших рост в глагольность) или «(я) *старик-я*» (поскольку дело касается случаев, давших рост в сказуемое изменение именной сферы). Тут первоначально не было ничего от настоящего времени. Но должно было быть нечто, что с течением времени привело к последнему.

Эти формы, по предположению Д. В. Бубриха, были ориентированы на показ действителя или носителя признака, и действие или ситуация ношения признака выступала под знаком незаконченности. То, что с течением времени направило рассматриваемые формы на линию не-прошедшего времени, не может составлять загадки. Действие или ситуация ношения признака имелись в виду незаконченные. А от идеи незаконченности был один шаг до идеи не-прошедшего времени²¹.

В основу образования современных форм настоящего времени в мордовских языках легло сказуемое изменение имен действителя.

Ед. число	1 л. <i>кунда?</i> м 'ловящий', 'ловец-я' → глагол
	2 л. <i>кундат</i> 'ловящий', 'ловец-ты' → глагол
Мн. число	1 л. <i>кундатаму</i> 'ловящие', 'ловцы-мы' → глагол
	2 л. <i>кундатаду</i> 'ловящие', 'ловцы-вы' → глагол
3 л. ед. ч.	<i>кундай</i> 'ловящий', 'ловец' → глагол
	<i>вайай</i> 'тонущий' → глагол
3 л. м. ч.	<i>кундайт</i> 'ловящие', 'ловцы' → глагол
	<i>вайайт</i> 'тонущие' → глагол ²² .

Эти формы позднее превратились в глагольные формы, ориентированные на подлежащее — название действителя.

<i>кундам</i>	'ловлю-я'
<i>кундат</i>	'ловишь-ты'
<i>кундатаму</i>	'ловим-мы'
<i>кундатаду</i>	'ловите-вы'
<i>кундай</i>	'ловит'
<i>кундайт</i>	'ловят' ²³

²⁰ Бубрих — II, стр. 151.

²¹ Бубрих — IV, стр. 151.

²² Там же, стр. 41.

²³ Бубрих — III, стр. 73.

Формы 3-го лица не-прошедшего времени в безобъектном спряжении это просто именного порядка формы без всякого дополнительного оформления, ср. имена названия действителя типа *кундай* (откуда эрз. *кунды*, мокш. *кундай*) 'ловец'.

В формах 1-го и 2-го лица не-прошедшего времени как сказуемого изменения, так и безобъектного спряжения налицо дополнительное оформление. Это -а и за ним личный показатель особого порядка, первоначально характеризовавший только лицо, а не число...²⁴

Д. В. Бубрих источником нового показателя настоящего времени считает образования типа *апак кунда(к)* 'не ловя' или 'не поймав', которые могли также выступать в функции сказуемого, например *мон апак кундакан* 'я без поимки', *апак кундакат* 'ты без поимки'.

Варианты этих образований типа *мон апак кундан*, *тон апак кундат* и т. д., будучи перенесены из сферы отрицательного спряжения в парадигму спряжения глагола в настоящем времени, могли со временем вытеснить старые формы 1-го и 2-го лица²⁵. Личные глагольные окончания настоящего времени Д. В. Бубрих отождествлял с личными местоимениями, но не с притяжательными суффиксами.

«Что касается личных показателей, то это в не-прошедшем времени по происхождению личные местоимения в простейшем оформлении. С -м и м-у, т. е. с -м(у), сравните *мон* „я“: а с -т и -ду, т. е. -д(у) сравните *тон* „ты“»²⁶.

«Сказуемое изменение слов именной сферы получилось на основе случаев типа „*старик-я*“, „*добрый-я*“. Личные местоимения выросли на формы единственного или множественного числа. По наращению они сжались. Так как число было достаточно хорошо охарактеризовано в предшествующей части сращенного слова, то сжатие выросших личных местоимений могло протечь с полным совпадением „я“ и „мы“, „ты“ и „вы“, -м „я“ и -му „мы“; это, в сущности, одно и то же в двух вариантах. То же надо сказать о -т „ты“ и -ду „вы“. Перед получившимися таким образом личными суффиксами обобщилось а... Таким образом, сказуемое изменение стало характеризоваться окончаниями -а-м „я“, -а-т „ты“, т-а-му „мы“, т-а-ду „вы“»²⁷.

ИСТОРИЯ ЛИЧНЫХ ОКОНЧАНИЙ

Личные окончания глагола в мордовских языках представляют исторический результат развития первичных личных окончаний протоуральского языка.

Реконструированная схема этих личных окончаний может быть

²⁴ Бубрих — II, стр. 124.

²⁵ Там же, стр. 125.

²⁶ Там же, стр. 125.

²⁷ Там же, стр. 140.

представлена в следующем виде:

Ед. число	Мн. число
1 л. *-mγ ²⁸	*-mγk)
2 л. *-tγ	*-tγk
3 л. *(-sγ)	*(-sγk)

Генетически эти личные окончания восходят к основам личных местоимений в их наиболее архаичной форме. В сфере архаических личных окончаний первоначально, по всей видимости, не было никаких числовых различий. Формы личных окончаний единственного и множественного числа были совершенно одинаковы. Позднее к архаическим формам личных местоимений было добавлено в целях выражения множественности субъектов действия суфф. -k, заимствованный из сферы имен существительных, ср. венг. *város* 'город', *város-o-k* 'города'.

В протоуральском языке глагольные формы могли выражать посредством специального показателя -n- также множественность объектов действия. Первичную схему личных окончаний с показателем множественности объектов действия можно было бы выразить следующим образом:

Ед. число	Мн. число
1 л. *-nmγ	*-nmγk
2 л. *-ntγ	*-ntγk
3 л. *(-nsγ)	*(-nsγk)

Как мы увидим в дальнейшем, система личных окончаний в современных мордовских языках возникла в результате смешения двух, первоначально дискретных, систем личных окончаний, системы без показателя -n- и системы с показателем -n-.

Можно допустить, что в эпоху существования именного строя современным личным глагольным окончаниям предшествовали притяжательные суффиксы. Отсюда можно сделать вывод, что первичные личные окончания глаголов по форме ничем не отличались от притяжательных суффиксов. Формальное различие между личными окончаниями глаголов и притяжательными суффиксами, надо полагать, сложилось позднее.

Судьба первичных личных окончаний в мордовских языках

Единственное число

1-е л и ц о *-mγ. Окончание -m довольно хорошо сохранилось в таких языках, как марийский, саамский, ненецкий и обско-угорские, ср. мар. *luda-m* 'я читаю', *woze-m* 'я пишу', норв.-саамск. *gula-m*

²⁸ В зависимости от закона гармонии гласных гласный γ мог быть гласным переднего или заднего ряда.

'я слушаю', ненецк. *manzara(d)m* 'я работаю', хант. *matə-m* или *małə-m* 'я даю', сев.-манс. *wareyu-m* 'я делаю', южн.-манс. *wära-m* 'я делаю'. Окончание -m встречается также в древних памятниках письменности на коми-зырянском языке, ср. *ōska-m* 'я верую', спорадически, в определенных случаях оно появляется и в удмуртском языке, например. *myniškom* 'я пойду', *veralo-m* 'я скажу' и т. д.

В мордовских языках, как и в финском языке, личное окончание 1-го лица ед. числа представлено -n, ср. эрзя-м. *lovna-n* 'я читаю', *mol'a-n* 'я иду', мокша-м. *mora-n* 'я пою', *kanda-n* 'я несу' и т. д.

Появление n вместо ожидаемого m в финском языке легко объяснимо, поскольку всякое конечное m в финском языке закономерно превращалось в n, ср. финск. *kuulen* 'слушаю' из *kuulem* (саамск. *gulam*), *sydän* 'сердце' из *sydäm*, ср. форму род. падежа *sydämen*²⁹.

В мордовских языках этого фонетического закона не было, ср. эрзя-м. *ket* 'сапог', мокша-м. *kätə*, коми-зыр. *kōt* 'обувь', мар. *ket* 'сапоги' эрзя-м. *lem* 'имя' или 'название', мар. *lüm*, коми-зыр. *ñim* и т. д.

Притяжательный суффикс 1-го лица ед. числа в мордовских языках имеет форму -m, ср. *kudo-m* 'мой дом'. Сходную форму он имеет и в некоторых других уральских языках, ср. мар. *pört-em* 'мой дом', хант. *xor-em*, манс. *har-um* 'моя лодка' и т. д.

Однако конечное m в мордовских языках не превратилось в n.

Д. В. Бубрих в свое время писал по этому поводу следующее: «Принято думать, что n-овое окончание форм 1 л. ед. ч. сказуемого изменения и безобъектного спряжения является результатом фонетического перехода заканчивающего слова m в n. Эта мысль ровно ни на чем не основана. Нельзя увидеть ни одного достоверного случая фонетического перехода заканчивающего слова m в n на мордовской почве»³⁰.

В другом месте Д. В. Бубрих дает оригинальное объяснение этому явлению:

«Привлекает внимание -n в формах вроде *кунд-а-н* „я ловлю“, или „я поймаю“ и в формах вроде *вишк-а-н* „я мал“.

Личный показатель -n в 1-м лице единственного числа, если он идет издревле, может восходить только к -nm (никакого перехода конечного m в n в мордовской речи не существует). Но такое — nm идет вразрез с другими личными показателями в не-прошедшем времени безобъектного спряжения. Кроме того, оно совсем непонятно: ведь формант -n в -nm указывал бы на какую-то множественность, а в единственном числе да еще в безобъектном спряжении (только в безобъектном) ни для какой множественности места нет. Очевидно, нужно стать на точку зрения относительно позднего появления -n в формах вроде *кунд-а-н* и вроде *вишк-а-н*. Откуда оно появилось, не может составлять загадки. Мы знаем, что в мордовской речи обнаружилось

²⁹ Fromm — Sadeniemi, стр. 47.

³⁰ Бубрих — II, стр. 238.

воздействие форм 1-го лица множественного числа прошедшего времени с ее *-н'эк* на соответствующую форму не прошедшего времени с ее *-мо*, в результате которого в последней форме могли появляться *-мо* (воздействие по линии *н*-ового форманта), *-мок* (воздействие по линии *к*-ового форманта) или *-нок* (воздействие по линии обоих формантов).

Если такая вещь была возможна в 1-м лице множественного числа, то она раньше была возможна и в 1-м лице единственного числа. Под влиянием форм прошедшего времени вроде *кундайн* „я ловил“) или «я поймал» могли возникнуть и формы вроде *кундан* „я ловлю“ или «я поймаю» вместо более раннего *кундам*. По образцу форм вроде *кундан* вместо *кундам* не могли не перестроиться и формы вроде *вишкан* вместо *вишкам* ³¹.

Отсюда можно сделать вывод, что личное окончание 1-го лица ед. числа в мордовских языках некогда имело форму *-т*.

Вышеприведенная цитата нуждается в некотором пояснении. Д. В. Бубрих предполагал, что в прошедшем времени в мордовских языках некогда существовало не противопоставление безобъектных и объектных форм, а противопоставление форм единичного действия и форм множественного действия ³².

Исходя из этого предположения, он допускал возможность существования личных окончаний, которым предшествовал показатель множественности объектов действия *н*, типа *kunda-j-ñ-m* ‘я поймал их’, *kunda-j-ñ-t* ‘ты поймал их’, *kunda-j-ñ-mik* ‘мы поймали их’. Позднее эти формы приняли вид: *kundajñ*, *kundajt*, *kundajm* ³³.

После упрощения формы *kundajñm* ‘я поймал их’ в *kundajñ* возникло сосуществование двух форм — *kundajñ* ‘я поймал их’ и *kundam* ‘я ловлю’ или ‘я поймаю’. Изменение *т* в *н*, по мнению Д. В. Бубриха, произошло в результате влияния формы *kundajñ* на форму *kundam* ³⁴.

2-е л и ц о *-тү. Конечное *-т* хорошо сохраняется в современном финском языке, например *anna-t* ‘ты даешь’, *istu-t* ‘ты сидишь’, в марийском — *luđa-t* ‘ты читаешь’, *wože-t* ‘ты пишешь’ и т. д. Довольно хорошо оно сохранилось также в мордовских языках, ср. эрзя-м. *lovna-t* ‘ты читаешь’, мокша-м. *mora-t* ‘ты поешь’ и т. д.

3-е л и ц о (*-sy). Необходимо заметить, что первичное личное окончание (*-sy*) в уральских языках почти нигде не сохранялось. Исключение в этом отношении составляют пермские языки и марийский. В пермских языках есть формы типа коми-зыр. *bošta-s* ‘он возьмет’, *bošti-s* ‘он взял’, мар. *nale-š* ‘он берет’ (из *nale-s*) и т. д.

Однако первичность *s* в вышеприведенных формах очень сомнительна. В формах пермских языков *s* первоначально служило при-

знаком переходности. Некоторые непереходные глаголы до сих пор не имеют в 3-м лице ед. числа окончания *-s*, ср., например, коми-зыр. *võl-i* ‘он был’, *voš-i* ‘он потерялся’ и т. д. Марийское *-š* в форме *naleš* ‘он берет’ может восходить к причастному суф. *-šo*, *-še*, ср., например, *nalš-še* ‘берущий’, *wožš-šo* ‘пишущий’.

Не исключена возможность, что личного окончания 3-го лица ед. и мн. числа в протоуральском языке вообще не существовало или если оно и существовало, то оно очень рано утратилось. В 3-м лице ед. числа фигурировала, по-видимому, чистая глагольная основа, иногда осложненная каким-нибудь показателем времени.

Множественное число

1-е л и ц о *-түк. В наиболее чистом виде это окончание сохранилось в саамском языке в форме 1-го лица мн. числа 1-го прошедшего времени, ср. норв.-саамск. *gulai-mek* ‘мы слышали’, *bođii-mek* ‘мы пришли’. В финском языке конечное *k* отпало, например *annat-me* ‘мы даем’, *tuli-m-me* ‘мы пришли’. В мордовских языках имеются две формы этого окончания. Одна из них звучит как *-tano*, *-t'áno*, или *-tama*, *-t'ama*, ср. эрзя-м. *lovno-tano* ‘мы читаем’ *mol'-d'ano* ‘мы идем’, мокша-м. *mora-tama* ‘мы поем’ *vide-t'ama* ‘мы сеем’. Эта форма употребляется в настояще-будущем времени. Другая форма звучит как *-nek* (в эрзянском), *-mä* (в мокшанском), например эрз. *lovny-nek* ‘мы читали’ и мокш. *mora-mä* ‘мы пели’.

В первом ряде форм *-tano*, *-d'ano*, *-tama*, *-t'ama* выделяются два составных элемента — элемент *-ta* (*-d'a*) и окончание *-no*, *-ma*. Элемент *ta* (*da*) является каким-то инородным телом. По мнению Д. В. Бубриха, *t* представляет показатель множественного числа, что особенно хорошо показывает сказуемое изменение *вишка-т* и рядом *вишка-т-аму*, *вишка-т-аду* и т. д. Значит, в единственном числе *a* когда-то было прямо после основы, а во множественном числе после некоторого образования множественного числа, взятого за основу ³⁵.

Д. В. Бубрих, очевидно, предполагает, что образование типа *viška-t* ‘маленькие’ при сказуемом изменении допускали формы типа *viška-t-ami* ‘мы маленькие’. Гласный *a* после *t* мог выполнять роль показателя настоящего времени. Позднее *ta* механически вошло вообще в состав личного окончания. Труднее объяснить различие самих форм личных окончаний *-no* и *-ma*.

«В диалектах, — замечает Д. В. Бубрих, — мы имеем крайнее разнообразие форм 1-го лица множественного числа не-прошедшего времени по безобъектному спряжению: не только формы вроде *кундтан(о)*, но и формы вроде *кундатам(о)*, формы вроде *кундатонок*, формы вроде *кундатонок*. В соответствующем лице и числе прошедшего времени, наоборот, мы такого разнообразия не видим: перед нами почти везде формы вроде *кундынек*. Только в незначитель-

³¹ Бубрих — II, стр. 119—120.

³² Там же, стр. 119.

³³ Там же, стр. 118.

³⁴ Там же, стр. 120.

³⁵ Бубрих, — IV, стр. 115.

ной части диалектов мы находим формы вроде *кундыме* — при формах вроде *кундатамо*. Сходно дело обстоит в мокшанском языке: там мы находим формы вроде *кундаме* — при формах вроде *кундатама*.

В качестве исходного пункта для суждений об этой сложной картине надо взять диалекты, где перед нами формы вроде *кундатамо*, с одной стороны, и *кундынек*, с другой. В этих диалектах не видно никакого воздействия одних из рассматриваемых форм на другие. Во всех других диалектах такое воздействие есть. Воздействовали по преимуществу формы вроде *кундынек* на формы вроде *кундатамо*. Воздействие по линии *и*-ового форманта создавало *кундатоно* вместо *кундатамо*. Воздействие по линии *к*-ового форманта создавало *кундатонок* вместо *кундатамо*. Реже было воздействие форм вроде *кундатамо* на формы вроде *кундынек*, т. е. в обратном направлении. Это воздействие создавало *кундыме* вместо *кундынек*. Так дело сложилось и в мокшанском языке.

Таким образом, если взять старейшее морфологическое строение форм 1-го лица множественного числа по безобъектному спряжению, то мы должны принять *кундатамо* и *кундынек*, — как бы нас ни поражала их глубокая разнотипность»³⁶.

В этой аргументации есть некоторые слабые пункты. Во-первых, непонятно, почему все вариации объясняются результатом влияния различных форм друг на друга, даже в тех случаях, когда сами форманты не являются однотипными по своей форме, например *-nek*, *-mo*. Не лучше ли допустить, что в мордовских языках некогда существовали два типа личных окончаний 1-го лица мн. числа — окончания без показателя множественности объектов действия *-n*, например *-māk*, *-māk* и окончания с показателем множественности объектов действия *-nmāk*, *-nmāk*.

Позднее происходило смешение этих двух серий показателей, а также их деформация. Форма современного эрзянского литературного языка *-(ta)no*, например *lovnotano* 'мы читаем', образовалась из первоначальной формы *-nmāk* (*nmāk* > *nnāk* > *nuk* > *no*). Форма прошедшего времени *-nek*, например *lovnynek* 'мы читали', может восходить к *-nmāk* (*-nmāk* > *nnāk* > *nik* > *-nek*).

В мокшанском языке процессы были несколько иными. Личное окончание прошедшего времени *-ma*, например *mora(ta)ma* 'мы пели', могло развиваться из первоначального *-māk* (*-māk* > *mā* > *mā*).

2-е *лицо* **-tŷk*. В некоторых уральских языках это окончание довольно хорошо сохранилось, ср. норв.-саамск. *-dek*, например *gullai-dek* 'вы слышали', венг. *keres-tek* 'вы ищете'. В большинстве уральских языков конечное *k* отпало, ср. удм. *тыно-ды* 'вы пойдете', финск. *annat-te* 'вы даете', мар. *лудэ-да* 'вы читаете'. Мордовские языки также имеют два типа окончаний. Для настоящего-будущего времени характерны окончания *-tado*, *t'ado* (эрз.)

и *-tada*, *-t'ada* (мокш.), ср. эрз. *lovnotado* 'вы читаете', *mol'd'ado* 'вы идете', мокш. *moratada* 'вы поете'.

В соответствующих формах прошедшего времени употребляется другое личное окончание *-de*, *-dä*, ср. эрз. *lovny-de* 'вы читали', *moli-de* 'вы шли', мокш. *mora-dä* 'вы пели', *vidä-dä* 'вы сеяли'.

Нетрудно заметить, что формы типа эрз. *lovnotado* 'вы читаете', мокш. *moratada* 'вы поете' испытали известное влияние форм 1-го лица мн. числа.

Сюда также проник элемент *ta*. Что же касается самих окончаний *-do*, *-da*, то они могли развиться из первоначального **-tŷk*. Озвончение *t* могло произойти в интервокальном положении, ср. эрзя-м. *kudo* 'дом', но финск. *kota*. Озвончению *t* мог также способствовать, возможно, некогда находившийся перед ним показатель множественности объектов действия *n*. В таком случае окончания *-da*, *-do* могли развиться из **-ntŷk*.

Окончание *-de*, употребляемое в прошедшем времени, может восходить к *-tŷk* или *-ntŷk*. Переднерядная огласовка, по-видимому, возникла под влиянием показателя прошедшего времени *-j*.

3-е *лицо*. Предполагаемое окончание **-sŷk* вряд ли существовало в действительности. Если оно и существовало, то, подобно соответствующему окончанию ед. числа *-s*, быстро исчезло. Во всяком случае в глагольной сфере мордовских языков никаких следов этого окончания нет.

О количестве глагольных времен в протоуральском языке

Согласно широко распространенной гипотезе в финно-угорском праязыке существовало три времени: настоящее время, характеризовавшееся показателем *-k*, прошедшее время на *-j* и прошедшее время на *-š*.

Поразительна необычайная устойчивость этой гипотезы. Сформулированная наиболее четко и определенно еще в первом издании работы Й. Синнеи «Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft» (Leipzig, 1910)³⁷, она через 50 лет без каких-либо существенных изменений была приведена в работе известного шведского уралаиста Б. Коллиндера «Comparative Grammar of the Uralic Languages», изданной в 1960 г.³⁸

Между тем в самих уральских языках есть некоторые факты, которые очень трудно объяснить с помощью вышеприведенной гипотезы.

Чем, например, объяснить такой факт, как наличие у настоящего времени двух значений — значения настоящего и значения будущего времени, ср., например, коми-зыр. *bošta* 'я беру' и 'я возьму', финск. *annan* 'я даю' и 'я дам', мар. *nalam* 'я беру' и 'я возьму',

³⁶ Бубрих — II, стр. 102—103.

³⁷ Szinyei — I, стр. 138—144.

³⁸ Collinder — I, стр. 303—307.

марс. *wareyut* 'я делаю' и 'я сделаю', хант. *man̄tem* 'я иду' и 'я пойду', саамск. *logam* 'я читаю' и 'я прочитаю' и т. д. Это явление, конечно, неслучайно и нуждается в объяснении.

Полисемантизм формы часто является признаком синкретизма или совпадения в одной форме ранее существовавших двух форм, обладавших различным значением.

Интересно отметить, что в некоторых современных уральских языках встречаются довольно многочисленные случаи, когда настоящее время образуется путем простого соединения основы глагола с личным глагольным показателем, ср. финск. *tule-n* 'я прихожу', *lue-n* 'я читаю', *istu-n* 'я сижу', *saa-n* 'я получаю', *anna-n* 'я даю', *syö-n*, 'я ем' *myy-n* 'я продаю' и т. д.

То же самое происходит в саамском и ненецком языках, ср. норв.-саамск. *boattet* 'приходить', *boatte-p* 'мы приходим', *doalvot* 'вести', *doalvo-m* 'я веду' и т. д., ненецк. *manzaraš* 'работать', *manzara-n* 'ты работаешь', *manzara* 'он работает' и т. д.

Не представляют ли все эти случаи остатков древнего уральского настоящего времени, которое вообще не имело никакого специального показателя и образовывалось путем непосредственного соединения различных глагольных основ с личными глагольными показателями? Мы предполагаем, что возможность былого существования такого времени не исключена.

Вместе с тем в протоуральском языке существовало и другое время, характеризующееся показателем *-k-*, но по значению это было не настоящее, а будущее время, обладающее также, по всей видимости, широким кругом различных модальных значений.

Можно привести некоторые косвенные доказательства, подкрепляющие эту гипотезу.

Эти доказательства следующие:

1. Показатель *-k-* формально совпадает с показателем уральского латива на *-k*, *-ka*. Отнесение глагольного действия в план будущего могло быть ассоциировано с движением по направлению к чему-нибудь. Такие случаи возможны. Ср., например, генетическую связь показателя будущего времени *-r-* в тюркских языках и тюркского латива на *-r*, *-ra* или *-ri*.

2. Показатель *-k-*, по всей видимости, имеет генетическую связь с показателями, содержащими элемент *k* и выражающими различные модальные значения, ср. финский суффикс опатива *-ko-*, *-kö-*, например *puhu-ko-on* 'пусть он говорит', *vastat-ko-on* 'пусть он отвечает', суффикс предположительного наклонения *-ky-* в ненецком языке, например *ilena-ky* 'он, должно быть, живет', *towe-ky* 'он, по-видимому, пришел'. Этот же показатель *-k-*, возможно, содержится в суффиксе селькупского аудитива *-kun-*, например *ty-kun-a* 'он пришел, слышать'.

3. Показатель *-k-* лучше сохраняется в формах повелительного наклонения, выражающих по существу ирреальное действие, ср. эрзя-м. *soka-k* 'наши', финск. диал. *tu-o-k* 'принеси' и т. д.

Можно предполагать, что еще в эпоху существования прото-

уральского языка произошла контаминация этих двух времен. Их формы перемешались.

Мы можем поэтому предполагать, что в финской парадигме настоящего времени такие формы, как *anna-n* 'я даю' (исторически из *anna-m*), *anna-t* 'ты даешь', представляют реликты древнего настоящего времени, а формы *anna-m-me* 'мы даем', *anna-t-te* 'вы даете' (исторически из *anna-k-me*, *anna-k-te*) — реликты древнего будущего времени.

После контаминации настоящего и будущего времен и образования нового времени со значением настоящего и будущего времен древний показатель будущего времени *-k-* фактически стал не нужен. Этим объясняется его почти полное исчезновение, наблюдаемое во всех уральских языках.

Внешним толчком, способствовавшим контаминации настоящего и будущего времен, было, по нашему предположению, усиление в уральских языках роли суффиксов мгновенного и однократного действия, способных придавать формам настоящего времени значение форм будущего времени.

Противники выдвигаемой нами гипотезы о контаминации настоящего и будущего времен будут, естественно, подыскивать опровергающие ее аргументы. Одним из возможных аргументов может быть указание на то, что показатель *-k-* может присутствовать в отрицательных формах настоящего времени, ср. финск. *en anna* 'я не даю', *et anna* 'ты не даешь' и т. д., где основа глагола имеет аспирацию, отражающую древнее *k*, или ненецкое *nidm harwa* 'я не хочу', *nin harwa* 'ты не хочешь' и т. д., где конечный гортанный смычный также отражает древнее *k*.

На это можно ответить, что отрицаемое действие рассматривалось как действие ирреальное. Ирреальность действия могла быть выражена суфф. *-k-*, поскольку, как указывалось выше, показатель будущего времени *-k-* мог иметь и чисто модальные значения.

Гипотеза о существовании в протоуральском двух прошедших времен — прошедшего времени на *-j-* и прошедшего времени на *-š-* — вряд ли может быть подвергнута сомнению. Возникает только вопрос, какое из этих времен возникло раньше.

Есть некоторые основания предполагать, что прошедшее время на *-š-* возникло раньше. Основания для такого предположения следующие:

1. Прошедшее время на *-j-* в в самодийских языках не засвидетельствовано. В этих языках представлено только прошедшее на *-š-*.

2. В некоторых финно-угорских языках прошедшее на *-š-* сохранилось в формах отрицательного глагола, ср. эрзя-м. *eziñ kando* 'я не носил', *eziñ kando* 'ты не носил', *ež kando* 'он не носил' и т. д., мар. *šam lut* 'я не читал', *šəč lut* 'ты не читал', *əš lut* 'он не читал' и т. д. Одновременно в этих языках было представлено и прошедшее время на *-j-*. В мордовских языках оно существует в настоящее время. В марийском языке обнаруживаются его следы. Можно предполагать, что отрицательный глагол использовал мо-

дель *сь*-ового прошедшего времени в тот период развития финно-угорских языков, когда в их системе еще не было претерита на *-j-*. Иначе объяснить эту историческую загадку очень трудно.

Есть также некоторые основания предполагать, что прошедшее время на *-š-* было специализировано в видовом отношении. Оно обозначало действие, достигшее предела.

Для обоснования этого положения могут быть приведены следующие аргументы:

1. В ненецком языке прошедшее на *-š-* стало исчезать после того, как у него появился новый семантический конкурент аорист, выражающий в современном ненецком языке преимущественно действие, достигшее предела.

2. В марийском языке прошедшее время на *-š-* не образуется от глаголов с основой на *a* типа *nalaš* 'брат', *nala-m* 'я беру', но *nal'at* 'я взял', так как конечное *a* основы глагола представляло суффикс, выражающий длительное действие. Этим, по-видимому, объясняется использование этого суффикса в некоторых финно-угорских языках в качестве показателя настоящего времени, ср. коми-зыр. *bošta* 'я беру' *bošta-n* 'ты берешь' от *boštny* 'брат', удм. *baštyny*.

Причиной исчезновения прошедшего времени на *-š-* во многих уральских языках могло послужить появление в уральских языках нового прошедшего времени на *-j-*.

Нейтральное в видовом отношении прошедшее время на *-j-* могло выполнять функции прошедшего времени на *-š-*.

Подытоживая вышесказанное, мы можем утверждать, что в протоуральском языке ранней поры существовало три времени: 1) настоящее, 2) будущее на *-k-* и 3) прошедшее на *-š-*. Позднее к прошедшему времени на *-š-* прибавилось новое прошедшее время, характеризующееся показателем *-j-*. Оно оказалось настолько продуктивно, что во многих уральских языках совершенно вытеснило более древнее прошедшее время *-š-*.

О ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВАХ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

В общемордовском языке несомненно существовали глагольные основы, поскольку они достаточно отчетливо выделяются и в современных мордовских языках. Дискуссионным может быть вопрос о первоначальном качестве конечных гласных основ, поскольку он касается недостаточно изученного вопроса об исторических судьбах гласных непервого слога в мордовских языках.

Д. В. Бубрих в свое время выступил с определенной концепцией. По мнению Д. В. Бубриха, некогда во всех эрзянских диалектах на месте современных литературных *o* и *e* в непервых слогах были *u* и *i*. Что касается гласного *a* в непервых слогах, то оно не подвергалось никаким изменениям, если не входило в состав сочетания *aj*³⁹.

³⁹ Бубрих — II, стр. 11.

Действительно, есть эрзянские диалекты, где в непервых слогах на месте литературных *o* и *e* выступают *u* и *i*, ср., например, в старотурдаковском диалекте эрзя-мордовского языка такие слова, как эрз. *kudu* 'дом', лит. эрз. *kudo*, *uziri* 'топор', лит. эрз. *uzere*, *udim* 'мозг', лит. эрз. *udem* и т. д.⁴⁰

В современном эрзянском языке представлены основы глаголов на *a-* типа *rata-ms* 'кушать', основы на *o-*, например *panžo-ms* 'отворить', и основы на *e-* типа *kifde-ms* 'держат'.

Если древнее *a* в непервом слоге сохранялось, то современные эрзянские основы на *a-* должны быть продолжением старых основ на *a-*. Современные основы на *o-* в этом случае продолжают старые основы на *u-*. В старотурдаковском диалекте они выступают как основы на *u-*, ср. ст. -турд. *kadu-ms* 'оставить', лит. *kado-ms*, ст. -турд. *usku-ms* 'привезти', лит. *usko-ms*⁴¹.

Современные основы на *e-* должны быть продолжением старых основ на *i-*. В старотурдаковском диалекте основам на *e-* литературного эрзянского языка соответствуют основы на *i-*, ср. ст. -турд. *nivsi-ms*, лит. эрз. *nivse-ms* 'дремать', ст. -турд. *uji-ms*, лит. эрз. *uje-ms* 'плыть', ст. -турд. *kifvasti-ms*, лит. эрз. *kifvaste-ms* 'зажечь' и т. д.⁴²

В современном мокшанском языке на месте эрзянских конечных гласных основ *a*, *o*, *e* выступают гласные *a*, *â*, *э*, ср. мокш. *mârda-ms* 'вернуться', эрз. *murda-ms*, мокш. *kâfga-ms* 'сгрести', эрз. *kifga-ms*, мокш. *uščâ-ms* 'ждать', эрз. *uščo-ms*, мокш. *uščâdâ-ms* 'начать', эрз. *ušodo-ms*, мокш. *mola-ms* 'идти', эрз. *mole-ms*, мокш. *kogâne-ms* 'говорить', эрз. *kortne-ms* и т. д.

Возникает сложный вопрос, каково было состояние в общемордовском, какие гласные общемордовского языка соответствовали современным конечным гласным глагольным основам *a*, *o*, *â*, *e*, *э*.

Что касается глагольных основ на *a-*, то, по всей видимости, древнемордовское состояние в данном случае не претерпело никаких существенных изменений. Современные основы на *a-* продолжают древнемордовские основы на *a-*.

Относительно эрзянских основ на *o-* и мокшанских основ на *â-* существует мнение, что они продолжают прамордовские основы на *â-*. Это *â* исторически возникло из прафинноволжского гласного *a*, ср. эрз. *ando-ms*, мокш. *andâ-ms* 'питать, кормить', финск. *anta-a* 'давать', эрз. *kando-ms*, мокш. *kandâ-ms* 'носить', 'приносить', финск. *kanta-a* 'носить' и т. д.⁴³ В эрзянском языке, по-видимому, *â* изменялось сначала в *u*, а потом в *o*. В мокшанском сохранилось древнее состояние.

Гораздо труднее реконструировать гласные основы, представленный эрзянским *e* и мокшанским *э*. В преобладающем большинстве случаев эрзянским основам на *e-* и мокшанским на *э-* в финском языке

⁴⁰ Объедин, стр. 106—107.

⁴¹ Объедин, стр. 106.

⁴² Там же, стр. 107—108.

⁴³ Ravila — II, стр. 83.

соответствуют гласные переднего ряда, ср. эрз. *mije-ms* мокш. *mims* (из *mijə-ms*) 'продавать', финск. *müü-dä* 'продавать', эрз. *teje-ms*, мокш. *tijə-ms* 'делать', финск. *teh-dä* 'делать', *tee-n* 'я делаю' и т. д.

А. А. Шахматов предполагал, что в общемордовском языке в этих случаях первоначальным был гласный неполного образования, который он обозначал греческой буквой *ε*, например *lede-* (*lede-ms*) 'косить', *sime-* (*sime-ms*) 'пить'⁴⁴. По мнению А. А. Шахматова, общемордовские *α* и *ε* (т. е. гласные неполного образования) в эрзянских говорах вообще не сохранились в виде гласных неполного образования; они заменились различными гласными полного образования⁴⁵. П. Равила также считает, что в общемордовском языке эти основы оканчивались на *ə*⁴⁶.

Исходя из этих соображений, целесообразно считать конечный гласный *ə* мокшанских глагольных основ более древним по сравнению с эрзянским *e*. В эрзянском этот редуцированный гласный превратился сначала в *i*, затем в *e*. Возможно, что редуцированный гласный *ə* в данном случае отражает домордовское *ä*.

«В мордовском, — замечает Б. Коллиндер, — *ä* второго слога превратилось в *ə*, в мокшанском оно дает иногда *ä*, но чаще *ə*, в эрзянском в большинстве случаев *e*»⁴⁷.

Было бы неправильно думать, что все глагольные основы современных мордовских языков продолжают общемордовские основы. Здесь были возможны случаи распространения одних конечных гласных основ за счет других, переходы глагольных основ из одного типа в другой и т. п.

Реконструируя древнейшие формы настоящего времени, Д. В. Бубрих не учитывал наличие в мордовских языках глагольных основ. По его мнению, дело сразу началось со сказуемого изменения имен действителя, которые с самого начала уже обнаруживали в 1-м и 2-м лице формант *-a-*, например *kunda?m* 'ловящий', 'ловец-я' > глагол, *kundat* 'ловящий', 'ловец-ты' > глагол. И только в 3-м лице обнаруживается суффикс имени действителя *-j*, например *kundaj* 'ловящий', 'ловец' > глагол⁴⁸.

Такое положение вещей, конечно, было возможно, но оно относится к более поздним этапам развития мордовских языков.

Есть некоторые данные, позволяющие предполагать, что в наиболее древнем типе настоящего времени в мордовских языках различные глагольные основы были представлены довольно четко.

Для доказательства этого положения можно взять современные формы 1-го и 2-го лица мн. числа настоящего времени типа эрз. *lovno-ta-no* 'мы читаем', *lovno-ta-do* 'вы читаете' от *lovno-ms* 'читать', *pivsë-t'a-no* 'мы молотим', *pivsë-t'a-do* 'вы молотите' и т. д. Из-

вестно, что перед личными окончаниями *-no -do* здесь вклинилось вставочное *-ta, -t'a*. Отсюда можно сделать вывод, что до включения вставочного *-ta, -t'a* и до проникновения элемента *a* в формы 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа эти формы образовывались по схеме: «основа глагола + личное окончание».

На ту же мысль наводят и некоторые формы косвенных наклонений, где довольно четко выявляются конечные гласные глагольных основ, ср. эрз. *mora-vliñ* 'я пел бы', *vide-vliñ* 'я сеял бы', *pivsë-vliñ* 'я молотил бы' (сослагательное наклонение), *mora-zo* 'пусть он поет', *pivsë-zë* 'пусть он молотит' (побудительное наклонение).

Руководствуясь этими соображениями, попытаемся реконструировать древнемордовские парадигмы глагола в настоящем времени.

Настоящее время

Основы на *a*

(совр. эрз. *a*, мокш. *a*)

Ед. число			Мн. число		
1 л.	* <i>mora-m</i>	'я пою'	* <i>mora-mə̀k</i>	'мы поем'	
2 л.	* <i>mora-t</i>	'ты поешь'	* <i>mora-tə̀k</i>	'вы поете'	
3 л.	* <i>mora</i>	'он поет'	* <i>mora(?)</i>	'они поют'	

Основы на *ə*

(совр. эрз. *o*, мокш. *ə*)

Ед. число			Мн. число		
1 л.	* <i>kandə-m</i>	'я несу'	* <i>kandə-mə̀k</i>	'мы несем'	
2 л.	* <i>kandə-t</i>	'ты несешь'	* <i>kandə-tə̀k</i>	'вы несете'	
3 л.	* <i>kandə</i>	'он несет'	* <i>kandə(?)</i>	'они несут'	

Основы на *ə*

(совр. эрз. *e*, мокш. *ə*)

Ед. число			Мн. число		
1 л.	* <i>molə-m</i>	'я иду'	* <i>molə-mə̀k</i>	'мы идем'	
2 л.	* <i>molə-t</i>	'ты идешь'	* <i>molə-tə̀k</i>	'вы идете'	
3 л.	* <i>molə</i>	'он идет'	* <i>molə(?)</i>	'они идут'	

Переходные глаголы могли иметь показатель множественности объектов действия *-n-*, который располагался между основой глагола и личным окончанием.

В качестве потенциально возможного примера может быть выбран глагол *kandoms, kandəms* 'нести'.

Ед. число			Мн. число		
1 л.	* <i>kandə-n-m</i>	'я несу несколько (или много) предметов' и т. д.	* <i>kandə-n-mə̀k</i>		
2 л.	* <i>kandə-n-t</i>		* <i>kandə-n-tə̀k</i>		
3 л.	* <i>kandə-n</i>		* <i>kandə-n(?)</i>		

⁴⁴ Шахматов, стр. 812.

⁴⁵ Шахматов, стр. 726.

⁴⁶ Ravila — II, стр. 105.

⁴⁷ Collinder — I, стр. 189.

⁴⁸ Бубрих — IV, стр. 41.

Будущее время

Древнее будущее время образовывалось в мордовском языке по схеме: «основа глагола + показатель будущего времени *-k-* + личные окончания».

Примерная парадигма

Ед. число		Мн. число
1 л. * <i>kandž-k-m</i>	‘я буду носить’ и т. д.	* <i>kandž-k-mžk</i>
2 л. * <i>kandž-k-t</i>		* <i>kandž-k-tžk</i>
3 л. * <i>kandž-k</i>		* <i>kandž-k</i>

В некоторых уральских языках обнаруживаются отдельные реликты этого древнего типа. Особенно показательными в этом отношении являются некоторые формы настоящего времени в финском языке типа *annamme* ‘мы даем’ и *annatte* ‘вы даете’.

Долгие *m* и *t* возникли в результате ассимиляции из сочетания согласных *km* и *kt*, где *k* является показателем будущего времени (*annamme* из *anna-k-mek*, *annatte* из *anna-k-tek*).

Позднее произошла контаминация древнего настоящего и будущего времен, в результате чего древнее настоящее время получило дополнительное значение будущего времени.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОГО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ, ОБРАЗОВАННОГО НА ОСНОВЕ ПРИЧАСТИЯ

В истории мордовских языков был период, когда древний тип настоящего времени, построенный по схеме: «основа глагола + личное окончание», — был заменен новым типом настоящего времени. В основу этого типа легло причастие настоящего времени, характеризующееся суфф. *-j-*, + личные окончания, например: *kunda-j-m* ‘я ловлю’, *kunda-j-t* ‘ты ловишь’, *kunda-j* ‘он ловит’ и т. д. (букв. ‘я ловящий’, ‘ты ловящий’, ‘он ловящий’ и т. д.).

Факты из истории различных языков наглядно свидетельствуют о том, что образование настоящего времени указанного типа вообще возможно. Такой тип настоящего времени существует, например, в иврите, современном палестинском еврейском языке, основанном на базе древнееврейского.

Kotev ‘писать’

Ед. число		Мн. число
1 л. <i>kotev</i>	‘я пишу’ и т. д.	<i>kotvim</i> ‘мы пишем’
2 л. <i>kotev</i>		<i>kotvim</i>
3 л. <i>kotev</i>		<i>kotvim</i>

Буквально *kotev* означает ‘пишущий’, а *kotvim* ‘пишущие’. Нечто подобное существует и в азербайджанском языке, где на-

стоящее время также образовано на основе древнего причастия настоящего-будущего времени на *-r-*.

	Ед. число		Мн. число
1 л.	<i>билир-эм</i>	‘я знаю’	<i>билир-ик</i>
2 л.	<i>билир-сэн</i>	‘ты знаешь’	<i>билир-синиз</i>
3 л.	<i>билир</i>	и т. д.	<i>билир-лэр</i>

Некогда эти формы означали ‘я знающий’, ‘ты знающий’ и т. д.

Ни в одном из диалектов эрзянского и мокшанского языков в парадигме спряжения глаголов в настоящем времени не обнаруживается никаких следов причастия настоящего времени на *-j-* в 1-м и 2-м лице ед. и мн. числа. Возникает вполне законный вопрос, не было ли причастие на *-j-* представлено только в формах 3-го лица ед. и мн. числа, тогда как формы остальных лиц были образованы каким-то иным способом.

В пользу существования причастий в составе форм 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа свидетельствуют некоторые формы объектного спряжения. Так, например, такие эрзянские формы объектного спряжения, как *kundasynek* ‘мы поймем его’, *kundasynek* ‘вы поймаете его’, *kundasyž* ‘они поймают его’, *kundasyñ* ‘я поймаю их’, *kundasyt* ‘ты поймашь их’, можно исторически объяснить, только возводя их к более архаическим формам *kundasajnek*, *kundasajnk*, *kundasajž*, *kundasajñ*, *kundasajt*, поскольку *y* в эрзянском языке могло представлять результат монофтонгизации первоначального дифтонга.

В то же время есть факты, которые как будто бы противоречат вышеупомянутой гипотезе. Если в древнемордовском образовывалось новое настоящее время, образованное на основе причастия настоящего времени, то чем объяснить тот факт, что в современных мордовских языках формы настоящего времени одновременно имеют значение будущего времени, причем значение русского будущего совершенного вида.

Далее. Если в мордовских языках дифтонги преобразовывались в монофтонги, то стало быть в этих монофтонгах исчезали и старые основы на *a-*, например *morajm* ‘я поко’ должно было превратиться в *morym*. Что в таком случае могло быть исходным материалом для создания нового показателя настоящего времени *-a-* помимо старых основ на *a-*?

Впрочем, все эти кажущиеся неувязки можно в какой-то мере объяснить. Новое настоящее время, образованное на базе причастия настоящего времени и сменившее предшествующий ему более древний тип настоящего времени, могло воспринять от него всю сумму его значений, в том числе и значение будущего времени. Показатель времени *-a-* мог возникнуть не на базе старых основ на *a-*.

Образование настоящего времени на основе причастия настоящего времени с суфф. *-j-* послужило причиной возникновения формального неразличения форм нового настоящего и уже существо-

вавшего в мордовских языках прошедшего времени с показателем *-j-*, поскольку причастный суфф. *-j-* и показатель 1-го прошедшего времени *-j-* присоединялись к основе глагола. В этот период какое-нибудь *mora-j-m* 'я пою' совпадало по форме с *mora-j-m* 'я пел'. Трудно сказать, как долго продолжался этот период, но вне всякого сомнения он существовал. Этот период дал стимул к коренному преобразованию системы мордовских глагольных времен, породив тенденцию к установлению формальных различий между глагольными временами.

Результаты этой тенденции обнаруживаются в мордовских языках всюду. Они оказывали влияние на ход образования новых форм настоящего и 1-го прошедшего времени. Результаты действия этой тенденции обнаруживаются и в структуре различных форм объектного спряжения, о чем речь будет идти ниже.

ОБРАЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ТИПА НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Формальное совпадение настоящего и 1-го прошедшего времени, конечно, не могло продолжаться долго. Монофтонгизация дифтонгов, приведшая к образованию на месте старых дифтонгов типа *ai*, *ui*, *ei*, *oi* и т. д. гласных *u* или *i*, не способствовала разрешению этого противоречия. Необходимо было найти какой-то радикальный способ, применение которого обеспечило бы четкое формальное различие между настоящим и 1-м прошедшим временем. И этот способ был найден.

Формы 1- и 2-го лица ед. и мн. числа перестроились по новой схеме: «корень глагола + показатель *-a-*», ср. современные эрзянские и мокшанские формы типа эрз. *lovn-a-n* 'читаю', *mor-a-n* 'пою', *mol'-a-n* 'иду', мокш. *sok-a-n* 'пашу', *van-a-n* 'смотрю', *vid'-a-n* 'сею' и т. д. Откуда проники в парадигму настоящего времени новый формант *-a-*? Д. В. Бубрих пытался в свое время объяснить происхождение этого *-a-* следующим образом:

«Никаких имен-названий действующего лица вроде *кунда* мы не знаем. Предполагать, что они были, но исчезли, нет ровно никаких оснований. Значит, *кунда* и т. п. вошли в систему глагольных форм не прошедшего времени вместо *кундай-* и т. п. из какого-то особого источника и каким-то особым путем. Из какого источника и каким путем — это можно разъяснить...

Существуют построения вроде *апак кунда(к)* «не ловя» или «не поймав» («без поймки»). Они могут выступать и в позиции сказуемого, получая при этом сказуемое изменение: *мон апак кундакан* «я без поймки», *мон апак кундакат* «ты без поймки» и т. д., что также (на базе варианта *апак кунда*), *мон апак кундан* «я без поймки», *мон апак кундат* «ты без поймки» и т. д. последнего рода образования с некоторых пор вытеснили *й-*овые в отрицательных построениях 1-го и 2-го лица — по-видимому, как более короткие, чем *й-*овые образования. Поскольку в 3-м лице у глаголов и во всех

лицах слов именной сферы в обыкновенных случаях выступала отрицательная частица *a*, последняя проникла и в те образования, которые вытеснили *й-*овые в отрицательных построениях. Получалось *a кундан* уже в смысле «я не ловлю» или «я не поймаю», *a кундат* «ты...» и т. д. А поскольку для не прошедшего времени характерно вообще сходство в оформлении знаменательной части утвердительных и отрицательных построений, такие отрицательные построения дали и соответствующие утвердительные. Получилось *кундан* «я ловлю» или «я поймаю», *кундат* «ты...» и т. д.»⁴⁹

Были и другие попытки объяснить это загадочное явление. П. Равила считает возможным искать источник этого *a* в сказуемом изменении имен существительных с основой на *a-*, ср., например, *tejtefñan* 'я девушка', *tejtefñat* 'ты девушка' от *tejtefña*, откуда *a*, предшествующее личному окончанию, могло распространиться на спряжение глаголов⁵⁰.

Формы 3-го лица ед. и мн. числа в мордовских языках не подверглись перестройке. По этой причине они не содержат показателя настоящего времени *-a-*, ср. эрз. *mory* 'поет' и *moryt'* 'поют', *loyny* 'читает' и *loyny'* 'читают', мокш. *sokaj* 'пашет' и *sokajxt'* 'пашут', *vany* 'смотрит' и *vanyjxt'* 'смотрят', *vidij* 'сеет' и *vidijxt'* 'сеют'.

Сохранение этих форм также составляет особую проблему исторической морфологии мордовских языков. Можно предполагать, что сохранению этих форм способствовало появление новых форм 3-го лица ед. и мн. числа в системе прошедшего времени на *-j-*.

Старые формы 3-го лица этого времени типа *moraj* 'он пел', *moraj* (?) 'они пели', формально совпадающие с соответствующими формами настоящего времени, были вытеснены формами 3-го лица ед. и мн. числа прошедшего времени на *-ž-*, в результате чего возникли новые формы *moraž* 'он пел' и *moraž* (?) 'они пели' (совр. *moraš* и *morašt'*).

Современные эрзянские формы 3-го лица ед. числа настоящего времени типа *kandy* 'он несет', *mory* 'он поет' и *moli* 'он идет' возникли в результате превращения древних сочетаний *aj*, *žj*, *aj* в *y*, *i* через промежуточную ступень *ij* (*yj*)⁵¹. Когда-то они звучали как *kandžj*, *moraj*, *molaj*.

В мокшанском языке происходил аналогичный процесс. Однако древнее *aj* в этом языке осталось без изменения, ср. мокш. *sodaj* 'он знает', *korxtaj* 'он говорит', *moraj* 'он поет' и т. д.⁵²

Попробуем теперь сравнить две парадигмы спряжения глаголов в настоящем времени, относящиеся к разным эпохам, чтобы более наглядно представить произошедшие изменения. Возьмем для примера эрзянские глаголы *kandoms* 'носить' и *molems* 'идти'.

⁴⁹ Бубрих — II, стр. 125.

⁵⁰ Ravila — II, стр. 104.

⁵¹ — Бубрих — II, стр. 174.

⁵² Там же, стр. 12.

Современная парадигма

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>mol'-a-n</i> 'я иду' и т. д.	<i>mol'-d'a-no</i>
2 л. <i>mol'-a-t</i>	<i>mol'-t'a-do</i>
3 л. <i>mol'i</i>	<i>mol'i-t'</i>

Эти изменения сводятся к следующему:

1. Изменился характер построения настоящего времени. У него появился в 1-м и 2-м лице ед. и мн. числа особый показатель *-a-*. В область 3-го лица ед. и мн. числа проникло причастие настоящего времени, которое как именное образование получило во множественном числе показатель множественного числа *-t*: *kandy* 'носящий', *kandy-t'* 'носящие' > 'носят', 'носят'. Смягчение *t* объясняется влиянием соответствующего личного окончания в прошедшем времени, ср., например, *lovnošt'* 'они читали', где *t* смягчилось под влиянием предыдущего *š*.

2. Значительные изменения произошли в сфере личных окончаний. Окончание 1-го лица ед. числа *-m* превратилось в *-n*. Это *n* возникло из *-nm*, где *n* означало множество объектов действия. Окончание 1-го лица мн. числа *-mžk*, *-mžk* превратилось в *-tano*, *-t'ano*, где *-ta-* было по аналогии перенесено из сферы сказуемого изменения имен, например, *viškat-a-nok* 'мы маленькие', а *-no-* могло возникнуть из *-nmok*. Об относительно позднем происхождении вставки *ta* свидетельствует отсутствие озвончения *t* в интервокальном положении. Личное окончание 2-го лица мн. числа *-tžk*, *-t'žk* превратилось в *-tado*, *-t'ado*. Элемент *ta*, *t'a* здесь имеет то же самое происхождение, что и в предыдущем случае, *-do* может быть видоизменением *-tžk*.

3. Изменилось значение настоящего времени. По причине контаминации с древним будущим временем современное настоящее фактически приобрело одновременно и значение будущего времени. Поэтому более правильное его название «настояще-будущее время».

Прошедшее время на *-j-*

Прошедшее время с показателем *-j-* — очень древнее образование. Оно, несомненно, уже существовало как особое время в общешинно-угорском языке.

Образовывалось оно довольно просто. К основе глагола присоединялся показатель этого времени *-j-*, за которым следовали личные окончания. Древнемордовская парадигма этого времени могла бы быть реконструирована в следующем виде.

Основы на <i>a-</i>	
Ед. число	Мн. число
1 л. <i>mora-j-m</i> 'я пел' и т. д.	<i>mora-j-mžk</i>
2 л. <i>mora-j-t</i>	<i>mora-j-tžk</i>
3 л. <i>mora-j</i>	<i>mora-j-(?)</i>

Основы на *ž-*

(совр. эрз. *o*, мокш. *ž*)

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>kandž-j-m</i> 'я носил' и т. д.	<i>kandž-j-mžk</i>
2 л. <i>kandž-j-t</i>	<i>kandž-j-tžk</i>
3 л. <i>kandž-j</i>	<i>kandž-j-(?)</i>

Основы на *ə-*

(совр. эрз. *e*, мокш. *ə*)

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>molə-j-m</i> 'я ходил' и т. д.	<i>molə-j-mžk</i>
2 л. <i>molə-j-t</i>	<i>molə-j-tžk</i>
3 л. <i>molə-j</i>	<i>molə-j-(?)</i>

Может возникнуть естественный вопрос, на каком основании мы предполагаем, что в общемордовском языке формы 3-го лица ед. числа звучали примерно как *kandž-j*, *molə-j*, а не иначе.

О том, что дело обстоит именно так, свидетельствует сам мордовский язык. В мордовских языках сохранились некоторые реликтовые формы 3-го лица ед. числа *й*-ового прошедшего времени вспомогательного глагола *ulems* 'быть', ср., например, эрз. *mašto-l'* 'он умел', *moli-l'* 'он ходил', *soka-l'* 'он пахал', а также некоторые образования типа *mazy-l'* 'он был красивым', *čoram-o-l'* 'он был моим сыном', *nevtež-e-l'* 'он был показан' и т. д. Конечное *l'* в вышеприведенных формах восходит к форме 3-го лица ед. числа *й*-ового прошедшего глагола *ulems* 'быть', которая звучала, как *ulə j*. С течением времени она превратилась в *uli*, а затем в *ul'* и *l'*.

Переходные глаголы в прошедшем времени на *-j-* могли иметь показатель множественности объектов действия *-n-*, например:

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>kandž-j-n-m</i> 'я нес несколько'	<i>kandž-j-n-mžk</i>
2 л. <i>kandž-j-n-t</i> (или много) предметов'	<i>kandž-j-n-tžk</i>
3 л. <i>kandž-j-n</i> и т. д.	<i>kandž-j-n-(?)</i>

В дальнейшем в парадигме прошедшего времени произошли некоторые преобразования, которые сводились к следующему:

1. В эрзянском языке сочетание *aj*, *uj*, *ij* (*yj*) сначала совпали в *ij* (*yj*), а затем — в том случае, если непосредственно дальше не было гласного — упростились в *i* (*y*)⁵³. Это привело к тому, что былые различия основ совершенно утратились, ср., например, эрз. *moruj* 'я пел' (из *mora-j-m*), *kandyj* 'я носил' (из *kandu-j-m*). *Kandu-* возникло из *kandž-*.

⁵³ Бубрих — II, стр. 174—175.

2. В мокшанском языке утратился показатель прошедшего времени *-j-*. По этой причине 1-е прошедшее в современном мокшанском языке образуется непосредственно от основы глагола, к которой присоединяются личные окончания.

Прошедшее время на *-ž-*

В современных мордовских языках сохранились некоторые реликты прошедшего времени на *-ž-* в парадигме спряжения отрицательного глагола в прошедшем времени.

Эрзянский язык

Ед. число		Мн. число
1 л.	<i>ěziñ kunda(k)</i> 'я не носил'	<i>ězinek kunda</i>
2 л.	<i>ězit' kunda</i> и т. д.	<i>ězide kunda</i>
3 л.	<i>ěž kunda</i>	<i>ěžt' kunda</i>

Мокшанский язык

Ед. число		Мн. число
1 л.	<i>izəñ ašəñ</i> 'я не носил'	<i>izəmə ašəmə</i>
2 л.	<i>izət' ašət'</i> <i>kunda</i> и т. д.	<i>izədä ašədä</i>
3 л.	<i>iž ašəž</i>	<i>išt' ašəšt'</i> <i>kunda</i>

Остатком прошедшего времени на *-ž-* являются также формы 3-го лица ед. и мн. числа в современных мордовских языках, ср. эрзя-м. *lovno-š* 'он читал', *sa-š* 'он пришел', *tu-š* 'он ушел', мокша-м. *soka-š* 'он пахал', *van-š* 'он смотрел', *vidə-š* 'он сеял'.

В общемордовском праязыке прошедшее время на *-ž-*, по всей видимости, было довольно распространенным и сосуществовало с прошедшим временем на *-j-*. Оно образовывалось путем присоединения к основе глагола показателя *-ž-*, за которым следовали личные окончания. Его парадигму примерно можно реконструировать в следующем виде:

Основы на *a-*

Ед. число		Мн. число
1 л.	<i>mora-ž-m</i> 'я шел' и т. д.	<i>mora-ž-mžk</i>
2 л.	<i>mora-ž-t</i>	<i>mora-ž-tžk</i>
3 л.	<i>mora-ž</i>	<i>mora-ž-t</i>

Основы на *ə-*

(совр. эрз. *o*, мокш. *ə*)

Ед. число		Мн. число
1 л.	<i>kandə-ž-m</i> 'я нес', 'принес'	<i>kandə-ž-mžk</i>
2 л.	<i>kandə-ž-t</i> и т. д.	<i>kandə-ž-tžk</i>
3 л.	<i>kandə-ž</i>	<i>kandə-ž-t</i>

Основы на *ə-* (совр. эрз. *e*, мокш. *ə*)

Ед. число		Мн. число
1 л.	<i>mola-ž-m</i> 'я ходил', 'ушел'	<i>mola-ž-mžk</i>
2 л.	<i>mola-ž-t</i> и т. д.	<i>mola-ž-tžk</i>
3 л.	<i>mola-ž</i>	<i>mola-ž-t</i>

Трудно сказать, могло ли иметь прошедшее время на *-ž-* формы с показателем множественности объектов действия *-n-* типа *kando-ž-n-m* 'я носил много предметов', *kando-ž-n-t* 'ты носил много предметов' и т. д. Показатель этого времени *-ž-* (совр. *-š-*) Й. Синнеи связывает с суффиксом финно-угорского отглагольного имени *-š-~ž-*. Это отглагольное имя послужило основой образования прошедших времен в ряде финно-угорских языков, ср.: мар. *pokt-* 'гнать', *tül-* 'платить', *užal-* 'продавать' и *poktošo-m* 'я гнал', *poktošo-č* 'ты гнал', *poktoš-na* 'мы гнали', *poktoš-ta* 'вы гнали', *tülšö-m* 'я заплатил', *užal-še-m* 'я продал' и т. д.; хант. *mən* 'идти' и *mən-sə-m* 'я шел', *mənsə-n* 'ты шел', *mənə-s* 'он шел'; манс. *min-* 'идти', *äl-* 'убивать' и *minse-m* 'я шел', *minse-n* 'ты шел', *mins* 'он шел', *älse-m* 'я убивал', *älse-n* 'ты убивал', *äls* 'он убивал'; удм. *əž* (<*əž), коми-зыр. *ez* (<*ež)—3-е лицо ед. и мн. числа отрицательного глагола; ливск. *iž* — первоначально 3 лицо ед. числа отрицательного глагола, в настоящее время употребляется применительно ко всем лицам; южно-саамск. *iddži-v*, *iddži-h*, *ičči* 1-е, 2-е и 3-е лицо ед. числа отрицательного глагола⁵⁴.

Рефлексы прошедшего времени на *-š-* имеются также в самодийских языках, ср. сельск. *ty-s-ak* 'я пришел', *ty-s-andy* 'ты пришел', *ty-s-a* 'он пришел' и т. д., ненецк. *manzara-s-adm* 'я работал', *manzara-s-an* 'ты работал', *manzara-s-a* 'он работал' и т. д. В ненецком языке это время употребляется довольно редко.

Прошедшее время на *-ž-* в мордовских языках не оказалось устойчивым и со временем исчезло из системы языка. Отсутствие памятников древней письменности на мордовских языках не дает возможности вскрыть истинные причины этого явления. Можно только наметить предположительно причины, вызвавшие его исчезновение. Одной из таких причин могло быть совпадение значений *й*-ового прошедшего времени и прошедшего времени на *-ž-*, вследствие чего прошедшее время на *-ž-* превратилось в плеонастическое средство выражения прошедшего времени. Можно также предполагать наличие процессов, ведущих к формальному сближению обоих времен. Как говорилось выше, формы 3-го лица ед. и мн. числа прошедшего времени на *-ž-* вклинились в парадигму *й*-ового прошедшего времени и вытеснили его собственные формы 3-го лица. Можно также предполагать, что в некоторых формах прошедшего времени на *-ž-* типа *kandožm*, *kandožt*, *kandožmžk*, *kandožtak* и т. д.

⁵⁴ Szinyei — I, стр. 144.

развивался буферный гласный *i*, что создавало иллюзию, будто бы эти формы в действительности являются формами *й*-ового прошедшего времени: *kandozim*, *kandozit*, *kandozimžk*, *kandožitžk* и т. д. О реальной возможности подобного процесса свидетельствуют формы прошедшего времени вспомогательного глагола, ср. эрз. *eziñ kunda* 'я не ловил', *ežit' kunda* 'ты не ловил' и т. д. Марийский язык также подтверждает возможность развития буферных гласных, ср. мар. *wozažat* 'я написал', *wozaž-əč* 'ты написал' и т. д.

Процесс исчезновения прошедшего времени на *-ž-* мог быть ускорен совпадением его значений со значениями, выражавшимися *й*-овым прошедшим временем. Можно предполагать, что прошедшее время на *-ž-*, которое первоначально, по всей видимости, имело значение перфекта, с течением времени приобрело значение обычного претерита. Совпадение значений двух прошедших времен могло возбуждать процесс их взаимного смешения.

Результаты взаимодействия двух прошедших времен

Важнейшим результатом взаимодействия двух прошедших времен явилось проникновение формы 3-го лица ед. и мн. числа *ž-* ового прошедшего времени в парадигму прошедшего времени на *-j-* и вытеснение ими исконных форм 3-го лица ед. и мн. числа этого прошедшего времени.

Эрз. <i>lovnomš</i> 'читать'		
Ед. число		Мн. число
1 л. <i>lovnyñ</i>	'я читал', 'прочитал'	<i>lovnynek</i>
2 л. <i>lovnyť</i>	и т. д.	<i>lovnyde</i>
3 л. <i>lovnoš</i>		<i>lovnošt'</i>

Вытеснению исконных форм 3-го лица *й*-ового прошедшего времени в немалой мере могло способствовать совпадение форм 3-го лица ед. числа прошедшего времени на *-j-* типа *mora-j* 'он пел', *mole-j* 'он шел' с соответствующими новыми формами настоящего времени, представленными причастиями настоящего времени типа *mora-j* 'поющий', *mole-j* 'идущий' и т. д.

Появление *š* вместо *ž* в форме 3-го лица ед. числа, например *lovnoš* 'он читал', объясняется влиянием формы 3-го лица мн. числа *lovnošt'* (из *lovnožt*), где первоначальное *š* перед *t* превратилось в глухое *š*. Под влиянием палатализованного *s* конечное *t* в форме 3-го лица мн. числа также получило палатализацию, ср. эрз. *lovnošt'* 'они читали' из *lovnošt*. Таким образом, наличие палатализованных конечных согласных в личных окончаниях 3-го лица ед. и мн. числа послужило стимулом для палатализации *n* в 1-м лице и *t* во 2-м лице ед. числа.

В мордовских языках возникли два типа личных окончаний — окончания настоящего времени и личные окончания прошедшего времени.

Настоящее время					
Ед. число			Мн. число		
1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
<i>n</i>	<i>-t</i>	<i>-y(-i)-aj</i>	<i>-tano, -tama</i>	<i>-tado, -tada</i>	<i>-i(y) t', -t'</i>

Продолжение					
Прошедшее время					
Ед. число			Мн. число		
1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
<i>-ñ</i>	<i>-t'</i>	<i>-š</i>	<i>-nek, mā</i>	<i>-de, -dā</i>	<i>-t'</i>

Наличие специальных личных окончаний прошедшего времени фактически делало ненужным наличие в глагольных формах показателя прошедшего времени *-j-*, поскольку такой показатель превращался в плеонастическое средство выражения прошедшего времени. Это привело к тому, что в мокша-мордовском языке показатель прошедшего времени почти полностью исчез. Личные окончания стали присоединяться непосредственно к глагольным основам, в чем можно сравнительно легко убедиться при анализе приводимых ниже парадигм.

Ед. число		Мн. число
1 л. <i>soka-ñ</i>	'я нахал', 'вспахал'	<i>soka-mā</i>
2 л. <i>soka-t'</i>	и т. д.	<i>soka-dā</i>
3 л. <i>soka-š</i>		<i>soka-št'</i>

Ед. число		Мн. число
1 л. <i>vanž-ñ</i>	я 'смотрел' и т. д.	<i>vanž-mā</i>
2 л. <i>vanž-t'</i>		<i>vanž-dā</i>
3 л. <i>van-č</i>		<i>van-čt'</i>

Ед. число		Мн. число
1 л. <i>vida-ñ</i>	я 'сеял', 'посеял'	<i>vida-mā</i>
2 л. <i>vida-t'</i>	и т. д.	<i>vida-dā</i>
3 л. <i>vida-š</i>		<i>vida-št'</i>

Д. В. Бубрих объяснял это явление иначе. Он утверждал, что *j* первых слогов последовательно выпадало перед звонкими

согласными⁵⁵. На этом основании *a-й, у-й, и-й (ы-й)* в непервых слогах слова упростились в *a, у, и (ы)*, т. е. утеряли *й*. Примеры: *с-о-к-а-й-нь* 'я пахал' перешло в *с-о-к-а-нь*⁵⁶.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ВРЕМЕНА БОЛЕЕ ПОЗДНЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

К глагольным временам более позднего происхождения в мордовских языках относятся два времени — так называемое 2-е прошедшее время и будущее время.

2-е прошедшее время

По предположению многих исследователей, 2-е прошедшее время, или прошедшее длительное, образовалось в результате соединения причастия настоящего времени основного глагола и форм 1-го прошедшего времени вспомогательного глагола *ulems* 'быть'. Впервые это предположение было высказано М. Е. Евсевьевым в его известном труде «Основы мордовской грамматики»⁵⁷. Позднее эта же мысль неоднократно высказывалась Д. В. Бубрихом⁵⁸.

Как известно, эрзянский и мокшанский варианты этого времени заметно отличаются друг от друга.

Эрзянский вариант

Ед. число		Мн. число
1 л.	<i>kundyliñ</i> 'я ловил' и т. д.	<i>kundylinek</i>
2 л.	<i>kundylit'</i>	<i>kundylide</i>
3 л.	<i>kundyl'</i>	<i>kundyl't'</i>

Мокшанский вариант

Ед. число		Мн. число
1 л.	<i>kundaləñ</i> 'я ловил' и т. д.	<i>kundaləmə</i>
2 л.	<i>kundalət'</i>	<i>kundalədä</i>
3 л.	<i>kundal'</i>	<i>kundal'xt'</i>

Объяснить происхождение этих вариантов нетрудно. В основе их лежит древнее причастие настоящего времени *kundaj* 'ловящий'. Первоначально формы этого времени примерно звучали как *kundajulejm, kundajulejt, kundajulej* и т. д.

В эрзянском дифтонг *ai* превращался в монофтонг *y*, а дифтонг *ei* в монофтонг *i*. Начальное *и* в форме глагола *ulems* выпадало, вследствие чего *kundajulejm* превратилось со временем в *kundylim*,

затем в *kundyliñ, kundajulejt* — в *kundylit*, затем в *kundylit', kundajulej* — в *kundyli*, затем в *kundyl'*.

В мокшанском языке процессы изменений были иными: дифтонг *ai* в мокшанском языке перед звонкими согласными превращался в *a*, а в прошедшем времени *j* также утрачивалось и оставался один конечный гласный основы. По этой причине исходные формы *kundajulejm, kundajulejt', kundajulej* превращались в *kundaləñ, kundalət', kundal'* и т. д.

Любопытно отметить наличие конечного *t'* в формах 3-го лица мн. числа. Исторически оно здесь не оправдано, так как в форме ед. числа *kundyl', kundal'* 'он ловил' законсервирована старая форма 3-го лица ед. числа прошедшего времени на *-j* вспомогательного глагола *ulems: ulej (ulej > uli > ul' > 1*. Здесь нет причастной формы. Поэтому по правилам показатель множественного числа *-t* не мог бы быть присоединен. Он возник по аналогии таких форм, как *kundašt'* 'они ловили', где его появление было вполне оправдано.

В современном эрзянском языке 2-е прошедшее время встречается довольно редко. Еще более редко оно встречается в мокшанском.

Некоторые особенности его употребления в современных мордовских языках дают основание предполагать, что когда-то основным значением этого времени было эмфатическое выделение какого-нибудь длительного действия, совершавшегося в прошлом. Этим между прочим объясняются случаи его употребления в функции английского *Past continuous tense*, ср., например, в эрзянском: *Сон удь лъ, кода мон совинь тенст* 'Он спал, когда я вошел к ним'⁵⁹.

Иногда это время употребляется для эмфатического выделения какого-либо длительного действия, совершавшегося в прошлом многократно или постоянно, в силу привычки, например в эрзянском: *Чизе Захаронь ушодовиль зорява ды прядовиль чокине* (К. Абрамов) 'День у Захара начинался с зарей и кончался вечером после прихода стада'; *Зярдс сь лъ Васянь пельде сёрма, Прохор атянь кудосо теевилъ цела праздник* (А. М. Лукьянов) 'Когда приходило от Васи письмо, в доме деда Прохора устраивался настоящий праздник'.

Формы прошедшего времени вспомогательного глагола 'быть' обладают свойством подчеркивания или эмфатического выделения какого-либо действия, ср. такие русские предложения, как *Сиж у окна и смотрю на улицу* и *Сижу бывало у окна и смотрю на улицу*. Нетрудно заметить, что форма глагола 'быть' *бывало* во втором предложении особо подчеркивает и выделяет действие, выраженное формой глагола 'сидеть' *сижу*.

По этой причине формы прошедшего времени глагола 'быть' оказались в мордовских языках очень удобным средством для создания особого прошедшего времени.

Аналоги мордовского 2-го прошедшего времени имеются в чувашском, татарском, башкирском, марийском и пермских языках.

⁵⁹ Евсевьев, стр. 192.

⁵⁵ Бубрих — II, стр. 99.

⁵⁶ Там же, стр. 175.

⁵⁷ Евсевьев, стр. 192.

⁵⁸ Бубрих — II, стр. 221—257.

Современное будущее время

Будущее время в мордовских языках образуется аналитическим способом, путем соединения форм настоящего-будущего времени вспомогательного глагола *karmats* 'начинать' и второго инфинитива основного глагола, ср. эрз. *karman moramo* 'я буду петь', *karmat moramo* 'ты будешь петь', *karman videme* 'я буду сеять', *karmat videme* 'ты будешь сеять' и т. д., мокш. *karman sokama* 'я буду пахать', *karmat sokama* 'ты будешь пахать', *karman videma* 'я буду сеять', *karmat videma* 'ты будешь сеять' и т. д.

Аналитическое будущее время в мордовских языках образовалось, по всей видимости, относительно поздно. Д. В. Бубрих даже не считал его особым глагольным временем. Одной из основных причин появления явилось стремление семантически разгрузить настоящее-будущее время, которое, как известно, имеет в мордовских языках одновременно значение и настоящего, и будущего времени. Полной разгрузки, однако, не получилось. Произошло только расслоение значений по видовому признаку.

Настояще-будущее в современных мордовских языках наряду с выражением настоящего времени выражает также будущее время, соответствующее по значению русскому будущему времени совершенного вида.

Аналитическое будущее время в мордовских языках является относительно поздним образованием. Глагол *karmats*, имеющий буквальное значение 'начать', 'начинать', в сочетании со вторым инфинитивом на *-mo*, *-me*, *-ta* послужил удобным строительным материалом для формирования аналитического будущего времени. Глагол со значением 'начинать' используется для образования аналитического будущего времени и в других языках, ср., например, мар. *wozaš tügalam* 'я буду писать', где вспомогательный глагол *tügalaš* буквально означает 'начинать', употребление второго инфинитива на *-mo*, *-me*, *-mä* также сравнительно легко объясняется поскольку второй инфинитив в мордовских языках чаще всего употребляется в роли дополнения к другому глаголу.

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ИМЕН ПО СУФФИКСАМ СКАЗУЕМОСТИ

Имена существительные, прилагательные, местоимения (вопросительные и указательные) и наречие места, будучи употреблены в предложении в качестве сказуемого, подобно глаголам изменяются по временам, лицам и числам. Сказуемое в мордовском языке, какой-бы частью речи оно ни было выражено, отождествляется с глаголом и изменяется как глагол⁶⁰.

⁶⁰ Евсеев, стр. 115.

В настоящем времени имена имеют следующие суффиксы сказуемости:

Ед. число		Мн. число
1 л.	-an	-tano (-t'ano), -tama (-t'ama)
2 л.	-at	-tado (-t'ado), -tada (t'ada)
3 л.	—	-t

Эрзянский язык

Настоящее время

Сказуемое изменение существительного

Ед. число		Мн. число
1 л.	sazor-an 'я сестра'	sazor-tano 'мы сестры'
2 л.	sazor-at 'ты сестра'	sazor-tado 'вы сестры'
3 л.	sazor и т. д.	sazor-t

Ед. число		Мн. число
1 л.	lomañ-an 'я человек'	lomañ-t'ano
2 л.	lomañ-at и т. д.	lomañ-t'ado
3 л.	lomañ	lomañ-t'

Сказуемое изменение прилагательного

Ед. число		Мн. число
1 л.	od-an 'я молод'	od-tano
2 л.	od-at и т. д.	od-tado
3 л.	od	od-t

Прошедшее время

Сказуемое изменение существительного

Ед. число		Мн. число
1 л.	sazor-oliñ 'я была сестрой'	sazor-olinek
2 л.	sazor-olit' и т. д.	sazor-olide
3 л.	sazor-ol'	sazor-ol't'

Ед. число		Мн. число
1 л.	lomañ-eliñ 'я был человеком'	lomañ-elinek
2 л.	lomañ-elit' и т. д.	lomañ-elide
3 л.	lomañ-el'	lomañ-el't'

Сказуемое изменение прилагательного

Ед. число		Мн. число
1 л.	od-oliñ 'я был молодым'	od-olinek
2 л.	od-olit' и т. д.	od-olide
3 л.	od-ol'	od-ol't'

Настоящее время

Сказуемое изменение существительного

Ед. число			Мн. число
1 л.	2 л.		3 л.
<i>sazâr-an</i>	<i>sazâr-at</i>	'я сестра' и т. д.	<i>sazâr-x-tamã</i>
<i>sazâr</i>			<i>sazâr-x-tadã</i>
			<i>sazâr-x-t</i>

Ед. число			Мн. число
1 л.	2 л.		3 л.
<i>lomañ-an</i>	<i>lomañ-at</i>	'я человек' и т. д.	<i>lomat'-t'amã</i>
<i>lomañ</i>			<i>lomat'-t'adã</i>
			<i>lomat'-t'</i>

Сказуемое изменение прилагательного

Ед. число			Мн. число
1 л.	2 л.		3 л.
<i>oçuv-an</i>	<i>oçuv-at</i>	'я большой' и т. д.	<i>oçuf-tamã</i>
<i>oçuv</i>			<i>oçuf-tadã</i>
			<i>oçuf-t</i>

Прошедшее время

Сказуемое изменение существительного

Ед. число			Мн. число
1 л.	2 л.		3 л.
<i>sazâr-âlãñ</i>	<i>sazâr-âlãt'</i>	'я была сестрой' и т. д.	<i>sazârxt-âlãmã</i>
<i>sazâr-âl'</i>			<i>sazârxt-âlãdã</i>
			<i>sazârxt-âl'xt'</i>

Ед. число			Мн. число
1 л.	2 л.		3 л.
<i>lomañ-âlãñ</i>	<i>lomañ-âlãt'</i>	'я был человеком' и т. д.	<i>lomat't'-âlãmã</i>
<i>lomañ-âl'</i>			<i>lomat't'-âlãdã</i>
			<i>lomat't'-âl'xt'</i>

Сказуемое изменение прилагательного

Ед. число			Мн. число
1 л.	2 л.		3 л.
<i>oçuv-âlãñ</i>	<i>oçuv-âlãt'</i>	'я был большим' и т. д.	<i>oçuft-âlãmã</i>
<i>oçuv-âl'</i>			<i>oçuft-âlãdã</i>
			<i>oçuft-âl'xt'</i>

Сказуемое изменение существительных и прилагательных в мордовских языках в настоящем времени представляет использование личных глагольных окончаний в функции глагола связи. В сказуемом изменении существительных и прилагательных в прошедшем времени были использованы формы вспомогательного глагола *ulems, ulãms* 'быть', которые со временем превратились в суффиксы, ср. эрз. *sazor + uliñ = sazoroliñ*. Начальный глас-

ный глагола *ulems, ulãms* 'быть' мог превращаться в зависимости от характера гласных и согласных предыдущего слога в *o* или *e*, мокш. *â, ê*.

Сказуемое изменение имен, местоимений и наречий в уральских языках встречается сравнительно редко. Лучше всего оно представлено в ненецком языке, ср. ненецк. *мань пухуця-дм* 'я старуха', *маня пухуця-ва* 'мы старухи', *пыдара пухуця-да* 'вы старухи', *пыдо пухуця* 'они старухи', *мань нгарка-дм* 'я большой', *пыдар нгарка-т* 'ты большой', *пыда нгарка* 'он большой', *мань пухуця-дамз* 'я была старухой', *пыдар пухуця-нась* 'ты была старухой', *маня пухуця-ваць* 'мы были старухами', *пыдо пухуця-ць* 'они были старухами' ⁶¹ *мань нгарка-дамз* 'я был большим', *пыдар нгарка-нась* 'ты был большим', *маня нгарка-ваць* 'мы были большими', *пыдара нгарка-даць* 'вы были большими', *пыдо нгарка-ць* 'они были большими' ⁶².

В саамском, прибалтийско-финских, венгерском, обско-угорских, пермских и марийском это явление отсутствует.

Сказуемое изменение имен отсутствует даже в таком территориально близком языке, как татарский, хотя во многих других тюркских языках оно встречается, ср. казахск. *бала-мын* 'я ребенок', *бала-сын* 'ты ребенок' и т. д.

НАКЛОНЕНИЯ

Протоуральский язык-основа, по всей видимости, характеризовался необычайной скудостью наклонений. Б. Коллиндер предполагает, что в протоуральском различались только три наклонения — изъявительное, повелительное и условное (или что-то ему подобное) ⁶³.

Такая скудость наклонений объясняется в известной мере именным строем глагола и неразвитостью гипотаксиса или, иными словами, отсутствием или слабым развитием сложно-подчиненных предложений.

В протоуральском языке, по всей видимости, существовало так называемое условно-возможностное наклонение, характеризующееся суффиксом *-na (-ne)*, однако в мордовских языках оно не сохранилось. В мордовских языках появился целый ряд других наклонений, которые в большинстве случаев не имеют параллелей в других уральских языках.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Эрз.		Ед. число	Мокш.
1 л.	2 л.		
<i>kunda-v-liñ</i>	<i>kunda-v-lit'</i>	'я ловил бы' и т. д.	<i>kunda-lãñ</i>
<i>kunda-v-ol'</i>			<i>kunda-lãt'</i>
			<i>kunda-l'</i>

⁶¹ Терещенко, — I, стр. 131—132.

⁶² Коляденков — I, стр. 245—246.

⁶³ Collinder — I, стр. 246.

1 л.	<i>kunda-v-linek</i>	<i>kunda-ləmā</i>
2 л.	<i>kunda-v-lide</i>	<i>kunda-ləđä</i>
3 л.	<i>kunda-v-ol't'</i>	<i>kunda-l'x-t'</i>

Д. В. Бубрих отмечает следующее: «При объяснении данных форм надо посчитаться с мокшанскими формами, которые не содержат *в*: *кундалень*, *кундалеть*, *кундаль* и т. д. Очевидно, что *в* нельзя считать отдельным формантом. Оно должно считаться относящимся в состав основы вспомогательного глагола «быть», как он звучал в относительно ранние времена...

Что же такое *кунда* в *кундавлинь*, *кундавлинь*, *кундаволь* и т. д.? В эрзянском языке тех времен, когда *й*-овые дифтонги еще не упрощались в *и(у)*, в сослагательном наклонении могло быть *кундай-вл'*... Хотя в эрзянском *й* и не выпадает, но в данном случае, в связи с громоздкостью сочетания, в которое оно входило, да еще в обстановке легкого стирания звуков в составе морфологических показателей (явление общего порядка) исчезновение *й* в *кундай-вл'*... было совершенно естественно. Кстати сказать, в мокшанском языке *кундай-л'*... не могло сохранить своего *й* потому, что в этом языке... *й* непервых слогов последовательно выпадало перед звонкими согласными»⁶⁴.

«При объяснении сослагательного наклонения получается так, что это по первоначальному значению формы просто особого, сложного по происхождению, прошедшего времени. В мокшанском языке это наклонение совсем даже не отличается от 2-го прошедшего времени, которое звучит как *кундалень*, *кундалеть*, *кундаль* и т. д. Это вполне в порядке вещей. Сослагательное наклонение возникло из прошедшего времени в очень многих языках. Так обстоит дело и в русском языке. Формы вроде *горел бы*, *устал бы* возникли из сочетаний причастий на *-л* (ср. отсюда прилагательные вроде *горелый*, *усталый*) и форм прошедшего времени *быть* — *был бы*, *бы* и т. д. Очевидно, переход от прошедшего времени, которое обозначает действие, сейчас уже не существующее — сейчас уже не реальное, а только мыслимое, к сослагательному наклонению совершается часто»⁶⁵.

Таким образом, по мнению Д. В. Бубриха, формы сослагательного наклонения в эрзянском и мокшанском языках — это переосмысленные формы прошедшего длительного времени. Такое объяснение правильно, но оно нуждается в некоторых дополнениях.

Основная причина превращения прошедшего длительного времени в форму сослагательного наклонения заключается не в том, что прошедшее время обозначает действие, сейчас уже не существующее, сейчас уже не реальное, как поясняет Д. В. Бубрих. Это зависит от некоторых специфических свойств вспомогательного глагола «быть». Формы глагола «быть» обладают выделительным свойством.

Они могут особо выделять глагольные действия, когда они соединяются с формами прошедшего времени другого глагола или с причастием, ср. русск. *Сижу бывало, а он приходит* или тат. *Mənä ašarğa dip kərgän idəm dā, xalyq küp ikän* 'Вот зашел было поесть, да народу оказалось много'.

Формы вспомогательного глагола «быть» используются для образования форм сослагательного наклонения также в марийском, татарском и чувашском языках, ср. мар. *ludam əle* 'я читал бы', *ludat əle* 'ты читал бы', *ludeš əle* 'он читал бы' и т. д., тат. *alыр idəm* 'я взял бы', *alыр idəү* 'ты взял бы' и т. д., чув. *šarattämčē* 'я написал бы', *šarattänčē* 'ты написал бы' и т. д.

В марийском *əle* представляет окаменелую и обобщенную форму 3-го лица ед. числа 1-го прошедшего времени вспомогательного глагола *ulaš* 'быть', чувашское *čē* также по происхождению представляет окаменелую и обобщенную форму 3-го лица ед. числа 1-го прошедшего времени вспомогательного тюркского глагола *e-* 'быть', ср. турецк. *e-di* 'он был'. Татарские формы *idəm*, *idəү* и т. д. соответствуют русским *я был*, *ты был* и т. д.

Образование форм сослагательного наклонения в эрзянском языке представляет своего рода историческую загадку. Почему развитие одной и той же исходной формы привело к двум различным результатам? Почему формы продленно-прошедшего времени в эрзянском языке не содержат элемента *v*, например *moryliñ* 'я пел', *morylit'* 'ты пел', *moryl'* 'он пел', но *moravliñ* 'я пел бы', *moravlit'* 'ты пел бы', *moravol'* 'он пел бы' и т. д. Проникновение элемента *v* требует объяснения.

Очень правдоподобное объяснение проникновения *v* дал в свое время М. Н. Пигин в статье «Эргативная (активно-пассивная) конструкция в эрзя-мордовском языке». Сама форма сослагательного наклонения, по мнению М. Н. Пигина, получилась в основном одним и тем же способом, что и форма 2-го прошедшего времени с суфф. *-в-*: *кундавилъ* 'мог ловиться', 'ловился', (форма 2-го прошедшего времени); *кундаволь* 'мог ловиться бы', 'ловился бы' (форма сослагательного наклонения). Отсюда следует, что формы сослагательного наклонения в эрзянском и мокшанском языках, хотя и возникли на базе 2-го прошедшего времени, но их формирование шло разными путями. В эрзянском это возникало на базе форм 2-го прошедшего времени, осложненных суфф. *-в-*. Эти формы имели модальный оттенок возможности совершения действия. Реликты этого значения прослеживаются в известной степени и в настоящее время, ср., например, такие предложения, как *Спаси бог, штобу атявото неевлизе штапонъ пильте* (Раптанов, Татю). *Спаси бог, чтобы свекор увидел (ее) с босыми ногами*. В вышеприведенном примере форма *неевлизе* скорее выражает возможность совершения действия, чем действие, которое могло бы совершиться при известном условии⁶⁶.

⁶⁴ Бубрих — II, стр. 99.

⁶⁵ Бубрих — II, стр. 100.

⁶⁶ Пигин, стр. 82.

В мокшанских формах значение возможности совершения действия развивалось при использовании выделительных свойств вспомогательного глагола *ulams*, поскольку в этих формах не было специального суф. -v-, выражавшего модальное значение возможности совершения действия.

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Эрз.	Ед. число	Мокш.
1 л. <i>kundy-ks-ēlin'</i>	‘я хотел бы ловить’	<i>kunda-lə-ks-əlān'</i>
2 л. <i>kundy-ks-ēlit'</i>	и т. д.	<i>kunda-lə-ks-əlāt'</i>
3 л. <i>kundy-ks-ēl'</i>		<i>kunda-lə-ks-əl'</i>
Мн. число		
1 л. <i>kundy-ks-ēlinek</i>		<i>kunda-lə-ks-əlāmā</i>
2 л. <i>kundy-ks-ēlide</i>		<i>kunda-lə-ks-əlādä</i>
3 л. <i>kundy-ks-ēl't'</i>		<i>kunda-lə-ks-əl'xt'</i>

Объяснение происхождения этих форм было дано в свое время Д. В. Бубрихом:

«Желательное наклонение типа эрз. *кундыксэлинь*, мокш. *кундальксолень* «я хотел поймать» и т. д. требует несколько более сложных объяснений...

Эрзянские образования типа *кундыксэлинь* «я хотел поймать» и т. д. по происхождению представляют прошедшее время от образований типа *кунды-кс* «как ловящий, ловец, — в положении ловящего, ловца». Таким образом, значение «я хотел поймать» и т. п. сводится исторически к значению «я был как ловящий, ловец, — в положении ловящего ловца». Интересно, что в эрзянском фольклоре сохраняется то положение вещей, когда образование типа *кунды-кс* изменялось по всей «лестнице» сказуемости изменения: разыскиваются не только образования прошедшего времени, но и образования настоящего времени, равно как составные (с *уляп* и т. д.) образования будущего времени. Пример:

Бути-саиксат — саемак, бути пейдиксат — иля эңне малазон! Если хочешь взять (если ты как берущий) — возьми меня в жены, если хочешь смеяться (если ты как смеющийся) — не лезь ко мне!

Бути улят саикс — саемак. Бути а улят саикс — илямак токиш! Если захочешь взять (если ты будешь как берущий) — возьми меня. Если не захочешь взять (если ты не будешь как берущий) — не трогай меня!

Мокшанские образования типа *кундальксолень* «я хотел поймать» и т. д. заключают в себе некое лишнее *ль* в начале окончаний. Объяснение этих образований следующее. Когда-то у мокши желательное наклонение образовывалось так же, как у эрзи. Появились, между прочим, *уликсолень* «я хотел быть» и т. д. В дальнейшем пошли в ход комбинации типа *кундай уликсолень* — *кундальксолень*

(с фонетическим выпадением *й* перед *ль*) «ловящим, ловцом я хотел быть» и т. д. Нетрудно видеть, что в сложении мокшанских образований желательного наклонения глагол *уле* «быть» принял участие дважды»⁶⁷.

ПОБУДИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Эрз.	Ед. число	Мокш.
1 л. <i>kunda-za-n</i>	‘половлю-ка я’ и т. д.	<i>kunda-za-n</i>
2 л. <i>kunda-za-t</i>		<i>kunda-za-t</i>
3 л. <i>kunda-zo</i>		<i>kunda-za</i>
Мн. число		
1 л. <i>kund-z-dano</i>		<i>kunda-s-tama</i>
2 л. <i>kund-z-dado</i>		<i>kunda-s-tadä</i>
3 л. <i>kunda-s-t</i>		<i>kunda-st</i>

Источником форм побудительного наклонения явились формы 3-го лица ед. и мн. числа. *Kundazo* первоначально означало ‘его поимка’, а *kundast* ‘их поимка’. Позднее они получили значение ‘пусть он ловит’ и ‘пусть они ловят’ Суфф. -zo, -zä, первоначально принадлежащий 3-му лицу ед. числа, был воспринят как показатель побудительного наклонения вообще и перенесен на 1-е и 2-е лицо. То же самое произошло и с суффиксом -s в 3-м лице мн. числа, который также был перенесен на 1-е и 2-е лицо мн. числа.

Формы 1-го и 2-го лица мн. числа побудительного наклонения в мокшанском языке не развиты.

Некоторые зачатки побудительного наклонения, образуемого тем же способом, имеются в марийском и саамском языках, ср. мар. *lud-šo* ‘пусть читает’, *nal-že* ‘пусть берет’, *lud-št* ‘пусть читают’, *nal-št* ‘пусть берут’, саамск. *bottu-s* ‘пусть приходит’, *dolvu-s* ‘пусть ведет’, *bottu-sek* ‘пусть приходят’, *dolvu-sek* ‘пусть ведут’. Однако эти образования не распространяются дальше сферы 3-го лица ед. и мн. числа.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Эрз.	Ед. число	Мокш.
2 л. <i>kunda-k</i>	‘лови’	<i>kunda-k</i>
Мн. число		
2 л. <i>kunda-do</i>	‘ловите’	<i>kunda-da</i>

В настоящее время считается общепринятым мнение, что для образований форм повелительного наклонения в протоуральском

⁶⁷ Бубрих — II, стр. 221.

языке использовались обычные формы настоящего времени с характерным для него показателем *-k-*.

Вероятнее всего, как указывалось выше, показатель *-k-* относится не к настоящему, а к будущему времени.

Таким образом, форма 2-го лица ед. числа представляет основу глагола, осложненную показателем будущего времени *-k-*.

Некоторые глаголы в эрзянском и мокшанском языках имеют во 2-м лице ед. числа повелительного наклонения окончание *-t* или *-t'*, например эрз. *van-t* 'смотри' от *vanoms* 'смотреть', *vid'-t'* 'сей' от *videms* 'сеять', мокш. *vat-t* 'смотри' от *vanəms* 'смотреть' и т. д. Это окончание проникло из сферы 2-го лица ед. числа изъявительного наклонения.

Окончание 2-го лица мн. числа *-do* или *-da* также генетически связано с окончанием 2-го лица мн. числа изъявительного наклонения, ср. эрз. *morata-do* 'вы поете' и т. д.

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Эрз.	Ед. число	Мокш.
1 л. <i>kundyn-deřan</i>	'если я поймаю'	<i>kundan-dāřan</i>
2 л. <i>kundyn-deřat</i>		<i>kundan-dāřat</i>
3 л. <i>kundyn-deřaj</i>		<i>kundan-dāřaj</i>
	Мн. число	
1 л. <i>kundyn-deřatano</i>		<i>kundan-dāřatāma</i>
2 л. <i>kundyn-deřatado</i>		<i>kundan-dāřatāda</i>
3 л. <i>kundyn-deřajt'</i>		<i>kundan-dāřajxt'</i>

В этих формах ясно выделяется суфф. *-deřa-*, *-dāřa-*. М. Н. Коляденков возводит суфф. *-deřa-* (мокш. *-dāřa-*) к глаголу *teřaftoms* 'пытаться', сохранившемуся по сей день в некоторых эрзя-мордовских диалектах. В мокшанском языке этот глагол распространен довольно широко в форме *tāřaftəms*. У мордвы эрзи в условно-изъявительном наклонении рядом со случаями *kundyndeřan* 'если я поймаю', *kundyndeřat* 'если ты поймаешь', *kundyndeřaj* 'если он поймает' есть и случаи типа *kundandēřaj* 'если я поймаю', *kundat-deřaj* 'если ты поймаешь', *kundyndeřaj* 'если он поймает'. М. Н. Коляденков предполагает, что первоначально сочетание *kundan-teřan*, мокш. *kundan-tāřan* употреблялось в значении 'поймаю — попытаюсь' и т. д., сочетание *mol'an-teřan*, мокш. *mol'an — tāřan* и т. д. в значении 'пойду — попытаюсь'⁶⁸. 'Поймаю — попытаюсь', 'пойду — попытаюсь' и т. д. очень близко по своему значению подходят к 'если поймаю', 'если пойду' и т. д. Сочетание с глаголом *teřan*, мокш. *tāřan* стало обозначать условное действие⁶⁹.

⁶⁸ Коляденков — II, стр. 25.

⁶⁹ Там же, стр. 26—27.

УСЛОВНО-СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Эрз.	Ед. число	Мокш.
1 л. <i>kundyn-deřa-v-liñ</i>	'если бы я поймал'	<i>kundan-dāřa-ləñ</i>
2 л. <i>kundyn-deřa-v-li'</i>	и т. д.	<i>kundan-dāřa-ləť</i>
3 л. <i>kundyn-deřa-v-ol'</i>		<i>kundan-dāřa-l'</i>
	Мн. число	
1 л. <i>kundyn-deřa-v-linek</i>		<i>kundan-dāřa-ləmə</i>
2 л. <i>kundyn-deřa-v-lide</i>		<i>kundan-dāřa-lədə</i>
3 л. <i>kundyn-deřa-v-ol't'</i>		<i>kundan-dāřa-l'xt'</i>

Различие по сравнению с формами условного наклонения состоит лишь в том, что вспомогательный глагол *teřams*, *tāřams* употреблен не в настоящем времени изъявительного наклонения, а в сослагательном наклонении.

ОБЪЕКТНОЕ СПРЯЖЕНИЕ

По сравнению с объектным спряжением в венгерском, обско-угорских и самодийских языках мордовский тип объектного спряжения является наиболее сложным. Мордовские формы объектного спряжения могут содержать показатели трех рядов, в зависимости от соотносительности действия с объектом 1-го и 2-го или 3-го лица. К тому же следует заметить, что в современных мордовских языках морфологический состав форм объектного спряжения является необычайно запутанным. В их структуре можно разобраться только путем применения специального лингвистического анализа.

Ниже даются парадигмы объектного спряжения глаголов в эрзянском и мокшанском языках.

Настояще-будущее время				
Ряд «меня»				
Ед. ч.	2 л.	эрз.	<i>kundasamak</i>	‘ты поймаешь меня’
		мокш.	<i>kundasamak</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundasamam</i>	‘он поймает меня’
		мокш.	<i>kundasamañ</i>	» » »
Мн. ч.	2 л.	эрз.	<i>kundasamiž</i>	‘вы поймаете меня’
		мокш.	<i>kundasamašt'</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundasamiž</i>	‘они поймают меня’
		мокш.	<i>kundasamaž</i>	» » »
Ряд «тебя»				
Ед. ч.	1 л.	эрз.	<i>kundatan</i>	‘я поймаю тебя’
		мокш.	<i>kundatä</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundatanzat</i>	‘он поймает тебя’
		мокш.	<i>kundatanzä(t)</i>	» » »

Мн. ч.	1 л.	эрз.	<i>kundatadyž</i>	‘мы поймаем тебя’
		мокш.	<i>kundatädäž</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundatadyž</i>	‘они поймают тебя’
		мокш.	<i>kundatädäž</i>	» » »

Ряд «его»

Ед. ч.	{	1 л.	эрз.	<i>kundasa</i>	‘я поймаю его’		
			мокш.	<i>kundasa</i>	» » »		
		2 л.	эрз.	<i>kundasak</i>	‘ты поймаешь его’		
			мокш.	<i>kundasak</i>	» » »		
	{	3 л.	эрз.	<i>kundasy</i>	‘он поймает его’		
			мокш.	<i>kunda sy</i>	» » »		
		Мн. ч.	{	1 л.	эрз.	<i>kundasynek</i>	‘мы поймаем его’
					мокш.	<i>kundasašk</i>	» » »
2 л.	эрз.			<i>kundasyнк</i>	‘вы поймаёте его’		
	мокш.			<i>kundasašt'</i>	» » »		
	{	3 л.	эрз.	<i>kundasyž</i>	‘они поймают его’		
			мокш.	<i>kundasaž</i>	» » »		

Ряд «нас»

Ед. ч.	2 л.	эрз.	<i>kundasamiž</i>	‘ты поймаешь нас’
		мокш.	<i>kundasamašt'</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundasamiž</i>	‘он поймаёт нас’
		мокш.	<i>kundasamaž</i>	» » »
Мн. ч.	2 л.	эрз.	<i>kundasamiž</i>	‘вы поймаёте нас’
		мокш.	<i>kundasamašt'</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundasamiž</i>	‘они поймают нас’
		мокш.	<i>kundasamaž</i>	» » »

Ряд «вас»

Ед. ч.	1 л.	эрз.	<i>kundatadyž</i>	‘я поймаю вас’
		мокш.	<i>kundatädäž</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundatadyž</i>	‘он поймаёт вас’
		мокш.	<i>kundatädäž</i>	» » »
Мн. ч.	1 л.	эрз.	<i>kundatadyž</i>	‘мы поймаем вас’
		мокш.	<i>kundatädäž</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundatadyž</i>	‘они поймают вас’
		мокш.	<i>kundatädäž</i>	» » »

Ряд «их»

Ед. ч.	1 л.	эрз.	<i>kundasyň</i>	‘я поймаю их’
		мокш.	<i>kundasajnä</i>	» » »
	2 л.	эрз.	<i>kundasyt'</i>	‘ты поймаешь их’
		мокш.	<i>kundasajt'</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundasynze</i>	‘он поймаёт их’
		мокш.	<i>kundasyňä</i>	» » »

Мн. ч.	1 л.	эрз.	<i>kundasynek</i>	‘мы поймаем их’
		мокш.	<i>kundasašk</i>	» » »
	2 л.	эрз.	<i>kundasyнк</i>	‘вы поймаёте их’
		мокш.	<i>kundasašt'</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundasyž</i>	‘они поймают их’
		мокш.	<i>kundasaž</i>	» » »

1-е прошедшее время

Ряд «меня»

Ед. ч.	2 л.	эрз.	<i>kundymik</i>	‘ты поймал меня’
		мокш.	<i>kundamajt'</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundymim</i>	‘он поймал меня’
		мокш.	<i>kundamaň</i>	» » »
Мн. ч.	2 л.	эрз.	<i>kundymiž</i>	‘вы поймали меня’
		мокш.	<i>kundamašt'</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundymiž</i>	‘они поймали меня’
		мокш.	<i>kundamaž</i>	» » »

Ряд «тебя»

Ед. ч.	1 л.	эрз.	<i>kundytiň</i>	‘я поймал тебя’
		мокш.	<i>kundajxtäň</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundynzit'</i>	‘он поймал тебя’
		мокш.	<i>kundaňzä</i>	» » »
Мн. ч.	1 л.	эрз.	<i>kundydiž</i>	‘мы поймали тебя’
		мокш.	<i>kundadäž</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundydiž</i>	‘они поймали тебя’
		мокш.	<i>kundadäž</i>	» » »

Ряд «его»

Ед. ч.	1 л.	эрз.	<i>kundyja</i>	‘я поймал его’
		мокш.	<i>kundajnä</i>	» » »
	2 л.	эрз.	<i>kundyk</i>	‘ты поймал его’
		мокш.	<i>kundajt'</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundyze</i>	‘он поймал его’
		мокш.	<i>kundazä</i>	» » »
Мн. ч.	1 л.	эрз.	<i>kundynek</i>	‘мы поймали его’
		мокш.	<i>kundašk</i>	» » »
	2 л.	эрз.	<i>kundynк</i>	‘вы поймали его’
		мокш.	<i>kundašt'</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundyž</i>	‘они поймали его’
		мокш.	<i>kundaž</i>	» » »

Ряд «нас»

Ед. ч.	2 л.	эрз.	<i>kundymiž</i>	‘ты поймал нас’
		мокш.	<i>kundamašt'</i>	» » »
	3 л.	эрз.	<i>kundymiž</i>	‘он поймал нас’
		мокш.	<i>kundamaž</i>	» » »

Мн. ч.	{	2 л.	эрз.	<i>kundymiž</i>	‘вы поймали нас’
			мокш.	<i>kundamašt'</i>	» » »
	{	3 л.	эрз.	<i>kundymiž</i>	‘они поймали нас’
			мокш.	<i>kundamaž</i>	» » »

Ряд «вас»

Ед. ч.	{	1 л.	эрз.	<i>kundydiž</i>	‘я поймал вас’
			мокш.	<i>kundadäž</i>	» » »
	{	3 л.	эрз.	<i>kundydiž</i>	‘он поймал вас’
			мокш.	<i>kundadäž</i>	» » »
Мн. ч.	{	1 л.	эрз.	<i>kundydiž</i>	‘мы поймали вас’
			мокш.	<i>kundadäž</i>	» » »
	{	3 л.	эрз.	<i>kundydiž</i>	‘они поймали вас’
			мокш.	<i>kundadäž</i>	» » »

Ряд «их»

Ед. ч.	{	1 л.	эрз.	<i>kundyni</i>	‘я поймал их’
			мокш.	<i>kundajnä</i>	» » »
		2 л.	эрз.	<i>kundyt'</i>	‘ты поймал их’
	{		мокш.	<i>kundajt'</i>	» » »
		3 л.	эрз.	<i>kundynze</i>	‘он поймал их’
			мокш.	<i>kundazəni</i>	» » »
Мн. ч.	{	1 л.	эрз.	<i>kundynek</i>	‘мы поймали их’
			мокш.	<i>kundašk</i>	» » »
		2 л.	эрз.	<i>kundynk</i>	‘вы поймали их’
	{		мокш.	<i>kundašt'</i>	» » »
		3 л.	эрз.	<i>kundyž</i>	‘они поймали их’
			мокш.	<i>kundaž</i>	» » »

Существование в мордовских языках особых форм объектного спряжения отмечалось многими авторами грамматик мордовского языка, но никто из них не пытался объяснить происхождение форм объектного спряжения, очевидно, по причине крайней сложности этого вопроса.

Ф. Видеман — автор наиболее обстоятельной грамматики эрзя-мордовского языка периода 70-х годов прошлого века — предполагал, что в формах объектного спряжения объектные суффиксы слились с личными окончаниями, например в формах настоящего времени *samak* ‘ты меня’, *samat* ‘он меня’, *samiž* ‘вы меня’ и т. д.; в формах прошедшего времени: *mik* ‘ты меня’, *tim* ‘он меня’, *miž* ‘вы меня’ и т. д.⁷⁰

⁷⁰ Wiedemann, стр. 74—75.

Эту же самую мысль не критически позднее повторил М. Е. Евсеев: «Определенное спряжение, или спряжение объективное, состоит в том, что прямое дополнение, выраженное личным местоимением, сливается с личным окончанием глагола, отчего образуются окончания, отличные от личных окончаний безобъектного спряжения, например *рама-самак* — ‘ты купишь меня’, в окончании *-самак* — слиты: личное окончание глагола 2-го лица *тон* — ‘ты’ и дополнение *монь* — ‘меня’»⁷¹.

Совершенно ясно, что в результате слияния элементов *тон* и *монь* окончание *-самак* не может получиться.

О несостоятельности подобного рода суждения свидетельствуют некоторые другие примеры морфологического анализа, приведенные в работе М. Е. Евсеева:

«*Самизь* выражает слияние окончания 2-го лица мн. числа с дополнением 1-го лица ед. числа — *монь* ‘меня’»⁷².

Одновременно он является результатом слияния окончания 3-го лица мн. числа с тем же дополнением *минь* ‘меня’ и окончания 2-го лица ед. числа с дополнением 1-го лица мн. числа — *минек* ‘нас’»⁷³.

Окончания *тадызь*, *тядызь*, *дадызь*, *дядызь* образуются одновременно от слияния окончаний 1-го и 3-го лица мн. числа с местоимением *тонть* ‘тебя’ и в то же время 1-го и 3-го лица ед. числа с местоименным дополнением 2-го лица мн. числа — *тын²* к ‘вас’⁷⁴.

Д. В. Бубрих был, пожалуй, единственным из финно-угроведов, который наиболее серьезно подошел к изучению истории форм объектного спряжения в мордовских языках.

По его предположению, формы объектного спряжения зародились на базе сочетания отглагольных имен с притяжательными суффиксами. Общий механизм становления объектных форм Д. В. Бубрих объясняет следующим образом:

«Для их объяснения (т. е. объектных форм не прошедшего времени. — Б. С.) надо принять в расчет некоторые именные построения. Это построения вроде *тумун'т' лопазо* (ныне *тумон'т' лопазо*) ‘дубатого лист -его’. Совершенно того же рода построения вроде *нумолон'т' кундайзы* (ныне *нумолон'т' кундызе*) ‘зайца -того, ловец -его’. Если в основе глагольных форм безобъектного спряжения лежат построения вроде *нумулу кундай*, то в основе глагольных форм объектного спряжения лежат построения *нумулун'т' кундайезы*».

Подмен *кундай-* через *кунда* в части случаев... вызвал и подмен *кундайзы* через *кундазу*. Это и есть то *кундас*, которое нам надо было объяснить. Это форма ‘его’, приобретающая и значение формы ‘их’. Глухое *с* не составляет трудности. Оно было закономерно в случаях вроде *пут-с* (от *путь* — ‘положить’) и из таких случаев оно распространилось во все»⁷⁵.

⁷¹ Евсеев, стр. 217.

⁷² Там же, стр. 219.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, стр. 221.

⁷⁵ Бубрих — II, стр. 126.

Из первоначальной конструкции *numoloŋt' kundajzy* 'зайца-того ловец-его' последняя часть этой конструкции начала превращаться в глагол. Из *kundajzy* образовалось *kundas*. Если существовала форма *kundas* для 3-го лица, то, естественно, должны были существовать параллельные формы — *kundam* для 1-го лица и *kundat* для 2-го лица, т. е.:

kundam
kundat
kundas

Формы типа *кундам...*, *кундат...*, *кундас...* — по происхождению — формы с притяжательными суффиксами ⁷⁶.

Д. В. Бубрих предполагает, что формы типа *кундам...*, *кундат...* и *кундас...* нормам сказуемости изменения в свое время не подчинялись ⁷⁷. Личные местоимения «я», «ты», «мы», «вы» к формам, снабженным притяжательной суффиксацией, не прирастали, оставаясь самостоятельными словами. Дело, по-видимому, в том, что приращение создало бы чрезвычайно громоздкое сочетание суффиксов местоименного происхождения, а язык тогда таких нагромождений избегал ⁷⁸.

Поэтому в одной из своих работ Д. В. Бубрих приводит таблицу этих первичных форм объектного спряжения без показателей субъекта действия.

Объектные формы

«Меня», «нас»: *к-у-н-д-а-м-а* (без «я» и т. д.) «ловящий», ловец-мой, наш, ловящие, ловцы-мои, наши → глаг.

«Тебя», «вас»: *к-у-н-д-а-т-а* (без «я» и т. д.) «ловящий, ловец-твой, ваш» «ловящие, ловцы-твои, ваши» → глаг.

«Его», «их»: *к-у-н-д-а-с-а* (без «я» и т. д.) «ловящий, ловец-его, их», «ловящие, ловцы-его, их» → глаг ⁷⁹.

Оставалось только на базе основы ряда *кундас* построить парадигму целого ряда с обозначением субъектов действия.

Однако парадигма форм объектного спряжения в мордовских языках в действительности оказалась построенной не на основе *kundas*, а на преобразованной основе *kundasa*, где выступает та же основа *kundas*, но осложненная наращением *a*. Где источник этого наращения?

Д. В. Бубрих указывает, что в древности могли быть формы типа *кундасам* 'ловец его я', *кундасат* 'ловец его ты' ⁸⁰. Здесь имя с притяжательным суффиксом было включено в парадигму сказуемости изменения имени с притяжательным суффиксом. Можно

предполагать, что здесь произошло переразложение основ, в результате чего форма *кундас* 'ловец его' приняла новый вид *кундаса*. Д. В. Бубрих называет это явление обобщением вокализации *a* в окончаниях ⁸¹.

Формирование первичной парадигмы форм объектного спряжения ряда «его» происходило под сильным влиянием системы форм единичного действия, существовавших некогда, по предположению Д. В. Бубриха, в области прошедшего времени.

Д. В. Бубрих утверждал, что в прошедшем времени некогда существовало не противопоставление безобъектных и объектных форм, а противопоставление форм единичного действия и форм множественного действия ⁸². Действие понималось как единичное, если само было единичным и имело единичный объект, и как множественное, если само было множественным и имело множественный объект ⁸³.

По Бубриху, парадигма форм единичного действия могла быть представлена в таком виде.

Формы единичного действия

<i>кундай</i>	'поймал я одного'
<i>кундайк</i>	'поймал ты одного'
<i>кундаз'(u)</i>	'поймали мы одного'
<i>кундаз'(u)</i>	'поймали вы одного'

3-е лицо ед. и мн. числа выражалось одной формально нерасчлененной формой *кундаз'(u)* 'поймал', 'поймали' ⁸⁴.

Окончание *к* во 2-м лице ед. числа было заимствовано из повелительного наклонения, где оно было понято как признак 2-го лица ед. числа (каковым по происхождению не было). В пределах множественного числа получила распространение форма *кундаз'(u)*, первоначально форма 3-го лица ⁸⁵.

Формы единичного действия и создаваемые формы объектного спряжения ряда «его» имели если не тождественное, то во всяком случае очень близкое значение. Поэтому парадигма ряда «его» могла быть создана по модели уже существовавшей в языке парадигмы форм единичного действия. На основу *кундаса* выросли те же показатели субъекта действия:

Ряд «его»

кундаса
кундасак
кундасаз'(u)
кундасаз'и
кундаса ⁸⁶

⁸¹ Там же, стр. 72.

⁸² Бубрих — II, стр. 119.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Бубрих — III, стр. 72.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же, стр. 73.

Наряду с парадигмой форм единичного действия, по предположению Д. В. Бубриха, существовала также парадигма форм множественного действия.

Формы множественного действия

<i>кундай(и)н'(и)</i>	'поймал я многих'
<i>кундай(и)т'</i>	'поймал ты многих'
<i>кундай(и)н'ик</i>	'поймали мы многих'
<i>кундай(и)н'д'(и)к</i>	'поймали вы многих'
<i>кундаз'и</i>	'поймал, поймали' ⁸⁷

Формы ряда «их» в мордовском языке были созданы от основы *кундаса-* с использованием оформления форм множественного действия.

Ряд «их»

<i>кундасай(и)н'(и)</i>
<i>кундасай(и)т'</i>
<i>кундасай(и)н'ик</i>
<i>кундасай(и)н'д'(и)к</i>
<i>кундасаз'</i> ⁸⁸

Разница была только в том, что формы объектного ряда «его» в отличие от форм единичного и множественного действия имели значение будущего времени.

Таким образом были созданы под влиянием парадигм форм единичного и множественного действия парадигмы форм и объектного спряжения ряда «его» и «их».

Что касается создания форм объектного спряжения прошедшего времени рядов «его» и «их», то здесь, по предположению Бубриха, осуществилась простая трансформация форм единичного и множественного действия прошедшего времени. Эти формы превратились без каких-либо изменений в формы объектного спряжения рядов «его» и «их».

Формы ряда «его»

Формы ряда «их»

<i>кундай</i>	<i>кундай(и)н'и</i>
<i>кундайк</i>	<i>кундай(и)т'</i>
<i>кундаз'(и)</i>	<i>кундай(и)н'ик</i>
<i>кундаз'(и)</i>	<i>кундай(и)н'д'(и)к</i> ⁸⁹

Появление рядов «меня — нас» и «тебя — вас»

Появление этих рядов совершалось аналогично появлению рядов «его — их».

⁸⁷ Бубрих — III, стр. 72.

⁸⁸ Там же, стр. 73.

⁸⁹ Бубрих — III, стр. 73.

От основы ряда «меня — нас» *кундам*, где *м* притяжательный суффикс 1-го лица, в дальнейшем под влиянием основы ряда «его — их» *кундаса* возникла новая основа *кундама*. Позднее она получила вид *кундасама*, где *са* проникло из ряда «его»⁹⁰.

Форма 2-го лица ед. числа *кундасамак* 'ты поймашь меня' получила окончание *-к* под влиянием форм ряда «его» *кундасак* 'ты поймашь его'. Окончание *из'* в формах *кундасамизь* 'вы поймаете меня' и *кундасамизь* 'они поймают меня' идет из того же ряда.

Неясным, замечает Д. В. Бубрих, остается *м* в формах *кундасамам* 'он поймает меня', *кундаймайм* (откуда кундымим) 'он поймал меня'. Может быть, это наследие приросшего в позднее время местоимения *мон* 'меня'? У мокши этого *м* нет⁹¹.

Элемент *и* перед *з'* в формах множественного числа типа *кундасамизь* 'вы поймаете меня' Д. В. Бубрих выводит из *ай. Миз'* возникло из *майз'* в результате встречи основы *кундасама* с окончанием *из'*.

«В формы прошедшего времени *-са* не было переброшено. Формы прошедшего времени типа *кундымик* 'ты поймал меня', *кундымиз'* 'вы поймали меня' и 'они поймали меня' возникли из более древних форм *кундамайк*, *кундамайз'*»⁹².

Ряд «их» на рассматриваемые формы влияния не оказал. Получилось так, что формы ряда «нас» стали строиться в согласии с формами соответствующего лица множественного числа ряда «меня». По-видимому, это произошло в связи со стремлением устранить сложный переплет единичности и множественности, с одной стороны, субъекта действия, а с другой стороны, объекта действия в формах, которые употреблялись относительно редко»⁹³.

Основой ряда «тебя — вас» явилось *кундат*, образовавшее подобно *кундаса-* и *кундама-* новую основу *кундата*⁹⁴. Однако, по мнению Д. В. Бубриха, с *-та* в ряде «тебя — вас» дело обстоит не так просто, как с *-ма* в ряде «меня — нас». Фронтального перенесения *-та* из неперешедшего времени в прошедшее не было. Оно было перенесено в прошедшее только по линии множественности. В конце концов, в параллель к формам ряда «меня — вас» типа *кундаймайз'* (откуда *кундымиз'*) в прошедшем времени оказались построены формы ряда «тебя — вас» вроде *кундайд'айз* (откуда *кундыд'из'*). Здесь *-д'а* является эквивалентом *-та* в положении между двумя звонкими звуками и в то же время после *й*. По линии единичности дело сложилось иначе. В 1-м лице ед. числа совершилось перенесение не *-та*, а только *-т-*, и притом совершенно отдельно от перенесения *-та*, позже, если бы была совместность, это *-т-* заменилось бы через *-д'*, как *-та* заменилось через *д'а*. Между тем *-та* заменилось через *-т'*, сохранив глухой характер»⁹⁵.

⁹⁰ Бубрих — II, стр. 133.

⁹¹ Там же, ст. 134.

⁹² Бубрих — II, стр. 134.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же, стр. 133.

⁹⁵ Бубрих — II, стр. 134.

Неполнота переброски *-та* из непрошедшего времени в прошедшее имела небезыңтересное следствие.

В обстановке неполноты этой переброски *-та* сохранило роль характеристики времени, подобно роли *-са*. Поскольку оно выступало в этой роли, формы прошедшего времени типа *кундай-д'айз* (откуда *кунды-д'из*) с некоторых пор перестали пониматься как содержащие его эквивалент. Они стали пониматься как содержащие личный показатель *-д'айз*. Соответственно в непрошедшем времени, с использованием *-та* как характеристики времени, были построены формы типа *кундатадайз* (откуда *кундатадыз*)⁹⁶.

Представляют интерес также попытки Д. В. Бубриха объяснить происхождение некоторых аномальных форм объектного спряжения.

Так, например, пытаясь объяснить происхождение аномальной формы *кундтанзат* 'он поймает тебя', Д. В. Бубрих предполагает, что в данном случае *-за* представляет результат подмены форманта *-з*'. Что касается конечного *-т*, *-т'* в формах вроде *кундтанзат* 'он поймает тебя' и *кундын'зийт* (откуда *кундын'зит*) 'он поймал тебя', то он может быть наследием приросшего в позднее время местоимения *тон* 'тебя'⁹⁷.

Как уже указывалось выше, конечное *м* в форме *кундасам* 'он поймает меня' Д. В. Бубрих считал вторичным образованием и возводил его к местоимению *монь* 'меня' (см. стр. 177).

Интересно объяснение эрзянской формы *кундыа* 'я поймал его'. Д. В. Бубрих утверждает, что когда-то здесь была форма *кунды* 'я поймал его'. Она до сих пор встречается в диалектах. Появление *кунды* объясняется легко. В непрошедшем времени существует противопоставление *кундаса* 'я поймаю его' и *кундасы* 'он поймает его'. Здесь форма 1-го лица отличается от формы 3-го лица своим конечным *а*. Это конечное *а* играет здесь роль характеризатора 1-го лица. В этой роли оно переносилось и в соответствующую форму прошедшего времени. Так и возникло *кундыа* 'я поймал его' со всей своей фонетической необычайностью. Что касается *кундыа* (орфографически *кундыа*), то в нем просто преодоление фонетической необычности *кундыа*⁹⁸.

По мнению Д. В. Бубриха, древнее *кундаз* превратилось в эрзянском в *кундызе*, а в мокшанском в *кундазе*. Появление эрзянского *кундызе* Д. В. Бубрих объясняет тем, что признак прошедшего времени *й* из фор 1-го и 2-го лица прошедшего времени распространился на формы 3-го лица того же времени, сохраняя и здесь первое после основы место. Получились формы *кунда-й-з'и* 'он поймал их', *кунда-й-з'* 'они поймали его' и 'они поймали их'. Раньше были *кунда-з'и* и *кунда-з'*⁹⁹.

⁹⁶ Бубрих — II, стр. 135.

⁹⁷ Там же, стр. 137.

⁹⁸ Там же, стр. 1.

⁹⁹ Там же, стр. 112.

Д. В. Бубрих предполагает, что вместо древнего *кундаз'и* 'он поймал их' в эрзянском получилось *кундынзе* и в мокшанском *кундазень*. Форма *кундынзе* построена на основе некоторых морфологических ассоциаций. Существовали кунды 'я поймал его' и *кундыз'э* 'он поймал его'. Второе отличалось от первого тем, что содержало дополнительное *-з'э*. Существовало также *кундын* 'я поймал их'. Как надо было построить форму со значением 'он поймал их'? Поскольку в ряде «его» форма 3-го лица отличалась от формы 1-го лица дополнительным *-з'э*, естественно было установить такое же отличие и в ряде «их». В этой обстановке при *кундын* 'я поймал их' и появилось *кундын'з'э*¹⁰⁰.

В формах множественного числа объектного спряжения иногда появляется формант *-из* (*-yз*). Д. В. Бубрих так объясняет его происхождение:

«То *-из* (*и*), которое мы находим во всех формах множественного числа, несомненно, обязано воздействию соответствующих форм прошедшего времени, где оно усвоило полезную роль числовой характеристики. Раньше в формах 1-го и 2-го лица множественного числа было очевидно просто *-са* (как в форме 2-го лица единственного числа)¹⁰¹.

История происхождения объектного спряжения в мордовских языках очень сложна. Сложна она уже тем, что истоки этой системы не могут быть установлены с достаточной определенностью, а современная система объектного спряжения представляет набор сильно деформированных и порою совершенно алогичных морфологических образований. Очевидно была эпоха, когда система форм объектного спряжения представляла какое-то более гармоничное и логически стройное целое, но эта система нигде полностью не сохранилась, даже в диалектах. Поэтому все важнейшие проблемы, связанные с происхождением системы форм объектного спряжения в мордовских языках, приходится решать главным образом гипотетически.

Предположительно историю развития форм объектного спряжения можно разбить на три периода: 1) предпосылки возникновения системы форм объектного спряжения, 2) формирование целостной системы и 3) разрушение системы.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИСТЕМЫ ФОРМ ОБЪЕКТНОГО СПРЯЖЕНИЯ

Объектное спряжение в мордовских языках возникло не на пустом месте, уже в самом уральском языке-основе были явления, очень близкие к тому, что мы называем объектным спряжением. В уральском праязыке было объектное спряжение, основанное на количественном принципе. Число объекта в глагольной форме могло выражаться специальным показателем множественности *-п-*.

¹⁰⁰ Бубрих — II, стр. 105.

¹⁰¹ Там же, стр. 114.

В разделе о происхождении личных глагольных окончаний мы указывали, что личные окончания были двоякого рода — одни из них употреблялись, когда действие было направлено на единичный объект. Это окончания типа *-mγ, -tγ, (-sγ), -mγk, -tγk, (-sγk)*. Другие окончания содержали показатель множественности объектов действия *-n-*, например: *-nmγ, -ntγ, (-nsγ), -nmγk, -ntγk, (-nsγk)*. Этими окончаниями характеризовались глаголы, выражающие действие, направленное на несколько объектов, например *kandə -n-mγk* 'мы несем несколько (или много) предметов'.

В самих мордовских языках имеются достаточно наглядные доказательства того, что в общемордовском языке этот принцип также существовал. Неслучайно Д. В. Бубрих формы прошедшего времени со включенным показателем множественности *-n-* считал одной из основ объектного спряжения в мордовских языках.

Другим стимулом для возникновения объектного спряжения в мордовских языках, по мнению Бубриха, были образования типа *kunda-mat* 'ловец-мой-ты', *kundatam* 'ловец-твой-я', *kundasam* 'ловец-его-я' и т. д.

Потенциально подобного рода образования, конечно, были возможны, хотя в современных мордовских языках они не сохранились. Первоначально они, вероятно, звучали, как *kundamajt, kundatajm, kundasajm*, поскольку показатель *-a-* в сказуемом возник позднее.

СЛОЖЕНИЕ СИСТЕМЫ

Выше уже говорилось о том, что ни один из диалектов современных мордовских языков не сохранил системы форм объектного спряжения в ее идеальном виде. Однако такая система, по всей видимости, имела место и была подчинена довольно строгим структурным принципам. Эти структурные принципы следующие:

1. Система особых личных глагольных окончаний, обозначающих субъекта действия.

2. Систематическое выражение в глагольной форме объекта действия посредством специальных показателей.

Личные глагольные окончания форм объектного спряжения в основном совпадали с притяжательными суффиксами, ср. такие формы, как эрз. *kundasy-nek* 'мы поймаем его', *kundasy-nk* 'вы поймаете его', *kundy-ze* 'он поймал его' и т. д.

Руководясь этими предположениями, в системе современных форм объектного спряжения можно производить поиски вышеуказанных строевых элементов. Если выделить показатели субъекта действия в формах, употребляемых в современных мордовских языках, то картина получается довольно пестрая.

Однако выяснение происхождения этих показателей не представляет особых затруднений. Показатели 1-го лица ед. числа — *-n, -a, -ń, -nə* — это сплошные новообразования. Окончание *-n* проникло из сферы 1-го лица настоящего-будущего времени без объектного ряда,

Лицо	Показатель	
	Ед. число	Мн. число
1-е	<i>-n, -a, -ń, -nə</i>	<i>-nek</i>
2-е	<i>-k, -t</i>	<i>-nk</i>
3-е	<i>-nze, -nza, -ze</i>	<i>-ž</i>

ср. эрзя-м. *lovna-n* 'я читаю', окончание *-ń* проникло также из безобъектного спряжения из сферы 1-го лица ед. числа 1-го прошедшего времени, ср. эрз. *lovny-ń* 'я читал'. Окончание *-ne* представляет новый притяжательный суффикс 1-го лица ед. числа, возникший в мокшанском языке; показатель *-a* — чистая основа настоящего-будущего времени. Все эти инновации вытеснили первоначальный показатель *-m*.

Окончание 2-го лица ед. числа *-k* проникло из сферы повелительного наклонения, ср. эрзя-м. *soka-k* 'паши': окончание *-t* представляет притяжательный суффикс 2-го лица ед. числа.

Окончание 3-го лица ед. числа *-nze, -nza, -ze* — явные разновидности притяжательных суффиксов. Элемент *n* в вариантах *-nze, -nza* является показателем множественности объектов действия, ср., например, эрз. *kudo-nzo* 'его дома', где *n* является показателем множества объектов обладания.

Окончания 1-го и 2-го лица мн. числа представляют явные притяжательные суффиксы, которые можно было бы возвести к более древним формам **-nmγk, *-ntγk*. Наличие переднего гласного в *-nek* можно объяснить тем, что оно проникло из сферы прошедшего времени. Перед *-nek* мог быть показатель прошедшего времени *-j(-i-)*.

Довольно загадочно происхождение окончания 3-го лица мн. числа *ž*. Его нельзя возвести к притяжательному суфф. *-s*. Д. В. Бубрих связывает его с причастным суфф. *-ž*. Однако объяснить причину проникновения этого причастного суффикса в парадигму спряжения глаголов объектного спряжения довольно трудно.

Анализ форм объектного спряжения в современных языках позволяет установить, что в роли показателей рядов выступали всего три элемента *-m-* для ряда «меня» и «нас», *-t-* для ряда «тебя» и «вас» и *-s-* для ряда «его» и «их».

Эти элементы при рассмотрении их с чисто исторической точки зрения довольно загадочны. Неразличение категории числа, иное оформление ряда «его» и «их» свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем какую-то очень архаичную систему притяжательных суффиксов, восходящую к глубокой древности.

Из истории развития согласных в мордовских языках известно, что древние *t* и *s* в интервокальном положении закономерно превращались в *d* и *z*, ср. финск. *koti* 'дом', эрзя-м. и мокша-м. *kudo, kud* 'дом'; финск. *sata* 'сто', эрзя-м. *šado*, мокша-м. *šada*; финск. *kesä*

‘лето’, эрзя-м. *kizē*, мокша-м. *kizä*; финск. *pesä* ‘гнездо’, эрзя-м. *pizē*, мокша-м. *pizä*; финск. *kuusi* ‘ель’, эрзя-м. *kuz*, мокша-м. *kuz*.

Вместе с тем показатели *-s-* и *-t-* в формах объектного спряжения в современных мордовских языках, находясь в интервокальном положении, никакому озвончению не подвергаются, ср. такие формы, как *kunda-s-y* ‘он поймает его’ вместо ожидаемого *kunda-z-y*, *kunda-s-amak* ‘ты поймаешь меня’ вместо *kunda-z-amak*, *kunda-t-an* ‘я поймаю тебя’ вместо *kunda-d-an* и т. д.

Чисто гипотетически можно определить причины этих загадочных явлений. Если бы в формах типа *kundasamak* ‘ты поймаешь меня’, *kundasamat* ‘он поймает меня’ и т. д. интервокальное *s* закономерно превращалось в *z*, то эти формы стали бы звучать как *kundazamak*, *kundazamat*. Нетрудно заметить, что в данном случае образуется некое *-za-*, формально совпадающее с показателем побудительного наклонения, ср., например, эрз. *soka-za-n* ‘пусть я пашу’, *soka-za-t* ‘пусть ты пашешь’, *soka-za* ‘пусть он пашет’ и т. д. Этим объясняется, между прочим, также полное отсутствие в объектном спряжении форм побудительного наклонения.

Представим также, что в таких формах, как эрз. *kundatan* ‘я поймаю тебя’ и *kundatanzat* ‘он поймает тебя’ интервокальное *t* закономерно перешло в *d*, например *kundadan* и *kundadanzat*. В глаголах, содержащих *d* типа *kandoms* ‘носить’, *kundams* ‘ловить’, *šormadoms* ‘писать’ и т. д., в подобных случаях могло создаться впечатление плеонастического повторения форманта *-da-*, например *kundadan* ‘я поймаю тебя’. При сохранении *t* (*kundatan*) такого впечатления не создавалось. Сохранение первоначального *t* в указанных случаях могло быть в результате обобщения перенесено и на другие глаголы, не содержащие *d*, например *lovnomts* ‘читать’.

Завершение формирования системы форм объектного спряжения практически было связано с выработкой следующих необходимых структурных элементов этих форм:

1. Оформление системы специальных личных окончаний, выполнявших функцию показателей субъекта действия.
2. Оформление системы показателей объекта действия.
3. Включение в состав форм специальных показателей времени.

Мы можем гипотетически предполагать, что такая законченная система в мордовских языках, действительно, существовала.

Несмотря на запутанность форм объектного спряжения в современном состоянии, их структура в каком-то отдаленном историческом прошлом была более прозрачной и логичной. Каждая форма включала в себя три составных части — основу глагола, показатель объекта, относящийся к 1-у, 2-у или 3-у лицу ед. или мн. числа, показатель времени (там, где в этом была необходимость) и показатель субъекта действия. Схематически это можно выразить следующим образом:

$$V + IO + IT + IS.$$

В этой схеме *V* означает основу глагола, *IO* — индикатор объекта, *IT* — индикатор времени (indicator temporis) и *IS* — индикатор субъекта.

Выше мы упоминали, что древнее настоящее время в уральских языках могло образовываться путем непосредственного присоединения личного окончания к основе глагола. Поэтому эта формула требует расчленения. Для древнего настоящего времени более естественной была формула $V + IO + IS$, тогда как для остальных времен, т. е. будущего и двух прошедших, вполне приемлемой была формула $V + IO + IT + IS$.

Позднее, когда древнее будущее на *-k-* в общемордовском языке исчезло по причине контаминации его форм с формами древнего настоящего времени и возникшее таким путем новое настоящее-будущее время, соединившее в себе значение двух прежних времен, получило новый формальный признак — формант *-a-*, формула $V + IO + IT + IS$ оказалась пригодной для всех времен.

На основании анализа форм, сохраняющих в себе показатели объекта, все показатели рядов объектов можно представить в следующей таблице:

Ряд объекта	Показатель	
	Ед. число	Мн. число
Меня	-m-	-m-
Тебя	-t-	-t-
Его	-s-	-s-

Эта реконструкция свидетельствует о том, что на древних этапах существования протоуральского языка-основы в области местоимений категория числа вообще не различалась. Не было также винительного падежа.

Как уже указывалось выше, в роли показателей субъекта действия могли выступать притяжательные суффиксы, формы которых в системе объектного спряжения приобрели некоторые отклонения.

Лицо	Показатель	
	Ед. число	Мн. число
1-е	-m	-māk, -māk
2-е	-t	-tāk, -tāk
3-е	-zə	-ž

По всей видимости, существовали также формы, содержащие инкорпорированный показатель множественности объектов действия, который располагался непосредственно перед личными окончаниями.

Лицо	Показатель	
	Ед. число	Мн. число
1-е	- <i>nm</i>	- <i>nmāk</i> , - <i>nmāk</i>
2-е	- <i>nt</i>	- <i>ntāk</i> , - <i>ntāk</i>
3-е	- <i>nzə</i>	- <i>nž</i>

В период формального неразличения настоящего и 1-го прошедшего времени в 3-м лице мн. числа вследствие переразложения основ возникло личное окончание -*iž*, -*yž* (из -*ajž*, -*ejž*, -*ujž* и т. д.). По причине утраты показателя времени оно стало нейтральным. Только этим могут быть объяснены такие явления, как эрз. *kundasam-iž* 'они поймал меня', *kundatad-yž* 'они поймал тебя', *kundym-iž* 'они поймали меня' и *kundyd-iž* 'они поймали тебя'.

Система личных окончаний, выполняющих роль показателей субъектов действия в современных формах объектного спряжения, возникла в результате смешения различных типов древних показателей субъектов действия и добавления новых показателей.

В роли показателей времени в формах объектного спряжения выступали те же показатели, что и в формах безобъектного спряжения. В глубокой древности показатели объекта действия в настоящем времени, по-видимому, присоединялись прямо к глагольной основе. Позднее в роли показателя стал выступать -*j*- и еще позднее -*a*-.

Современные формы объектного спряжения настоящего времени обнаруживают два типа показателей этого времени — показатель -*a*- и показатель -*j*- (в некоторых мокшанских формах -*aj*-). Показатель -*a*-, несомненно, более поздний по происхождению, обнаруживается в таких формах, как эрз. и мокш. *kundasam-a-k* 'ты поймаешь меня', эрз. *kundasam-a-m*, мокш. *kundasam-a-ñ* 'он поймает меня' и т. д.

Показатель -*y*-, исторически восходящий к дифтонгу, обнаруживается в таких формах, как эрз. и мокш. *kundas-y* 'он поймает его', эрз. *kundas-y-nek* 'мы поймаем его', *kundas-y-nk* 'вы поймаете его', *kundas-y-ž* 'они поймают его', *kundas-y-ñ* 'я поймаю их', *kundas-y-t* 'ты поймаешь их' и т. д.

Происхождение этого показателя можно объяснить по-разному. В эрз. форме *kundas-y* 'он поймает его' показатель -*y*- мог быть перенесен по аналогии из соответствующих форм безобъектного ряда, например *kundy* 'он ловит'. В формах типа *kundas-y-nek* 'мы поймаем его', *kundas-y-nk* 'вы поймаете его', *kundas-y-ñ* 'я поймаю их' и т. д. показатель -*y*- мог быть создан по аналогии формы *kun-*

das-y-ž 'они поймал его', где окончание -*yž* фактически стало нейтральным (см. стр. 184).

Но возможно и другое решение этой проблемы. В истории развития форм настоящего времени, как упоминалось выше, был период, когда в основе его лежало причастие на -*j*-, к которому присоединялись личные окончания. Не исключена возможность, что комплексы, составленные из основы глагола и показателей объекта действия, образовывали свои причастия. Вследствие того, что суффикс причастия -*j*- трудно присоединить к согласному, между показателем объекта действия и суфф. -*j* развивался буферный гласный, качество которого, по-видимому, определялось качеством конечного гласного основы. Так, например, от глагола *kunda-ms* 'ловить' могли быть образованы основы настоящего времени типа *kundam-aj*, *kundat-aj*, *kunda-sa-j* и т. д.

При реконструкции более архаичных форм объектного спряжения мы будем в дальнейшем обозначать -*j*-, входящий в состав этого нового показателя, знаком -*j*¹.

Современные объектные формы 1-го прошедшего времени позволяют выявить два типа показателей этого времени. Показатель -*y*- в таких эрзянских формах, как *kund-y-k* 'ты поймал его', *kund-y-ze* 'он поймал его', исторически явно восходит к дифтонгу — в данном случае к дифтонгу *ai*, составленному из конечного гласного основы и показателя прошедшего времени -*j*-. На существование первоначального дифтонга указывают и соответствующие мокшанские формы, ср. мокш. *kundaj-t* 'ты поймал его', *kunda-zə* 'он поймал его' (из *kundaj-zə*).

В то же время встречаются формы, где в роли показателя 1-го прошедшего времени выступает простое -*i*-, ср. эрз. *kundy-m-i-k* 'ты поймал меня', *kundy-m-i-m* 'он поймал меня', *kundy-m-i-ž* 'они поймали меня' *kundy-d-i-ž* 'они поймали тебя'.

Соответствующие мокшанские формы показывают, что на месте современного эрзянского *i* здесь когда-то был дифтонг, ср. эрз. *kundym-i-k* и мокш. *kundam-aj-t* 'ты поймал меня', эрз. *kundym-i-m* и мокш. *kundam-a-ñ* 'он поймал меня', эрз. *kundym-i-ž*, мокш. *kundam-až* 'они поймали меня', эрз. *kundyd-i-ž*, мокш. *kunda-d-ä-ž* 'они поймали тебя'.

Дифтонги со вторым компонентом *j* обычно в эрзянском превращались в *y* или *i*, например древнее *moraj* 'он поет' дало современное *moru* 'он поет'. Причина этой аномалии заключается в том, что в истории эрзянского языка дифтонг, содержащий гласный заднего ряда, после *m* мог превращаться в *i*, ср. такие параллели, как мокш. *karmaj* 'он начнет' и эрз. *karmi*.

Любопытно, что эрзянские формы 1-го прошедшего времени, относящиеся к рядам «меня», «тебя», «вас» и «нас», фактически обнаруживают два показателя 1-го прошедшего времени. В древности это явление было присуще также и мокшанским формам, относящимся к вышеуказанным рядам. Один показатель прошедшего времени обнаруживается только в рядах «его» и «их».

При реконструкции более древнего облика форм объектного спряжения 1-го прошедшего времени показатель этого времени мы будем обозначать знаком $-j^2$.

Руководствуясь всеми этими соображениями, попробуем реконструировать более архаическую систему форм объектного спряжения, выбрав в качестве примера глагол *kundams* 'ловить' (основа *kunda*-).

Естественно возникает вопрос, с какого периода вести точку отсчета. Эту точку отсчета, по нашему мнению, лучше всего вести с периода формального неразличения настоящего, вернее настоящего-будущего и 1-го прошедшего времени. Такой выбор продиктован прежде всего тем, что объектные формы более архаических периодов не имеют прямых рефлексов в современных мордовских языках.

Более архаическая система форм объектного спряжения была, по всей видимости, более простой и стройной. Как уже говорилось выше, настоящее-будущее и 1-е прошедшее время формально не различались. Единственным формальным различием между рядами типа «меня» и «нас», «тебя» и «вас» и т. д. служил показатель множественности объектов действия $-n$.

Эта схема может быть реконструирована в таком виде:

	Ряд 1-го лица
<i>kunda-m-aj-t</i>	'ты поймаешь, (поймал) меня'
<i>kunda-m-aj-n-t</i>	'ты поймаешь (поймал) нас'
<i>kunda-m-aj-tɔk</i>	'вы поймаете (поймали) меня'
<i>kunda-m-aj-n-tɔk</i>	'вы поймаете (поймали) нас'
<i>kunda-m-aj-ž</i>	'они поймают (поймали) меня'
<i>kunda-m-aj-n-ž</i>	'они поймают (поймали) нас'

	Ряд 2-го лица
<i>kunda-t-aj-m</i>	'я поймаю (поймал) тебя'
<i>kunda-t-aj-n-m</i>	'я поймаю (поймал) вас'
<i>kunda-t-aj-zə</i>	'он поймает (поймал) тебя'
<i>kunda-t-aj-n-zə</i>	'он поймает (поймал) вас'
<i>kunda-t-aj-mɔk</i>	'мы поймаем (поймали) тебя'
<i>kunda-t-aj-n-mɔk</i>	'мы поймаем (поймали) вас'
<i>kunda-t-aj-ž</i>	'они поймают (поймали) тебя'
<i>kunda-t-aj-n-ž</i>	'они поймают (поймали) вас'

	Ряд 3-го лица
<i>kunda-s-aj-m</i>	'я поймаю (поймал) его'
<i>kunda-s-aj-n-m</i>	'я поймаю (поймал) их'
<i>kunda-s-aj-t</i>	'ты поймаешь (поймал) его'
<i>kunda-s-aj-n-t</i>	'ты поймаешь (поймал) их'
<i>kunda-s-aj-zə</i>	'он поймает (поймал) его'
<i>kunda-s-aj-n-zə</i>	'он поймает (поймал) их'
<i>kunda-s-aj-mɔk</i>	'мы поймаем (поймали) его'

<i>kunda-s-aj-n-mɔk</i>	'мы поймаем (поймали) их'
<i>kunda-s-aj-tɔk</i>	'вы поймаете (поймали) его'
<i>kunda-s-aj-n-tɔk</i>	'вы поймаете (поймали) их'
<i>kunda-s-aj-ž</i>	'они поймают (поймали) его'
<i>kunda-s-aj-n-ž</i>	'они поймают (поймали) их'

Трудно сказать, имело ли формы объектного спряжения прошедшее время на $-ž$.

ПЕРИОД РАЗРУШЕНИЯ

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что представленная выше стройная архаическая система форм объектного спряжения в дальнейшем начала разрушаться. Для того, чтобы определить конкретные пути дальнейшей исторической эволюции архаических форм, целесообразно сравнить реконструированные древние формы объектного спряжения с современными формами объектного спряжения, употребляющимися в эрзянском и мокшанском языках. Пути исторической эволюции древних форм должны наглядно показать, в каком направлении шло разрушение системы форм объектного спряжения.

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ ОБЪЕКТНОГО СПРЯЖЕНИЯ

Настоящее время

Ряд «меня»

(глагол *kundams* 'ловить')

Единственное число

1-е л и ц о *kunda-m-aj¹-t 'ты поймаешь меня', *kunda*- — основа глагола, $-m$ — показатель объекта, $-aj$ — показатель времени и $-t$ — показатель субъекта действия.

Современные формы: эрз. *kunda-sa-m-a-k*, мокш. *kunda-sa-m-a-k* 'ты поймаешь меня'.

Форма 1-го лица ед. числа ряда «его» *kundasa* 'я поймаю его' была воспринята как новая основа. Древний показатель субъекта $-t$ был вытеснен новым показателем $-k$, перенесенным, по-видимому, из формы 2-го лица повелительного наклонения (ср. эрз. *soka-k* 'паши', *mora-k* 'пой') и древний показатель времени $-aj$ заменился новым показателем $-a$. В результате этих преобразований возникла современная эрз. и мокш. форма *kundasamak* 'ты поймаешь меня'.

3-е л и ц о *kunda-m-aj¹-zə 'он поймает меня'.

Современные формы: эрз. *kunda-sa-m-a-m*, мокш. *kunda-sa-m-a-ñ* 'он поймает меня'.

Первоначальная основа *kunda*-, как и в предыдущем случае, была заменена новой основой *kundasa*-. Показатель субъекта действия $-zə$

был заменен ложным показателем субъекта *-m* под влиянием *m* предыдущего слога (*kundasamaze*), откуда современная эрзянская форма *kundasamat*. В мокшанской форме *kundasamañ* вместо *m* возникло *-ñ*, соотносимое с личным окончанием 1-го лица ед. числа прошедшего времени. Явление чисто ассоциативное. Старый показатель времени *-aj¹* был вытеснен новым показателем *-a-*.

Множественное число

1-е л и ц о *kunda-m-aj¹-nk 'вы поймаете меня'.

Современные формы: эрз. *kunda-sa-m-iž*, мокш. *kunda-sa-m-a-št'*.

В эрзянском языке эта форма полностью уподобилась форме 3-го лица мн. числа *kundasamiž* 'они поймают меня'. В мокшанском языке она также уподобилась с добавлением ложного показателя субъекта *-t*, откуда современная форма *kundasamašt*. Ложный показатель *-t'* представляет ассоциативное перенесение *t'* из формы 3-го лица мн. числа безобъектного ряда, ср. мокш.: *kundajxt'* 'они ловят'.

3-е л и ц о *kunda-m-aj¹-ž* 'они поймают меня'.

Современные формы: эрз. *kunda-sa-m-iž*, мокш. *kunda-sa-m-a-ž* 'они поймают меня'.

Прежде всего следует отметить, что в эти формы проникла новая основа *kundasa-*. Показатель объекта действия *-m-* довольно хорошо сохранился. В эрзянской форме *kundasamiž* может показаться необычным показатель времени *-i-*. Этот показатель фактически входит в состав нейтрального личного окончания *-iž* (исторически из *-ajž*). Мокшанское *-až* возникло также из *-ajž*.

Ряд «тебя»

Единственное число

1-е л и ц о *kunda-t-aj¹-m 'я поймаю тебя'.

Современные формы: эрз. *kunda-t-a-n*, мокш. *kunda-t-ä* 'я поймаю тебя'.

В обеих формах произошла замена старого показателя времени *-aj¹* новым показателем времени *-a-*. В эрзянском языке под влиянием форм 1-го лица безобъектного ряда произошла замена старого показателя субъекта действия *-m* новым показателем *-n*, проникшего из сферы безобъектного спряжения, ср. эрз. *lovna-n* 'я читаю', *mol'a-n* 'я иду'. Мокшанская форма *kundatä* 'я поймаю тебя' трудно объяснима. Может быть показатель *-ä-* возник под влиянием таких форм, как *kundajnä* 'я поймал его'.

3-е л и ц о *kunda-t-aj¹-ze 'он поймает тебя'.

Современные формы: эрз. *kunda-t-a-nza-t*, мокш. *kunda-t-a-nza* (*t*) 'он поймает тебя'.

Под влиянием находящегося внутри формы показателя объекта *-t* возник дополнительный ложный показатель субъекта *-t*. Старый

показатель субъекта действия *-za* заменен показателем *-nza*, в котором *n* является ложным показателем множественности объектов действия. Показатель времени *-aj¹* заменен новым показателем *-a-*.

Множественное число

1-е л и ц о *kunda-t-aj¹-mžk 'мы поймаем тебя'.

Современные формы: эрз. *kunda-t-a-d-yž*, мокш. *kunda-t-ä-d-äž* 'мы поймаем тебя'.

Эрзянская форма *kundatadyž* создана по аналогии с формой 3-го лица мн. числа *kundatadyž*. Подобное же выравнивание по аналогии произошло и в мокшанском.

3-е л и ц о *kunda-t-aj¹-ž 'они поймают тебя'.

Современные формы: эрз. *kunda-t-a-d-yž*, мокш. *kunda-t-ä-d-äž* 'они поймают тебя'.

Современные формы: эрз. *kunda-t-a-d-yž*, мокш. *kunda-t-ä-d-äž* 'они поймают тебя'.

Сочетание формантов *kundata*, состоящее из основы глагола *kunda-*, показателя объекта действия *-t-* и показателя времени *-a-* было переосмыслено как новая глагольная основа, к которой был прибавлен новый показатель объекта действия *-t-*, позднее изменившийся в *d*, показатель времени *-aj-* и показатель субъекта действия *-ž*. При нормальном развитии следовало бы ожидать формы *kundadyž* и *kundadäž*. Можно предполагать, что переразложение основ было стимулировано сходно звучащими соответствующими формами прошедшего времени *kundydiž* и *kundadäž*.

Ряд «его»

Единственное число

1-е л и ц о *kunda-s-aj¹-m 'я поймаю его'.

Современные формы: эрз. *kundasa*, мокш. *kundasa* 'я поймаю его'.

Древний показатель времени *-aj¹* был заменен новым показателем времени *-a-*. В обеих формах также произошла утрата показателя субъекта действия *-m*. Причину этой утраты объяснить трудно. В некоторых диалектах эрзянского и мокшанского языков употребляются формы с показателем субъекта действия *-n*, заимствованным из сферы безобъектного спряжения, например *sodasan* 'я знаю его'.

2-е л и ц о *kunda-s-aj¹-t 'ты поймаешь его'.

Современные формы: эрз. *kunda-s-a-k*, мокш. *kunda-s-a-k* 'ты поймаешь его'.

В обеих формах произошла замена древнего показателя времени *-aj¹* новым показателем времени *-a-*. Произошла также замена древнего показателя субъекта действия *-t* новым показателем субъекта действия *-k*, откуда современная форма *kundasak*. Чувствуется влияние формы *kundasamak* 'ты поймаешь меня'.

3-е л и ц о *kunda-s-aj¹-za 'он поймает его'.

Современные формы: эрз. *kunda-s-y*, мокш. *kunda-s-y* 'он поймает его'.

В древней форме *kundasaj¹zə* произошло отпадение показателя субъекта действия *-zə*, в результате чего показатель времени *-aj¹-y* трудно поддается объяснению. Можно допускать, что *-y* возникло под влиянием соответствующей формы безобъектного спряжения *kund-y* 'он ловит'. Возможно также, что здесь не происходила замена старого показателя времени новым показателем времени *-a-*.

Множественное число

1-е л и ц о — *kunda-s-aj¹-măk 'мы поймаем его'.

Современные формы: эрз. *kunda-s-y-nek*, мокш. *kunda-s-a-šk* 'мы поймаем его'.

Показателем времени в эрзянской форме служит *-y-*, что указывает на отсутствие замены древнего дифтонгического показателя времени новым показателем времени *-a-*. Показатель субъекта *-nek* возник из *-nmăk*.

В мокшанском языке развитие шло по иному пути. В сферу 1-го лица мн. числа проникла форма 3-го лица мн. числа *kundasaj¹ž*, которая в мокшанском превратилась в *kundasaž*. Позднее к ней был присоединен какой-то ложный показатель субъекта действия *-k*, вследствие чего предшествующее этому показателю *ž* превратилось в *š*.

Показатель субъекта действия *-k* для этой формы совершенно необычен. Вероятнее всего здесь сказалось действие аналогии со стороны форм безобъектного ряда, например *morynek* 'мы пели'.

2-е л и ц о *kunda-s-aj¹-tăk 'вы поймаете его'.

Современные формы: эрз. *kunda-s-y-nk*, мокш. *kunda-s-a-št'* 'вы поймаете его'. В обеих этих формах не обнаруживается замены старого показателя времени новым показателем времени. Показатель субъекта действия в эрзянской форме *-nk* происходит от *-ntăk*. Мокшанская форма *kundasašt'* образована на основе древней формы мн. числа *kunda-s-aj¹-ž*, к которой было прибавлено окончание *-t*, проникшее из сферы безобъектного спряжения, ср. мокш. *morajxt'* 'они поют'.

3-е л и ц о *kunda-s-aj¹-ž 'они поймают его'.

Современные формы: эрз. *kunda-s-y-ž*, мокш. *kunda-s-a-ž* 'они поймают его'.

Эрзянская и мокшанская формы легко выводимы из более древней формы *kunda-s-aj¹-z*. Мокшанская форма, как обычно, характеризуется отсутствием *j*. В обеих формах не обнаруживается появления нового показателя времени *-a-*.

Ряд «нас»

Ед. число

- 2 л. *kunda-m-aj¹nt 'ты поймаете нас'
3 л. *kunda-m-aj¹nzə 'они поймают нас'

Мн. число

- 2 л. *kunda-m-aj¹n-tăk 'вы поймаете нас'
3 л. *kunda-m-aj¹n-ž 'они поймают нас'

Современные формы

Ед. ч.	2 л. эрз.	<i>kundasamiž</i>	'ты поймаете нас'
	мокш.	<i>kundasamašt'</i>	» » »
	3 л. эрз.	<i>kundasamiž</i>	'он поймает нас'
	мокш.	<i>kundasamaž</i>	» » »
Мн. ч.	2 л. эрз.	<i>kundasamiž</i>	'вы поймаете нас'
	мокш.	<i>kundasamašt'</i>	» » »
	3 л. эрз.	<i>kundasamiž</i>	'они поймают нас'
	мокш.	<i>kundasamaž</i>	» » »

В эрзянском и мокшанском языках все эти формы были заменены совершенно алогичной формой 3-го лица мн. числа ряда «меня» *kundasamiž*, *kyndasamaž*. Буквально эта форма означает 'они поймали меня (или нас)'.

Обе формы могут быть выведены из *kunda-s-a-m-aj¹-nž*. В мокшанской форме 2-го лица ед. и мн. числа *kundasamas't'* + конечное *t'* трудно объяснить.

Ряд «вас»

Ед. число

- 1 л. *kun¹a-t-aj¹-n-m 'я поймаю вас'
3 л. *kunda-t-aj¹-n-zə 'он поймает вас'

Мн. число

- 1 л. **kunda-t-aj¹-n-măk* 'мы поймаем вас'
3 л. *kunda-t-aj¹-n-ž 'они поймают вас'

Современные формы

Ед. число

- 1 л. эрз. *kundatadyž* 'я поймаю вас'
мокш. *kundatädäž* » » »
3 л. эрз. *kundatadyž* 'он поймает вас'
мокш. *kundatädäž* » » »

Мн. число

- 1 л. эрз. *kundatadyž* 'мы поймаем вас'
мокш. *kundatädäž* » » »
3 л. эрз. *kundatadyž* 'они поймают вас'
мокш. *kundatädäž* » » »

Все древние формы заменены в современных эрзя- и мокша-мордовских языках формой 3-го лица мн. числа ряда «тебя» — эрз. *kunda-t-a-d-yž*, мокш. *kunda-t-ä-d-äž* 'они поймают тебя (или вас)'. Формы

kundatadyž, *kundatädäž* составлены из основы глагола *kunda-*, показателя объекта действия *-t-* и нового показателя настоящего-будущего времени *-a-*, к которому присоединено окончание *-dyž*, *-däž* (из *-dajž*). Это окончание образовалось в результате переразложения основ из показателя объекта действия *-t-*, показателя времени *-aj-* и личного окончания *-ž* (см. стр. 184).

Ряд «их»

Единственное число

1-е л и ц о *kunda-s-aj¹-n-m 'я пойماю их'.

Современные формы: эрз. *kunda-s-y-n*, мокш. *kunda-s-aj-nä* 'я поймаю их'.

В эрзянской форме *kundasyñ* не наблюдается замены показателя времени *-aj¹*-новым показателем *-a-*. Старый показатель субъекта *-nt* заменен новым показателем субъекта *-n*, проникшим из сферы безобъектного спряжения, ср. эрз. *kunda-n* 'я ловлю'. По причине внешнего сходства с формой прошедшего времени *kundyñ* 'я поймал', показатель *-n* получил палатализацию.

В мокшанской форме также не было замены показателя времени, чем объясняется наличие дифтонга (*kundasaj-*). Древний показатель субъекта действия *-m* был заменен новым показателем субъекта действия *-nä*.

2-е л и ц о *kunda-s-aj¹-n-t 'ты поймаешь их'. Современные формы: эрз. *kunda-s-y-t'*, мокш. *kunda-s-aj-t'* 'ты поймаешь их'.

В эрзянской форме *kundasyt'* не было замены показателя времени, чем объясняется наличие *y*. Древний показатель субъекта действия *-nt* был заменен новым показателем *-t'*.

По-видимому, *-nt* было заменено сначала простым *-t*, которое получило под влиянием форм прошедшего времени палатализацию, ср. форму прошедшего времени *kundy't* 'ты поймал их'.

Мокшанская форма образована от того же *kundasaj-* путем прибавления совершенно необычного для мокшанского языка притяжательного суффикса 2-го лица ед. числа *-te* (из *t + ə* по образцу *-nə*).

3-е л и ц о *kunda-s-aj¹-n-ze 'он поймает их'.

Современные формы: эрз. *kunda-s-y-n-ze*, мокш. *kunda-s-y-nä* 'он поймает их'.

В эрзянской форме не было смены показателя времени. Хорошо сохранился древний показатель субъекта действия *-n-ze*, содержащий показатель множественности объектов действия *-n*. Мокшанская форма также построена на основе *kundasaj-*.

Множественное число

1-е л и ц о **kunda-s-aj¹-n-mžk* 'Мы поймаем их'.

Современные формы: эрз. *kunda-s-y-nek*, мокш. *kunda-s-a-šk* 'мы поймаем их'.

В эрзянском к основе времени *kundasaj-* присоединялся показатель субъекта действия *-nmžk*, позднее превратившийся в *-nek*.

Мокшанская форма *kundasašk* алогична. Если вычтешь ложный показатель субъекта действия *-k*, получится форма 3-го лица мн. числа *kundasaž*, буквально означающая 'они поймают их'.

2-е л и ц о **kunda-s-aj¹-n-tžk* 'вы поймаете их'.

Современные формы: эрз. *kunda-s-y-nk*, мокш. *kunda-s-a-šk* 'вы поймаете их'.

В эрзянской форме *kunda-s-y-nk* не наблюдается замены старого показателя времени *-aj-* новым показателем. Древний показатель субъекта действия *-ntžk* был преобразован в *-nk*, возможно, через промежуточную ступень *-nnžk*.

3-е л и ц о *kunda-s-aj¹-ž 'они поймают их'.

Современные формы: эрз. *kunda-s-y-ž*, мокш. *kunda-s-a-ž* 'они поймают их'.

Обе формы легко выводятся из *kundasajž*. Для мокшанской формы типично превращение дифтонга *ai* в *a*.

1-е прошедшее время

Формы объектного спряжения 1-го прошедшего времени подобно формам настоящего-будущего времени слагаются из тех же составных частей — основа глагола, показатель объекта действия, показатель времени и показатель субъекта действия.

Однако вместе с тем эти формы обладают целым рядом специфических особенностей, которые сводятся к следующему:

1. Конечный гласный основы изменяется по причине присоединения к нему показателя 1-го прошедшего времени.

2. В формах рядов «его» и «их» показатель объекта действия утрачивается.

Ряд «меня»

Единственное число

2-е л и ц о *kunda-m-aj²-t 'ты поймал меня'. Состав формы: *kunda-* — основа глагола, *-m* — показатель объекта действия, *-aj-* — показатель времени и *-t* — показатель субъекта действия.

Современные формы: эрз. *kundy-m-i-k*, мокш. *kunda-m-aj-t'* 'ты поймал меня'.

В эрзянском языке древний показатель субъекта действия *-t* под влиянием формы настоящего-будущего времени заменился новым показателем субъекта действия *-k*. Предшествующий ему показатель времени *-aj-* преобразовался в дифтонг *y*, который после *m* превратился в *i*. Конечный гласный основы *a* превратился в *y*. Причину изменения конечного гласного *a* в *y* найти нетрудно. В истории мордовских форм объектного спряжения, так же как и в истории форм безобъектного спряжения, существовал период, когда показатели настоящего-будущего и 1-го прошедшего времени были одинаковыми, в чем легко убедиться при сопоставлении их форм.

Настояще-будущее время	1-е прошедшее время
<i>kunda-m-aj¹-t</i>	<i>kunda-m-aj²-t</i>
‘ты поймаешь меня’	‘ты поймал меня’
<i>kunda-t-aj¹-m</i>	<i>kunda-t-aj²-m</i>
‘я поймаю тебя’	‘я поймал тебя’
<i>kunda-s-aj¹-m</i>	<i>kunda-s-aj²-m</i>
‘я поймаю его’	‘я поймал его’

Для того чтобы установить формальное различие этих двух времен, был необходим какой-то выход. Этот выход был найден. В формах 1-го прошедшего времени к основе глагола был добавлен дополнительно показатель этого времени *-j²-*. Таким образом, такие формы, как *kunda-m-aj²-t* ‘ты поймал меня’, *kunda-t-aj²-m* ‘я поймал тебя’, *kunda-s-aj²-m* ‘я поймал его’ и т. д., преобразовались в *kundaj²-m-aj²-t*, *kundaj²-t-aj²-m* и *kundaj²-s-aj²-m*. После исчезновения дифтонгов возникли формы типа *kundymit*, *kundytim*, *kundysym* (< *kundysim*).

Та же необходимость была причиной замены старого показателя времени *-aj¹-* в формах настоящего-будущего времени новым показателем *-a-*.

Мокшанская форма *kunda-m-aj-t* ‘ты поймал меня’ создает впечатление, будто конечный гласный основы не подвергался изменению. На самом деле там также присоединялся дополнительный показатель времени *-j-*, но дифтонг *aj* в мокшанском в формах прошедшего времени превращался в *a*. Древний показатель субъекта действия *-t* был заменен новым показателем *-i-* под влиянием соответствующей формы безобъектного ряда, ср. мокш. *soka-t* ‘ты пахал’.

3-е л и ц о *kunda-m-aj²-zə ‘он поймал меня’.

Современные формы: эрз. *kundy-m-i-m*, мокш. *kunda-m-a-ń* ‘он поймал меня’.

В структуре современной эрзянской формы явно чувствуется влияние соответствующей формы настоящего-будущего времени *kunda-samat* ‘он поймает меня’, поскольку древний показатель субъекта действия *-zə*, как и в форме настоящего-будущего времени, заменен ложным показателем *-m*. Основа глагола *kunda-* по причине присоединения *-j²-* деформирована.

В мокшанской форме *kundamań* появился алогичный показатель субъекта *-ń* вместо древнего *-zə*.

Множественное число

2-е л и ц о **kunda-m-aj²-tə̃k* ‘вы поймали меня’.

Современные формы: эрз. *kundy-m-iž*, мокш. *kunda-m-a-št* ‘вы поймали меня’.

Эрзянская форма *kundymiž* фактически представляет форму 3-го лица мн. числа *kundymiž* ‘они поймали меня’. Эту же форму представляет и мокшанская форма *kundamašt*, где *-t* является ложным показателем субъекта действия.

3-е л и ц о *kunda-m-aj²-ž ‘они поймали меня’.

Современные формы: эрз. *kundy-m-i-ž*, мокш. *kunda-m-a-ž* ‘они поймали меня’.

В эрзянской форме *kundymiž* представлена деформированная основа *kundy-*. Сохранился показатель объекта действия *-m-*. Окончание *i* исторически из *-aj²ž*, где *-aj²-* является показателем 1-го прошедшего времени.

Мокшанская форма *kundamaž* возникла из *kundajmajž*.

Ряд «тебя»

Единственное число

1-е л и ц о *kunda-t-aj²-m ‘я поймал тебя’.

Современные формы: эрз. *kundy-t-i-ń*, мокш. *kundajx-t-ä-ń* ‘я поймал тебя’.

В эрзянской форме *kundy-t-i-ń* гласные *y* и *i* возникли из дифтонга *aj*, причем *i* перенесено по аналогии из форм *kundy-m-i-k* ‘ты поймал меня’ и *kundy-m-i-m* ‘он поймал меня’. Показатель субъекта действия *-m* заменен новым показателем *-ń*, проникшим из сферы безобъектного спряжения.

В мокшанской форме *kundajxtäń* *kundajx-* соответствует эрзянскому *kundaj-*. Дифтонг в мокшанском языке перед следующим глухим согласным сохранился. Сохранился также показатель объекта действия *-t-*. Необычный элемент *-äń* перенесен по аналогии из формы 2-го прошедшего времени безобъектного ряда, ср. мокш. *sokal-äń* ‘я пахал’. В мокшанском языке есть также омонимичная форма условного наклонения *sokaläń* ‘я пахал бы’.

3-е л и ц о *kunda-t-aj²-zə ‘он поймал тебя’.

Современные формы: эрз. *kundy-nz-i-t*, мокш. *kunda-ńzä* ‘он поймал тебя’.

В эрзянской форме *kundynzit* представлена деформированная основа *kundy-*. Показатель объекта действия *-t-* исчез. Вместо него вклинился показатель субъекта действия *-nz* с семантически неоправданным *n*, выражающим множество объектов действия. По всей видимости, *-nz* было соединено с показателем 1-го прошедшего времени *-aj²-(-nzaj)*, к которому был дополнительно прибавлен ложный показатель субъекта действия *-t-*.

Мокшанская форма *kundanžä* возникла из *kundaj-nzə*. В ней показатель объекта действия *-t-* также отсутствует.

Множественное число

1-е л и ц о **kunda-t-aj²-mə̃k* ‘мы поймали тебя’.

Современные формы: эрз. *kundy-d-i-ž*, мокш. *kunda-d-ä-ž* ‘мы поймали тебя’.

Древняя форма *kundatajmə̃k* в эрзянском и мокшанском языках заменена формами 3-го лица мн. числа того же рода. *Kundydiž* и *kundadäž* фактически означают ‘они поймали тебя’.

3-е л и ц о *kunda-t-aj²-ž 'они поймали тебя'.

Современные формы: эрз. *kundy-d-i-ž*, мокш. *kunda-d-ä-ž* 'они поймали тебя'.

В эрзянской форме *kundydiž* представлена деформированная основа *kundy-*. Показатель объекта *-t-* в интервокальном положении превратился в *-d-* (см. стр. 189). Конечное *-iž* из *-ajž*, где *-aj-* показатель времени. Изменение дифтонга *ai* в *u* нарушено аналогическим воздействием *-miž*, где *i* появлялось закономерно после *m*.

Мокшанская форма *kundadäž* восходит к *kundajajž*.

Ряд «его»

Как уже указывалось выше, характерной особенностью ряда «его» является отсутствие показателя объекта действия. Все формы строятся по схеме: «основа с дополнительным показателем 1-го прошедшего времени + показатель субъекта действия». Фактически в формах ряда «его», а также «их» произошло устранение второго показателя времени. Личные окончания при этом получили, по причине устранения показателя объекта, двойную функцию. Они стали указывать не только на принадлежность действия определенному лицу, но и на наличие у этого действия определенного объекта.

Единственное число

1-е л и ц о *kunda-s-aj²-m 'я поймал его'.

Современные формы: эрз. *kundy-j-a*, мокш. *kunda-j-nä* 'я поймал его'.

Эрзянская форма *kundyja* образована в известной степени по аналогии с соответствующей формой настоящего-будущего времени *kunda-sa* 'я поймаю его'. Конечный *a* здесь был воспринят как показатель субъекта действия. *Kundyja* образовано от *kundaj* + *a*. В получившемся таким образом *kundya* между гласными *y* и *a* развился буферный *j*.

В мокшанской форме *kundajnä* к *kundaj-* был присоединен вариант притяжательного суффикса 1-го лица ед. числа *-nä*.

2-е л и ц о *kunda-s-aj²-t 'ты поймал его'.

Современные формы: эрз. *kundy-k*, мокш. *kundaj-t'* 'ты поймал его'.

Эрзянская форма *kundyk* образована от *kundaj-*, к которому был присоединен новый показатель субъекта действия *-k*. Мокшанская форма *kundajt'* также образована от *kundaj-*. Показатель субъекта действия *-t'* проник из сферы безобъектного спряжения, ср. мокш. *soka-t'* 'ты пахал'. Дифтонг сохранился перед глухим согласным.

3-е л и ц о *kunda-s-aj²-zə 'он поймал его'.

Современные формы: эрз. *kundy-ze*, мокш. *kunda-zä*. Обе формы восходят к *kundajzə*.

Множественное число

1-е л и ц о *kunda-s-aj²-mžk 'мы поймали его'. Современные формы: эрз. *kundy-nek*, мокш. *kunda-s-k* 'мы поймали его'.

Эрзянская форма *kundynek* образована от *kundaj-nmžk*.

Мокшанская форма *kundašk* фактически образована на основе формы 3-го лица мн. числа того же ряда *kundaž* 'они поймали его' с прибавлением совершенно необычного показателя субъекта действия *-k*.

2-е л и ц о *kunda-s-aj²-tžk 'вы поймали его'.

Современные формы: эрз. *kundy-nk*, мокш. *kunda-s-t'* 'вы поймали его'.

Эрзянская форма *kundynk* образована от *kundaj-ntžk*. Мокшанская форма *kundašt* образована на основе формы 3-го лица мн. числа *kundaž*, к которой прибавлен ложный показатель субъекта действия *-t'*.

3-е л и ц о *kunda-s-aj²-ž 'они поймали его'.

Современные формы: эрз. *kundy-ž*, мокш. *kunda-ž* 'они поймали его'.

Обе формы восходят к *kundajž*.

Ряд «нас»

Единственное число

2-е л и ц о *kunda-m-aj²-n-t 'ты поймал нас'.

Современные формы: эрз. *kundy-m-i-ž*, мокш. *kunda-m-a-št'* 'ты поймал нас'. Формы неестественные. Фактически они представляют формы 3 лица мн. числа того же ряда. Ср. эрз. *kundymiž*, мокш. *kundamašt* 'они поймали нас'. В мокшанской форме *kundamašt'* плеонастически добавлен показатель субъекта действия *-t'*, перенесенный из безобъектного ряда.

3-е л и ц о *kunda-m-aj²-n-zə 'он поймал нас'.

Современные формы: эрз. *kundymiž*, мокш. *kundamaž*.

В обоих языках архаическая форма *kundamajnzə* 'он поймал нас' была заменена формой 3-го лица мн. числа того же ряда.

Множественное число

2-е л и ц о **kunda-m-aj²-n-tžk* 'вы поймали нас'.

Современные формы: эрз. *kundymiž*, мокш. *kundamašt'* 'вы поймали нас'.

Древняя форма *kundamajntžk* 'вы поймали нас' была заменена формой 3-го лица мн. числа того же ряда. В мокшанской форме имеется плеонастический показатель субъекта действия *-t'*.

3-е л и ц о. *kunda-m-aj²-n-ž 'они поймали нас'.

Современные формы: эрз. *kundymiž*, мокш. *kundamaž* 'они поймали нас'. Обе формы восходят к *kundajmajž*.

Ряд «вас»

Единственное число

1-е л и ц о *kunda-t-aj²-n-m 'я поймал вас'.

Современные формы: эрз. *kundydiž*, мокш. *kundadäž* 'я поймал вас'. Эти формы фактически представляют формы 3-го лица мн. числа того же ряда.

3-е л и ц о *kunda-t-aj²-n-zä 'он поймал вас'.

Современные формы: эрз. *kundydiž*, мокш. *kundadäž* 'он поймал вас'. Эти формы фактически также представляют формы 3-го лица мн. числа того же ряда.

Множественное число

1-е л и ц о **kunda-t-aj²-n-mžk* 'мы поймали вас'.

Современные формы: эрз. *kundydiž*, мокш. *kundadäž* 'мы поймали вас'. Нетрудно заметить, что и эти формы в действительности являются формами 3-го лица мн. числа того же ряда.

3-е л и ц о *kunda-t-aj²-n-ž 'они поймали вас'.

Современные формы: эрз. *kundydiž*, мокш. *kundadäž* 'они поймали вас'.

Современные формы *kundydiž* и *kundadäž* восходят к промежуточной форме *kundajtajž*. К основе *kunda-* был дополнительно прибавлен показатель прошедшего времени *-j-*, за которым следовал показатель объекта действия *-t-* и действительный показатель прошедшего времени *-(a)j-*. Конечно *ž* представляло показатель субъекта действия. Изменение дифтонга *ai* в последнем слоге в *i* вместо ожидаемого *y* обязано воздействию форм типа *kundymiž*. Мокшанская форма *kundadäž* восходит к той же промежуточной форме *kundajtajž*. Второй компонент дифтонга *j* в мокшанском, как известно, утрачивался. Палатализация второго *d*, возможно, возникла под влиянием конечного *ž*.

Ряд «их»

Единственное число

1-е л и ц о *kunda-s-aj²-n-m 'я поймал их'.

Современные формы: эрз. *kundyn*, мокш. *kundajnä* 'я поймал их'.

Эрз. *kundyn* возникло из *kundaj-n-m*. Показатель субъекта действия *-nm* был заменен новым показателем *-ñ*, проникшим из сферы безобъектного спряжения, ср. эрз. *lovnyñ* 'я читал'.

Мокшанская форма *kundajnä* образована от *kundaj-*. Показатель субъекта действия *-nm* заменен вариантом притяжательного суффикса 1-го лица ед. числа *-nä*.

2-е л и ц о *kunda-s-aj²-n-t 'ты поймал их'.

Современные формы: эрз. *kundy-t'*, мокш. *kundaj-t'* 'ты поймал их'.

Обе формы образованы от *kundaj-*. Показатель субъекта действия

-nt был заменен показателем *-t'*, проникшим из сферы безобъектного спряжения, ср. эрз. *lovny-t'* 'ты читал', мокш. *soka-t'* 'ты пахал'.

3-е л и ц о *kunda-s-aj²-n-zä 'он поймал их'.

Современные формы: эрз. *kundy-nze*, мокш. *kunda-zä-ñ* 'он поймал их'.

Эрзянская форма *kundynze* образована от *kundaj²-nzä*. В ней хорошо сохранился показатель субъекта действия *-nze*, в котором также сохранился показатель множественности объектов действия *-n-*.

Мокшанская форма *kundazäñ* образована от *kundaj-*. Показатель субъекта действия *-zä* не имеет показателя множественности объектов действия *-n-*. К показателю субъекта действия *-zä* дополнительно прибавлен ложный показатель субъекта действия *-ñ*.

Множественное число

1-е л и ц о **kunda-s-aj²-n-mžk* 'мы поймали их'.

Современные формы: эрз. *kundy-nek*, мокш. *kunda-š-k*.

Эрзянская форма *kundynnek* образована от *kundaj-*. Показатель субъекта *-nmžk* превратился в *-nek*. Мокшанская форма *kundašk* образована на основе формы 3-го лица мн. числа того же ряда, к которой прибавлен дополнительно ложный показатель субъекта действия *-k*.

2-е л и ц о **kunda-s-aj²-n-tžk* 'вы поймали их'.

Современные формы: эрз. *kundy-nk*, мокш. *kunda-š-t'* 'вы поймали их'.

Эрзянская форма *kundynk* образована от *kundaj-*. Показатель субъекта действия *-ntžk* превратился в *-nk*. Мокшанская форма образована на основе формы 3-го лица мн. числа *kundaž* 'они поймали их'. Показатель субъекта действия *-t'* заимствован из сферы безобъектного спряжения и фактически относится ко 2-у лицу ед. числа 1-го прошедшего времени, ср. мокш. *soka-t'* 'ты пахал'.

3-е л и ц о *kunda-s-aj²-n-ž 'они поймали их'.

Современные формы: эрз. *kundy-ž*, мокш. *kunda-ž* 'они поймали их'.

Обе формы восходят к *kundajž*. Во всех формах ряда «их» отсутствует показатель объекта действия.

Есть некоторые косвенные данные, указывающие на то, что в формах 1-го прошедшего времени объектного спряжения, относящихся к ряду «его» и ряду «их», показатель объекта действия некогда присутствовал. Попробуем для доказательства этого положения сравнить формы настояще-будущего и 1-го прошедшего времени ряда «их». В качестве примера берутся эрзянские формы.

Ед. число

1 л.	<i>kundasyñ</i>	'я поймаю их'	и <i>kundyn</i>	'я поймал их'
2 л.	<i>kundasyt'</i>	'ты поймаешь их'	и <i>kundyt'</i>	'ты поймал их'
3 л.	<i>kundasynze</i>	'он поймает их'	и <i>kundynze</i>	'он поймал их'

- 1 л. *kundasynek* 'мы поймаем их' и *kundynek* 'мы поймали их'
 2 л. *kundasyнк* 'вы поймаёте их' и *kundynк* 'вы поймали их'
 3 л. *kundasyž* 'они поймают их' и *kundyž* 'они поймали их'

Что заставило исчезнуть в формах 1-го прошедшего времени показатель объекта действия -s-?

Выше уже говорилось о том, что в истории мордовских языков был период, когда показатели обоих времен были одинаковыми. Формы обоих времен не имели фактически формальных различий, например *kunda-s-aj¹-m* 'я поймаю их' и *kunda-s-aj²-m* 'я поймал их', *kunda-s-aj¹-t* 'ты поймаешь их' и *kunda-s-aj²-t* 'ты поймал их' и т. д.

Язык должен был создать какие-то формальные различия. В формах других рядов обычно происходило дополнительное присоединение показателя 1-го прошедшего времени -j- к основе глагола. В ряде «его» и «их» были избраны два пути: к основе глагола был дополнительно присоединен показатель 1-го прошедшего времени -j-, что привело к устранению первичного показателя этого времени; показатель объекта действия -s- полностью исчез. Таким образом, формальное различие форм двух времен было достигнуто.

При более детальном изучении различных процессов, связанных с разрушением объектного спряжения в мордовских языках, выясняется, что изменение древних моделей совершалось не хаотично, а по определенным линиям, которые можно было бы определить следующим образом:

1. Разрушение системы специфических личных окончаний, выполнявших роль показателей субъекта действия и замена их другими показателями, присущими формам безобъектного спряжения или их полное исчезновение. Примерами такой замены могут служить формы типа *kundata-n* 'я поймаю тебя', *kundas-y* 'он поймаёт его', *kundy-ń* 'я поймал их', *kundy-t'* 'ты поймал их', *kundasa* 'я поймаю его' и т. д.

2. Исчезновение в ряде случаев специфических показателей объекта действия, ср., например формы прошедшего времени рядов «его» и «их» типа эрз. *kundy-k* 'ты поймал его', *kundy-nek* 'мы поймали его', *kundy-ń* 'я поймал их', *kundy-nk* 'вы поймали их' и т. д.

3. Исчезновение малоупотребительных форм объектного спряжения и замена их более употребительными формами. Такие сочетания, как «ты поймаешь нас», «он поймаёт нас», «вы поймаёте нас», «я поймаю вас», «он поймаёт нас» и «мы поймаем вас» употреблялись, по всей видимости, довольно редко. По этой причине все эти формы совпали внешне с более употребительными формами типа «они поймают нас» (эрз. *kundasamiž*, мокш. *kundasamašt*), «они поймают вас» (эрз. *kundatadyž*, мокш. *kundatädäž*) и т. д.

4. Приспособление некоторых форм объектного спряжения к формам безобъектного спряжения. Ср. эрз. *kundyń* 'я поймал их' и *kundyń* 'я поймал', *kundy-t'* 'ты поймал их' и *kundy-t'* 'ты поймал'.

5. Возникновение алогичных показателей субъекта. Примером могут служить такие формы, как эрз. *kundasamam* 'поймает он меня', так как показатель субъекта -m относится не к 3-у, а к 1-у лицу.

Такой же алогичный показатель субъекта действия встречается в эрзянской форме *kundatanzat* 'поймает он тебя', где -t относится не к 3-у, а к 2-у лицу.

6. Изменение основы глагола. В эрзянской форме *kundasamiž* 'поймают они меня' фактической основой глагола должна быть основа *kunda-*, а не *kundasa-*, в форме *kundyze* 'поймает он его' содержится также видоизмененная основа. Нормальная форма звучала бы как *kunda-saze*. Наблюдаются также случаи соединения основ. Так, например, в эрзянской форме *kundydiž* 'они поймали тебя' фактически содержится две основы 1-го прошедшего времени, причем одна основа включает в себя другую.

Не исключена возможность, что процессы разрушения системы объектного спряжения в мордовских языках стимулировались некоторыми экстралингвистическими факторами.

Можно предполагать, что формы мордовского объектного спряжения усваивались не финно-угорскими народами, в языках которых наличествовала иная схема выражения этих отношений. Обычные формы глагола сочетались с формами винительного падежа личных местоимений или имен существительных, что можно представить в виде следующих двух схем:

$$1) V + PE \dots\dots\dots + APP$$

или

$$2) V + PE \dots\dots\dots + ANS$$

V — основа глагола, *PE* — личное окончание (Personalendung), которое одновременно выполняло функцию показателя субъекта действия, *APP* — форма винительного падежа личного местоимения (accusativus pronomini personalis). Во второй формуле *ANS* означает винительный падеж имени существительного (accusativus nomini substantivi).

Если глагол в одном языке имеет стандартные личные окончания, то совершенно естественно, что восприятие специфических личных окончаний объектного спряжения другого языка у усваивающих мордовский язык будет в известной мере ослаблено. Это находит выражение в том, что личные окончания объектного спряжения или заменяются личными окончаниями необъектного спряжения, или смешиваются.

Наличие отдельно выраженного объекта в языках народов, усваивающих мордовский язык, не могло не вызвать ослабленного восприятия показателей объекта. Этим отчасти объясняется тот факт, что в некоторых формах объектного спряжения показатели объекта вообще отсутствуют или плеонастически повторяются.

Любопытно отметить, что, несмотря на довольно сильное иноязычное влияние, мордовское объектное спряжение не исчезло.

Сильное сопротивление его исчезновению, несомненно, оказывала видовая семантика форм объектного спряжения, которая мордовскому языку, очевидно, была необходима, поскольку формы объектного спряжения выражали действие, достигшее предела.

2-е прошедшее время

Фактически в роли показателя 2-го прошедшего времени выступает в эрзянском языке элемент *-li-*, например *kundy-li-mik* 'ты ловил меня'. Этот элемент обычно инфигируется перед показателем объекта. *Kundy-* восходит к *kundaj-*. К основе глагола *kunda-* здесь присоединен вторичный показатель 1-го прошедшего времени *-j-*.

Формы рядов «нас» и «вас» отсутствуют.

В мокшанском языке формы объектного спряжения во 2-м прошедшем времени фактически не употребляются. В эрзянском они довольно употребительны и служат средством нейтрализации видового значения объектных форм 1-го прошедшего времени.

ФОРМЫ ОБЪЕКТНОГО СПРЯЖЕНИЯ В КОСВЕННЫХ НАКЛОНЕНИЯХ

Формы объектного спряжения в косвенных наклонениях развиты довольно слабо. Такие наклонения, как побудительное, желательное и условно-сослагательное, в эрзянском языке не имеют форм объектного спряжения.

Повелительное наклонение имеет только три ряда — ряд «меня», ряд «его» и ряд «их». Показатель объекта действия наличествует только в ряде «меня», например *kunda-m-ak* 'поймай меня', *kunda-m-iž* 'поймайте меня'. В остальных рядах он отсутствует, например *kundyk* 'поймай его', *kundyt* 'поймай их'. Формы ряда «его» и «их» производятся от вторичной основы *kundaj-*. Условное наклонение имеет только три ряда — ряд «меня», «тебя» и «его». Формы объектного спряжения образует входящий в их состав глагол *defams*, например *kundyndeřasamak* 'если ты меня поймаешь' и т. д.

В мокшанском языке формы объектного спряжения косвенных наклонений более развиты. Мокшанский язык имеет формы объектного спряжения в повелительном, условном, сослагательном, условно-сослагательном и желательном наклонениях. Однако, как и в эрзянском, отсутствуют формы побудительного наклонения.

Условное наклонение имеет четыре ряда — ряд «меня», «тебя», «его» и «их». Формы объектного спряжения образует только входящий в состав форм условного наклонения глагол *dāřams*.

Сослагательное наклонение имеет только три ряда — ряд «меня», «тебя» и «его». Структура его форм довольно проста. К основе глагола прибавляется усеченная основа глагола *uləms lə-*, которое получает формы 1-го прошедшего времени объектного спряжения, например: *kunda-lə-majt* 'ты поймал бы меня', *kunda-lə-nzä* 'он пой-

мал бы его' и т. д. В 1-м лице ед. числа ряда 'тебя' эта основа имеет вид *li-*, например *kunda-li-jxtän* 'я поймал бы тебя'.

Эта же основа фигурирует также в формах условно-сослагательного и желательного наклонений, где она, как и в формах сослагательного наклонения, употребляется в 1-м прошедшем времени объектного спряжения, например *kundañdāřalmajt* 'если бы ты поймал меня', *kundałəksəřalmajt* 'ты хотел поймать меня' и т. д.

Интересно отметить, что в косвенных наклонениях не употребительны ряды «нас» и «вас», т. е. как раз те ряды, которые в изъяснительном наклонении не имеют четко дифференцированных форм отдельных лиц.

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ СПРЯЖЕНИЕ

А. БЕЗОБЪЕКТНОЕ СПРЯЖЕНИЕ

Настоящее время

Отличительной особенностью многих уральских языков является употребление особых форм отрицательного глагола для отрицания глагольного действия. При этом по лицам и временам изменяется только отрицательный глагол. Сам основной глагол не подвергается при этом никакому изменению, ср. финск. *lukea* 'читать', *en lue* 'я не читаю', *et lue* 'ты не читаешь', *ei lue* 'он не читает', *emme lue* 'мы не читаем', *ette lue* 'вы не читаете', *eivät lue* 'они не читают'; мар. *om lut* 'я не читаю', *ot lut* 'ты не читаешь', *ok lut* 'он не читает', *ona lut* 'мы не читаем', *oda lut* 'вы не читаете', *ot lut* 'они не читают' от *ludaš* 'читать'; коми-зыр. *og tyn* 'я не иду', *on tyn* 'ты не идешь', *oz tyn* 'он не идет', *ogō tynōj* 'мы не идем', *onō tynōj* 'вы не идете', *oz tynny* 'они не идут' от *tynny* 'идти' и т. д.

Мордовские языки в области настоящего времени отступили от этого принципа. Вместо отрицательного глагола употребляется неизменяемая отрицательная частица, ср. эрзя-м. *a kandan* 'я не несу', *a kandat* 'ты не несешь', *a kandy* 'он не несет' и т. д., мокша-м. *af kandan* 'я не несу', *af kandat* 'ты не несешь', *af kandy* 'он не несет' и т. д.

Трудно сказать, что предшествовало современному состоянию. Возможно, что в мордовских языках был когда-то в настоящее-будущем времени изменяемый отрицательный глагол, но никаких реликтов этого состояния даже в диалектах мордовского языка не сохранилось.

Что касается происхождения самих отрицательных частиц *a* и *af*, то они находятся в генетической связи с финским отрицательным глаголом *e-*, например *e-n lue* 'я не читаю'. Конечное *f* в мокшанском является, по-видимому, суффиксальным элементом, восходящим к *-pi*, ср. финск. *ei* 'не' из *epi*, также отрицательный префикс *-epä*, например *epä-kiitollinen* 'неблагодарный'¹⁰².

¹⁰² Fromm — Sadeniemi, стр. 103.

Того же мнения придерживается и Й. Синней, который объясняет первоначальное значение мокша-мордовского *af* как *nicht seiend*, т. е. «не сущий»¹⁰³.

1-е прошедшее время

В 1-м прошедшем времени архаическое состояние сохраняется. В обоих языках употребляется отрицательный глагол. Основной глагол при этом не подвергается никаким изменениям.

Ед. число	Эрзянский язык	Мн. число
1 л.	<i>eziñ kunda(k)</i> 'я не ловил' и т. д.	<i>ezinek kunda</i>
2 л.	<i>ezit' kunda</i>	<i>ezide kunda</i>
3 л.	<i>ež kunda</i>	<i>ežt' kunda</i>

Отрицательный глагол содержит показатель прошедшего времени *-ž-*, парадигма спряжения которого в реликтовом виде сохранилась в мордовских языках только в спряжении отрицательного глагола. Вероятнее всего здесь произошла контаминация двух показателей прошедших времен — прошедшего времени на *-ž-* и прошедшего времени на *-j-*.

Ед. число	Мокшанский язык	Мн. число
1 л.	<i>izəñ ašəñ</i>	<i>izəmə ašəmə</i>
2 л.	<i>izət' ašət'</i>	<i>izədä ašədä</i>
3 л.	<i>iž ašəž</i>	<i>išt' ašəšt'</i>

В мокшанском языке по существу употребляется двойное отрицание: при помощи отрицательного глагола *i-* и при помощи отрицательного глагола *aš-*, который может употребляться также и самостоятельно, ср., например, *mon ašəñ jaka* 'я не ходил', *son ašəž jaka* 'он не ходил' и т. д.¹⁰⁴ Происхождение этого глагола неизвестно.

Повелительное наклонение

В повелительном наклонении употребляется в эрзянском языке отрицательный глагол *il'a*, например *il'a kunda* 'не лови', *il'ado kunda* 'не ловите'. Этимологически эрзя-мордовское *il'a* связано с финским *älä-*, ср. финск. *älä lue* 'не читай', *älkää lukeko* 'не читайте'.

Поскольку побудительное наклонение семантически очень близко к повелительному, то в эрзянском языке тот же самый отрицательный глагол употребляется и в формах побудительного наклонения, например:

¹⁰³ Szinnye — I, стр. 141.

¹⁰⁴ MPC, стр. 24.

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>il'azan</i>	<i>il'aztano</i>
2 л. <i>il'azat</i>	<i>il'aztado</i>
3 л. <i>il'azo</i>	<i>il'ast</i>

и т. д.

В мокшанском языке вместо отрицательного глагола *il'a-* в повелительном и побудительном наклонениях употребляется отрицательный глагол с основой *t'a-*.

Повелительное наклонение

2 л. ед. ч.	<i>t'at kunda</i>	'не лови'
2 л. мн. ч.	<i>t'ada kunda</i>	'не ловите'

Побудительное наклонение

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>t'azan</i>	<i>t'astama</i>
2 л. <i>t'azat</i>	<i>t'astada</i>
3 л. <i>t'aza</i>	<i>t'ast</i>

и т. д.

Происхождение отрицательного глагола *t'a-* неизвестно.

Желательное наклонение

Принцип отрицания в желательном наклонении в эрзянском и мокшанском языках неодинаков. В эрзянском языке перед формами желательного наклонения употребляется неизменяемая частица *a*, например *a kundykseliñ* 'я не хотел бы ловить', *a kundykselit'* 'ты не хотел бы ловить' и т. д.

В мокшанском языке оформление желательного наклонения принимает отрицательная частица *afäl'*, а глагол ставится в восполнительной форме.

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>afäləksäləñ</i>	<i>afäləksäləmə</i>
2 л. <i>afäləksälət'</i>	<i>afäləksälədä</i>
3 л. <i>afoləksäl'</i>	<i>afäləksäl'xt'</i>

'я не хотел бы ловить' и т. д.

Отрицательная частица *afäl'*, по-видимому, составлена из двух частей — *af* и *äl* < *ul* < *uli* — окаменелая форма 3-го лица ед. числа 1-го прошедшего времени вспомогательного глагола *uləms* 'быть'.

Сослагательное наклонение

Эрзянский язык

Ед. число			Мн. число	
1 л.	<i>avoleñ</i>	} <i>kunda</i>	<i>avolenek</i>	} <i>kunda</i>
2 л.	<i>avoleť</i>		<i>avolede</i>	
3 л.	<i>avol'</i>		<i>avol't'</i>	
		'я не ловил бы' и т. д.		

Мокшанский язык

Ед. число			Мн. число	
1 л.	<i>afäləñ</i>	} <i>kunda</i>	<i>afäləmə</i>	} <i>kunda</i>
2 л.	<i>afälət'</i>		<i>afälədä</i>	
3 л.	<i>afäl'</i>		<i>afäl'xt'</i>	

Отрицательная частица *af*, *av* здесь сочетается с формами прошедшего времени вспомогательного глагола *ulems* 'быть'. Интересно отметить, что в данном случае формы 1-го прошедшего времени вспомогательного глагола *ulems* в эрзянском и мокшанском языках являются одинаковыми.

Для отрицания форм условного и условно-сослагательного наклонения в эрзянском языке употребляется неизменяемая частица *a*, например *a kundyñdefañ* 'если я не поймаю', *a kundyñdefavliñ* 'если бы я не поймал' и т. д. В мокшанском употребляется неизменяемая частица *af*, например *af sokañ-däfan* 'если я не вспашу', *af sokañdäfaləñ* 'если бы я не вспахал' и т. д.

Б. ОБЪЕКТНОЕ СПРЯЖЕНИЕ

Настояще-будущее время

Для отрицания действия в формах объектного спряжения будущего времени в эрзянском языке употребляется неизменяемая частица *a*, которой в мокшанском языке соответствует частица *af*, ср. эрз. *a kundasamak* 'ты не поймашь меня', *a kundasamat* 'он не поймает меня' и т. д., мокш. *af kundasamak* 'ты не поймашь меня', *af kundasamašt'* 'вы не поймаете меня' и т. д.

1-е прошедшее время

В формах 1-го прошедшего времени объектного спряжения основной глагол не подвергается никаким изменениям, употребляясь в виде чистой основы. Изменяется отрицательный глагол, который и образует соответствующие формы объектного спряжения, ср. эрз. *ëzimik kunda* 'ты не поймал меня', *ëzimim kunda* 'он не поймал меня', *ëzija kunda* 'я не поймал его', *il'amak kunda* 'не лови меня' и т. д.

В мокшанском языке на равных правах могут употребляться два отрицательных глагола с основами *i-* и *aš-*, например *ize-majt' kunda* и *ašemajt' kunda*, 'ты не поймал меня', *izijxtāñ kunda* и *ašijxtāñ kunda* 'я не поймал тебя' и т. д.¹⁰⁵

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

В мордовских языках имеются три глагола, которые можно было бы назвать вспомогательными. Это глаголы *ulems*, *uləms* 'быть', *karmams* 'начинать' и *tejems*, *tijəms* 'делать'.

Глагол *u l e m s*, *u l ə m s*

Глагол *ulems*, *uləms* 'быть' в мордовских языках может иметь вполне нормальное спряжение, но в отличие от прибалтийско-финских языков и даже марийского его функция глагола-связки является очень слабой. Слабость этой функции объясняется следующими причинами:

1. В мордовских языках, как в русском и татарском языках, в настоящем времени глагол-связка в 3-м лице обычно опускается, например эрз. *son ava* 'она женщина', *syñ avat* 'они женщины', ср. в финском языке *hän on nainen*, *he ovat naiset*.

2. В 1-м и 2-м лице роль связки могут выполнять специальные суффиксы сказуемого изменения, например *sazor-an* 'я сестра', *sazor-at* 'ты сестра' и т. д.

Глагол *ulems* (*uləms*) в роли связки может употребляться только в значении будущего времени, например эрз. *Sižgemeñ moñ kudan*, *kavksoñgemeñce moñs ul'an* 'Семьдесят семь у меня сватев. Восьмидесятой буду сама', мокш. *Nu, täni ul'xt'ama svatt* 'Ну, теперь будем свататься'.

Употребление глагола *ulems* в этой роли нельзя назвать типичным мордовским явлением. Оно возникло под влиянием русского языка. Глагол *ulems* здесь фактически имеет значение русского глагола 'стать', 'становиться', ср., например, тат. *Sin kəm bulasyñ?* 'Ты кем будешь?' Глагол-связка в настоящем времени в татарском языке также не употребляется.

3. В прошедшем времени роль самостоятельного глагола-связки могут также выполнять специальные суффиксы сказуемого изменения, например эрз. *pokš-oleñ* 'я был большим', *pokš-olet'* 'ты был большим', *pokš-ol'* 'он был большим' и т. д.

Это, однако, не означает, что употребление глагола *ulems*, *uləms* в прошедшем времени в роли глагола-связки в мордовских языках вообще исключено, ср., например, эрз. *Moramodo kol u l' n i ñ* 'Петь мастерица была я', мокш. *Savaš ni u l's kudsa* 'Роза уже была дома'¹⁰⁶. Однако по сравнению с прибалтийско-финскими языками эта роль у мордовского глагола *ulems*, *uləms* сильно ослаблена.

¹⁰⁵ ГМЯ, стр. 319.

¹⁰⁶ Коляденков — I, стр. 241.

Глагол *ulems*, мокш. *uläms* 'быть' генетически родствен марийскому глаголу *ulaš* 'быть', финскому *olla* 'быть', коми-зыр. *ovny* (*oluy*) 'жить', удм. *ulyny* 'жить'.

Спряжение глагола *ulems* в современных мордовских языках имеет некоторые специфические особенности. В некоторых формах 1-го прошедшего времени основа глагола в эрзянском языке осложняется суффиксом *-ne-*, например *ul'niñ* 'я был', *ul'niť* 'ты был', *ul'neš* 'он был' и т. д. Этот суффикс восходит к суффиксу многократного действия *-nde-*. В мокшанском языке глагол *uläms* употребляется без суффикса, ср., например, *uläñ* 'я был', *ul'š* 'он был' и т. д.

В эрзянском языке глагол *ulems* в 1-м прошедшем времени некогда также употреблялся без суфф. *-ne-*. Об этом свидетельствуют прежде всего формы сказуемого изменения в 1-м прошедшем времени, например *pokš-oleñ* 'я был большим', *pokš-olit'* 'ты был большим', *pokš-ol'* 'он был большим' и т. д.

Старую парадигму спряжения глагола *ulems* в 1-м прошедшем времени можно было бы восстановить в следующем виде:

	Ед. число		Мн. число
1 л.	* <i>uläjn</i> 'я был'	* <i>uläjneš</i> 'мы были'	
2 л.	* <i>uläjť</i> 'ты был'	* <i>uläjde</i> 'вы были'	
3 л.	* <i>uläj(uli, ul)</i> 'он был'	* <i>uläj(t)</i> 'они были'	

В мокшанском языке прежнее состояние сохраняется в лучшей степени.

Можно предположить, что некогда в древнем эрзянском языке наряду с глаголом *ulems* 'быть' существовал глагол *ulendems* 'бывать'. В мокшанском языке он существует и в настоящее время. Формы глагола *ulendems*, *ul'nems* вклинились в эрзянском языке в парадигму 1-го прошедшего времени глагола *ulems* и частично вытеснили старые бессуффиксальные формы.

В современных формах 3-го лица ед. числа эрз. *ul'neš* и мокш. *ulš* 'он был' конечное *š* также является вторичным образованием. Когда-то его здесь не было, ср. такие формы, как *pokš-ol'* 'он был большим', *aravtož-el'* 'он был поставлен', *šormadož-el'* 'он был написан' и т. д.

Глагол *karmams*

Вспомогательный глагол *karmams*, имеющий значение 'начинать', как указывалось выше, употребляется в мордовских языках для образования аналитического будущего времени, ср. эрз. *karmān šormadomo* 'я буду писать', *karmat šormadomo* 'ты будешь писать' и т. д.

Этимологически Б. Коллиндер сопоставляет его с ненецким глаголом *harwa* 'желать', 'хотеть' ¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Collinder — II, стр. 22.

Глагол *tejems, tijäms*

Глагол *tejems, tijäms* буквально означает 'делать'.

Глагол *tejems, tijäms* употребляется в мордовских языках как вспомогательный глагол, в роли сопроводителя форм 1-го прошедшего времени для выражения маломерности действия, например эрз. *jarcuñ-teiñ* 'поел немного', *čaraš-tejš* 'покружился', *aštešt'-tejšt'* 'посидели', мокш. *jarxšaš-tiš* 'поел' и т. д.

Глагол *tejems*, мокш. *tijäms*, обычно сопоставляется с финск. *tehda* 'делать' (основа *teke-*), саамск. *dâkkâ-, dâgâ-* и венг. *tev-* 'делать' ¹⁰⁸. Первоначально основа глагола *tejems, tijäms* имела вид *teke-*.

Употребление этого глагола для выражения маломерного действия является самобытным мордовским явлением и не имеет параллелей в других уральских языках.

НЕСПРЯГАЕМЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

ПРИЧАСТИЕ

В современных мордовских языках существуют два типа причастий — причастие настоящего времени и причастие прошедшего времени.

ПРИЧАСТИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

В эрзянском языке причастия настоящего времени образуются при помощи суфф. *-i (-y)*, *-ij (-yj)*, *-iča (-yča)*, например эрз. *moryča lomañ* 'поющий человек', *kudoñ vany kiska* 'собака, охраняющая дом'.

В мокшанском языке причастия настоящего времени образуются с помощью суфф. *-y, -i (-j)*, *-aj*, например *paly tol* 'горящий огонь', *moraj lomañ* 'поющий человек', *saj pingä* 'будущее время', *tañ kel'gi šaba* 'ребенок, любящий яблоки' ¹⁰⁹.

Эрзянские и мокшанские причастия настоящего времени, характеризующиеся суфф. *-i (-y)*, *-ij (-yj)*, *-aj*, типа *vany* 'охраняющий', *kelgi* 'любящий', *moraj* 'поющий' восходят к прауральскому отглагольному имени существительному с суфф. *-j*. Рефлексы этого имени встречаются и в других уральских языках, ср. удм. *ger-y* 'плуг', первоначально 'пашущий', коми-зыр. *šondy* 'солнце', первоначально 'светящее', ср. удм. *šundyny* 'светить', коми-зыр. *šondyny* 'греть'.

Причастие на *-j*, по-видимому, некогда существовало в ненецком языке. Некоторые его реликты представлены в современном языке именами действия типа *talle-j* 'вор', т. е. 'ворующий',

¹⁰⁸ Collinder — II, стр. 119.

¹⁰⁹ ГМЯ, стр. 320.

pone-j 'ураган', т. е. 'крутящийся', *kare-j* 'хорей', т. е. 'пугающий'¹¹⁰.

Встречаются причастия с этим суффиксом также в некоторых диалектах саамского языка, например шведско-саамс. *puolle-je* 'горящий', кольско-саамск. *osse-j* 'идуший'.

Некоторые исследователи предполагают, что суффикс причастия *-yś*, *-iś* в пермских языках является сложным по своему составу, где *-y*, *-i* является особым суффиксом, генетически родственным причастному суфф. *-j*¹¹¹.

О тесной связи этих причастий с отглагольными именами свидетельствуют такие образования, как финск. *osta-ja* 'покупатель', *lähettä-jä* 'отправитель' и т. д.¹¹²

В общемордовском языке причастие настоящего времени образовалось по довольно простой схеме: к основе глагола присоединялся суфф. *-j*, например *mora-j* 'поющий', *mola-j* 'идуший' и т. д. В эрзянском языке почти все древние конечные дифтонги типа *ai*, *oi*, *ei* превратились в монофтонги. Древнее *sodaj* 'он знает' через промежуточную ступень *soduj* превратилось в *sody*, *putuj* 'положит' превратилось сначала в *putyj*, затем в *puty*, *molij* 'пойдет' превратилось в *molj* и т. д. Дифтонг *ai* в мокшанском остался без изменения.

Эрзянское причастие настоящего времени с суффиксом *-iśa* (*-yśa*) возникло в результате осложнения причастия настоящего времени на *-j* новым суфф. *-śa*, например *sokaj* + *-śa* дало современное эрзянское *sokiśa*, 'пашущий или пахарь', *moraj* + *-śa* дало современное *moryśa* 'поющий' или 'певец'.

Т. Лехтисало возводит эрзянский суфф. *-śa* к прауральскому суффиксу отыменных имен существительных *-iś*. Параллели в других уральских языках: норв.-саамск. *oaivo-š* 'место выхода реки из озера' (от *oaive* 'голова'), *mâro-š* 'задняя часть стада' (*mârpe-ŋ* 'сзади'), финск. *kari-tsa* 'ягненок' (*kari*, *karu*, *karkku* 'ягненок'), кар. *hebo-čču* 'маленькая тощая лошадь' (ср. финск. *hepo* 'лошадь'), *briha-čču* 'мальчик' (*briha* 'подросток'), коми-зыр. *pyry-dž*, удм. *pyry-tš* 'пашня', 'лом' (хант. *parlĭ* 'лом'), коми-зыр. *jur-ödž*, коми-перм. *jur-otš* 'подушка' (*jur* 'голова'), мар. *tal-za* 'месяц', 'луна', манс. *ap-ši* 'младший брат', хант. *ap-šĭ* 'младший брат', возможно также венг. *üt-es* 'удар' (*üt* 'бить'), *kerdes* 'вопрос' (*ker* 'спрашивать' и т. д.)¹¹³.

Менее вероятно заимствование суфф. *-śa* из татарского языка, хотя сходный по значению и звучанию суффикс в татарском языке встречается, ср. тат. *jazu-čy* 'пишущий', 'писатель' от *jaz* 'писать', *tözü-čä* 'строющий', 'строитель', от *töz* 'строить' и т. д.

¹¹⁰ — Lehtisalo, 63—64.

¹¹¹ Szinnye — 1, стр. 94.

¹¹² Szinnye — 1, стр. 95—96.

¹¹³ Lehtisalo, стр. 205—209.

Причастие на-ž

Причастие прошедшего времени образуется в эрзянском языке при помощи суфф. *-ž*, например *soka-ž* 'вспаханный', *nie-ž* 'сжатый', *aravto-ž* 'поставленный', *šormado-ž* 'написанный' и т. д.

Причастный суфф. *-ž* возводится к прауральскому суффиксу отглагольных имен *-š*¹¹⁴. Прауральский суфф. *-š* имеет рефлекс в других уральских языках, ср. коми-зыр. *lokt-y-š* 'приходящий', *mun-y-š* 'идуший', мар. *onžakta-šo* 'показывающий' от *onžaktaš* 'показывать', *woza-šo* 'пишущий' от *wozaš* 'писать'.

Есть отражение этого суффикса и в обско-угорских языках, ср. мансийское пассивное причастие прошедшего времени на *-s*, например *posxe-s* 'вылепленный' от *posxi-* 'лепить', а также имена действия на *-s* типа *unla-s* 'сидение'. В хантыйском этот суффикс встречается в отглагольных именах типа *nam-a-s* 'разум' (от *nom-* 'вспоминать')¹¹⁵.

Причастие на-vt (-vt), -f

В эрзянском языке наряду с причастием на *-ž* может употребляться причастие на *-vt* (*-vt*). Это причастие выступает только в системе переходного глагола в сочетании с подчиненным словом в родительном падеже или в сходной с ним падежеобразной форме на *-ñ*, например эрз. *улакнъ максовт од теитерь* 'намени выданная де-вушка' или *тетянь сокавт мода* 'отцом вспаханная земля'¹¹⁶.

Причастие на *-f* в мокшанском языке соответствует по значению эрзянскому причастию на *-ž* и употребляется довольно широко, ср., например, *soka-f* 'вспаханный', *šormat-f* 'записанный', *nolda-f* 'спущенный', *nu-f* 'сжатый', *aškät-f* 'свернутый' и т. д. В настоящее время установлено, что суфф. *-f* происходит от суфф. *-vt*.

В суфф. *-vt* неясным остается происхождение его первого составного элемента *v*. Й. Буденц возводит этот составной элемент к угорскому (resp. финно-угорскому) суфф. *-b*¹¹⁷, к которому он и возводит финский суфф. *-va*, *-vā*¹¹⁸. По мнению Т. Лехтисало, трудно определить, восходит ли мокшанский суфф. *-f* и эрзянский *-v* к *-p*, или они восходят к *-k*¹¹⁹. Известно, что группа *kt* в истории мордовских языков превращалась в *vt*. Сам Лехтисало скорее склонен видеть в этом суффиксе наследника древнего *k*, отражающего прауральский суффикс отглагольных имен существительных *-k*¹²⁰. Рефлексы его имеются в разных уральских языках, ср. саамск. *golgâdak* 'невод для загонного лова' от *golgâdit* 'неводить'¹²¹, финск. диал. *puhek*

¹¹⁴ Lehtisalo, стр. 196.

¹¹⁵ Там же, стр. 199.

¹¹⁶ ГМЯ, стр. 323.

¹¹⁷ Budenz, стр. 186.

¹¹⁸ Там же, стр. 182.

¹¹⁹ Lehtisalo, стр. 252.

¹²⁰ Там же, стр. 348.

¹²¹ Lehtisalo, стр. 344.

‘речь’, мар. *šerye* ‘гребень’ от *šeräm* ‘чесать’; современное венгерское причастие настоящего времени, оканчивающееся на -o, -ö, в старых памятниках венгерской письменности имело окончание -aγ или -eγ, например *szántaγ*, *szaltaγ* ‘поле’ от *szánt* < *szamt* ‘пахать’¹²². Т. Лехтисало сообщает также, что П. Равила сравнивал в своих лекциях мордовский причастный суффикс -ft с финским -ut *sanonut* ‘сказанный’¹²³.

Причастие на -ñ

В мокша-мордовском языке отмечены реликты некогда существовавшего в нем причастия прошедшего времени на -ñ типа *kado-ñ* ‘оставленный’, *vida-ñ* ‘засеянный’.

Этот суффикс Т. Лехтисало, правда нерешительно, возводит к прауральскому суффиксу отглагольных имен -n¹²⁴.

Рефлексы его имеются во многих уральских языках, ср., например, суффикс ненецкого причастия -na (-ñä), например *ile-ña*, ‘живущий’, мансийское причастие с суффикс -ne, -an и -n, например *min-ne* ‘идущий’, *xaništ-an* ‘учащий’, *turm-an* ‘ныряющий’, причастие на -an в языке коми, например *vur-an dōrōm* ‘рубашка, которая шьется’ и причастие на -no в удмуртском языке, например *kižo-no kidys* ‘зерно, предназначенное для сева’. Сюда же относится и древнее марийское причастие на -en, *en*, имеющее в современном марийском языке значение деепричастия, например *lud-en*, ‘читая’, *onžakt-en* ‘показывая’. Причастие на -n содержится также в форме активного причастия на -nut (-nyt) в современном финском языке, например *otta-nut* ‘взявший’. К древнему причастному суффиксу -n здесь присоединился другой суффикс -ut (-yt), наминающий суффикс прилагательных -ut (-yt), например *lyhyt* ‘короткий’¹²⁵.

В калфиордском диалекте саамского языка отмечены причастия на -n (-na) типа *barga-n* ‘работавший’, *boatte-n* ‘пришедший’. В диалекте эстонского языка на о-ве Эзель имеются формы активных причастий на -n (-na) типа *sur-n* ‘умерший’, *tul-n* ‘пришедший’, *saa-n* ‘полученный’¹²⁶.

Причастие на -ks

Страдательные причастия настоящего времени как в эрзянском, так и в мокшанском языках образуются при помощи суффикса -ks, например эрз. *Весень вечкевикс ломань*, мокш. *Сембонди кельговикс ломань* ‘Всеми любимый человек’, эрз. и мокш. *Содавикс писатель* ‘Знаемый (известный) писатель’¹²⁷.

Эти причастия образовались от основ глаголов с суффиксом -v- типа эрз. *večkevems*, мокш. *kel'gāvāms* ‘быть любимым’ с помощью суффикса -(i)ks. Они образуются по той же схеме, что и отглагольные прила-

гательные на -(i)ks, ср. эрз. *maštoviks* ‘пригодный’ от *maštovoms* ‘пригодиться’, *kortaviks* ‘сговорчивый’ от *kortavoms* ‘быть уговоренным’, мокш. *eřaviks* ‘необходимый’, ‘нужный’ от *eřavāms* ‘потребоваться’ и т. д.; -ks — суффикс превратительного падежа.

Причастие на -ma, -mā

С помощью суффикса -ma в мордовских языках образуются страдательные причастия, ср., например эрз. *večkē-ma lomañ* ‘любимый человек’ от *večkems* ‘любить’, *makso-ma tejteř* ‘выдаваемая замуж девушка’ от *maksoms* ‘давать’, ‘выдавать’. Соответственные образования в мокшанском: *kel'gā-ma lomañ* ‘любимый человек’ от *kel'gāms* ‘любить’, *maksā-ma štiř* от *maksāms* ‘давать’, ‘выдавать’¹²⁸.

Причастные суффиксы -ma, -mā восходят к прауральскому суффиксу отглагольных имен существительных -m, которые в отдельных уральских языках превращались в причастия. Имеются многочисленные рефлексы этого суффикса, ср. коми-зыр. *mun-ōm* ‘ушедший’; удм. *mun-em* ‘ушедший’, мар. *āštā-me* ‘сделанный’, *lud-mo* ‘прочитанный’, хант. *man-əm* ‘ушедший’, манс. *ali-m* или *ala-m* ‘убитый’, ненецк. *ha-my* ‘звавший’, *janger-my* ‘певший’, финск. *otpele-ma* ‘сшитый’, саамск. *boatta-m* ‘пришедший’ и т. д.

Генетически причастия на -m тесно связаны с отглагольными именами на -m, ср. коми-зыр. *ol-ōm* ‘жизнь’, *viš-ōm* ‘болезнь’, *velodč-ōm* ‘учение’, удм. *ul-em* ‘жизнь’, *mun-em* ‘хождение’, саамск. *aellā-m* ‘жизнь’, *jabm-em* ‘смерть’, венг. *al-om* ‘сон’, *ör-ōm* ‘радость’, мар. *jül-em* ‘гарь’, *kuč-em* ‘ручка’, эрзя-м. *mizgolda-mo* ‘насмешка’, *pozorda-mo* ‘царапание’, *nička-mo* ‘изнурение’ и т. д.

Отличительной особенностью причастий древних уральских языков была временная и залоговая недифференцированность. Одно и то же причастие в зависимости от контекста речи могло выражать действие, относящееся или к плану настоящего или к плану прошедшего, могло иметь и активное и пассивное значения. Отдельные реликты этого древнего состояния наблюдаются в мордовских языках и в настоящее время. Так, например, в мокшанском *moraj* (причастие настоящего времени) означает ‘поющий’, но то же самое причастие от глагола *šačāms* ‘рождаться’ *šači* ‘рождающий’ может иметь в некоторых контекстах значение ‘рожденный’. Причастие на -ž в эрзянском может иметь и активное и пассивное значения, например *keřaž čuvto* ‘срубленное дерево’, но *šavorež čuvto* ‘свалившееся дерево’¹²⁹. В современном эрзянском и мокшанском языках причастие на -ž определяется обычно как причастие прошедшего времени, но развившееся на базе этого причастия деепричастие на -ž может обозначать действие одновременное с действием сказуемого, ср. эрз. *Ejkakšoš avardež saš kudov*, мокш. *Šabaš avardež saš kudu* ‘Ребенок плача пришел домой’¹³⁰.

¹²² Там же, стр. 348, 349.

¹²³ Там же, стр. 348.

¹²⁴ Lehtisalo, стр. 126.

¹²⁵ Бубрих — I, стр. 82.

¹²⁶ Lehtisalo, стр. 123.

¹²⁷ ГМЯ, стр. 323.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ ГМЯ, стр. 323.

¹³⁰ Там же, стр. 325.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Если образование многих причастий в мордовских языках восходит к очень глубокой древности, то этого нельзя сказать о деепричастиях. Деепричастия образовались относительно поздно. Материалом для их образования послужили местные падежи отглагольных имен существительных или причастия, получившие в определенных случаях значение деепричастий.

Деепричастие на *-msto*, *-mstë*, *-msta*

Деепричастие на *-msto*, *-mstë*, *-msta* в мордовских языках обычно обозначает действие, протекающее одновременно с действием, выражаемым глагольной формой главного предложения, например:

Эрз.: «*Кода жо, — карточканть в а н н о м с т о мерь Семен Иванович, — сисемце классонть вейсэ прядынек*»; мокш.: «*Кода мле, — карточкатъ в а н о м с т а мярьгъ Семен Иванович, — сисемце класъ марса аделаськ*». «Как же, — рассматривая карточку, сказал Семен Иванович, — седьмой класс вместе кончали»¹³¹.

Деепричастие на *-msto*, *-mstë*, *-msta* представляет застывшую форму исходного падежа отглагольного имени существительного на *-mo*, *-ma*, например эрз. *juta-mo* 'прохождение' от *jutams* 'проходить', *jutam-sto* 'проходя' и т. д.

Известным катализатором, способствовавшим процессу образования деепричастий этого рода, могло быть наличие в мордовских языках наречий на *-sto*, *-sta* типа эрз. *vadŕa-sto* 'хорошо', *kelej-stë* 'широко', мокш. *cebäŕ-sta* 'хорошо', *mazy-sta* 'красиво' и т. д.

Деепричастие на *-mok*

Деепричастие на *-mok* встречается только в мокшанском языке. Оно может обозначать как действие, протекающее одновременно с действием, выраженным глаголом главного предложения, так и предшествовать ему, например:

Т а н а ф н е м о к вуза, сон сидеста кучесь сёрмат школав, коса тонафнесь 'Учась в вузе, он часто посылал письма в школу, где учился'; *С р г о з е м о к, шабась аварьгодъ* 'Проснувшись, ребенок заплакал'¹³².

Мокшанское деепричастие на *-mok* в известной степени напоминает марийское деепричастие на *-теке*, например: *Пурен шогалмеке, шылланат* 'Зайдя, все умолкают'¹³³.

Образовано это деепричастие от отглагольного имени на *-mo*, *-me* путем присоединения к нему какого-то падежного суффикса. Возможно, что суфф. *-mok* представляет усеченный вариант суффикса древнего латива *-ka*. Этот усеченный вариант суффикса иногда обнаруживается в некоторых послелогах и наречиях, ср. эрз. *раč-k* 'через'.

¹³¹ ГМЯ, стр. 324.

¹³² Там же, стр. 326.

¹³³ СМЯ, стр. 260.

Деепричастие на *-do*, *-da*

В эрзянском и мокшанском языках иногда употребляются деепричастия на *-do*, *-da*, ср. эрз. *lovnan ozado*, мокш. *luvan ozada* 'читаю' сидя или эрз. *aštán komado*, мокш. *aščan komadä* 'стою наклонившись'¹³⁴.

Можно предполагать, что в мордовских языках некогда существовало причастие на *-do*, *-da*. Реликты былого причастного значения деепричастия на *-do*, *-da* сохраняются до сих пор, ср., например, эрз. *ortaš panžado* 'ворота раскрыты', *štado* 'раскрыто', *štado udan* 'сплю раскрытый, неодетый', *čapaks paŕ štado ila kadno* 'квашню не оставляя раскрытой'¹³⁵. Позднее, очевидно, деепричастие на *-do*, *-da* получило значение деепричастия.

Суффикс деепричастия *-do*, *-da*, по всей видимости, генетически связан с суффиксом прилагательных на *-do*, *-dä*, ср. эрз. *naksa-do* 'гнилой', *val-do* 'светлый' и т. д.

Возможна также связь этого суффикса с отглагольными именами на *-t*, встречающимися в некоторых уральских языках, ср. формы инфинитивов; саамск. *gulla-t* 'слушать', финск. *vasta-ta* 'отвечать', хант. (ср. обск.) *wor-ta* 'толкать', *kanš-ta* 'искать', казымск. *wer-tä* 'делать', *wu-tä* 'брат'. Суфф. *-tä* используется в казымском диалекте также для образования причастий настоящего времени, ср. *man-tä* 'идуший', *wer-tä* 'делающий'.

В ненецком языке также существует причастие с суфф. *-ta*, *-da*, например *han-da* 'зовущий'.

По-иному объясняет происхождение этого суффикса П. А. Аристэ. Он связывает его с суффиксом аблатива *-do*. По его мнению, точными соответствиями мордовских деепричастий на *-do* являются употребляемые в эстонском языке формы глаголов *istu* 'сидя', *seisu* 'стоя' < *istuda*, *seisoida*¹³⁶.

Деепричастие на *-ž*

В современных мордовских языках довольно употребительны деепричастия на *-ž*, например:

Эрз.: *Патям а в а р д е з ь сась ульцясто* 'Старшая сестра моя плача пришла с улицы'; *Иван прянь н о л д а з ь ашти* 'Иван стоит, опустив голову'¹³⁷, мокш.: *Баярхне эрясть ломанень а в а р ь ф н е з ь* 'Помещики жили, заставляя плакать людей'¹³⁸.

Деепричастия на *-ž*, по всей видимости, возникли на базе причастий на *-ž* в результате переосмысления их значения. Наличие деепричастий на *-ž* в мокшанском свидетельствует о том, что причастие на *-ž* когда-то существовало и в этом языке.

¹³⁴ ГМЯ, стр. 325.

¹³⁵ Евсеев, стр. 293.

¹³⁶ Аристэ, стр. 305.

¹³⁷ Евсеев, стр. 292.

¹³⁸ ГМЯ, стр. 325.

Отрицание действия, выраженного причастиями на *-ž* и *-f*, осуществляется посредством отрицательной частицы *apak* 'не'. При этом причастия испытывают следующие изменения: Причастия прошедшего времени с отрицанием *apak* в эрзя-мордовском языке теряют суфф. *-ž*, например *apak lovno kniga* 'непрочитанная книга', *apak soka paksä* 'невспаханное поле'. В мокшанском языке в данном случае вместо суфф. *-f* появляется суфф. *-k* или *-t*, например: *apak sokak paksä* 'невспаханное поле', *apak ušt konak* 'неожиданный гость', *apak luft kniga* 'недочитанная или непрочитанная книга', *apak tik tev* 'недоделанное дело'¹³⁹.

Отрицательная частица *apak*, по-видимому, представляет какое-то законсервированное древнее причастие на *-k*. Этот суффикс в сочетании с *-t* отразился в мордовских языках в причастном суфф. *-vt* в эрзянском и *-f* в мокшанском. В эрзянском языке при отрицании была использована модель отрицательных форм 1-го прошедшего времени. По этой причине основной глагол после *apak* представлен чистой основой. В мокшанском языке после *apak* употреблено причастие основного глагола, которое частично сохранило древнее оформление, т. е. суфф. *-k* и *-t*, например *apak tik tev* 'недоделанное дело', *apak ušt konak* 'неожиданный гость' (*ušt < uškt*).

ИНФИНИТИВЫ

Инфинитивы в уральских языках, так же как и деепричастие, образовались относительно поздно.

В мордовских языках существуют две формы инфинитива — инфинитив, оканчивающийся на *-ms*, и инфинитив на *-mo*, *-me*, *-ma*.

Инфинитив на *-ms* исторически представляет застывшую форму направительно-вносительного падежа от отглагольного имени на *-mo*, *-me*, *-mä*, например эрз. *molems* 'идти', от *molema* 'ходьба', *lovnoms* 'читать' от *lovnoma* 'чтение', мокш. *vaškaftäms* 'обмануть' от *vaškaftäma* 'обман', *kirdäms* 'держать', *kirdema* 'задержка' и т. д.

Инфинитив на *-mo*, *-me*, *-ma*, *-mä* представляет действие в чистом виде, но с иной синтаксической функцией.

О происхождении и развитии инфинитива на *-mo*, *-me* (эрз.) и *-ma*, (мокш.) Д. В. Бубрих говорит следующее: «Инфинитив на *-ma* представляет собою по происхождению именительный падеж м-ового имени действия (в позиции сказуемого). Таким образом, скажем, *Ванды тонет вирев молема* 'Завтра тебе в лес ехать' в конечном счете значит 'Завтра тебе в лес езда'¹⁴⁰.

Образование инфинитивов от форм направительных падежей представляет в уральских языках довольно обычное явление.

¹³⁹ ГМЯ, стр. 322.

¹⁴⁰ Бубрих — II, стр. 155.

ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Все суффиксы глагольного словообразования в мордовских языках можно разделить на две категории:

1) суффиксы, служащие для образования глаголов от именных основ (основ имен существительных и прилагательных);

2) суффиксы, служащие для образования глаголов от глагольных основ.

Суффиксы, служащие для образования глаголов от именных основ

Суффиксы *-kad(o)-*, *gad(o)-* (эрз.) и *-kâd(â)-*, *-gâd(â)-* (мокш.)

Гласный, помещаемый в скобках, можно рассматривать как гласный глагольной основы, определяемый суффиксом.

Вышеуказанные суффиксы употребляются для образования глаголов от прилагательных, ср. эрз. *jakštere*, мокш. *jakštär* 'красный', эрз. *jakšter-gad-oms*, мокш. *jakštär-gâd-âms* 'покраснеть'; эрз. *raužo*, мокш. *ravža* 'черный', эрз. *rauš-kad-oms*, мокш. *ravč-kâd-âms* 'почернеть'; эрз. *tantej* 'сладкий', *tantej-gad-oms* 'стать сладким'; эрз. *čovor* 'смешанный', *čovor-gad-oms* 'смешаться'; эрз. *beñai* 'плохой', *beñai-gad-oms* 'ухудшиться' и т. д.

Вопрос о происхождении мордовских суфф. *-kad(o)-*, *-gad(o)-*, *kâd(â)-*, *-gâd(â)-* неоднократно привлекал к себе внимание исследователей.

Так, например, П. Равила пытался сравнивать первый компонент этих суффиксов с первым компонентом *-ga-* (< *-ka*, *-kâ* -вепсского суфф. *-gande-*¹⁴¹).

Историей происхождения этих суффиксов занимался также В. Халлап. По мнению Халлапа, при определении соответствий рассматриваемых суффиксов в родственных языках необходимо иметь в виду, что встречающиеся в этих суффиксах два различных палатальных смычных (*k* и *g*) можно свести к общей домордовской исходной форме лишь в том случае, если этой домордовской исходной формой является *k*, а не *kk*. В мордовских языках в положении между глухим согласным и гласным домордовское *k* сохранилось без изменений, а в положении между звонким согласным и гласным перешло в *g*. Эти явления отражает и картина, наблюдаемая в рассматриваемых суффиксах, например эрз. *раушкадомс*, но *опаньгадомс*. Что же касается положения между двумя гласными, то здесь, как известно, в словах с первоначальными задними гласными домордовское *k* перешло в *v* (*w*), а в словах с первоначальными передними гласными в *j*. Однако в мордовских языках нет никаких следов та-

¹⁴¹ Ravila — II, стр. 119.

ких суффиксов с *v* или *j*. Вместо них в положении после гласного стоят формы, начинающиеся с *k* (*k̄*), например эрз. *козякадомс*. Согласно фонетическим закономерностям такие формы могут восходить только к домордовскому *kk*. Однако, если учитывать не только фонетические закономерности, то можно считать также упомянутые выше формы с *k* после гласного соответствиями домордовских форм с *k*: *k* (*k̄*) вместо *v* и *j* может объясняться действием аналогии¹⁴².

Домордовской формой гласного, следующего за полатальным смычным в формах *-kad(â)*, *-gad(â)*, *-kâd(â)* (и *-kâd'(â)*), *-gâd(â)*, (и *-gâd'(â)*) должны были быть *a*, *ä*, которые по действовавшим в раннемордовском языке фонетическим закономерностям перешли в *a*, *â*, *ä*¹⁴³. Зубной смычный рассматриваемых суффиксов может восходить лишь к домордовскому *t*. Домордовской исходной формой следующего за ним гласного было *e*, хотя теоретически, возможно, не исключены также *a*, *ä*¹⁴⁴.

Далее Халлап приводит соответствие вышерассмотренных мордовских суффиксов в прибалтийско-финских языках.

В вепсском языке, а также в людиковском диалекте, который Халлап условно относит к карельскому языку, встречается группа глаголов с начинательным, транслативным, а в некоторых случаях и с другими значениями, образованных с помощью суффикса, исходная форма которого в соответствии с фонетической системой общеприбалтийско-финского языка была бы *-*γante*, *-*γat/-γänte*, *-γât* (и *-*eγante/-eγat*, *-*eγänte/-eγât*. При этом видоизменения *-*γat/-γât* (и *-eγat/-eγât*), встречающиеся в части форм парадигмы, отражают общеприбалтийско-финский переход *nt > t* в положении перед согласным. Наряду с этим в людиковском диалекте встречается однозначный суффикс, гипотетичной общеприбалтийско-финской исходной формой которого было бы *-*γate/-γat*, *-*γäte/-γât* *-*eγate/-eγat*, *-*eγäte/-eγât*, т. е. *t*, а не *nt* во всех формах парадигмы.

Из ливвиковского диалекта карельского языка известен один пример, где на суфф. *-*γante/-γänte* вырос суфф. *-u*, *-ü* — *-*γantu/-γäntü*: *voggiendu* 'alkaa vonkua' 'завыть'.

По мнению Э. Н. Сетяля, суфф. *-*γantu/-γäntü* может вскрываться также в финских глаголах, например *hätäntyä* 'попасть в беду', 'испугаться', 'встревожиться', 'сетовать' — *hätä* 'нужда', 'беда'; *viluuntua* (< **vilu antudak*) 'похолодать' (о погоде) — *vilu* 'прохладный', 'прохлада'¹⁴⁵.

Далее, в вепсском языке и в людиковском диалекте карельского языка встречается отглагольный начинательный или футуральный (обозначающий действие, которое будет происходить) суфф. *-škannde/-škat*, *-škände/-škät*. В людиковском диалекте наряду с ним встречается и однозначный суфф. *-škade/-škat*, *-škäde/-škät*.

В вепсском языке, в людиковском диалекте карельского языка и в водском языке имеется суфф. *-*γoitta* (и *-*eγoitta*) с причинительным, начинательным, фактитивным, а в отдельных случаях и с другими значениями.

Далее Халлап указывает, что в ливском языке встречается группа глаголов с транслативным, а в отдельных случаях и с другими значениями, которые произведены с помощью суфф. *-gâ*, присоединяющегося к гласному второго слога, или суфф. *-agâ*, присоединяющегося к согласному (сочетанию согласных), следующему за гласным первого слога, например *ädagâ* 'пугаться', *gobagâ* 'лениться' и т. д.¹⁴⁶

Халлап предполагает, что во всех рассматриваемых суффиксах содержится элемент, который без всякого сомнения является общеприбалтийско-финским и общеприбалтийско-финская исходная форма которого *-*γa/-γä* (в положении перед вторичным лабиальным гласным — *-*γ*), например *-γoitta*, в положении после глухого гласного — *-*ka/-kä* и после ударного слога — *-*ka/-kä* [на слабой степени *-*γa/-γä*]. Последняя может восходить к доприбалтийско-финской форме *-*ka/-kä* и ее можно объединить с первым компонентом мордовских суфф. *-kad(â)*, *-gad(â)*, *-kâd(â)*, (и *-kâd'(â)*), *-gâd(â)* (и *-gâd'(â)*), *-akad(â)*, *-akâd(â)*, поскольку палатальный смычный в последних восходит к домордовскому *k*, а не *kk*.

В заключении Халлап ссылается на глагольный суфф. *-goatte* в норвежско-саамском языке, солидаризируясь с Э. А. Тункело, который считал этот суффикс родственным людиковскому суфф. *-gade*, *-gäde*, а также вепсско-людиковскому суфф. *-gande*, *-gände*. Суфф. *-goatte* имеет в норвежско-саамском языке начинательное значение¹⁴⁷.

Все эти соображения могут быть весьма правдоподобными, но в них содержится одна, очень существенная, неувязка. При сравнении совершенно не учитывается семантика суффиксов. Наиболее яркой особенностью глагольных суффиксов типа вепсск. *-gat*, *-gande*, ливвик. *-γante/-γänte*, вепсск., водск. и людиковск. *-γoitta*, а также норв.-саамск. *-goatte* является выражение начинательности действия, тогда как значение мордовских суфф. *-kad(o)*, *-gad(o)* и т. д. совсем другое. Эти суффиксы почти как правило обозначают завершение становления качества, ср. эрз. *sundeŋgadoms* 'стемнеть', *ašolgadoms* 'побелеть', *rauškadoms* 'почернеть', *ekšel'gadoms* 'стать прохладным', *bednojgadoms* 'обеднеть', *kelejjgadoms* 'расширить' и т. д. Глаголы, имеющие суфф. *-gad(o)/-kado-*, *-lgado-* и т. д., обычно образуются от прилагательных. Им совершенно чуждо значение начинательности. Поэтому правомерность сопоставления их со сходными по созвучию суффиксами прибалтийско-финских языков нам представляется очень сомнительной.

Если рассматривать суфф. *-kado/-gado-*, *-kâdâ/-gâdâ-* как слож-

¹⁴² Халлап, стр. 229.

¹⁴³ Там же, стр. 229.

¹⁴⁴ Там же, стр. 230.

¹⁴⁵ Setälä, стр. 100.

¹⁴⁶ Халлап, стр. 230—234.

¹⁴⁷ Там же, стр. 234—236.

ные, составленные из домордовского суфф. *-ka-/kă-* и суфф. *-t-*, то следует заметить, что в самих мордовских языках суфф. *-ka-/kă-* как самостоятельный суффикс нигде не отражается, если не считать суфф. *-k-/g-* в звукоподражательных глаголах, который к этим суффиксам не имеет никакого отношения.

К. Нильсен в своей работе «Die Quantitätsverhältnisse im Polmaklappischen»¹⁴⁸, а позднее Н. Ф. Цыганов в статье «Пути развития словарного состава мордовских языков» высказали мысль о возможности происхождения суфф. *-kad(o)-* и т. д. от глагола *kadoms* 'оставить'¹⁴⁹.

В. Халлап обвиняет Н. Ф. Цыганова в том, что он не привел никаких более конкретных аргументов помимо утверждения о возможности происхождения этих суффиксов от самостоятельной глагольной основы, представленной в глаголе *kadoms* 'оставить'¹⁵⁰. Но эти аргументы можно найти.

Некоторые тюркские языки, в особенности татарский и чувашский, свидетельствуют о том, что глагол, имеющий значение 'оставаться', может быть использован для выражения действия, достигнутого предела и характеризующегося определенным результатом, ср., например, в татарском: *Чабатасыннан эреп аккан кар суы иданга жылып калды* (И. Гази) 'Снеговая вода из оттаявших лаптей скопилась на полу'.

Теми же свойствами обладает и глагол *jul-* 'остаться' в чувашском языке, например: *Сынсенчен ёрпенсе юлчĕ* 'Научился от людей'¹⁵¹.

Вспомогательный глагол *kodaš* 'оставить' в марийском языке может выражать законченное действие, характеризующееся определенным результатом, например: *Уржа локтылалтэн оыл. Тудо шорын гына йорын, кугу йур кырен коден*. 'Рожь не погибла, она лишь повалилась, ливень побил'¹⁵².

Можно поэтому предполагать, что мордовские суффиксы образовались из первоначальных сочетаний типа эрз. *jakstere kadš* 'стал или остался красным', 'покраснел'. Впоследствии основа глагола *kadoms* 'оставаться' была переосмыслена и отвлечена в роли особого глагольного словообразовательного суффикса с видовым оттенком.

Этим самым устраняется кажущееся противоречие, выражающееся в сохранности *k* между гласными, о котором упоминает Халлап.

В период образования этого суффикса *k* между гласными уже не превращалось в *v*.

Суфф. *-kad(o)-/-gad(o)-* обладают большой склонностью к сочетанию с другими суффиксами. Из этих сочетаний следует отметить следующие:

¹⁴⁸ Nielsen, стр. 330, 170.

¹⁴⁹ Цыганов, стр. 101.

¹⁵⁰ Халлап, стр. 236.

¹⁵¹ Материалы, стр. 180.

¹⁵² СМЯ, стр. 212.

Сочетания *-akad(ə)-/-akəd(ə)-*

Примеры: мокш. *kev-akad-əms*, *keve-kəd-əms* 'окаменеть' от *kev* 'камень'¹⁵³. Происхождение предшествующего элемента *a* неясно. Можно предполагать, что элемент *a* является результатом обобщения конечного гласного основы некоторых древних имен прилагательных, ср. такие чередования, как *valakadoms* 'стать гладким' и *valaňa* 'гладкий', мокш. *vecakadəms* 'стать жидким' и *vesa-na* 'сырой'.

В. Халлап предполагает, что глагол *valakadoms* и прилагательное *valaňa* образованы от общей основы *vala-*¹⁵⁴.

Сочетание *-lgad(o)-*, (эрз.) и *-lgəd(ə)-* (мокш.)

Значение этих суффиксов по существу ничем не отличается от значения суффиксов *-kad(o)-/-gad(o)-*, *-kəd(ə)-/-gəd(ə)-*.

«Они служат для образования глаголов от прилагательных, например эрз. *ašo*, мокш. *akša* 'белый', эрз. *ašo-lgad-oms*, мокш. *akše-lgəd-əms* 'побелеть', эрз. и мокш. *kuja* 'жирный', эрз. *kuja-lgad-oms*, мокш. *kuja-lgəd-əms* 'разжиреть', эрз. и мокш. *psi* 'горячий', эрз. *psi-lgad-oms*, мокш. *psi-lgəd-əms*, 'разгорячиться', эрз. *ečke*, мокш. *ečke* 'толстый', эрз. *ečke-lgad-oms*, мокш. *ečke-lgəd-əms* 'растолстеть', 'стать толстым' и т. д.

Употребление суфф. *-lgad(o)-/-lgəd(ə)-* ограничено определенными условиями: они обычно употребляются в тех случаях, когда прилагательное оканчивается на гласный, например эрз. *ašo* 'белый', мокш. *akša*, но *ašo-lgad-oms*, *akša-lgəd-əms* 'побелеть'.

Элемент *l*, предшествующий суфф. *-kad(o)-*, *-gad(o)-* и *kəd(ə)-*, *-gəd(ə)-*, дает суффикс прилагательных *-la*, ср. эрз. *ašo* 'белый', но *ašo-la* 'белесый', *ožo* 'желтый', но *oža-la* 'желтоватый', *piže* 'зеленый', но *pi-žo-la* 'зеленоватый'¹⁵⁵.

Такой ход развития является вполне естественным, поскольку суфф. *-kad(o)-/-gad(o)-* и т. д. обычно присоединяются к прилагательным.

Сочетание: *-škad(ə)-*, *-škəd(ə)-*, *-šked'(ə)-*, *-škad(ə)-*, *-škəd(ə)-*, *-skad(ə)-*, *-skəd(ə)-*

По определению В. Халлапа, эти сочетания состоят из двух компонентов. Первым компонентом может быть *š*-овый, *ž*-овый, *š*-овый или соответственно *s*-овый, *z*-овый именной суффикс. Указанные сложные глаголообразовательные суффиксы могли в более или менее далеком прошлом возникнуть на основе примерно таких slu-чаев, как в настоящее время мокш. *валаськодомс*, *-дсь* 'стать скользким' — *валазя* (*вала-зя*) 'скользкий', эрз. *силяшкадомс* 'стать сереб-

¹⁵³ Халлап, стр. 210.

¹⁵⁴ Там же, стр. 221.

¹⁵⁵ Там же, стр. 237.

ристым' — *сияжа* 'серебристый' — *сия* 'серебро'; эрз. *ормаскадомс*, *дсь* 'взбеситься, обозлиться' — *ормаза* 'бешеный', 'злой' — *орма* 'болезнь' (перен. 'горе') и т. д.¹⁵⁶

Суффикс -ij-(yj)-

Суффикс -ij- (-yj)- используется для образования глаголов от имен существительных, ср. эрз. *oj*, мокш. *vaj* 'масло', эрз. *oj-ij-ams* 'замаслиться'; эрз. и мокш. *sal* 'соль', *sal-yj-ams* 'стать соленым'; эрз. *ej* 'лед', *ej-ij-ams* 'обледеветь'; эрз. *kež* 'гнев', 'злоба', *kež-ij-ams* 'рассердиться'.

Суффикс -ij-, -yj- содержат суффикс -j-, восходящий к прауральскому суффиксу отыменных глаголов. Параллели этого суффикса имеются в других родственных языках, ср. норв.-саамск. *murrit* 'рубить дрова' от *muorrá* 'дерево', 'дрова', *gurrit* 'опустошать' от *guoros*, *gürrus* 'пустой', *nánnit* 'укреплять' от *nānos*, -*nnus* 'сильный', шведско-саамск. *tonniije-* 'класть яйца' от *tonne* 'яйцо', *kiölli-*, *kiöllije-* 'удить рыбу' от *kiölle* 'рыба', финск. *munia* 'класть яйца' от *muna* 'яйцо', *oksia* 'отрубить сучья' от *oksa* 'сук', коми-зыр. *pasjyny* 'отмечать' от *pas* 'знак', *lymjašny* 'идти (о снеге)'¹⁵⁷.

Суффикс -ksom(o)-, -ksem(e)-

Употребляется для образования глаголов от прилагательных, ср. эрз. *čuro-ksom-oms* 'поредеть' от *čuro* 'редкий', *kalgot-ksom-oms* 'отвердеть', 'стать жестким' от *kalgodo* 'жесткий', *paro-ksom-oms* 'подобрать', 'похорошеть' от *paro* 'добрый', 'хороший', *keme-ksem-oms* 'крепнуть' от *keme* 'крепкий' и т. д.¹⁵⁸

Составный элемент этого суффикса -ks по происхождению, по-видимому, является суффиксом превратительного падежа или транслатива. Второй составной элемент — глагольный словообразовательный суффикс -m (см. стр. 223).

Суффикс -ksn(ä)-

Употребляется в мокшанском языке для образования глаголов от прилагательных, например *šurä-ksn-äms* 'редеть' от *šura* 'редкий', *kemä-ksn-äms* 'укрепляться' от *kemä* 'крепкий'.

Суффикс превратительного падежа -ks соединен здесь с суффиксом многократного действия -n.

Суффикс -kstom(o)-, -kstem(e)-, -kstä(ä)-, -kstä(ä)-, -kstä(a)-

По значению этот суффикс не отличается от предыдущего, ср. эрз. *ot-kstom-oms* 'помолодеть' от *od* 'молодой', мокш. *kemä-kst-ams* 'окрепнуть' от *kemä* 'крепкий'.

¹⁵⁶ Халлап, стр. 224.

¹⁵⁷ Lehtisalo, стр. 66—70.

¹⁵⁸ Евсеев, стр. 169.

В суффикс -kstom(o)-, -kstem(e)- и т. д., помимо суффикса переместительного падежа, находятся два глагольных словообразовательных суффикса — -t- и -m-.

Суффикс -l(a)-, -l(ä)-

Употребляется для образования глаголов от прилагательных, ср. эрз. *ekše* 'холодок', 'свежесть', *ekše-l'a-ms* 'купаться', мокш. *äšä-l'a-ms*. Очень редкий суффикс. Имеются параллели в родственных языках, ср. мар. *uža-le-* 'продавать', ср. удм. *vuz* 'товар', мар. *jüštä-la-m* 'обливаться холодной водой', *jüšte* 'холодный', эст. *kaup-l-ema* 'торговать' (*kaup* 'товар'), саамск. *soarpä-l-uvvat* 'покрываться пеной' (*soarpä* 'пена'), коми-зыр. *pörys-ly-ny* 'стареть' (*pörys* 'старый'), манс. *tülmax-l-* 'воровать' (*tülmax* 'вор'), *xōnt-l-* 'воевать' (*xōnt* 'войско'), хант. *četpäs-l-* 'охотиться' (*četpäs* 'охота'), венг. *szó-l-* 'говорить' (*szó* 'слово'), *éneke-l-* 'петь' (*ének* 'песня'), *darab-o-l-* 'распадаться на куски' (*darab* 'кусок') и т. д.¹⁵⁹

Суффикс -m(o)-, -m(ä)-

С помощью суффикс -m в мордовских языках образуются глаголы от существительных и прилагательных. Суффикс -m служит для выражения становления какого-либо качества, ср. эрз. *čuvto*, мокш. *šufta* 'дерево', эрз. *čuvto-m-oms*, мокш. *šufto-m-äms* 'одеревянет', эрз. *valdo*, мокш. *valda* 'свет', 'светлый', эрз. *valdo-m-oms* 'стать светлым', 'посветлеть', эрз. *lavšo*, мокш. *lafša* 'слабый', эрз. *lavšo-m-oms*, мокш. *lafša-m-äms* 'ослабеть', 'стать слабым', эрз. *čuro* 'редкий', *čuro-m-oms* 'поредеть' и т. д.

Суффикс -m восходит к уральскому суффиксу отыменных глаголов -m-¹⁶⁰. Имеются параллели в родственных языках, ср. коми-зыр. *tommy-ny* 'молодеть' (*tom* 'молодой'), *nyž-my-ny* 'притупиться', (*nyž* 'тупой'), удм. *uzyr-my-ny* 'разбогатеть' (*uzyr* 'богатый'), норв.-саамск. *bâstal-m-it* 'становиться острее' (*bâstel* 'острый'), мар. *pore-m-aš* 'добреть' (*poro* 'добрый'), *šogge-m-aš* 'стареть' (*šogo* 'старый'), манс. *mañ-m-uykwe* 'уменьшаться' (*mañ* 'маленький'), хант. *pirša-m-* — 'стареть' (*pirša* 'старый'), удм. *čuro-my-tyny* 'отвердеть' (*čuryt* 'твердый') и т. д.

Суффикс -m может соединяться с суффикс -gad(o)-, ср. эрз. *valdo-mgado-ms* 'осветиться', 'сделаться светлым', *tašto-mgado-ms* 'придти в ветхость', *čevte-mgado-ms* 'смягчиться', 'стать мягким'¹⁶¹.

Суффикс -nd-

В мокшанском языке суффикс -nd- широко используется для образования глаголов от имен существительных, заимствованных из русского языка, например *mečta-nd-ams* 'мечтать', *žertvā-nd-ams*

¹⁵⁹ Lehtisalo, стр. 162, 163.

¹⁶⁰ Там же, стр. 110.

¹⁶¹ Халлап, стр. 214.

‘жертвовать’, ср. соответствующие существительные *mecma*, *жертва*. Иногда суфф. *-nd-* служит как средство приспособления к мордовскому языку некоторых русских глаголов, например *pr̥studi-nd-av̥ms* ‘простудиться’, *recenzir̥va-nd-ams* ‘рецензировать’ и т. д.

Можно предполагать, что этот суффикс возник в результате приспособления для указанных целей суффикса многократного действия *-nd-*, довольно широко распространенного в мокшанском языке, например *val̥ms* ‘полить’, *val̥-nd-ams* ‘поливать’.

Суффикс *-n z-*

Этот суффикс употребляется иногда для образования глаголов от имен прилагательных и числительных, например мокш. *kev̥-nd-ams* ‘окаменеть’ от *kev* ‘камень’, эрз. *eje-nd-ams* ‘обледеветь’ от *ej* ‘лед’, *keve-nd-ams* ‘окаменеть’ от *kev* ‘камень’, *kolmo-nd-ams* ‘утроить’ от *kolmo* ‘три’. Суффикс довольно редкий. Происхождение его неясно. Возможно, что первый его элемент, суфф. *-n-*, имеет какое-то отношение к финскому суфф. *-ne-*, например *kove-ne-* ‘становиться твердым’, *huono-ne-* ‘становиться худым’, *paksu-ne-* ‘становиться толстым’ и т. д.

Суффикс *-p n-*

Довольно редкий суффикс. Обозначает переход в какое-нибудь качество, например эрз. *kele-pn-ems* ‘расширить’.

Суффикс *-p t-*

Сходен по значению с предыдущим суффиксом, ср. мокш. *akš̥-pt-ams* ‘побелить’. Существует мнение о том, что суфф. *-pn-* и *-pt-* возникли из *-mn-* и *-mt-*.¹⁶²

Суффикс *-t(-d-)*

Суфф. *-t-* в мордовских языках используется в ряде случаев для образования глаголов от имен существительных, ср. эрз. *onks-t-ams*, мокш. *unks-t-ams* ‘измерить’ (эрз. *onks*, мокш. *unks* ‘мера’), эрз. *tulo-d-oms* ‘затыкать пробкой, затычкой’ (*tulo* ‘пробка’, ‘затычка’), эрз. *šormadoms*, мокш. *šorma-d-ams* ‘писать’ (*šorma* ‘письмо’), эрз. *pelks-t-ams* ‘соревноваться’ (эрз. *pelks* ‘часть’, ‘доля’), эрз. *lem-d-ems*, мокш. *lem-d-ams* ‘дать имя’, ‘называть’ (*lem* ‘имя’) и т. д. Глаголы с этим суффиксом в мордовских языках немногочисленны.

Т. Лехтисало возводит этот суффикс к прауральскому суффиксу деноминативных глаголов *-t-*. Рефлексы этого суффикса имеются в других уральских языках, ср. сев.-саамск. *illo-d-it* ‘радоваться’, от *illo* ‘радость’, *vuoddo-d-it* ‘основывать’ от *vuoddo* ‘основа’, финск. *voi-t-aa* ‘намазывать маслом’ от *voi* ‘масло’, *höyhen-t-aa*

¹⁶² ГМЯ, стр. 49.

‘ощипывать (птицу)’ от *höyhen* ‘перо’, *kuiva-t-a* ‘сушить’ от *kuiva* ‘сухой’, мар. *lüm-δ-aš* ‘называть’ от *lüm* ‘имя’, коми-зыр. *vyt'-d-yny* ‘обновлять’ от *vyt'* ‘новый’, манс. *lil-t-* ‘дышать’ от *lil* ‘дыхание’, ‘душа’, *nām-t-* ‘называть’ от *nām* ‘имя’, хант. *nem-t* ‘называть’ от *nem* ‘имя’, *läl-t-* ‘дышать’ от *läl* ‘дыхание’, венг. *só-z* ‘солить’ от *só* ‘соль’ (венг. *z* исторически возникло из *t*), *folto-z* ‘накладывать заплаты’ от *fol* ‘заплата’ и т. д.¹⁶³

При встрече с суффиксом прилагательных *-la* суфф. *-t-* (*-d-*) образует сложный суфф. *-ld-*. Этот суффикс употребляется главным образом для образования глаголов от прилагательных, ср. эрз. *ašo-ld-oms* ‘белеть’ от *aš* ‘белесый’, эрз. *ožo-ld-ams* ‘желтеть’ от *ožo-la* ‘желтоватый’, мокш. *akš̥-ld-ams* ‘белеть’ от ныне неупотребительного *akš̥ala* ‘белесый’ и т. д.¹⁶⁴

В мордовских языках есть суфф. *-t-*, который также служит для образования глаголов от имен существительных. Особенность его в отличие от предыдущего суффикса состоит в том, что он не озвончается после звонких согласных, ср. эрзя-м. *sal-t-oms* ‘солить’ при *lem-d-ems* ‘называть’. Это дало основание Т. Лехтисало возвести его к прауральскому суффиксу отыменных глаголов *-tt-*. Глаголов, отражающих этот суффикс, в мордовских языках очень немного, ср. эрз. и мокш. *vel'-t'-ams* ‘покрывать’ от *vel'ks* ‘покрышка’, эрз. *vi-jev-t-ems* ‘усиливать’ от *vijev* ‘сильный’ и т. д. Суффикс имеет параллели в родственных языках, ср. мар. *joškar-t-em* ‘красить в красный цвет’ от *joškar* ‘красный’, *šala-t-em* ‘рассеивать’ от *šala* ‘разбросанный’, коми-зыр. *kyn-t-yny* ‘охлаждать’ от *kyn* ‘мерзлый’, *myž-t-yny* ‘обвинять’ от *myž* ‘вина’ и т. д.¹⁶⁵

Суффикс *-ž- (-š-)*

Крайне редкий суффикс, употребляется для образования глаголов от существительных, например эрз. *pul'-ž-ams* ‘стать на колени’ (ср. финск. *pol-vi* ‘колени’), мокш. *kaš-š-ams* ‘обувать’ от *kaš* ‘лапоть’. Имеются параллели в других языках, ср. мар. *tun-z-aš* ‘нести яйца’ от *tun* ‘яйцо’, удм. *lyd'-ž-yny* ‘читать’, ‘считать’ от *lyd* ‘число’, коми-зыр. *va-ž-yny* ‘намокать’ от *va* ‘вода’, *heb-ž-yny* ‘смягчаться’ от *heb-ud* ‘мягкий’ и т. д.¹⁶⁶

Суффиксы, служащие для образования глаголов от глагольных основ

Суффикс *-č-*

Очень редкий суффикс. Выражает результативное действие, ср. эрз. *tañ-č-ems* ‘обмануть’ при *tañams* ‘манить’. В некоторых случаях он также выражает однократное действие, например эрз. *ko-*

¹⁶³ Lehtisalo, стр. 287—491.

¹⁶⁴ Халлап, стр. 237.

¹⁶⁵ Lehtisalo, стр. 320.

¹⁶⁶ Там же, стр. 215.

ñams 'закмуривать глаза', но *koñ-č-ems* 'мигнуть'. Т. Лехтисало возводит его к прауральскому суффиксу интенсивных или перфективных глаголов *-tš*¹⁶⁷.

Суффикс *-ij(e)-, ij(ə)-*

Суфф. *-ij(e)-, -ij(ə)-* выражает многократное действие, ср. эрз. *sora-je-ms* 'охватывать', при *soradems* 'схватить' *psti-je-ms* 'лягать' при *pstidems* 'лягнуть', мокш. *vačk-ij-ems* 'вбивать' при *vačkams* 'вбить', *kalty-jə-ms* 'стучать' при *kaltadams* 'стукнуть', 'ударить' и т. д.

Т. Лехтисало возводит этот суффикс к прауральскому суффиксу многократного действия *-j-*¹⁶⁸.

Суффикс имеет рефлекс в других уральских языках, ср. финск. *rain-i-a* 'бороться' при *rain-a-* 'давить', *hyrr-i-a* 'прыгать многократно', 'попрыгивать' при *hyrrää* 'прыгать', коми-зыр. *gud-j-yny* 'копать' при удм. *gudyny* 'копать'¹⁶⁹. Ср. также хант. *xiγ-ij-* 'кричать' и *xiγ-eme-* 'крикнуть', *tagr-ij-* 'давить' и *tagr-eme-* 'дагнуть' и т. д.

В мордовских языках этот суффикс встречается довольно редко.

Суффикс *-k-, -g-*

Суфф. *-k-, -g-* обычно встречается в звукоподражательных глаголах, например эрз. *veš-k-ems*, мокш. *väš-k-əms* 'свистнуть', 'засвистеть', 'свистеть', мокш. *kaj-g-əms* 'звучать', 'прозвучать', 'раздаваться', 'звенеть', 'греметь', ср. *gajñams* 'звенеть', 'греметь', мокш. *ran-g-əms* 'плакать'.

Суффикс имеет параллели в родственных уральских языках, ср. ливск. *māgā* 'блеять', эст. *mää!* (междометие, обозначающее блеяние овцы), *ñaugā* 'мяукать', эст. *näu!* 'мяу', *niŕgā* 'ворчать', ср. эст. *nurisema* 'роптать'. Встречается он также в эстонском и финском языках, ср. эст. *määgima* 'блеять' *-mää!* — междометие, обозначающее блеяние овцы, *oigama* 'стонать', *oi!* — междометие, соответствующее русскому *ой!*, *ohkama* 'вздыхать' от междометия *oh!* = русск. *ох!*, финск. *määkiä* 'блеять', *uikua, iikka, iikka* 'выть', 'визжать', *ohkaa* 'стонать', карельск.-ливвик. *raug'ua* 'хлопать', 'гроыхать', *kaigaa* 'раздаваться', 'отдаваться', 'звучать', водск. *ohkama* 'вздыхать', *röhkima* 'хрюкать', вепск. южн. *näukta* 'мяукать', *raikta* 'мычать'. Рефлексы этого суффикса обнаруживаются также в саамском, ср. норв.-саамск. *vuoiget* 'кричать', *asketet, hasketet* 'отгонять собак злобным криком', *šnjaorget* 'издавать звук (о падающей капле воды)'.

Параллели обнаруживаются также в марийском и пермских языках, ср. мар. *mijn-k-añ* 'хлопать' (*mijn-mijn* — соответствующее звукоподражательное слово), *roñt-k-añ* 'трещать' (*roñt* — соответствующее звукоподражательное слово), коми-зыр. *oi-g-ыны* 'охать',

¹⁶⁷ Lehtisalo, стр. 235.

¹⁶⁸ Там же, стр. 79.

¹⁶⁹ Там же.

ov-g-ыны 'ударять с шумом', удм. *лар-g-etyны* 'блеять' (*лар* — звукоподражание блеянию овец), *чир-g-etyны* 'пищать', 'кричать' (визгливо) — *чир* 'пронзительный крик', *сор-g-etyны* 'храпеть', *шарк-k-etyны* 'стучать', 'шаркать'¹⁷⁰.

По мнению В. Халлапа, прибалтийско-финско-волжской исходной формой этого суффикса следует считать *-ka-, -kā-*.

В раннеобщемордовском языке *-ka-, -kā* фонетически дало *-ka-, -k(ā), -k(ə)* (в положении после глухого согласного), *-ga-, -g(ā), -g(ə)* (в положении после звонкого согласного). По-видимому, уже к позднеобщемордовскому периоду употребление *-ka-, -ga-*, с одной стороны, и *-k(ā), -k(ə), -g(ā), -g(ə)-*, с другой, распространилось за первоначальные, обусловленные фонетическими закономерностями границы, и эти формы стали двумя самостоятельными морфологическими единицами¹⁷¹.

Суффикс *-kšn(o)-, -kšn(e)-* (эрз.), *-kšn(ā)-, -kšn(ə)-* (мокш.)

Суфф. *-kšn(o)-, -kšn(e)-* и т. д. выражает многократность или длительность действия, ср. эрз. *kepedems* 'поднимать', *kepede-kšn-ems* 'поднимать многократно', *kekšems* 'спрятать', *kekše- — -kšn-ems* 'прятать многократно', 'утаивать', *pekstams* 'запереть', *peksta-kšn-oms* 'запирать многократно', *pelems* 'бояться', *pele-kšn-ems* 'побояться', и т. д., мокш. *st'ams* 'встать', 'подняться', *st'a-kšn-əms* 'вставать', 'подниматься', *peškādəms* 'крикнуть', *peškāt-kšn-əms* 'вскрикивать', *purātəms* 'собраться', 'сойтись', *purāt-m-kšn-əms* 'собирались часто' и т. д.

В специальной литературе до сих пор нет удовлетворительного объяснения происхождения этого суффикса. По всей видимости, он ближе всего стоит к мокшанскому суффиксу многократного действия *-šənd (< kšənd)*, где второй составной элемент представляет суффикс многократного действия *-nd* (см. стр. 230).

Суффикс *-l(e)-*

Значение — выражение многократности или длительности действия, ср. эрз. *kandoms* 'носить', *kañt'-l-ems* 'носить неоднократно', *šormadoms* 'писать', *šorma-l-ems* 'часто писать', *vačkodems* 'вбить гвоздь', *vačko-l-ems* 'вбивать гвоздь', *jaxodems* 'махнуть', *jaxo-l-ems* 'размахивать'. В мокшанском этот суффикс не употребителен.

Т. Лехтисало возводит этот суффикс к прауральскому многократному суфф. *-l-*¹⁷². Рефлексы его имеются во многих уральских языках, ср. с сев.-саамск. *adda-l-it* 'раздавать' (*addat* 'давать'), *bačča-l-it* 'стрелять многократно' (*baččet* 'стрелять'), финск. *annella* 'часто давать', 1 л. ед. ч. наст. вр. *ante-l-en* (*antaa* 'давать'), *lämmite-l-lä* 'греться' (*lämmittää* 'топить'), эст. *küsit-l-ema* 'расспраши-

¹⁷⁰ Халлап, стр. 175—181.

¹⁷¹ Халлап, стр. 181.

¹⁷² Lehtisalo, стр. 172.

вать' (*küsimä* 'спрашивать'), *võit-l-ema* 'сражаться' (*voitma* 'побеждать', мар. *kolt-äl-aš* 'посылать' (*koltaš* 'послать'), *pok-t-äl-aš* 'гонять' (*poktaš* 'гнать'), *šokt-äl-aš* 'часто играть' (*šoktaš* 'играть'); манс. (обычно в соединении с суффиксом многократного действия) *minj-yl-* 'идти медленно по дороге' (*min* идти), *xarti-yl-* 'тащить' (*xart-* 'тянуть'); хант. (часто в соединении с суффиксом многократного действия -i-) *uel- lij-i* 'гнать часто', 'гоняться' (*uel-* 'убивать'), венг. *döfö-l-* 'постоянно толкать', *meté-l-* 'разрезать' и т. д. ¹⁷³

Суффикс -n(e)- (эрз.), -n(ə)- (мокш.)

Основное значение суффикса — выражение повторяемости или длительности действия, например эрз. *ozavtoms* 'посадить', *ozavt-n-ems* 'сажать', 'рассаживать', *vastoms* 'встретить', *vašt'-n-ems* 'встречать неоднократно', *koñšems* 'дрожать', 'мигать', *koñš-n-ems* 'часто мигать', *lisems* 'выходить', *liš-n-ems* 'выходить неоднократно', мокш. *mazâptšems* 'красить', *mazâp-n-ems* 'красить много раз', 'разукрашивать', *kandžems* 'носить', *kaiñ-n-ems* 'носить многократно', 'таскать'.

Существует мнение, что суфф. -n возник в результате фонетического упрощения суффикса многократного действия -nd- ¹⁷⁴. Такое предположение весьма вероятно, поскольку суфф. -n(e), -n(ə) обычно употребляется после согласного. При встрече этого согласного с суфф. -nd могли образоваться труднопроизносимые сочетания из трех согласных *ozavtndems*, *vastndems* и т. д., что привело к их упрощению путем исчезновения *d* (*ozavtnems*, *vašt'nems*) и т. д.

Суффикс -nd (ə), -nd (ə)-

Основное значение суффикса — выражение многократного или длительного действия. Употребляется только в мокшанском языке, ср. *pälams* 'сверлить', *pälâ-nd-ams* 'сверлить часто', 'просверливать', *vanžams* 'смотреть', *vanž-nd-ams* 'посматривать', 'рассматривать', *vešams* 'искать', *vešâ-nd-ams* 'искать многократно', 'выслеживать', *pelams* 'бояться', *pelâ-nd-ams* 'бояться', 'побаиваться', *suwžams* 'выть', *suwž-nd-ams* 'завывать', *šalgžams* 'проткнуть', *šalgž-nd-ams* 'протыкать' и т. д.

Й. Синней возводит этот суффикс к финно-угорскому суфф. -nt ~ nd, выражающему многократное действие. Рефлексы имеются во многих языках, ср. финск. *pure-nt-ele* 'покусывать', от *pure-* 'кусать', хант. *холә-nt-* 'прислушиваться' от *хол-* 'слушать', манс. *min-änt-* 'шагать' от *min* 'идти', кольско-саамск. *kulsky-nt-y-* 'прислушиваться', коми-зыр. *dor-öd-* 'ковать' (от *dor-* 'ковать', венг. *bök-öd-* 'неоднократно колоть' от *bök-* 'колоть', марш. *nul-ed* 'облизывать' (от *nul-* 'лизать') ¹⁷⁵.

¹⁷³ Lehtisalo, 169—175.

¹⁷⁴ Paasonen — II, стр. 41.

¹⁷⁵ Szynnyei — I, стр. 122.

Суффикс -st(-ct-)

Довольно редкий суффикс. В эрзянском языке употребляется для выражения результата какого-либо действия, например эрз. *pijedems* 'смеяться', *pejet'-st-ams* 'рассмешить', *avařdems* 'плакать', *avařt'-št-ems* 'довести до слез', *madems* 'лечь', *mat'-št-ems* 'уложить', *čarko-dems* 'догадаться', 'понять', *čarkot'-št-ems* 'довести кого-либо до догадки' и т. д. ¹⁷⁶

Суфф. -st- имеет вариант -ct-, где *c* возникло в результате слияния конечного *d*, предшествующего конечному гласному основы со следующим за ним *s*, например *avařdems* 'плакать', *avař-ct-ems* 'довести до слез' (*avařd-st-ems*). В родственных языках этот суффикс не имеет параллелей.

Суффикс позиционно обусловлен и употребляется только в тех случаях, когда перед конечным гласным глагольной основы находится согласный *d*. Можно предполагать, что элемент *s* в этом суффиксе является паразитическим согласным, развившимся между *d* и *t*, например *avařd-t-ems* > *avařtt-ems* > *avařtst-ems*. Второй элемент суффикса -st- глагольный словообразовательный суфф. -t-.

Суффикс -š(e)- (эрз.), -š(ə)-, č(ə)- (мокш.)

Значение суффикса — выражение повторяемости или многократности действия, ср., например, эрз. *jakams* 'ходить', 'остановиться', *jak-š-ems* 'останавливаться часто'; *pič-kams* 'выздороветь', 'зажить', *pičk-š'-ems* 'выздоровливать'; мокш. *maksžams* 'дать', 'вручить', *maks-š-ams* 'давать'; *meřams* 'мерить', 'измерить', *meř-š-ams* 'мерить', 'измерять'; *morams* 'петь', *mor-š-ams* 'напевать'; *pil'ams* 'пилить', *pil-š-ams* 'часто пилить', 'распиливать' и т. д.

Происхождение этого суффикса неясно. Возможно, он связан с многократным суфф. -š-, встречающимся в некоторых уральских языках, ср. венг. *met-sz-* 'резать', *i-sz-ik* 'он пьет' (в последнем случае суфф. -sz- является показателем настоящего времени) мар. *kur-ž-am* 'бегать', ср. финск. *karata-* 'бегать', 'убегать', хант. *žandâ-s-* 'шить часто', *žant-* 'шить'.

Т. Лехтисало возводит этот суффикс к прауральскому суффиксу отыменных многократных глаголов -t'-š-, параллели в родственных языках: саамск. -š-i-, -šša-, например *noidu-š-i-t* 'колдовать', от *noai-de* 'колдун', *akkadu-šša-t* 'скупать', от *akked* 'скупной'; финск. -tse- в -itse-, -oitse-, -öitse, ср. *ruosk-itse-* 'избивать', *isännö-itse* 'хозяйничать'. Во многих глаголах с этим суффиксом значение многократности уже исчезло, например *main-itse-* 'упоминать', *tuom-itse-* 'судить' и т. п.; манс. *purâš-l-* 'часто кусать', 'покусывать' от *pur-* 'кусать', *alâ-š-l-* 'охотиться, ловить рыбу' от *al-* 'убивать' (суфф. -š- соединен здесь с другим суффиксом многократного действия -l-),

¹⁷⁶ Евсеев, стр. 189.

хант. *lāula-š-lem* 'ожидая', (*lāullem* 'жду'), венг. *ker-es-* 'искать' от *ker-* 'просить' и т. д.¹⁷⁷

Суффиксы *-šānd(ā)-* (*-šānd(ə)-*)

Основное значение — выражение многократности действия. Употребляется только в мокшанском языке. Употребление этого суффикса ограничено определенными фонетическими условиями. Он обычно появляется только после гласного первого слога, ср. мокш. *tums* 'уходить', *tu-šānd-āms* 'уходить многократно', *pi-ms* 'вариться', *pi-šānd-ams* 'вариться многократно', *sa-ms* 'приехать', *sa-šānd-āms* 'приезжать часто' и т. д.

Суффикс по происхождению является сложным. Он составлен из двух суффиксов — суффикс *-kš-* и суффикс *-nd-*.

В мокшанском языке в определенных фонетических условиях произошел переход сочетания *kš* в *š*, ср. мокш. *tišə* эрз. *tikše* 'трава', 'сено', мокш. *kāšəms*, эрз. *kekšems* 'спрятать', 'спрятаться', мокш. *meš*, эрз. *mekš* 'пчела', мокш. *pāše*, эрз. *pekše* 'липа'. Х. Паасонен предполагает, что этот переход был закономерным после переднего гласного¹⁷⁸. В. Халлап считает возможным эту формулировку уточнить: *kš*, по его мнению, переходило в *š* после переднего гласного первого слога. Иначе следовало бы *kš*-овую форму рассматриваемого суффикса (т. е. форму не отражающую перехода *kš* > *š*) в положении после переднего гласного непервого слога считать обязанной своим возникновением действию аналогии. В положении после переднего гласного первого слога суффикс *-kšā*, *-kšə*, по-видимому, обычно не употребляется. Вместо него в указанном положении встречается сложный суффикс *-šānd(ə)-*, где также *š* < *kš*¹⁷⁹.

Суффиксы *-t(o)-*, *-t(e)-*, *-t(ā)-*, *-t(ə)-*

Суффикс *-t(-d-)* придает глаголам значение побуждения совершить действие или значение каузативности, например эрз. *kasoms* 'расти', но *kas-t-oms* 'вырастить', *simems* 'пить', но *sim-d-ems* 'напоить', *pi-jems* 'свариться', но *pi-d-ems* 'сварить', *paloms* 'гореть', но *pul-t-ams* 'сжечь', мокш. *pužəms* 'вянуть', но *puš-t-əms* 'вялить', 'жарить', *ežəms* 'греться', но *ež-d-əms* 'согреть' и т. д.

Мордовский суффикс *-t(-d-)* восходит к прауральскому суффиксу каузативных глаголов *-t-*, имеющему параллели в родственных языках, ср. коми-зыр. *pyr-t-ny* 'вносить', 'вводить' (*pyrny* 'входить'), *sod-t-yny* 'прибавлять' (*sodny* 'увеличиваться'); норв.-саамск. *duttā-di-t* 'удовлетворять' (*duttāt* 'быть довольным'); финск. *päästā* 'отпускать' (*päästä* 'освободиться'), *lange-tta-a* 'опрокидывать' (*langeta* 'падать'); мар. *wol-t-em* 'опускать' (*wolem* 'спускаться'); манс. *-t-* в суффикс *-mt-*, например *tatlē-mt-i* 'опоражнивает'

¹⁷⁷ Lehtisalo, стр. 218—221.

¹⁷⁸ Paasonen — II, стр. 60.

¹⁷⁹ Халлап, стр. 204.

(*tatlēl* 'пустой'); хант. *-t-* в суффикс *-mt-*; *vana-mt-lem* 'приближаю', *vanamalem* 'приближаюсь'), ненецк. *xādā* 'умерщвлять' (*xa-š* 'умирать') и т. д.¹⁸⁰

Суффиксы *-t(-d-)*

Суффикс *-t(-d-)* выражает однократное или мгновенное действие, ср. эрз. *angošams* 'царапать', *angoš-d-ams* 'царапнуть', *jaxolems* 'размахивать', *jaxo-d-ems* 'махнуть', *korofams* 'прихлебывать', *korof-d-ams* 'глотнуть', *vačkolems* 'вбивать', *vačko-d-ems* 'вбить' и т. д., мокш. *korofams* 'глотать', *korəf-d-ams* 'глотнуть', *aškol'ams* 'шагать', *aškal'-d-ams* 'шагнуть' и т. д.

Т. Лехтисало возводит этот суффикс к прауральскому отглагольному суффикс *-t-*, имевшему значение однократного или моментального действия. Этот суффикс мог также выражать начало действия (инхативное значение). Рефлексы в родственных уральских языках; норв.-саамск. *nordā-di-t* 'ткнуть' от *nordāt* 'толкать', хант. *kuzi-də* 'свиснуть' от *xusi-* 'свистеть', ненецк. *Bašsedā* 'взглянуть' и т. д.¹⁸¹

Можно предполагать, что в общемордовском языке-основе был суффикс *-t(-d-)*, выражавший многократное действие. В настоящее время этот суффикс сохраняется в реликтовом состоянии только в некоторых глаголах, например эрзя-м. *naksa-d-oms*, мокш. *naksa-d-āms* 'гнить', ср. эрзя-м. *naksa-ft-āms* 'заставлять гнить'.

Параллели этого суффикса имеются в некоторых родственных языках, ср. мар. *nule-de-m* 'глотать часто', *kurš-t-lam* 'бегать туда и сюда', манс. *xaitjyt-* 'бегать кругом', венг. *nē-z-* 'смотреть', *hordo-z-* 'разносить', ненецк. *βādo-dā-* 'подрастать' и т. д.¹⁸²

Суффиксы *-v(o)-*, *-v(e)-*, *-v(ā)-*, *-v(ə)-*

Суффикс *-v-* в мордовских языках довольно полисемантичен. Он может иметь следующие значения:

1) образует глаголы со значением страдательного залога, например эрз. и мокш. *kundams* 'поймать', эрз. *kunda-v-oms*, мокш. *kunda-v-āms* 'быть пойманным'; эрз. *sokams* 'пахать', *soka-v-oms* 'пахаться или вспахиваться'; *lovoms* 'считать', *lovo-v-oms* 'быть считаемым' и т. д.;

2) образует глаголы со значением возвратного залога, ср. эрз. *lazoms*, мокш. *lazāms* 'расколоть', эрз. *lazo-v-oms*, мокш. *lazā-v-āms* 'расколоться'; эрз. *vačkodems* 'ударить', *vačkodē-v-ems* 'удариться'; эрз. *tombams* 'ушибить', *tomba-v-oms* 'ушибиться'; мокш. *tokams* 'ушибить', *toka-v-āms* 'ушибиться';

3) придает модальное значение возможности совершения действия, например эрз. *molems*, мокш. *moləms* 'идти', эрз. *mole-v-ems*, мокш. *mole-v-əms* 'быть в состоянии идти'; эрз. и мокш. *mogams* 'петь', эрз. *mora-v-oms*, мокш. *mora-v-āms* 'быть в состоянии петь';

¹⁸⁰ Lehtisalo, стр. 294—299.

¹⁸¹ Там же, стр. 301—302.

¹⁸² Там же, стр. 301—304.

эрз. *šormadoms* 'писать', *šormado-v-oms* 'быть в состоянии писать и т. п.;

4) придает значение действия, совершаемого невольно, против желания действующего лица, например эрз. *simems*, мокш. *siməms* 'пить', эрз. *sime-v-ems*, мокш. *simə-v-əms* 'невольно напиться'; эрз. и мокш. *st'ams* 'встать', 'подняться', эрз. *st'a-v-oms*, мокш. *st'a-v-əms* 'невольно подняться'¹⁸³.

По существу эти глаголы являются глаголами возвратного действия.

Й. Синнее связывал мордовский суффикс. -v- с общефинно-угорским суффикс. -b-, т. е. β, и приводил такие параллели, как манс. *xulāb-* 'быть слышимым' от *xūl-* 'слышать', финск. -u-, -ū- *murtu* 'разламываться' от *murta-* 'ломать', сев.-саамск. -uvva- ~ uva-: *tādátuvva-* ~ наст. вр. 1 л. ед. ч. ~ *uvān* 'быть понимаемым', венг. -v- (в некоторых десемантизованных образованиях типа *alv-* 'спать' (*al-β-allat-* 'усыплять')). Обычно -v- выступает в виде -o-, -ö-, -ū-, *ū-* или с сокращением гласного -o-, -ö-, -u-, -ū- (конечный гласный основы + *u-/ū- < -v-) с многократными суффикс. -d-, -z- или -l-: *čukōd-* 'закрываться' (*čuk* 'закрывать'), *räitōz* 'скрываться' (*räit-* 'прятать')¹⁸⁴.

И. Дьерке сопоставлял его с уральским суффикс. *-p ~ -*β, который, имея различные значения, может употребляться и в значении суффикса возвратного действия у глаголов, ср. финск. *juoria* (*juovin*) 'напиваться', *juoda* 'пить'; *syöryä* (*syöryn*) 'насыщаться', 'наедаться', *syö-* 'есть', *valua* 'изливаться', *vala-* 'лить'. Параллели этого суффикса Дьерке находит также в самодийских языках, ср. ненец. *masaju-* 'умываться' и *masau-* 'умывать'¹⁸⁵.

Т. Лехтисало также связывает мордовский суффикс. -v- с уральским суффикс. -β-¹⁸⁶.

Дьерке предполагает, что первоначальным значением уральского суффикс. -β- было значение многократного действия¹⁸⁷.

Говорить что-либо о первоначальном значении этого суффикса довольно трудно, но ясно одно, что уже в глубокой древности он мог придавать глаголам значение возвратного и страдательного залогов. Этим, между прочим, объясняется отсутствие специальных форм возвратного и страдательного залогов в протоуральском языке.

На основе уральского суффикс. -β- в мансийском языке образовался специальный суффикс. -we-, который служит для образования форм страдательного залога, например *ala-we-m* 'я убиваю' или 'меня убивают', *ala-we-n* 'ты убиваешь' или 'тебя убивают', *ala-we* 'он убивает' или 'его убивают' и т. д.

Модальное значение возможности действия, по всей видимости, является вторичным значением. Оно могло возникнуть на основе стра-

дательного значения. Если субъект действия пассивен и испытывает на себе результаты какого-либо действия, совершаемого другими, то возможность совершения действия также не предполагает действующего субъекта, который только в потенции оказывается способным совершить действие, которого в действительности могло и не быть.

Суффиксы -vt(o)- (эрз.) и -ft(ə) (мокш.)

Глаголы с этим суффиксом выражают действие, совершаемое по приказанию или просьбе другого лица, например эрзя-м. *kandoms* 'нести', но *kando-vt-oms*, мокш. *kandə-ft-əms* 'заставить нести', *targams* 'тянуть', 'вытащить', *tagra-vt-oms*, мокш. *targa-ft-əms* 'заставить тянуть', 'заставить вытащить', эрз. *kortams*, мокш. *korxtams* 'говорить', эрз. *korta-vt-oms*, мокш. *korxta-ft-əms* 'заставить говорить' и т. д.

Первоначальной формой этих суффиксов Й. Синнее считает -kt- ~ -γt- (у Синнее -z-). Эрзянский суффикс -vt- мог развиваться непосредственно из -γt-. История мокшанского суффикс. -ft- более сложная. Сочетание -γt-, по мнению Синнее, превратилось сначала в -xt-, а затем в -ft-¹⁸⁸.

Появление f можно объяснить иначе. В мокшанском когда-то существовал суффикс. -vt-, в котором v перед глухим t превратилось в f.

Исходный суффикс. -kt ~ -γt сложнее по происхождению. Он составлен из суффикс. -k(-γ) и каузативного суффикс. -t-. Первый элемент этого сложения, суффикс. -k(-γ)-, Й. Синнее сопоставляет с глагольным суффикс. -γ(-z-), встречающимся в обско-угорских языках, например манс. *pänz-* 'колдовать', *sipz-* 'сосать', *kheləz-* 'вставать'¹⁸⁹.

Каузативный суффикс. -γt-, отразившийся в мордовских суффикс. -vt-, -ft-, имеет параллели в некоторых уральских языках, ср. удм. *ber-ykt-yny* 'вернуть', 'возвратить'.

Суффиксы -ž(ə)-, -žž(ə)-, ž(e)-

Суффикс. -ž(ə), -žž(ə) обычно выражает начинательное действие, например мокш. *laka-ž-əms* 'закипеть', 'начать кипеть' от *lakams* 'кипеть'; мокш. *kāfve-ž-əms* 'загораться', 'зажечься', 'воспламениться' от *kifvams* 'пылать'; эрз. *puva-ž-əms* 'задремать', 'вздремнуть', мокш. *kufc-iž-əms* 'застонать' от *kufcəms* 'вздыхать', 'охать', 'кряхтеть' и т. д.¹⁹⁰

Суффиксы žev(e)-, -žəv(ə)-

Значительно чаще в мордовских языках употребляется суффикс. *-žəv(ə), который также выражает начинательное действие, ср. например эрз. *čara-zeve-ms* 'начинать вертеться', 'завертеться' от

¹⁸³ ГМЯ, стр. 45, 46.

¹⁸⁴ Szinyei — I, стр. 131—132.

¹⁸⁵ Györke, стр. 20.

¹⁸⁶ Lehtisalo, стр. 44.

¹⁸⁷ Györke, стр. 67.

¹⁸⁸ Szinyei — I, стр. 130.

¹⁸⁹ Szinyei — I, стр. 131.

¹⁹⁰ Халлап, стр. 198.

čarams 'вертеться'; *sorno-zeve-ms* 'задрожать', 'затрястись' от *sornoms* 'дрожать'; *mel'avtoms* 'заботиться', 'беспокоиться', *melavto-zeve-ms* 'забеспокоиться', 'начать беспокоиться', мокш. *lakazav-ams* 'закипеть' от *lakams* 'кипеть', *urkâdâ-zav-ams* 'завыть' от *urkâdâms* 'выть' и т. д.

В некоторых случаях суфф. *-zev(e)-*, *-zav(a)-* может выражать действие, совершаемое на некоторое время, например *lotkazevs* 'остановился на некоторое время'.

Суфф. *-zev(e)-*, *zav(a)-* фактически составлен из двух суффиксов, суфф. *-ze-(-zâ-)* и суфф. *-v-*.

Первый элемент этого сочетания суфф. *-ze-*, *-zâ-*, который, как было показано выше, может употребляться и как самостоятельный суффикс, генетически, по всей видимости, связан с суфф. *-ž-*, встречающимся в языке коми, ср., например, *лэбзыны* 'полететь', *лэбны* 'лететь', *повзыны* 'испугаться', *повны* 'бояться', *пузыны* 'вскипеть', *пуны* 'кипеть', *тиыксыны* 'загнить', *тиыкны* 'гнить' и т. д.¹⁹¹

Другие связи суфф. *-ze-* недостаточно определены.

¹⁹¹ Халлап, стр. 201.

НАРЕЧИЕ

Наречие в мордовских языках, как и вообще наречие во многих языках, представляет довольно пеструю категорию, составленную из разных разрядов слов, объединяемых по функциональному признаку, т. е. по их роли конкретизатора глагольного действия.

Наречия можно классифицировать по разным признакам. Если их классифицировать по структурным признакам, то все наречия в мордовских языках можно разбить приблизительно на шесть групп. Эти группы следующие: 1) наречия, не имеющие формальных показателей, 2) наречия, представляющие застывшие надежные формы, 3) сложные наречия, 4) наречия, образованные на основе словосочетаний, 5) наречия, образованные путем повторов, 6) изобразительные наречия.

Наречия, не имеющие формальных показателей

Таких наречий в мордовских языках сравнительно немного. К ним относятся: эрз. и мокш. *jala* 'всегда', 'постоянно', эрз. *pek* 'очень', эрз. *nej* 'теперь', эрз. и мокш. *baška* 'отдельно', мокш. *kunf* 'навзничь', эрз. *kurok* 'скоро', мокш. *mala* 'близко', мокш. *mana* 'в позапрошлом году' и т. д. Встречаются случаи, когда наречия совпадают по форме с прилагательными, например эрз. *lembe* 'тепло', *čoroda* 'темно', *psi* 'жарко', *jakšamo* 'холодно' и т. д.

Наречия, представляющие застывшие надежные формы

Наречий этого типа в мордовских языках довольно много. Застывшие надежные формы, употребляемые в роли наречий, чаще всего представляют формы различных местных падежей.

Эти наречия в свою очередь делятся на две группы: а) наречия, содержащие суффиксы архаических местных падежей и б) наречия, содержащие суффиксы современных местных падежей.

Наречия, содержащие суффиксы архаических местных падежей

К числу наречий этого типа относятся: эрз. *tel'-ña* 'зимой', *šoks-ña* 'осенью', *kiz-ña* 'летом', *vaš-ña* 'сперва' и т. д. Эти наречия содержат архаический суффикс местного падежа *-na(-ña)*.

Сюда также относятся наречия на *-lo*, *-le*, *-lä*, *-lā* (исторически из *-lno*, *-lne*, *-lna*, *-lnä*, например эрз. *uda-lo*, мокш. *fta-la* 'позади', эрз. *vaso-lo* 'далеко', *ike-le* 'вперед' и т. д.).

Сюда же можно отнести наречия на *-t*, *-t'* типа мокшанского *ilä-t'* 'вечером', *kuvä-t'* 'долго', *ši-t'* 'днем', эрз. *ulkot'* 'несколько дней тому назад', 'недавно', *mel'a-t* 'в прошлый год', *manu-t'* 'в позапрошлый год' и т. д.

Очень редко встречаются в мордовских языках наречия, содержащие суффикс древнего направительного падежа *-ñ*, ср. эрз. *kozo-ñ* 'куда', *tozo-ñ* 'туда'. Не менее редки наречия, содержащие различные формы суффиксов совместного падежа, или комитатива, например эрз. *jal-go*, мокш. *jal-gä* 'пешком', эрз. *jalga-cek* 'попарно', мокш. *mel'-cek* 'рядом', эрз. *vele-nek* 'всем селом' и т. д.

Наречия, содержащие суффиксы современных местных падежей

К наречиям этого типа относятся: эрз. *mala-so* 'вблизи, рядом', *boka-so* 'под боком', 'рядом', мокш. *vaks-sa* 'около' и т. д.

В качестве наречий могут выступать формы местного падежа, образованные от местоименных основ, например эрз. *to-so*, мокш. *to-sa* 'там', (основа *to-*), эрз. *te-së*, мокш. *tä-sa* 'здесь' (основа *te-*), эрз. *se-së* 'там' (основа *se-*), эрз. *ko-so*, мокш. *ko-sa* 'где' (основа *ko-*) и т. д.

Формы исходного падежа

Преобладающее число наречий этого типа образуется от прилагательных, например эрз. *paro* 'хороший', *pař-štë* 'хорошо'; *befañ* 'плохой', *befañ-štë* 'плохо'; *kuvaka* 'длинный', *kuvaka-sto* 'длинно'; *sërej* 'высокий', *sërej-štë* 'высоко'; *vadža* 'хороший', *vadža-sto* 'хорошо'; мокш. *kal'd'av* 'плохой', *kal'd'av-sta* 'плохо'; мокш. *cebäř* 'хороший', *cebäř-sta* 'хорошо'; эрз. и мокш. *od* 'молодой', эрз. *od-sto*, мокш. *od-sta* 'молодо'; эрз. мокш. *koškä* 'сухой', эрз. *košk-štë*, мокш. *košk-sta* 'насухо'; эрз.-мокш. *psi* 'горячий', эрз. *psi-štë*, мокш. *psi-sta* 'сгоряча'; эрз.-мокш. *sokor* 'слепой', эрз. *sokor-sto*, мокш. *sokor-sta* 'слепу' и т. д.

Можно предполагать, что первоначальным ядром наречий этого типа были выражения типа *psi-štë* 'сгоряча', *sokor-sto* 'слепу', где использование формы исходного падежа является вполне естественным. Позднее могло произойти обобщение суффикса *-sto*, *-štë*, *-sta* и перенесение его на те случаи образования наречий, где нет самой идеи удаления от чего-либо, например *vadžasto* 'хорошо', *košksto* 'сухо' и т. д.

Формы исходного падежа могут быть образованы и от местоименных основ, ср. эрз. *to-sto*, мокш. *to-sta* 'оттуда' (основа *to-*), эрз.

te-štë, мокш. *tä-sta* 'отсюда' (основа *te-*), эрз. *se-štë*, мокш. *sä-sta* 'оттуда' (основа *se-*, *š-*, *sä-*), эрз. *ko-sto*, мокш. *ko-sta* 'откуда' (основа *ko-*).

Формы отложительного падежа

Сюда относятся наречия типа эрз. *al-do*, мокш. *al-dä* 'снизу', эрз. *vasol-do*, мокш. *ičkâz-dä* 'издали', эрз. *ikel-de*, мокш. *iğgâl'-dä* 'спереди', эрз. *ver-de*, мокш. *väř-dä* 'сверху', эрз. *mež-de*, мокш. *mež-da* 'поскольку' (от местоименной основы *mez-*) и т. д.

Формы направительного падежа

Наречия: эрз. *vere-v* 'вверх', *meke-v* 'обратно', 'назад', *ikele-v* 'вперед', *udalo-v* 'назад', *alo-v* 'вниз', мокш. *vär-i* 'кверху', *ftal-u* 'назад', *mek-i* 'назад', эрз. *kuņčka-v* 'в середину', эрз. *to-v* 'сюда', эрз. *se-j*, мокш. *se-j* 'сюда', эрз. *ko-v*, мокш. *ko-v* 'куда' и т. д.

Формы вносительного падежа

Наречия: эрз. *vej-s* 'вместе', *talaj-s* 'надолго', мокш. *me-s* 'почему'. Наречия, представляющие формы вносительного падежа, в мордовских языках довольно редки.

Формы превратительного падежа

Наречия: мокш. *od-ks* 'по-новому' (*od* 'новый'), *ilä-ks* 'иначе' (*ilä* 'другой'), эрз. *se-ks* 'поэтому', *me-ks* 'почему' и т. д. Наречия этого типа встречаются в мордовских языках также редко.

Формы переместительного падежа

Наречия: эрз. и мокш. *vaks-ka* 'мимо', 'около', эрз. *veř-ga*, мокш. *väř-gä* 'поверху', эрз. *mel'-ga* 'за', мокш. *mala-va* 'вблизи'. В этих формах могут выступать также наречия, образованные от местоименных основ, например эрз. *ku-va*, мокш. *ku-va* 'вдоль чего', 'где', эрз. *mež-ga* 'по какой причине' и т. д.

Сложные наречия

Сложными наречиями называются наречия, образованные из двух слов. Это застывшие формы местных падежей, например эрз. *mekev-vasov*, мокш. *mekä-vasu* 'взад и вперед'; эрз. *tej-tov*, мокш. *sej-tov* 'туда-сюда', мокш. *sta-t'afra* 'так-сяк', *karañ-karšek* 'друг против друга'.

Наречия, образованные на основе словосочетаний

Сюда относятся наречия типа эрз. *pelevet'*, мокш. *pälävet'* 'в полночь'; эрз. *mekev apak vano*, мокш. *meki af varžakstâž* 'без оглядки'; эрз. *kedeñ pesek*, мокш. *kädäñbacek* 'рука об руку', 'за руку'; эрз. *bojka ked's*, мокш. *äfazdžñ kät't'* 'на скорую руку'; эрз. *sel'ms neřks-tak a nejat*, мокш. *šelmä šalk af näjavi* 'глаза выколи — ничего не видно' и т. д. ¹

¹ ГМЯ, стр. 344.

Наречия, образованные путем повторов

Наречий этого типа в мордовских языках сравнительно мало. К ним принадлежат наречия типа *kavtoń-kavtoń* 'под два', *ketǎnǎi-kǎtǎnǎi* 'по десяти' и т. д.

Изобразительные наречия

К изобразительным наречиям относят также наречия, которые образно определяют глаголы со стороны их звуковых, зрительных и моторных признаков, например эрз. *Varmaś uvso sokaś kudos* 'Ветер со свистом ворвался в комнату'. Чаще всего наречия этого типа бывают представлены так называемыми звукоизобразительными словами, например *Dubor-dubor ardy* 'С грохотом едет', мокш. *Kfěik-kfěik jondǎls* 'Раз-раз сверкнула молния' и т. д.²

В мордовских языках наречия могут быть образованы также от деепричастий на -*ž*, например эрз. *pek avardež*, мокш. *päk avardǎž* 'сильно плача'.

² ГМЯ, стр. 331.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

К категории служебных слов в мордовских языках обычно относят послелогов, союзы, частицы и междометия.

ПОСЛЕЛОГИ

Мордовские языки имеют довольно большое количество послелогов.

Как уже указывалось выше, такое необычайное развитие послелогов в этих языках имеет свои определенные причины. Некогда существовавшее в мордовских языках четкое противопоставление серий внешнеместных и внутреннеместных падежей в современных эрзянском и мокшанском языках в известной мере нарушилось. Местные падежи стали многозначными. На этой почве возникла необходимость в более четком языковом выражении различных оттенков местных значений, что вызвало значительное увеличение числа послелогов.

Послелогов в мордовских языках обычно представляют застывшие формы местных падежей различных слов. Некоторые из этих слов в иных речевых аспектах могут употребляться как самостоятельные слова. Многие послелогов в мордовских языках могут употребляться в роли наречий.

В основе послелога всегда лежит какое-либо слово, способное присоединять окончания местных падежей. Эти формы местных падежей фактически и выполняют функции послелогов. При характеристике послелогов вначале будет приведено исходное слово.

Al 'низ'

Слово *al* имеет многочисленные параллели в родственных уральских языках, ср. финск. *alla* (< *al-na*) 'под', *al-ta* 'из-под', *al-as* 'вниз', саамск. *vuolde* 'под', мор. *ül-nö* 'под', манс. *jol-ən* 'под', хант. *l, it* 'низ', венг. *alatt* 'под', ненек. *pyl-na* 'под', удм. и коми-зыр. *ul-yn* 'под'.

В мордовских языках в роли послелогов употребительны следующие падежные формы:

Местный падеж. Эрз. *alo*, мокш. *ala* 'под'. Эти формы восходят к более древним формам *al-lno*, *al-lna*, где *-no*, *-nā* — суффиксы некогда существовавшего в мордовских языках местного падежа. Сочетание *ln* в мордовских языках всегда упрощалось через промежуточные ступени $ll > l$, эрз. *alno* (из *allno*) $> allo > alo$, мокш. *alna* (из *allna*) $> alla > ala$.

Отложительный падеж. Эрз. *al-do*, мокш. *al-dā* 'из-под'.

Направительный падеж. Эрз. *al-ov*, мокш. *al-u* 'под' (обозначение движения под какой-либо предмет) ср. мокш. *šrat' alu* 'под стол'.

Переместительный падеж. Эрз. *al-ga*, мокш. *al-ga* 'под' (обозначение движения под каким-либо предметом).

Перечисленные падежные формы могут употребляться также в функции наречий, например эрз. *alo* 'внизу' *aldo* 'снизу' *alov* 'вниз' и т. д.

Baš (тат.) 'голова'

Эрз. и мокш. *baška* 'кроме', 'помимо'.

Этот послелог заимствован из татарского языка. В татарском языке он представляет окаменелую форму дательно-направительного падежа от слова *baš* 'голова'.

Bok (русс.) 'бок', 'сторона'

В значении послелогов в мордовских языках употребительны следующие падежные формы:

Местный падеж. Мокш. *bok-sa* 'у', 'около', например: *Kit' boksā aščāst' st' adū kaftā af sodavi lomat't'* «У дороги стояли два незнакомца»¹. Эрзянское *boka-so* употребляется главным образом в функции наречия.

Направительно-вносительный падеж. Эрз. *boka-s*, мокш. *bok-s* 'до', например: эрз. *Lejeñt' bokas pačkodš* 'Он до реки дошел',² мокш. *Laštāt' nā pačkžēt' oči viř boks* 'Всадники доехали до большого леса'³. Буквально *bokas* или *boks* означает 'до стороны'.

Исходный падеж. Мокш. *bok-sta* 'от', например: *Vašēnā-nāš peli, tid' ānc boksta javāmda* 'Жеребенок боится от матери отходить'⁴.

Переместительный падеж. Эрз. *boka-va*, мокш. *bokā-va* 'у', 'около'. Служит для обозначения движения поблизости или около какого-нибудь предмета, например: эрз. *Latkoñt' bokava molinek* 'Мы шли вдоль (по краю) оврага'⁵; мокш. *Kit' bokāva ozañaft' šuftnāt* 'Вдоль дороги посажены деревья'⁶.

¹ МРС, стр. 34.

² ЭРС, стр. 34.

³ МРС, стр. 34.

⁴ Там же.

⁵ ЭРС, стр. 34.

⁶ МРС, стр. 33.

Čire kraj

(см. стр. 250)

Ezet (эрз.), *äzät* (мокш.), 'сидение', 'скамейка'

В мордовских языках употребительна в роли послелога форма направительно-вносительного падежа этого слова *ezet-s*, *äzät-s*, означающая 'вместо'. Примеры: эрз. *toñ ezems* 'вместо тебя', мокш. *fkāt' äzams maksāms lijā* 'взамен одного дать другое'⁷.

Эрзянское *toñ ezems* первоначально означало 'на твою скамейку' или 'на твое место'.

Ez 'внутренность' (?)

Употребительны следующие падежные формы:

Местный падеж. Эрз. *ej-sē*, мокш. *e-sa* 'в', например эрз. *kudoñt' ejse*, мокш. *kud't' esa* 'в доме'.

Исходный падеж. Эрз. *ej-stē*, мокш. *ez-da* 'из', например эрз. *vireñt' ejstē*, мокш. *viřt' ezda* 'из леса'.

Направительно-вносительный падеж. Эрз. *ej-s*, мокш. *e-s* 'в' (направление движения) ср.: эрз. *kudoñt' ejš sovaš* 'В дом вошел человек'⁸; мокш. *kud't' es sovaš* 'Он вошел в дом'⁹.

Переместительный падеж. Мокш. *ez-ga* 'по', например: *Vedš šudi karaft' ezga* 'По канаве течет вода'¹⁰.

Сравнивая эрзянские послелог *ejse* (диал. *esne*) *ejstē*, *ejš* с соответствующими по значению мокшанскими послелогами, Д. В. Бубрих утверждал, что мокшанские послелог *esā*, *esta*, *es* имеют более первоначальный вид, чем эрзянские¹¹. Он предполагает, что *j* в эрзянских формах *ejš* 'в' и *ejstē* 'из' возникло из первоначального *z*, ср. *kardajse* 'на дворе', *kardajstē* 'со двора', *kardajs* 'на двор' от *kardaz* 'двор'.

Далее Д. В. Бубрих привлекает мокшанское наречие *esa* 'там'. В эрзянском ему когда-то соответствовало *esē*. «*Esē* можно разлагать на *ez* + *-ne*, *-na*. Точно так же мокшанское *estā*, которому в эрзянском некогда соответствовало *estē*, можно разлагать на *ez* и *-de*, *-da*, где окончание *-de*, *-da* является окончанием аблатива»¹².

Бубрих считает также возможным связать этимологически старую основу этих послелогов *ez*- с удмуртским *as* 'сам': «В позиции определения *as* в удмуртском языке употребляется со значением „свой, собственный“». Древнейшее его значение раскрывается, как только мы обращаем внимание на его чередование с *ač-*, которое употребляется в другой части форм местоимения со значением „сам“. Коми и удмурт-

⁷ МРС, стр. 314.

⁸ ЭРС, стр. 255.

⁹ МРС, стр. 317.

¹⁰ МРС, стр. 314.

¹¹ Бубрих — II, стр. 208.

¹² Бубрих — II, стр. 209.

ские *ačut* „я сам“, *ačud* «ты сам», *ačuz* „он сам“ и т. д. Таким образом, мордовскому *ez*, оказывается, можно приписать прежнее значение „душа“¹³.

В другом месте Д. В. Бубрих предполагает, что *ez* когда-то значило что-то вроде «середина, нутро, сердце, душа (своего рода нутро)»¹⁴. Необходимо отметить, что эта гипотеза Д. В. Бубриха сама по себе очень правдоподобна и может быть принята.

Мокшанское *es*, таким образом, представляет форму вносительного падежа от некогда существовавшего в мордовских языках слова *ez* «внутренность», «душа». Эта древняя форма звучала как *ezs*. Общий ход ее исторического развития можно представить таким образом — *ezs* > *ess* > *es*. В эрзянском *ezs*, по-видимому, изменилось в *ejs*. О том, что в мордовских языках, действительно, когда-то существовала основа *ez*, свидетельствует эрзянский послелог *ez-ga*, например *vireñt' ezga* «по лесу». Послелог *ezga* представляет форму пролатива от *ez*. Суффикс пролатива *-ga* исторически восходит к суффиксу латива *-ka*. Если бы основа *ēz* оканчивалась на *s*, то *-ka*, не могло бы превратиться в *-ga*. Первоначальное *ezka* могло в дальнейшем превратиться в *ezga*.

Различные формы местных падежей от основы *ez*, кроме вышеупомянутых послелогов *es* и *ejs*, образуют еще другие послелогии: Эрз. *e j s ě*, мокш. *e s a* «в», например: эрз. *veleñt' ejsĕ* «в деревне». мокш. *Knigaš šrat' esa* «Книга в столе». Эти послелогии являются формами местного падежа от основы *ez*. Эрзянское *ejsĕ* развилось из *ēzsne* (*ezsne* > *ezse* > *ejsĕ*). Мокшанское *esa* развилось из *ezsna* (*ezsna* > *essa* > *esa*).

Эрз. *e j s t ě* «из», например: *Vařañt' ejstĕ lišš čejeř* «Из норы вышла мышь».

E k š e «теневая сторона предмета»

В эрзянском языке от этого слова в качестве послелогов употребляются следующие падежные формы:

Направительно-вносительный падеж. Пример: *Cizĕ kekšš pel't'neñ ekšš* «Солнце спряталось за облака».

Исходный падеж. Пример: *Cizĕ lišš pel' ekšstĕ* «Солнце прошло за облаками»¹⁵.

U t a «задняя часть чего-либо» (?)

В современных мордовских языках слово *uta* как самостоятельное слово уже не существует, но его падежные формы функционируют в значении послелогов. Употребляются следующие падежные формы:

Местный падеж. Эрз. *uda-lo*, мокш. *fta-la* «позади». При-

¹³ Бубрих — II, стр. 210—211.

¹⁴ Бубрих — II, стр. 210.

¹⁵ ЭРС, стр. 257.

меры: эрз. *Kudoñt' udalo kasy umarina* «За домом растет яблоня»¹⁶, мокш. *Veläs ašči viřt' ftala* «Деревня стоит за рекой».

Отложительный падеж. Эрз. *udal-do*, мокш. *ftal-da* «из-за», например: эрз. *Cineš lišš virneñt' udaldo*, мокш. *Šinäs lišš virnät' ftalda* «Солнышко вошло из-за лесочка»¹⁷.

Переместительный падеж. Эрз. *udal-ga*, мокш. *ftal-ga* «за», «позади» (обозначение движения, совершаемого позади какого-либо предмета), например: эрз. *Kudoñ udalgä moli lomañ* «За домом идет человек»; мокш. *Veläñkšñ ftalga mašina ki jotaj* «За нашим селом проходит железная дорога»¹⁸.

Направительный падеж. Эрз. *udalo-v* «за», мокш. *ftal-u* «за», например: эрз. *keñkšeñt' udalov kekšnems* «спрятаться за дверь»¹⁹, мокш. *Šinäs valgs virnät' ftalu* «Солнышко зашло за лесок»²⁰.

Ik, ijk «передняя часть чего-либо» (?)

В современных мордовских языках это слово не употребляется. Его значение устанавливается чисто гипотетически. Неясна также роль носового инфикса в мокшанском языке. Возможно, что в эрзянском языке первоначальное *ŋ* выпало. В значении послелогов употребительны следующие падежи:

Местный падеж. Эрз. *ike-le*, мокш. *ingġ-lä* «перед», например: эрз. *Kudoñt' ikele kilej kasy* «Перед домом растет береза»²¹; мокш. *Šrat' ingġlä ozaf lomañ* «Перед или за столом сидит человек»²². Более древние формы *ikelne*, *ingġlnä*. Подобно послелогам *udalo*, *ftala*, послелог *ikele*, *ingġlä* первоначально был образован от наречия с характерным суфф. *-l*. Группа *ln* в мордовских языках всегда подвергалась упрощению (*ln* > *ll* > *l*).

Отложительный падеж. Эрз. *ikel-de*, мокш. *ingġl-dä* «от», ср.: эрз. *sel'me ikel'de tujems* «уйти с глаз долой»²³, мокш. *Mašinät' ingġl'dä sembä tušt'* «Все отошли от машины»²⁴.

Направительный падеж. Эрз. *ikele-v*, мокш. *ingġl-i* например: эрз. *Sel'me ikelev il'a pongo* «На глаза не попадайся»²⁵; мокш. *Kud't' ingġli efavi ozaftäms šuftänä* «Перед домом нужно посадить деревцо»²⁶. Более древние формы этих послелогов *ikeleŋ* и *ingġleŋ*.

¹⁶ Там же, стр. 230.

¹⁷ МРС, стр. 292.

¹⁸ МРС, стр. 292.

¹⁹ ЭРС, стр. 230.

²⁰ МРС, стр. 292.

²¹ ЭРС, стр. 78.

²² МРС, стр. 92.

²³ ЭРС, стр. 78.

²⁴ МРС, стр. 93.

²⁵ ЭРС, стр. 78.

²⁶ МРС, стр. 92.

Переместительный падеж. Эрз. *ikel'-ga*, мокш. *ingâl'-gä* 'перед', ср.: эрз. *sel'me ikelga* 'перед глазами' (проходить) ²⁷; мокш. *Kud't' ingâl'gä jotaš lomañ* 'Перед домом прошел человек' ²⁸.

Причинный падеж. Мокш. *iyk-sä* 'за', 'из-за', например. *Son tuš knigat' iysä* 'Он пошел за книгой' ²⁹. Этот падеж употребляется только в мокшанском языке. Послелог *iyksa* содержит суффикс некогда существовавшего в мордовских языках направительного падежа на *-sa*.

J a n (Тат.) 'сторона' (в мордовских языках *j o n*)

В мокшанском языке в роли послелогов употребительны следующие падежные формы.

Местный падеж. Мокш. *jon-ca* 'у', 'в направлении', например: *Knigaš toñ käd' jonca* 'Книга у тебя под руками' ³⁰; *Viř širä joncä näjevi zařa* 'В направлении леса видна заря'.

Отложительный падеж. Мокш. *jon-cta* 'из', 'с', например: *Narmât't'nä ni sašt' lämbä širä joncta* 'Птицы уже прилетели из теплых краев' ³¹. Новая основа возникла, по-видимому, в результате переразложения основы в форме местного падежа.

Направительный падеж. Мокш. *jon-u* 'по направлению к', например: *Lastäs tuš ardžž viřpälä jonu* 'Всадник поскакал по направлению к лесу' ³².

Переместительный падеж. Мокш. *jon-gä* 'у', например: *Kud širä jonga jotaš* 'Прошел у самого дома' ³³.

J o t k a (мокш.), *j u t k o* эрз. 'промежуток'

В мордовских языках употребительны следующие падежные формы:

Местный падеж. Эрз. *jutk-so*, мокш. *jotk-sa* 'между', например: эрз. *kavto tol jutkso* 'между двух огней' ³⁴, мокш. *Son falu lomañ jotksa* 'Он всегда среди людей' ³⁵.

Исходный падеж. Эрз. *jutk-sto*, мокш. *jotk-sta* 'из' (обозначает движение из какой-нибудь среды), например: эрз. *Čuvto jutksto lišš vefgiž* 'Из-за деревьев вышел волк' ³⁶; мокш. *Son lišš krestjattñä jotksta* 'Он вышел из среды крестьян' ³⁷.

Вносительный падеж. Мокш. *jotk-s* 'между', например: *Pil'gžə povš šočknäñ jotks* 'Моя нога попала между бревнами' ³⁸.

²⁷ ЭРС, стр. 78.

²⁸ МРС, стр. 93.

²⁹ Там же.

³⁰ МРС, стр. 78.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ ЭРС, стр. 264.

³⁵ МРС, стр. 79.

³⁶ ЭРС, стр. 264.

³⁷ МРС, стр. 79.

³⁸ Там же.

Направительный падеж. Эрз. *jutko-v* 'в', например: *lisems kardaz jutkov* 'выйти во двор' ³⁹. Послелог *jutkov* исходит из более древней формы *jutkoj*.

Переместительный падеж. Эрз. *jutko-va*, мокш. *jotkâ-va*, например: эрз. *Jutkovast a jutavat* 'Между ними не пройдешь' ⁴⁰, мокш. *Mařlufnän jotkova vidəf tišə* 'Между яблонями посеяна трава' ⁴¹.

K a r š y (тат.) 'против'

В мордовских языках этот татарский послелог принял формы *karšo* в эрзянском и *karša* в мокшанском, например: эрз. *moñ karšo* 'против меня'; мокш. *Mol'ân jalgat' karša* 'Пойду навстречу товарищу'.

В эрзянском языке иногда употребляется форма с суффиксом вносительного падежа *karše-s* 'против'.

K e d' (эрз.), *k ä d'* (мокш.) 'рука'

В значении послелогов употребительны:

Местный падеж. Эрз. *ked'-së*, мокш. *käd'-sa* 'у', например: эрз. *Maksyze tel'añ ked'sënze* 'Он передал это отцу'; мокш. *Täči mon užnan jalgazeñ käd'sa* 'Сегодня я ужинаю у товарища' ⁴².

Исходный падеж. Эрз. *ked'stë*, мокш. *käd'-sta* 'от', например: эрз. *Toñ ked'-stë lezks karman vešeme* 'У (от) тебя помощи просить буду' ⁴³; мокш. *Vandy jalgazeñ käd'sta kniganän sävsajnä* 'Завтра у моего товарища возьму книги' ⁴⁴.

K e l e 'ширина'

В эрзянском языке от этого слова в значении послелога употребляется только форма вносительного падежа *kele-s*, например: *Pakšañ keles jakiñ* 'Ходил по всему полю' ⁴⁵.

K i 'дорога'

В эрзянском языке в роли послелогов могут быть употреблены формы вносительного и местного падежей *ki-s* и *ki-së*. Обе в значении русского предлога 'за', 'об', например: *Knigañ't'kis pandyñ kolmo celkovojt'* 'За книгу я заплатил три рубля' ⁴⁶; *Avol anšak toñ, no moñ-gak kišë pičedi* 'Не только о тебе, но и обо мне тоже беспокоится' ⁴⁷.

³⁹ ЭРС, стр. 264.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ МРС, стр. 79.

⁴² МРС, стр. 138.

⁴³ ГМЯ, стр. 337.

⁴⁴ МРС, стр. 138.

⁴⁵ ЭРС, стр. 98.

⁴⁶ ЭРС, стр. 101.

⁴⁷ ГМЯ, стр. 338.

K o j 'обычай', 'традиция', 'привычка'

Форма местного падежа употребляется в эрзянском языке в значении послелого, например *tynk kajsě* 'по-вашему'.

K o l (?)

Форма переместительного падежа употребляется в значении послелого, например: *Mezəñ kolga?* 'О чем?'. Как самостоятельное слово *kol* в современном мокшанском языке не употребляется. Первоначальное значение неясно.

K o ř a (?)

В эрзянском и мокшанском языках в роли послелого употребительна только форма вносительного падежа *kořa-s* 'против', 'по сравнению', 'в отношении'. Примеры: эрз. *Erit' minek kořas* 'Они живут против нас'⁴⁸; *Pičes' tumoñt' kořas serej* 'Сосна выше дуба'⁴⁹; *Šubaš rungoñ kořas* 'Шуба по росту'⁵⁰; мокш.: *Pojezdś saś raspisanijäñt' kořas* 'Поезд пришел по расписанию'; *Urožajś t'ad'də jotaj kizät' kořas šada cebäř* 'Урожай в этом году по сравнению с прошлым годом лучше'⁵¹. Происхождение исходного слова неясно. Возможно, что мордовские языки заимствовали татарский послелог *kürä* 'по'. Сходный послелог имеется в марийском, ср. луг.-мар. *köra* 'по'.

K u n š k a (эрз.), *k u n č k a* (мокш.) 'середина'.

В мордовских языках употребительны в роли послелогов:

Местный падеж. Эрз. *kuñška-so*, мокш. *kuñčka-sa* 'между', например: эрз. *minek kuñškaso* 'между нами', *okoptneñ kuñškaso* 'между окопами'⁵²; мокш. *Tiře kuñčkasa tozər voraf* 'Посреди тока ворох пшеницы'⁵³.

Исходный падеж. Эрз. *kuñška-sto*, мокш. *kuñčka-sta* 'из середины', 'посреди', ср. эрз. *Son saś vireñ kuñškasto* 'Он пришел из леса'; мокш. *Ulčät' kuñčkastä sembä tušt'* 'Посреди улицы все разошлись'⁵⁴.

Вносительный падеж. Эрз. *kuñška-s*, мокш. *kuñčka-s* 'в', 'среди', например: эрз. *Št'as synst kuñškazost* 'Он встал среди них'; мокш. *Ozaś miñ kuñčkazənk* 'Он сел среди нас'.

Направительный падеж. Эрз. (*kuñška-v*, мокш. *kuñčka-v* 'в середину', ср.: эрз. *Son mol's vireñ kuñškav* 'Он пошел по направлению к середине леса'; мокш. *Miñ suvamä viřt' kuñčav* 'Мы дошли до середины леса'⁵⁵.

⁴⁸ ЭРС, стр. 110.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ МРС, стр. 127.

⁵² ЭРС, стр. 115.

⁵³ МРС, стр. 135.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

Переместительный падеж. Эрз. *kuñška-va*, мокш. *kuñčka-va* 'посреди', ср., например: эрз. *Pakšañ kuñškava moli* 'Идет посреди поля'; мокш. *Pakšañkəñ kuñčkava jotaj ki* 'Дорога идет посреди поля'⁵⁶.

K u v a l m o (эрз.), *k u v a l m a* (мокш.) 'длина'

Имеет значение русских предлогов 'вдоль', 'по', 'о'. Примеры: эрз. *kiñt' kuvalma* 'вдоль дороги', *Kortyneke kuvalmanzo* 'Мы говорили о нем'⁵⁷, мокш. *Siñ tušt' ardžž kit' kuvalma* 'Они поскакали вдоль дороги'⁵⁸; *Kizəñ kuvalmā ošsa min erämä* 'В течение года мы жили в городе'⁵⁹.

Форма исходного падежа *kuvalmosta* означает 'в течение'.

L a d (русс.) 'лад', 'согласие'

В мордовских языках употребительна только форма местного падежа этого слова, эрз. *lad-so*, мокш. *la-ca* 'как', 'подобно', например: эрз. *Čamazo ašolgadś lov ladso* 'Его лицо побелело, как снег'; мокш. *Vaňat' laca son af moravi* 'Он не сумеет спеть, как Ваня'⁶⁰.

L a ŋ g o (эрз.), *l a ŋ g a* (мокш.) 'поверхность'

В значении послелогов употребительны следующие падежные формы:

Местный падеж. Эрз. *laŋg-so*, мокш. *laŋg-sa* 'на', например: эрз. *ki laŋgso* 'на дороге'; мокш. *Knigaś ašči šra laŋgsa* 'Книга лежит на столе'.

Исходный падеж. Эрз. *laŋg-sto*, мокш. *laŋg-sta* 'с', например: эрз. *stol' laŋgsto* 'со стола'; мокш. *Kit' laŋgsta tuś širi* 'С дороги отъехал в сторону'⁶¹.

Вносительный падеж. Эрз. *laŋg-s*, мокш. *laŋg-s* 'на', например: эрз. *Putyze knigañt' stol' laŋgs* 'Он положил книгу на стол'; мокш. *Ozams skomñat' laŋgs* 'Сесть на скамейку'⁶².

Переместительный падеж. Эрз. *laŋ-ga*, мокш. *laŋ-ga* 'по', например: эрз. *Ki laŋga moli lomañ* 'По дороге идет человек'⁶³. мокш. *Ki laŋga moli traktor* 'По дороге идет трактор'⁶⁴. Послелог *laŋga* восходит к более древней форме *laŋg-ga*,

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ ЭРС, стр. 113.

⁵⁸ МРС, стр. 113.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ МРС, стр. 145.

⁶¹ Там же, стр. 143.

⁶² МРС, стр. 143.

⁶³ ЭРС, стр. 119.

⁶⁴ МРС, стр. 143.

M a l a 'близость' (?)

В современных мордовских языках слово *mala* как самостоятельное слово не употребляется. В значении послелогов употребительны:

Местный падеж. Эрз. *mala-so*, мокш. *mala-sa* 'вблизи', например: эрз. *Vireñt' malaso uli lejne* 'Около леса (или вблизи леса) есть речка'; мокш. *Školat' mala-sa uls rošča* 'Около школы была роща'.

Исходный падеж. Эрз. *mala-sto*, мокш. *mala-sta* 'от', например: эрз. *Čuvtoñt' malasto tuk* 'Отойди от дерева'⁶⁵; мокш. *Kutt' malasta javs lomañ* 'От дома отделился человек'⁶⁶.

Направительно-вносительный падеж. Эрз. и мокш. *mala-s* 'близко', 'около', например: эрз. *Kudo malas pač-kodiñ* 'Подожел близко к дому'⁶⁷; мокш. *Šašt jalgazñ malas* 'Подвинься к товарищу моему'⁶⁸.

Переместительный падеж. Эрз. *mala-va*, мокш. *mala-va* 'по' (обозначает движение около какого-либо предмета), напр., эрз. *Kudo malava jakan* 'Хожу около дома'; мокш. *Kutt' malava kijä-bdi jakaj* 'Около дома кто-то ходит'⁶⁹.

M a r t o (эрз.), m a r x t a (мокш.) 'с'

Примеры: эрз. *Tet'añ marto jakan*, мокш. *Al'azñ marxta jakan* 'Иду с отцом'. Возможно, что этот послелог связан со словом *mar* 'куча'. В эрзянском языке, кроме *marto*, также употребительна форма *marsa*, имеющая то же значение. *Marsa* представляет форму местного падежа от слова *mar* 'куча', буквально означающую 'в куче', 'в совокупности', откуда могло развиваться значение 'совместно с чем-нибудь'.

M e j (?)

Слово *mej* как самостоятельное слово в мордовских языках не употребляется. В значении послелога употребляются:

Местный падеж. Эрз. *mej-le*, мокш. *me-lä* 'после', например: эрз. *Kolmo čide mejle* 'После трех дней'; мокш. *Pizämda melä ul's lämbä* 'После дождя было тепло'⁷⁰.

Переместительный падеж. Эрз. *mel'ga*, мокш. *me-l'ä* 'за', например: эрз. *Ved' melga noldams* 'Пустить по воде'; мокш. *Alašat' mel'gä ard's' vašpä* 'За лошастью бежал жеребенок'⁷¹.

Mej исторически восходит к *mej*. Имеются многочисленные параллели в других финно-угорских языках, ср. финск. *myö-tä* 'по', *myös* 'также'.

⁶⁵ ЭРС, стр. 129.

⁶⁶ МРС, стр. 155.

⁶⁷ Евсеев, стр. 304.

⁶⁸ МРС, стр. 155.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, стр. 162.

⁷¹ МРС, стр. 162.

же', *myöstä* 'отводить', 'оттягивать', саамск. *mañ-ne* 'назад' (в сложных словах), *mañ-as* 'назад', мар. *mən-gə*, *möñ-ge*, *möñg-eš* 'назад', манс. *mänt*, *mäntl*⁷².

В мокшанской форме *melä* выпало *j* (*melä* < *mejlä*).

Таким образом, послелог *mejlä* восходит к более древнему *mej-l-ne. Группа *ln*, как обычно, упрощалась в *l*, а *ñ* превращалось в *j* и позднее утрачивалось.

Мокшанская форма послелога *mel'gä* возникла из *mel-ga*, где конечное *a* под воздействием конечного *ə* в послелоге *melä* превратилось в *ä*.

P a č k 'через'

Этимология слова, лежащего в основе этого послелога, неясна. В мокшанском языке имеется омонимичное наречие, означающее 'пополам', например: *Керк марьт пачк* 'Разрежь яблоко пополам'.

Употребляется в обоих мордовских языках только в одной форме и в одном значении, ср.: эрз. *salmuks peleñ pačk* 'через игольное ушко'; мокш.: *Sarasnä jotašt' pečaft' pačk* 'Куры прошли сквозь изгородь'⁷³.

P e 'конец'

В значении послелога употребляется только форма направительно-вносительного падежа *pe-s*, имеющая значение русского предлога 'до', например: эрз. *Panarom sureñ bes pačks* 'Рубашка моя до нитки промокла', *Zornañ bes šurom majš* 'До зерна хлеб мой вышел'⁷⁴.

P e l' (эрз.), p ä l' (мокш.) 'сторона'

В роли послелогов употребительны:

Местный падеж. Эрз. *pe-le*, мокш. *pä-lä* 'на', например: эрз. *Kov valdy či lisema pele* 'Луна светит на востоке'; мокш. *Mon uläñ jalgazñ pälä* 'Я был у своего товарища'⁷⁵. Послелоги *pele*, *pälä* восходят к более древним формам *pe-l'ne*, *pä-lnä*, где *ne* — суффикс древнего местного падежа. Группа *ln* в мордовских языках, как обычно, упростилась в *l*.

Отложительный падеж. Эрз. *pel'-de*, мокш. *päl-dä* 'от', 'с', например: эрз. *sonzë pel'de* 'от него', *či lisema pel'de* 'с востока'; мокш. *Kud päl'dä sajan* 'Иду из дома'.

Направительный падеж. Эрз. *pel-ev*, мокш. *päl-i* 'по направлению к', например: эрз. *Сороñ pelev tuinek kudov* 'Под вечер мы шли домой'⁷⁶; мокш. *oš päli* 'по направлению к городу'.

⁷² Collinder — II, стр. 100—101.

⁷³ МРС, стр. 202.

⁷⁴ Евсеев, стр. 309.

⁷⁵ МРС, стр. 202.

⁷⁶ Там же, стр. 228.

Переместительный падеж. Мокш. *päl'-gä*, например: *Jotašt kutt' päl'gä* 'Они проехали около дома'⁷⁷.

P e ř f (мокш.), *p e ř k a* (эрз.) 'вокруг', 'в течение'

Употребляется только в одной форме, ср. эрз. *Stoleñ peřka vel'avtyñ* 'Я обернулся вокруг стола'; *Teleñ peřk serec* 'Всю зиму он прохворал'.

Послелог *peřf* и *peřka*, возможно, восходят к слову *pere* 'огороженное место', имеющему параллели в других уральских языках, ср. финск. *piiri* 'окружность', саамск. *birra* 'кругом', камас, *pieeri* 'вокруг'.

P e ř t' 'в течение'

Употребителен в эрзянском языке, например: *Vese pingenzë peřt'* *Ivaškineñ mičaš sedej čapato* 'В продолжение всей своей жизни Ивашкина мучала изжога'⁷⁸. Этимологически послелог *peřt'*, по-видимому, связан с тем же словом *pere* или *pire*. Элемент *t'* представляет суффикс древнего локатива, сохранившегося в реликтовой форме только в некоторых наречиях типа эрз. *melat* 'в прошлом году', *manyť* 'в позапрошлом году', мокш. *ilät'* 'вечером', *kuvat'* 'долго', *šit'* 'днем' и т. д.

P i ģ g e 'век', 'время'

В эрзянском языке в роли послелога употребительна только форма исходного падежа *piġg-stë* в значении русского предлога 'при', например: *Nede kortast' moñ piġgstë* 'Об этом говорили при мне'⁷⁹.

P ř a 'голова'

В значении послелогов употребительны формы:

Местный падеж. Эрз. *pra'-so*, мокш. *přa-sa* 'на', например: эрз. *Cuvto přaso narmuñ mory* 'На дереве птица поет'; мокш. *Ošš ašči panda přa-sa* 'Город расположен на горе'⁸⁰.

Направительно-вносительный падеж. Эрз. *přa-s*, мокш. *přa-v* 'на', ср.: эрз. *Kuzeš pando přas* 'Он залез на дерево'; мокш. *kucems šuftä přav* 'влезть на дерево'⁸¹.

Переместительный падеж. Мокш. *přa-vä* 'по' (движение по поверхности чего-либо), например: *Uřxnä komätñijxt' šuftñäñ přava* 'Белки прыгают по деревьям'⁸².

Š i r ä 'сторона', 'край'

В мокшанском языке в роли послелогов употребляются:

Местный падеж. *Širä-sa* 'у', например: *Al'anc širäsa eräj* 'Он живет у своего отца'⁸³.

⁷⁷ МРС, стр. 229.

⁷⁸ ГМЯ, стр. 343.

⁷⁹ ЭРС, стр. 167.

⁸⁰ МРС, стр. 224.

⁸¹ МРС, стр. 224.

⁸² МРС, стр. 224.

⁸³ Там же, стр. 305.

Исходный падеж. *Širä-stä* 'от', например: *Tolku širästä mežaš jotaš Kolyčevkañ lašmât'kuvalmäs* 'От Толковки межа прошла вдоль низины Колычевки'⁸⁴.

Направительно-вносительный падеж. *Šir-i* 'по направлению к', например: *Oš širi tuš* 'Он поехал по направлению к городу'.

Переместительный падеж. *šir-gä* 'у', например: *Viřt širgä miñ jagodat kočkamä* 'У леса мы собирали ягоды'⁸⁵. Мокшанское *širä* соответствует эрзянскому *čire*.

T e ģ 'основа'

В мордовских языках некогда существовало слово *teġ* со значением 'основа'. В современных мордовских языках оно исчезло. Это слово имеет параллели в родственных языках, ср. финск. *tyvi* 'основа', мар. *tän, tün* 'основа', коми-зыр. *din*, удм. *din*, диал. *dij*, венг. *tő* ∞ *töve* 'основа'.

В мокшанском языке в роли послелогов употребляются:

Местный падеж. *Tej-sa* 'у', например: *Ašči šrat' tejsa* 'Стоит у стола'⁸⁶.

Исходный падеж. *Tej-stä* 'от', например: *Kud tejsa siñ, tušt'* 'Они отошли от дома'⁸⁷.

Направительно-вносительный падеж. *Tej-s* 'к', например: *Arak šrat' tejs* 'Встань к столу'⁸⁸.

Переместительный падеж. *Tej-gä* 'вокруг', 'около', например: *Cibožš arni pizânc tejgä* 'Чибис бегаёт вокруг своего гнезда'⁸⁹.

T a r k a 'место'

В значении послелога употребляется в эрзянском языке только в форме направительно-вносительного падежа, например: *Suroñ tarkas takšš počt* 'Взамен зерна он дал муки'⁹⁰.

T o m b a l e 'за'

Употребляется только в эрзянском языке, например *vireñt' tombale* 'за лесом'.

В основе этого послелога лежит местоименная основа *to-*. К ней присоединен суфф. *-mb-*, указывающий в данном случае на большую степень удаленности предмета. Составной элемент *le* возник из *lne*, где *l* — наречный суффикс, а не суффикс местного падежа.

⁸⁴ ГМЯ, стр. 343.

⁸⁵ МРС, стр. 305.

⁸⁶ МРС, стр. 268.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ ЭРС, стр. 211.

В мокшанском языке в значении послелогов употребляются: Местный падеж. *Tovâ-la* 'за', например: *Son eñäj ošt' tovâla* 'Он живет за городом'⁹¹.

Отложительный падеж. *Tovo-lda* 'откуда', 'из-за', например: *Siñ sašt' viř tovâlda* 'Они пришли из-за леса'⁹².

Направительный падеж. *Tovâ-lu* 'за', например: *Siñ tušt' poraňat' tovâlu* 'Они ушли за рощу'⁹³.

Переместительный падеж. *Tovâ-l-ga*, например: *Kapatnâñ tovâlgga kije-bdi jakaj* 'У стогов кто-то ходит'⁹⁴.

Происхождение исходного слова *tovâl* довольно сложно. В основе его лежит, по-видимому, местоименная основа *to-*. Элемент *vo*, где *v* из *k*, К. Е. Майтинская связывает с уральским местоименным суффиксом *-k*⁹⁵, суффикс *-l*-первоначально наречный суффикс, к которому могли присоединяться суффиксы местных падежей, например *tovâla* 'за' из *tovo-l-na*.

T r o k s (эрз.) *t u r k s* (мокш.) 'поперечина'

В значении послелога это слово употребляется непосредственно, не образуя никаких падежных форм, ср.: эрз. *Lejeňt troks pečkinek* 'Мы перешли через реку'; *Veleň troks julašt* 'Через село прошли'⁹⁶; мокш. *Läjt' turks tif sed'* 'Через реку сделан мост'⁹⁷.

T â r v a (мокш.) 'губа, берег, опушка'

В значении послелогов в мокшанском языке употребительны:

Местный падеж. *Târva-sâ* 'у', например: *Velânäs ašči jofsi läj târva-sa*. 'Девушка стоит совсем у реки'⁹⁸.

Исходный падеж. *Târva-sta* 'от', например: *Lotkt' târvas-ta tuk* 'Отойди от оврага'⁹⁹.

Направительный падеж. *Târva-v* 'у', например: *Neš-kaperâñkâñ jotaftâšk viř târvav* 'Мы пасеку устроили у леса'¹⁰⁰.

Переместительный падеж. *Târva-va* 'вдоль', например: *Kitnâñ târvava ozafnâft' šuftânât* 'Вдоль дорог рассажены деревца'¹⁰¹. Мокшанское *târva* этимологически связано с финск. *turpra* 'морда', 'рыло', мар. *tärw* 'морда', 'рыло', удмурт. *tyrpy* и коми-зыр. *tyrp* 'губа'.

⁹¹ МРС, стр. 271.

⁹² — Там же.

⁹³ Там же, стр. 272.

⁹⁴ Там же, стр. 271.

⁹⁵ Майтинская — II, стр. 8—9.

⁹⁶ ЭРС, стр. 225.

⁹⁷ МРС, стр. 278.

⁹⁸ МРС, стр. 276.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

Пример: *Ardynek kilometrañ turo* 'Проехали около километра'¹⁰². Происхождение этого послелога неизвестно.

T u r t o v (эрз.) 'для', 'к'

Пример: *Vagonoš targičaň turtov* 'Вагон для курящих'¹⁰³, *Mol'an avaň turtov* 'Иду к матери своей'¹⁰⁴.

По внешнему виду *turtov* напоминает форму направительного падежа от ныне неупотребительного слова *turt*. Значение неизвестно.

V a k s 'четверть', 'пядь'

(мера длины — расстояние между раздвинутыми указательными и большими пальцами).

В эрзянском и мокшанском языках в значении послелогов употребительны:

Местный падеж. Эрз. *vaks-so*, мокш. *vaks-sâ* 'около', например: эрз. *Aštiň jalga vaksso*; мокш. *Aščâñ jalgazâñ vaks-sa* 'Я сидел около товарища'.

Направительно-вносительный падеж. Эрз. *vaks-s*, мокш. *vaks-s* 'к', 'около', например: эрз. *Sak kartañ vaksso* 'Подойди к карте'; *Mon ozan pat'aň vaks* 'Я сяду рядом с сестрой'¹⁰⁵, мокш. *Sak šrat' vaks* 'Иди к столу', *Mon ozañ eš jalgazâñ vaks* 'Я сел со своим товарищем'¹⁰⁶.

Исходный падеж. Эрз. *vaks-sto*, мокш. *vaks-sta* 'от', 'с', 'у', например: эрз. *Mon tuiň jalgam vakssto* 'Я отошел от товарища'¹⁰⁷; мокш. *Soñ vaksstânza af tuvat* 'От него не уйдешь'.

Переместительный падеж. Эрз. *vaks-ka*, мокш. *vaks-ka* 'около', 'мимо', например: эрз. *jutamš vireňt vakska* 'пройти, проехать около леса'¹⁰⁸, мокш. *jotamš set'l' vakska* 'пройти около (мимо) моста'¹⁰⁹.

V a s t a 'место'

В мокшанском языке употребляется в значении послелога форма направительно-вносительного падежа *vast-s* 'взамен', например: *Pošč vasts ramaš jamkst* 'Вместо муки он кушил пшена'.

V e l' (эрз.), *v e l' f* (мокш.)

В современном эрзянском языке слово *vel'* как самостоятельное слово уже не существует. В мокшанском языке есть слово *vel'f*, озна-

¹⁰² ЭРС, стр. 227.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Евсеев, стр. 308.

¹⁰⁵ ЭРС, стр. 40.

¹⁰⁶ МРС, стр. 41, 42.

¹⁰⁷ ЭРС, стр. 40.

¹⁰⁸ МРС, стр. 42.

¹⁰⁹ ЭРС, стр. 40.

чающее 'через верх', 'доверху'. Можно предполагать, что *vel'* некогда означало в мордовских языках 'поверхность'. Это слово имеет параллели в родственных языках, ср. финск. *ylä, yli* 'верхний', *yllä* (< *yl-nä*) 'сверху', луле-саамск. *alle* 'западный', 'северо-западный' (где имеются высокие горы), норв.-саамск. *allen* 'высокий', *al-de* 'от', 'сверху', мар. *wal-nə* 'на' удм. *vyl* 'поверхность', коми-зыр. *vyl-yn* 'на', манс. *äl* 'верхнее течение реки', сев.-хант. *ett, elli* 'от' (движение сверху чего-либо) ¹¹⁰.

В значении послелогов употребительны:

Отложительный падеж. Эрз. *vel'-de*, мокш. *vel'-dä* 'через', 'посредством', 'по', 'с', например: эрз. *Jalgañ vel'de gostinečt' kučšt' teñ* 'С товарищами (через товарищей) послали мне гостинцев' ¹¹¹; мокш. *Kiñ vel'dä kučat šormä?* 'С кем пошлешь письмо?' ¹¹².

Переместительный падеж. Эрз. *vel'-ga*, мокш. *vel'-f-kä* 'над', 'через', например: эрз. *Toñ prañt vel'ga* 'Через твою голову' ¹¹³; мокш. *Pizəm tučäs viřt' vel'fkä jotaš* 'Дождевая туча прошла над лесом' ¹¹⁴.

Vel'ks (эрз.), *Vel'xks* (мокш.) 'верх'

В значении послелогов употребляются:

Местный падеж. Эрз. *vel'ks-së*, мокш. *velxks-sa* 'над', например: эрз. *Mastoroñt' vel'kssë sveti valdo čiš* 'Над страной светит светлое солнце'; мокш. *Šiš prā velxksa* 'Солнце над головой'.

Примечание. В эрзянском встречается также послелог *velksne* 'над', со старым окончанием местного падежа *-ne*, например: *Vireñt' vel'ksne* 'над лесом' ¹¹⁵.

Исходный падеж. Эрз. *vel'ks-stë*, мокш. *vel'xks-sta* 'над'; мокш. *Valxk lampat' šrat' vel'xkssta* 'Сними лампу, висящую над столом' (букв. 'Сними лампу над столом') ¹¹⁶.

Направительно-вносительный падеж. Эрз. *vel'ksë-s*, мокш. *vel'xks-s* 'над', например: эрз. *Velksëzeñ livt'aš varaka* 'На место, находящееся надо мной, прилетела ворона' ¹¹⁷; мокш. *Povftak lampat' šrat' vel'xks* 'Повесь лампу над столом' ¹¹⁸.

Переместительный падеж. Эрз. *vel'kska*, мокш. *vel'xks-kä* 'над', например: эрз. *Kudoñt' vel'kska livt'nit' pišmart* 'Над домом летают скворцы' ¹¹⁹; мокш. *Velət' vel'xkska jotašt' samol'ott* 'Над селом пролетели самолеты' ¹²⁰.

¹¹⁰ Collinder — I, стр. 69.

¹¹¹ МРС, стр. 50.

¹¹² Там же.

¹¹³ ЭРС, стр. 48.

¹¹⁴ МРС, стр. 50.

¹¹⁵ Евсеев, стр. 305.

¹¹⁶ МРС, стр. 51.

¹¹⁷ Евсеев, стр. 305.

¹¹⁸ МРС, стр. 51.

¹¹⁹ ЭРС, стр. 48.

¹²⁰ МРС, стр. 51.

Vi d ə?

В значении послелогов употребительны:

Местный падеж. Мокш. *vidə-sa* 'при', 'у', например: *Vajmäsšt' virnät' vidəsa* 'Они отдыхали у лесочка' ¹²¹.

Исходный падеж. Мокш. *vidə-sta* 'от', 'с', например: *Täči jalgazən vidəsta tuñ pozda* 'Сегодня от товарища ушел поздно' ¹²².

Направительно-вносительный падеж. Эрз. *vid'-s*, мокш. *vidə-s* 'до', например: эрз. *Čijt' kudoñt' vidš* 'Беги до дома'; мокш. *Pačkod'st' virt' vidəs* 'Доехали до леса' ¹²³.

Переместительный падеж. Эрз. *vid'-ga* 'по', 'для', мокш. *vida-va* 'до', 'по', например: эрз. *Son paro, moñ vid'ga* 'Он хороший, по мне' ¹²⁴, мокш. *Vajäs pilə vidəva* 'Он увяз по уши', *Rëdazš pëlmañža vidəvə* 'Грязь по колено' ¹²⁵.

СОЮЗЫ

Союзы в мордовских языках разделяются на две категории — союзы сочинительные и союзы подчинительные. Преобладающая часть употребляемых в мордовских языках союзов представляет заимствования из русского языка. К таким союзам относятся: *a* 'а', эрз. *buto*, мокш. *bata* 'будто', эрз. и мокш. *i* 'и', эрз. и мокш. *ili-ili* 'или-или', эрз. *kaby* 'кабы', эрз. и мокш. *no* 'но', эрз. и мокш. *što* 'что', эрз. *štobu*, мокш. *štoba* 'чтобы', эрз. и мокш. *to* 'то', эрз. и мокш. *to-to* 'то-то', эрз. и мокш. *xot'* 'хотя'.

Эрз. *añšak*, мокш. *añčək* 'как только' возникли на основе употребления в значении союзов частиц *añšak*, *añčək* 'только'. Эти частицы тюркского происхождения.

Не совсем ясно происхождение эрзянского союза *da* и мокшанского союза *dy*, употребляемых в значении русского соединительного союза 'и', поскольку в русских народных говорах употребителен соединительный союз 'да'.

Значительное количество собственно мордовских союзов — кальки соответствующих по значению русских союзов. К собственно мордовским союзам относятся: эрз. *a-a* 'ни-ни', мокш. *af-af* 'ни-ни', мокш. *ito* 'даже', эрз. *išt'a koda* 'так как', эрз. *koda*, мокш. *koda* 'как' мокш. *kəli*, *kəda* 'если', мокш. *mžarda*, *mžars* 'когда', 'до какого времени', мокш. *nəl-nä* 'даже', мокш. *šas* 'поэтому', мокш. *šas mes* 'так как', эрз. *seks* 'поэтому', эрз. *seks meks* 'так как', мокш. *stanä koda* 'так как', эрз. *žardo*, *žars* 'когда' и т. д.

В так называемых сложных союзах могут присутствовать союзы разного происхождения, ср., например: эрз. *avol' añšak, no i....*

¹²¹ МРС, стр. 55.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

¹²⁴ ЭРС, стр. 53.

¹²⁵ МРС, стр. 54.

‘не только, но и...’, *koda, ištá i...* мокш. *koda stanä i...* ‘как, так и’..., эрз. *koda bu* ‘как бы’, эрз. *ištá žo koda*, мокш. *stanä ža koda* ‘так же, как’ и т. д.

Большинство собственно мордовских союзов образовано от различных местоименных основ. Таковыми являются союзы *koda, mžarda, šas, seks, meks* и др. В значении сочинительного союза ‘и’ могут также выступать усиленные частицы, например эрз. *jak*, мокш. *-ga, -ge, -ka, -ke, -vok*¹²⁶.

Союзы в мордовских языках мало развиты, но количество их постепенно увеличивается.

ЧАСТИЦЫ

Частицы служат для выражения отношения говорящего к высказыванию. Преобладающее большинство частиц, употребляемых в современных мордовских языках, представляет заимствование из русского языка, ср., например, эрз. и мокш. *a* ‘а’, эрз. *buti*, мокш. *bšta* ‘будто’; эрз. *bu*, мокш. *ba* ‘бы’; эрз. *čej*, мокш. *čaj* ‘чай’ (народн. «наверно»); эрз. и мокш. *čut’*, *čutke* ‘чуть, чутьки’; эрз. и мокш. *da* ‘да’; эрз. и мокш. *daj*, *davaj* ‘дай’, ‘давай’; эрз. *ješšo* ‘еще’; эрз. и мокш. *i* ‘и’; эрз. и мокш. *imenna* ‘именно’; мокш. *kak ras* ‘как раз’; эрз. *koje* ‘кой’; эрз. и мокш. *li* ‘ли’; эрз. и мокш. *neželi* ‘неужели’; эрз. и мокш. *nu* ‘ну’; эрз. *počti*, мокш. *pčtaj* ‘почти’; эрз. *požaloj*, мокш. *požaluj* ‘пожалуй’; мокш. *razvə* ‘разве’; эрз. и мокш. *što li* ‘что ли’; эрз. *samoj*, мокш. *samaj* ‘самый’; эрз. и мокш. *to... to* ‘то... то’; эрз. *tožo*, мокш. *tožā* ‘тоже’; эрз. *uš* ‘уж’; мокш. *vana* ‘вон’; эрз. *vana* ‘вот’; эрз. *ved’*, мокш. *vəd’* ‘ведь’; эрз. и мокш. *všad li* ‘вряд ли’; эрз. *žo*, мокш. *ža* ‘же’.

Наряду с заимствованными частицами употребляются также собственно мордовские частицы. К этим частицам относятся: эрз. *alkuks*, мокш. *alkuks* ‘действительно’; эрз. *aražde*, мокш. *deřaj* ‘разве’; мокш. *ek*, *eka* ‘ишь’; эрз. *el* ‘уж’; эрз. *eno* ‘же’ ‘да’; эрз. и мокш. *ef* ‘ну’; мокш. *inā* ‘да’; эрз. и мокш. *ištá* ‘настолько’; эрз. *kadyk*, мокш. *katk* ‘пусть’; мокш. *kodak* ‘как только’; мокш. *məle* ‘же’, ‘да’; эрз. *mik*, мокш. *mek* ‘даже’; мокш. *ni* ‘уже’; эрз. *natoj* мокш. *nəlne* ‘даже’; мокш. *niřa* ‘еще’; эрз. *ono* ‘вот’ (указание на что-либо отдаленное); эрз. *se*, мокш. *sā* ‘то’; мокш. *sembāda, sembāđura* ‘самый’; мокш. *stanā* ‘так’, ‘настолько’; эрз. *te* мокш. *tā* ‘это’; мокш. *tāškava* ‘настолько’; эрз. *vesemedē* ‘самый’, мокш. *vaga, vov* ‘вот’.

Частицы обычно образуются из разных элементов языка. Так, например, эрз. *alkuks*, мокш. *alkuks* ‘действительно’ представляют форму превратительного падежа от ныне исчезнувшего слова *alku*. Возможно, это слово имеет какую-то связь со словом *alks* ‘низ’. Эрзянское *aražde* ‘разве’ связано с *araš* ‘нет’. Элемент *de* — усиленный суффикс местоименного происхождения. Мокш. *dāřaj* ‘разве’

представляет форму 3-го лица ед. числа от глагола *dāřams* ‘пытаться’. Эрз. и мокш. *ištá* основано на использовании в роли частицы указательного местоимения, ср. совр. эрз. *ištāmo* ‘такой’. Эрз. *kadyk* и мокш. *katk* ‘пусть’, очевидно, связаны с глаголом *kadoms, kadžms* ‘оставлять’, частицы *se, sā* ‘это’ возникли на основе использования в роли частиц указательных местоимений *se, sā* ‘тот’ и *te, tā* ‘этот’, мокш. *tāškava* ‘настолько’ восходит к указательному местоимению *tā* ‘этот’, к которому присоединен суффикс сравнительного падежа *-ška*. Элемент *va*, возможно, — суффикс переместительного падежа. Мокшанские *sembāda* и *sembāđura* ‘самый’ образованы от местоимения *se* ‘этот’, к которому присоединен суфф. *-mb*, выражающий контрастность или сравнение. Элементы *do* и *na* представляют суффиксы, выражающие усиление. Эрзянское *vesemedē* ‘самый’ представляет форму отложительного падежа от *veseme*, которое в свою очередь образовано от *vese* ‘весь’ путем присоединения суфф. *-me*, ср. эрз. *ko-damo* ‘какой’.

Этимология других частиц неизвестна.

Мокшанская частица *iñ* ‘самый’, а также частицы мокш. *añsak* и эрз. *añšak*, означающие ‘только’, заимствованы из какого-то тюркского языка, ср. тат. *iñ* ‘самый’ и чув. *añžax* ‘только’.

Существующие в мордовских языках отрицательные частицы эрз. *a, avol’*, *ež, apak, ilá*, мокш. *af, ašəž, iz, afəl’*, *arak, tät*, соответствующие русской отрицательной частице «не», в преобладающем большинстве случаев представляют глагольные формы.

В мордовских языках существуют так называемые аффиксальные частицы: мокш. *-ga, -ge, -ka, -ke, -vok, -řa*; эрз. *-gak, -kak, -ak, -jak* в значении ‘и’. Эрзянские примеры: *Рана маднить — рана ститькак* ‘Рано ложатся — рано и встают’; *Саия рюкзакмгак ды туинь* ‘Я взял также и свой рюкзак и пошел’. Мокшанские примеры: *Сергей соньцьке шарьжкодсь, што корьтай аф убедительнайста* ‘Сергей и сам догадался, что говорит неубедительно’; *Тясовок пара эрямась* ‘И здесь хорошо жить’¹²⁷.

Суффиксальные частицы в мордовских языках, по всей видимости, генетически связаны с усилительной частицей *-ak*, употребляемой в марийском языке, ср., например, луг.-мар. *kəžət-ak* ‘сейчас же’, *kəžət* ‘сейчас’, *lăc-ak* ‘как раз в это время’. ср. *lač* ‘как раз’. *Тыгак иленит ожно Тоймак-Сола марий-алакат* (Я. Элексейн) ‘Так жили прежде и марийцы в Тоймак-Сола.’ (ср. *təge* ‘как’).

Они также связаны с усилительной частицей *-(k)aap, -k (ään)* в финском языке, например *ken-kään* ‘никто’¹²⁸.

Эрзянские частицы *-gak, -kak* возникли в результате удвоения частиц *-ga* и *-ka*.

Междометия не дают полезных сведений для истории языка. По этой причине они не рассматриваются.

¹²⁶ ГМЯ, стр. 347.

¹²⁷ ГМЯ, стр. 356, 357.

¹²⁸ Аристэ, стр. 303.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- Аристэ — П. А. А р и с т э. [Примечания]. Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. I, М., 1953.
- Баладин — А. Н. Б а л а д и н. Самоучитель мансийского языка. Л., 1960.
- Бубрих — I — Д. В. Б у б р и х. Историческая морфология финского языка. М.—Л., 1955.
- Бубрих — II — Д. В. Б у б р и х. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953.
- Бубрих — III — Д. В. Б у б р и х. Сравнительная грамматика финно-угорских языков СССР. «Уч. записки ЛГУ». Серия востоковедческих наук, вып. 2. Советское финно-угроведение. Л., 1948.
- Бубрих — IV — Д. В. Б у б р и х. Мордовское спряжение. «Записки Мордовского научно-исследовательского ин-та социалистической культуры», т. 4, Язык и литература. Саранск, 1941.
- Галкин — П. С. Г а л к и н. Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. I. Йошкар-Ола, 1964.
- ГМЯ — «Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков». Саранск, 1962.
- ГФЯ — «Грамматика финского языка. Фонетика, морфология». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
- Давыдов — М. М. Д а в ы д о в. Больше-игнатовский диалект эрзя-мордовского языка. «Очерки мордовских диалектов», т. II. Саранск, 1963.
- Деваев — С. З. Д е в а е в. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка. «Очерки мордовских диалектов», т. II. Саранск, 1963.
- Евсеев — М. Е. Е в с е в ь е в. Избранные труды, т. IV. Основы мордовской грамматики. Саранск, 1963.
- Коляденков — I — М. Н. К о л ы д е н к о в. Структура простого предложения в мордовских языках. Саранск, 1959.
- Коляденков — II — М. Н. К о л ы д е н к о в. Глагольные образования *кортамс-теемс*, *кортын дерамс* в мордовских языках. «Филологические доклады», т. II. Саранск, 1948.
- Майтинская — I — К. Е. М а й т и н с к а я. Функция местоименного суффикса *-n* в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков. Вопросы финно-угорского языкознания. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962.
- Майтинская — II — К. Е. М а й т и н с к а я. Местоимения в мордовских и марийских языках. М., 1964.
- Марков — Ф. П. М а р к о в. Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка. «Очерки мордовских диалектов», т. I, Саранск, 1961.
- Материалы — «Материалы по грамматике современного чувашского языка», ч. I. Морфология. Чебоксары, 1957.
- МРС — С. Г. П о т а п к и н и А. К. И м я р е к о в. Мокшанско-русский словарь. Москва, 1949.

- Объедин — В. Д. О б ъ е д и н. Старо-Турдаковский диалект эрзя-мордовского языка. «Очерки мордовских диалектов», т. I. Саранск, 1961.
- Пигин — М. Н. П и г и н. Эргативная (активно-пассивная) конструкция в эрзя-мордовском языке. «Записки Мордовского научно-исследовательского ин-та социалистической культуры», т. 4. Язык и литература. Саранск, 1941.
- Русская — Ю. Н. Р у с с к а я. Самоучитель хантыйского языка. Л., 1961.
- Серебренников — Б. А. С е р е б р е н н и к о в. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. Москва, 1963.
- СКЯ — «Современный коми язык. Учебник для высших учебных заведений. Сыктывкар, 1955.
- СМЯ — «Современный марийский язык. Морфология». Йошкар-Ола, 1961.
- Терешкин — Н. И. Т е р е ш к и н. Очерки диалектов хантыйского языка, ч. I. М.—Л., 1961.
- Терещенко — I — Н. М. Т е р е щ е н к о. Очерк грамматики ненецкого языка. Л., 1947.
- Терещенко — II — Н. М. Т е р е щ е н к о. Краткий очерк лексики и грамматики ненецкого языка. В кн.: Н. М. Т е р е щ е н к о. Ненецко-русский словарь. Л., 1955.
- Халлап — В. П. Х а л л а п. Материалы по истории глаголообразовательных суффиксов в мордовских языках. «Eesti NSV Teaduste Akadeemia. Keele ja kirjanduse instituudi uurimused», II. Tallin, 1958.
- Цыганкин — Д. В. Ц ы г а н к и н. Щугуровский диалект эрзя-мордовского языка. «Очерки мордовских диалектов», т. I. Саранск, 1961.
- Цыганов — Н. Ф. Ц ы г а н о в. Пути развития словарного состава мордовских языков. «Материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания». Саранск, 1953.
- Шахматов — А. А. Ш а х м а т о в. Мордовский этнографический сборник. С.-Пб., 1910.
- ЭРС — М. Н. К о л ы д е н к о в и М. Ф. Ц ы г а н о в. Эрзянско-русский словарь. Москва, 1949.

* * *

- Beke — Ö. B e k e. A mondatrészek feild se, II. — Nyr., 1925, No 4.
- Budenz — J. B u d e n z. Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana. Budapest, 1884.
- Collinder — I. B. C o l l i n d e r. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Uppsala, 1960.
- Collinder — II B. C o l l i n d e r. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Uppsala, 1955.
- Collinder — III B. C o l l i n d e r. Jukagirisch und Uralisch. «Uppsalas Universitets årsbok», 1940, 8.
- Fromm — Sadeniemi — H. F r o m m, M. S a d e n i e m i. Finnisches Elementarbuch, I. Grammatik. Heidelberg, 1956.
- Györke J. G y o r k e. Die Wortbildungslehre des Uralischen. Tartu, 1935.
- Haidu P. H a i d u. Lativus es infinitivus kapcsolata a samojedban. In memoriam Gedeon Meszoly. Szeged, 1961.
- Kettunen L. K e t t u n e n. Die Herkunft des Terminativs, Genitivs und Komitativs. Helsinki, 1958.
- Kovács F. K o v á c s. Egy mordvin számnev. «Nyelv tudományi értekezések». XL, 40. Budapest, 1964.
- Lehtisalo T. L e h t i s a l o. Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe. Helsinki, 1936.
- Munkácsi — B. M u n k á c s i. Az altaji nyelvek számképzése. Budenz-Album. Budapest, 1884.
- Nielsen — K. N i e l s e n. Die Quantitätsverhältnisse im Polmaklappischen. Helsingfors, 1902.
- Ojansuu — H. O j a n s u u. Itämerensuomalaisten kielten pronominioppia. «Tu-run suomalaisen yliopiston julkaisuja», Sarja, B, osa 1, No 3. Turku, 1923.

- Paasonen I H. P a a s o n e n. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalische Abriss. Helsingfors, 1909.
- Paasonen II H. P a a s o n e n. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors, 1903.
- Ravila I P. R a v i l a. Zur Geschichte der Deklination der Personal pronomina in dem Uralischen.— MSFOu, XCVIII, 1950.
- Ravila II P. R a v i l a. Über eine doppelte Vertretung des urfinnisch-wolgaischen a der nichtersten Silbe im Mordwinischen.— FUF, XX, H. 1—3.
- SKES — Y. H. T o i v o n e n. Suomen Kielen Etymologinen Sanaki rja, t. I. Helsinki, 1955.
- Setälä L. E. S e t ä l ä. Yhteissuomalainen äänehistoria, I—II. Helsingissä, 1899.
- Szinnyei — I L. S z i n n y e i. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig, 1910.
- Szinnyei — II J. S z i n n y e i. Magyar Nyelvhasonlítás, Hetedik kiadás. Budapest, 1927.
- Steinitz W. S t e i n i t z. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus. Berlin, 1964.
- Wichmann — I Y. W i c h m a n n. Zur permischen Grammatik.— FUF, XVI, H. 2—3.
- Wichmann — II Y. W i c h m a n n. Die syrjänische Bildung auf -öb, -öp und der Komparativ im Finnisch-ugrischen.— FUF, I, H. 3.
- Wiedemann, F. J. W i e d e m a n n. Grammatik der ersa-mordvinischen Sprache. St.-Petersburg, 1865.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Имя существительное	7
Основное, или неопределенное, склонение	7
История происхождения современных падежных форм	10
О способах выражения значений винительного падежа в мордовских языках	29
О происхождении падежеобразных форм	31
Происхождение падежной системы мордовских языков	32
Указательное склонение	43
Происхождение форм указательного склонения	44
Притяжательное склонение	50
Притяжательные суффиксы	52
Словообразование имен существительных	66
Имя прилагательное	72
Степени сравнения прилагательных	72
Словообразование имен прилагательных	75
Местоимение	80
Личные местоимения	80
Усилительные местоимения	90
Притяжательные местоимения	91
Указательные местоимения	98
Определительные местоимения	102
Вопросительные местоимения	104
Отрицательные местоимения	106
Неопределенные местоимения	106
Имя числительное	107
О некоторых особенностях числительных в уральских языках	107
Количественные числительные	108
Порядковые числительные	119
Собирательные числительные	120
Разделительные числительные	121
Глагол	122
Безобъектное спряжение	122
Гипотезы о происхождении безобъектного спряжения в мордовских языках	127
История личных окончаний	135

О глагольных основах в мордовских языках	144
Возникновение нового настоящего времени, образованного на основе причастия	148
Образование современного типа настоящего времени	150
Глагольные времена более позднего происхождения	158
Об изменении имен по суффиксам сказуемости	160
Наклонения	163
Сослагательное наклонение	163
Желательное наклонение	166
Побудительное наклонение	167
Повелительное наклонение	167
Условное наклонение	168
Условно-сослагательное наклонение	169
Объектное спряжение	169
Предпосылки возникновения системы форм объектного спряжения	179
Сложение системы	180
Период разрушения	187
История современных форм объектного спряжения	187
Формы объектного спряжения в косвенных наклонениях	202
Отрицательное спряжение	203
А. Безобъектное спряжение	203
Б. Объектное спряжение	206
Вспомогательные глаголы	207
Неспрягаемые формы глагола	209
Причастие	209
Причастие настоящего времени	209
Причастие прошедшего времени	211
Деепричастие	214
Инфинитивы	216
Глагольное словообразование	217
Наречие	235
Служебные слова	239
Послелог	239
Союзы	255
Частицы	256
Список сокращений и условных обозначений	258

Борис Александрович Серебrenников
Историческая морфология мордовских языков

*Утверждено к печати Институтом языкознания
 Академии наук СССР*

*Редактор издательства Л. М. Гаврилова
 Художник А. Г. Кобрин
 Технический редактор В. Д. Прилепская*

*Сдано в набор 23/V 1967 г. Подписано к печати 28/X 1967 г.
 Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 16,5. Уч.-изд. л. 17,3
 Тираж 1200 экз. Тип. зак. 2921. Т-14757. Бумага типогр. № 1
 Цена 1 р. 29 к.*

*Издательство «Наука»
 Москва, К-62, Педесенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука»
 Москва, Г-99, Шубинский пер., 10*